

Авдеевские Чтения

Выпуск 3

Том 1

Москва
2025

УДК 613.2
ББК 51.230
А 12

А 12 Авдеевские Чтения (Выпуск 3, том 1). – Москва,
2025. – 476 с.

*Настоящее издание осуществлено
при дружеской поддержке Института Русской Геополитики
и его директора – полк. В.Л.Петрова
<https://rusgeopolit.com/>*

«Существует верное правило, по коему можно судить как про книги, так и про их авторов, даже не зная их; достаточно знать, кто их любит, а кто ненавидит» (Жозеф Де Местр). В высшей степени «правило де Местра» относимо к писательской и издательской деятельности Владимира Авдеева... Авдеев Владимир Борисович (1962 - 2020) — исследователь в области истории и происхождения рас, автор термина «расология», писатель, философ, публицист, издатель. При жизни Вл. А. его расово-просветительская деятельность мало кого оставляла равнодушным. Полярность оценок распространялась от восхищения до ярого отторжения (доходящего до «писания доносов», требований «запретить», «пресечь» и т.п.). Обычный «ответ» В.А. был научно- и философски-выверенным: «о ненаучности расологии говорят те, кто сам является дегенератом, и поэтому не любят никакой систематики». Читателю, «любящему систематику» и неравнодушному к научной и философской Истине, предлагается 3-й выпуск «Авдеевских Чтений», содержащий ряд переводных и оригинальных работ как самого Вл.А., так и его «коллег» на расоведческой «ниве».

В оформлении «Чтений» использованы: для заставки Части 1 – сигиллум национал-революционного «Братства Русской Правды»(1921-1936); Части 2 - мозаика на полу синагоги Бейт-Альфа в Галилеи, VI век. (в центре экспозиции Гелиос-Яхве, вокруг него 12 знаков Зодиака, отождествлённые с 12 коленами Израиля; по краям тетрада архангелов/времён года).

Гарнитура Times New Roman
Объём 29,75 печ. л.
Печать офсетная.
Пробный тираж 100 экз.
Заказ №18

Оглавление

Том 1

Часть 1. Раса и Русская Идея.....	5
Владимир Авдеев. РАСА И РУССКАЯ ИДЕЯ.....	6
ИЗ КЛАССИКИ РУССКОЙ РАСОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.....	26
ЭКЗОРЦИЗМ ЕВРОПЫ.....	67
Кирилл Монастырский. НОРДИЧЕСКО-КРОМАНИДНАЯ РАСОВАЯ ОСНОВА РУССКИХ.....	100
Фауст Патронов. ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РАСОВОЙ БОРЬБЫ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА С АЗИЕЙ - МОНГОЛОИДНЫМ МИРОМ ВОСТОКА И ПЕРЕДНЕАЗИАТСКО-ИСЛАМСКИМ МИРОМ ЮГА.....	125
ВОКРУГ РУССКОЙ ИДЕИ.....	129
READING DJOMIN.....	138
Вадим Сидоров. БУДУЩЕЕ РУССКИХ И БУДУЩЕЕ МИРА.....	145
АРИСТОЦИД: ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИУДО-БОЛЬШЕВИЗМА.....	160
Луи Габриэль Амбруаз виконт де Бональд. КВИНТЭССЕНЦИЯ АРИСТОКРАТИИ.....	178
Йорг Ланц фон Либенфельс. РАСПРОСТРАНЕНИЕ И УПАДОК АРИСТОКРАТИИ.....	190
о.Р.Б. ИДЕЯ НАПОЛЕОНА.....	198

Часть 2. Расовое Религиоведение.....	212
РАСОВОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ.....	213
Архиепископ Амвросий Готфский ИПХ. ПРАВОСЛАВНЫЙ ДОГМАТ О СВЯЩЕННОЙ ВЛАСТИ.....	218
Фил Фотофф. РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ТРЕТЬЕМ РАЙХЕ.....	262
Хайнц Бартш. ПОЗИТИВНАЯ НЕМЕЦКАЯ ВЕРА В БОГА.....	298
Дональд Дж. Дитрих. КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ И ВЫЗОВ НАЦИЗМА.....	331
Роберт А. Криг. НЕМЕЦКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИИСУСА И ИУДАИЗМ, 1918–1945 ГГ.	369
Кевин П. Спайсер. РАБОТА НА ФИЮРЕРА: ОТЕЦ ДОКТОР ФИЛИПП ХОЙЗЕР И ТРЕТИЙ РЕЙХ.....	406
Уильям Финк. БИБЛЕЙСКАЯ ЗАЩИТА ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА...	428
АРИОСОФСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.....	447
Олаф Хольмгардссон. ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЧИНОПОСЛЕДОВАНИЕ К ИСПОВЕДИ: НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РАСОВОЙ СЕГРЕГАЦИИ.....	457
РАСОВАЯ МЕТАФИЗИКА ОПРИЧНИНЫ.....	463
БРЕМЯ ИАФЕТА.....	473

Часть 1.
Раса и Русская Идея

Владимир Авдеев

РАСА И РУССКАЯ ИДЕЯ

В научной и политической среде споры вокруг термина “РАСА” разгораются уже не первую сотню лет, однако в XX веке накал страстей достиг своего предела. И если в первой его половине это слово стало модным, и его применяли все кому ни лень - от социал-демократов до правых радикалов, то после известных событий Второй мировой войны его с аналогичным усердием попытались изгнать из научного и повседневного лексикона. Те, кто хотел использовать этот термин в своих целях, придали негативную окраску самому слову “РАСА”. Одни желали видеть в нем лишь базовую биологическую категорию, другие, напротив старательно насыщали его политическими смыслами, которых в нем до этого не было.

В целях научной беспристрастности попытаемся восстановить первоначальное значение термина.

Слово “RASA” пришло из санскрита — древнейшего языка индоариев времен начала формирования этой общности, когда еще не было народов в их современном социальном понимании и когда еще не было множества национальных языков, ныне эту общность представляющих. Именно биологическое единство крови и ареала обитания являлось тогда связующей основой между людьми. Социальные, политические, культурные, религиозные различия возникли много позже и нарушили эту общность.

Таким образом возникновение слова “RASA” относится к эпохеprotoистории.

В наиболее авторитетном на сегодняшний день оксфордском словаре под редакцией сэра Моньера-Вильямса слово RASA трактуется как “лучшая часть чего-либо, эссенция, сок из фруктов, сироп, микстура, эликсир” — словом, концентри-

рованное вкусовое выражение. От корневой основы образуется еще несколько десятков производных слов, несущих в себе тот же главный принципиальный смысл: RASA — это основополагающая оценочная категория причем не только в материальной сфере, но также и в области трансцендентальных идей и понятий. RASA — это атом, неизменная единица вкусового и, шире, оценочного міровосприятия вообще. Образно говоря, RASA — это эталон, соизмеряющий бытие во всем множестве его проявлений: от цвета, запаха, вкуса и прикосновения вплоть до тончайших флюидов чувственного религиозного состояния и свободного от эмоций чистого разума.

RASA — универсальный критерий, на основе которого затем складываются более сложные и конкретные оценочные категории. Таким образом, термин RASA обозначает одно из основополагающих понятий древнейшего на земле языка, ибо восходит к самым началам формирования языка как такового. Когда древнейший индоевропеец принялся сравнивать различные вещи, ему понадобилась некая изначальная оценочная категория, желаемый эталон совершенства. По-видимому, так в глубинах архетипа и запечатлелось слово “RASA”.

Совершенно очевидно, что, рассуждая о качестве окружающего міра, человек начал применять это слово в первую очередь к своим собственным собратьям, оценивая с его помощью людей из соседних и дальних племен. Именно так этот термин и наполнился антропологическим, а затем и социальным смыслом.

В Европу санскритское слово RASA первыми привезли португальцы после открытия Индии, но в обиход оно вошло лишь в 1672 году с подачи известного французского путешественника Франсуа Бернье. Французское LA RACE имело вначале сугубо этнографический смысл. В англосаксонской литературе, впрочем, предпочитают не упоминать имени

француза, закрепляя первенство за собой и датируя появление слова RACE концом XVII века.

Как бы там ни было, но весьма симптоматично, что и французы, и англичане обладают вкусом, а потому не случайно первыми воспользовались этим древнейшим критериям оценки в соответствии с его глубинным смыслом. XVII век в этих странах был веком формирования буржуазных отношений, веком создания наций и современного социального мышления. В Англии уже произошла буржуазная революция, а во Франции она еще только назревала, но при этом обе страны были великими морскими державами и испытывали на себе в полной мере общение с людьми разных национальностей. XVII век — это также начало развития современной медицины. Естественные науки делают первые робкие шаги и в XVIII все эти процессы усиленно развиваются.

В самом начале XIX века с ростом этнического самосознания у континентальных народов Европы усилиями Иоганна Готфрида Гердера термин “RASSE” появляется и в немецком языке. Наконец, уже в середине XIX века, объединенными усилиями археологии, лингвистики, антропологии и сравнительного религиоведения образуется научная картина возникновения человечества, а ветхозаветный миф о творении мира отходит в область преданий. Учение Дарвина, а затем Моргана-Вейсмана на фоне бурного развития общественных институтов власти и социально-экономических потрясений рубежа веков окончательно придали термину RASA его современное значение, включающее в себя антропологический, социологический и политический аспекты.

Однако весьма важно отметить, что в целом расовая теория в Европе также возникла как этическая система ценностей, как квинтэссенция метафизической философии. Иоганн Готлиб Фихте писал: “Я только инструмент, только орудие нравственного закона, но не цель”. Иммануил Кант отмечал: “Личность не может быть конечной целью этики”. И лишь Артуром Шопенгауэром центр тяжести новой философской

системы обозначается со всей ясностью: “Глубочайшей сущью каждого животного, а также человека является вид, к которому он принадлежит. Именно в нем, а не в индивидуальности коренится столь могучая воля к жизни”. Феликс Дан говорил: “Главное богатство человека — его народ”. Основоположник расовой гигиены Альфред Плетц уже совершенно точно сформулировал и выделил приоритеты: “Всюду, где этик ищет расположенную вне личности, не трансцендентную опорную точку человеческих действий, где политик берется за основные жизненные интересы, конечным объектом, сознательно или безсознательно, всегда является органическое целое жизни, представленное расой”.

Один из ведущих расовых философов XX века — Фриц Ленц в своей программной работе “Раса как ценностный принцип”, продолжая магистральную линию немецкой метафизики, определял главную идею данной философии так: “Раса — носитель всего, и личности, и государства, и народа, из нее исходит все существенное, и она сама — суть. Она не организация, а организм... Вне нашей воли к ценностям понятие ценности теряет свое значение. Звезды нашей судьбы — внутри нас. Обоснования нашего высшего идеала — в нашей собственной сущности... Как для счастья отдельных людей, так и для всеобщего счастья постоянной основой служит здоровье расы. Выродившийся народ неизбежно несчастен, даже обладая всеми сокровищами мира. Не раса нужна нам ради счастья, а счастье ради расы”.

Таким образом, РАСА — это понятие которое имея глубинное архетипическое происхождение, приобретает политическую окраску. Именно в силу своей внеисторичности, оно при этом обречено на вечную молодость. Зародившись до исторического процесса как такового, оно не подвержено тлену времени.

В начале XX века целая плеяда европейских ученых стала разрабатывать расовую теорию. Немецкий психолог Эрих Рудольф Енш так определял основное ядро новой философии:

“Кровь и раса определяют чистоту идей. Раса и кровь — это лежит в основе всего. От строения капиллярной сети и до міровоззрения протягивается единая прямолинейная нить”. Аналогично мыслил Эрнст Крик: “Не индивид вырабатывает міровоззрение, самостоятельно и произвольно отбирая и обрабатывая факты, а наоборот, в нем заложены силы, вырабатывающие міровоззрение. Эти силы — естественные задатки в крови и земле, господствующие над индивидом в лице “народа” и “целого””. Фридрих Штиве также отмечал: “Два элемента определяют судьбу любого народа: “его характер”, то есть раса и “пространство”. Адольф Пфаллер говорил еще короче и образнее: “Наследственность — это судьба”.

Большевистская революция с ее проповедью коммунистического интернационализма смогла победить только в расово-инфантильной среде. Этнический и, естественно, психосоматический компонент первого советского правительства — наглядное тому доказательство. Такое правительство могло возникнуть только у народа, который не способен квалифицировать что перед ним находится, ибо главный критерий оценки под названием “РАСА” у большинства русских был атрофирован. Лишь малая часть российского общества ответила на революцию вырожденцев гражданской войной, “белым” движением и заплатила за свою непокорность сотнями тысяч жизней.

Этнографическая вакханалия советского братания с кем ни попадя из нулевой величины расового мышления создала просто отрицательную величину. “Кто был ничем, тот станет всем”, — это уже лозунг открытой контрселекции, под маской прогрессивного строителя коммунизма прячущий дегенерата, перечеркнувшего всю историю культурного человечества. Закрепление результатов контрселекции в доктрине “дружбы народов” было предназначено, чтобы окончательно добить русскую природу и подменить ее советской контрприродой.

Русский архетип, позволивший антигуманным экспериментаторам сжать до предела пружину природного сопротив-

ления, сегодня начал постепенно оказывать противодействие давлению. Но отсутствие расовой элиты, отсутствие ясного расового мышления сделали свое дело – на смену одним вырожденцам пришли другие. Родственная большевистской “демократическая революция” 1991 года поставила у власти все тот же вырожденческий тип – продукт кровосмесительных экспериментов. Но на этот раз русские, оживающие от векового сна, не приняли издевательств над собственной природой. Наше сопротивление становится все жестче и не-примиримей. Русские еще не в силах сбросить со своей шеи “князей міра сего”, но уже готовы к сопротивлению и пробуждению расового сознания.

Для создания расовой теории необходимо, чтобы идея крови переросла идею почвы, и при необъятных размерах России это, естественно, было невозможно. Расовый инфанилизм тормозил формирование мифа крови и на огромных пространствах этот процесс затянулся до наших дней. Англия и Франция создали свой миф крови на рубеже XVIII и XIX веков, Германия — на рубеже XIX и XX, Россия же еще только готовится создать собственную уникальную расовую теорию на пороге третьего тысячелетия.

Расовая теория родилась на основе синтеза естественных и гуманитарных наук, именно на стыке биологического и социального мышления и расцвела расовая философия во всем своем многообразии. Ведущие европейские индустриальные державы, вступив в пору формирования наций, создали свои расовые концепции, свои “мифы крови”. Россия в силу географической уникальности, на наш взгляд, только вступает в пору формирования нации. Русским еще предстоит пережить эту социобиологическую мутацию сознания. Основания для уверенности в том, что соответствующее изменение мировоззрения будет успешным имеются как в истории русского народа, так и в русском философском наследии.

Вся история России есть история размежевания с другими народами – в особенностях с народами инорасовыми. Во-

преки распространенному убеждению, русские колонисты на просторах Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока вовсе не растворялись в массах аборигенов, не калечили свой род метисацией. Наоборот, в инородческом окружении русские, подчас более жестко следовали инстинкту расовой гигиены, чем в своих священных родовых землях.

Русские геополитические победы были возможны только потому, что русские колонисты были сильнее, трудолюбивее, умнее, сплоченнее, чем туземцы. Их жизнеродная сила и производительность труда были выше, чем преимущественно и объясняется безпрерывное раздвижение границ Российской Империи вплоть до соприкосновения с великими цивилизациями.

Иноземцы-завоеватели никогда не получали среди русских верноподданного населения, готового на ассимиляцию. Даже татаро-монгольское иго, которым нам тычут в лицо нечистоплотные историки, ничуть не сказалось на русской этнической обособленности. С врагом если и роднились, то только вынужденно и только в княжеских верхах. Россия могла склонить голову перед силой, но русские никогда не делали свой дом проходным двором, в котором смешиваются разноликие племена. В этом смысле Россия выгодно отличается от Европы, не говоря уже об Америке.

Русская мудрость, русская идея в самой своей сердцевине всегда были обоснованием сохранения расовой чистоты. Войны с туретчиной, татарчиной и латинством – главное тому свидетельство. Русские религиозные и светские доктрины всегда определяли за русскими особую миссию, которая играла просветляющую и цивилизующую роль в отношении других племен. Ощущение избранности всегда присутствовало в русских, когда они имели дело с другими народами, что хранило их от массовых помесей с басурманами и латинянами.

Русская социальная философия и критическая публистика многое сделали для осознания пути России в прошлом,

для разоблачения уродств социалистической и либеральной мысли. Но беда и вина русской философии в том, что она пренебрегала материально-биологическими условиями жизни народа, собственным народом как таковым – его телесной сущностью, измерениями его характера, порожденными природными факторами и самой историей. Этика русской идеи во многом лежала за пределами самого русского народа как органического целого. В этом смысле русская философия, говоря о всечеловечности, все время пренебрегала необходимостью зафиксировать природное (а не только духовное) отличие русских от прочих народов. Федор Михайлович Достоевский, к примеру, только в записках помянул, что “всечеловечность” для него – это власть русских.

Русская философия со всех сторон анализировала истоки и смысл российской государственности. Она вплотную походила к осознанию роли русского народа в государственном строительстве и постановке задачи выделения русского национального ядра как государствообразующего. Николай Александрович Бердяев писал: “Всякая империя, исторически жизнепригодная, должна иметь пребывающее национальное ядро, из которого и вокруг которого совершается ее всемирно-историческая работа”.

Но даже подходя к этой меже, отделяющей абстрактную философию от национальной, русские философы продолжали говорить о вселенском характере русской исторической миссии. Тот же Бердяев писал, что наш “национализм должен выражать русский всечеловеческий народный характер”. Современные задачи выживания русских требуют иной ориентации – ориентации не на общемировые задачи, а на национальный эгоизм, цивилизованный расовой идеей и теорией социальной корпоративности.

Диалектика национальной души и национального тела оказались для русской философии камнем преткновения. Лишь немногие выдающиеся мыслители преодолевали внутренний конфликт, отказывались от той самой болезни, в

которой они сами изобличали русскую интеллигенцию – от беспочвенности.

Одним из таких философов был Сергей Николаевич Булгаков, который нашел в себе силы заявить: “Родовое начало, психея есть для человека непреложный факт его собственной природы, от которого он онтологически не может, а аксиологически не должен освободиться, ибо это означало бы развоплотиться, перестать быть в своем собственном человеческом чине. Это люциферическое восстание против Творца”. Он признал, что здравому национальному самосознанию должно понимать, что “национальность есть для нас и страсть, и бремя, и судьба, и долг, и дар, и призвание, и жизнь. Ей должна быть являема верность, к ней должна быть хранима любовь, но она нуждается в воспитании, просветлении, преображении.

Космополитический гомункул вольтеровского и коммунистического образца в жизни не существует... Только национальное есть и вселенское, и только во вселенском существует национальное”. Нация, как ее понял Булгаков, опирается на инстинкт, переживаемый как чувство национальной идентичности. Лишь затем “инстинкт переходит в сознание, а сознание становится самопознанием. А отсюда может родиться и новое национальное творчество. ...национальное сознание и чувство могут известным образом (несмотря на подсознательный характер национальности) воспитываться, и, конечно, также и извращаться”.

Извращения начинаются с безразличия к национальному, с мифологии “многонациональности”, а кончаются открытой злобной русофобией. За бесчетными повторениями нелепиц о “многонациональности” России и правах “национальностей” на племенной сепаратизм, требующий все больших и больших прав и свобод, стоит “союз интеллигентщины с татарщиной” против русского народа.

В противовес этому союзу Булгаков ясно и недвусмысленно заявлял: “Даже те государства, которые в своем окон-

чательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государственной деятельности одного народа, который являлся в этом смысле “господствующим”, или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, - их исторической равноценности в государстве это все равно не установит. В этом смысле Россия, конечно, остается и останется русским государством”.

Прерванный большевистским переворотом полет русской мысли мог и должен был прийти к расовым идеям. Неслучайно в советское время (20-е годы) возникло понимание необходимости евгенических законов, а изучение антропологических различий между народностями страны велось на самом высоком уровне. О многом говорит и метод элитного отбора, отсекающий от власти дегенератов и выродков.

Вторая мировая война и последующая волна “денацификации” отложили неизбежное возвращение к идеям качественного улучшения человеческой природы и сохранения генетического здоровья русского народа. Мы возвращаемся к русской идее и возвращаем ей природно-телесную составляющую, которой ей так не хватало в прошлом.

Мы избавляем русскую философию от безродности, понимая, что “самым безобразным детищем того, что называется современной культурой, является именно ее плоскость, ее отрицание времени, рода и племени. Безродность, как осуществляемое начало, есть начало неосуществимое, и в этом заключается осуждение всех окрашенных им течений мысли”.

Мы намереваемся осуществить будущую Россию, обезпечить в ней будущее русского народа, а потому отказываемся от безродности. Мы – русские, русская идея – апология нашего прошлого и обоснование нашего будущего. Мы ее никому не навязываем и отдавать не собираемся. Но все, что пытаются выдать за русскую идею, подмешивая в нее интернационализм и “общечеловеческие ценности” мы отвергаем

как пошлое извращение. Наша идея чиста, как чиста должна быть кровь нации.

Мы не можем принять космополитизма в православии. “Денацификация” православия есть гнусная клевета на Русскую Церковь, подмена ее традиционных основ либеральными выдумками последних лет. Вопреки глупым попыткам “вычистить” нацию из православия, мы говорим: “нация в православии есть, и она богоугодна”. Нация, как писал Георгий Петрович Федотов, в христианстве оправдана, как оправдана и человеческая телесность. Утверждать иное – значит соучастствовать в сатанинском восстании против Создателя.

Замечательный русский философ Алексей Федорович Лосев отмечал, что “тело – не просто выдумка, не случайное явление, не иллюзия только, не пустяки. Оно всегда проявление души, ее след. В каком-то смысле сама душа”. Именно поэтому национальное тело неотделимо от национальной души. Последняя превращается в отвлеченную выдумку, когда толкуют о праведности, произнося вне контекста и понимания “нет ни эллина, ни иудея”. Национальная, расовая предопределенность бытия человека в прошлом и будущем обоснована в православии, как ни хотелось бы кому-то выдать каждую міровую религию за религию всесмешения и повесить на православие этот содомский грех.

Мы должны сослаться на глубоко религиозную идею Николая Федоровича Федорова, изложенную в его “Философии общего дела” - на идею воскрешения отцов во плоти и крови, соответствующую христианской эсхатологии и ищущую пути соработничества Богу в деле победы человеческой телесности над смертью. Причем речь идет не о выведении “общечеловека”, а о воссоздании ушедших поколений во всей их национальной, расовой, культурной конкретности.

Вслед за Константином Николаевичем Леонтьевым мы осознаем, что “идея всечеловеческого блага, религия всеобщей пользы, - самая холодная, прозаическая и вдобавок самая невероятная, неосновательная из всех религий”. Наша

религия и наша философия – это религия и философия блага русского народа.

Вместе с тем, современная русская идея не может замыкаться в исключительно почвеннических интеллектуальных изысканиях. Русская национальная идея может быть основана только на самом современном знании.

Основоположник русского национализма, Иван Александрович Ильин писал: “Самобытность русского народа вовсе не в том, чтобы пребывать в безволии, наслаждаться безформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести)”.

Философы русского зарубежья точнее всех предсказали главные болезни России, которые выступят на поверхность с крахом коммунистического режима. Об этом писал и Иван Ильин, и Георгий Федотов. Они предупреждали, что счет за коммунизм будет предъявлен сепаратистами всех племенных мастей русской народу. Мы видим, что этот прогноз оправдался в полной мере и принес самые ужасные последствия для страны. Если предъявленный нам счет не будет опровергнут, если мы не ответим предъявлением своего счета латышским стрелкам, европейской нигилистической интеллигенции, чеченским бандитам и прочей тьме тьмущей русофобов, старающихся переложить на нас свою вину, русские исчезнут с лица земли.

Георгий Федотов говорил, что спасение России состоит в преодолении центробежных сил, которое только и возможно в опоре на “живой, мощный, культурно царствующий центр – великорусское сердце своею тела”. Восстановления “царствующего центра” не только в культуре, но и в политике и экономике, составляет будущее для русского народа, да и для всех народов, живущих рядом с нами.

Раса – величина неизменная и генетически обусловленная, поэтому ни какофония социальных потрясений, ни

чехарда политических извращений, ни оскорблении национального духа не способны заглушить голос вскипающей крови. Поэтому русская расовая теория возникнет с неизбежностью закономерной биологической реакции организма на инфекцию.

Санскритологи всего мира сходятся во мнении, что санскрит появился на территории современной России. Из современных живых языков именно русский ближе всего к санскриту, и это также неоспоримый факт. Поэтому чередование гласных букв в корнях РУС-РОС-ПАС говорит само за себя. Немецкий расовый теоретик и этнограф Отто Рехе справедливо писал по поводу исторического соотношения расы и языка: “Некогда расы и язык покрывали друг друга. Язык был одним из духовных свойств расы... И если в позднейшие времена расселение и смешение рас стерло эту первоначальную ясную картину, то основной вывод о духовных взаимоотношениях между расой и языком от этого не изменился: язык представляет часть расового духа”.

Самой логикой русского языка, этимологией самоназвания мы, русские, имеем полное моральное право на создание собственной расовой теории в первоначальном, чистом, незамутненном смысле этого древнего архетипического понятия времен создания индоевропейской общности. Совершенно очевидно также, что наше русское написание слова “ПАСА” точно воспроизводит санскритский термин “RASA”, в то время как английский, французский и немецкий варианты отступают от санскритского канона, отдаляясь тем самым и от первоначального индоевропейского смысла. “Раса” — это глубоко русское по смыслу и по звучанию слово, и не нужно быть филологом, чтобы это понять. Слово “ПАСА” полностью соответствует нашему архетипу, и нам совершенно ничего не нужно выдумывать, чтобы оправдать логику самоназвания РУССКОЙ РАСОВОЙ ТЕОРИИ, ведь наш язык говорит само за себя:

РУС-РОС-РАС — это изначальная смысло-звуковая матрица древнейшего языка индоариев. Имя Бога солнца Ра — также означает сопричастность к этой архетипической матрице нашего сознания. “РАСА” как оценочная категория происходит от имени солнечного Бога Ра. Оценивать свой род и всех других людей на основе солнечной квинтэссенции, эликсира жизни, сока фруктов, произрастающих под живительными лучами солнца, то есть на основе расы — что может быть естественнее и проще?! Именно поэтому солярные символы являются непременными составляющими арийских религий и поныне. Язык в данном случае красноречив, ибо быть точным и отражать суть вещей — его главная задача. Он бережно передает нам смыслы, которые впитал в себя тысячи лет назад.

Отто Рехе, суммируя естественнонаучные и гуманитарные знания дал такое определение этого термина, которое и поныне остается наиболее точным: “Раса — является понятием естественнонаучной систематики. Раса — это группа живых существ, которая развилась в изоляции и благодаря естественному отбору из одного корня и без примеси чужеродных элементов, эта группа благодаря большинству физических и духовных наследственных признаков, образующих в своем соединении некоторое единство, а также благодаря форме своего проявления вовсе существенно отличается от других групп этого рода и всегда воспроизводит лишь себе подобных. Раса тем самым обозначает “гармонию”, “жизненный стиль” и “характер”. Раса — это подгруппа вида”.

Данный коллективный сборник является первым концептуальным изложением русской расовой теории. Впервые русская идея спускается с заоблачных высей богословской и атеистической схоластики, обретая плоть и кровь, получая расовое измерение. Поэтому наша методология не имеет ничего общего с советским историзмом, преподававшимся у нас протяжении всей коммунистической эпохи и заводившем научную мысль в тупик.

Один из корифеев советской антропологии Аркадий Исаакович Ярхо в своей работе “Очередные задачи советского расоведения” в 1934 году предельно ясно обозначил: “Борьба с расовыми теориями предполагает наличие совершенно определенной тактики и стратегии. Только при условии, если в противовес тезисам расовых теорий нами будет выставляться концепция исторического материализма, если мы перенесем центр тяжести критики из плоскости биологии в плоскость социологии, наша критика будет действенна. Поэтому первое и основное — это систематическое разоблачение роли расового фактора в историческом процессе”.

Другой мэтр советской антропологии Виктор Валерианович Бунак в своей программной статье “Раса, как историческое понятие” вообще договорился до того, что “раса — абстрактное понятие” и что “расы возникают в результате мутаций”. Мало того, “раса не абсолютная категория, а историческая, некоторый этап формообразования. Каждая эпоха имеет свои расы в их конкретном проявлении”.

Получается, что различия между белыми и черными людьми абстрактны, временны, и что изначально чистых белых и черных не бывает. А крещение Руси, петровские реформы, а также большевистская революция изменили в одночасье расовый состав и даже расовые признаки нашего народа. В результате “демократических реформ” последнего времени нас, очевидно, также ожидают многочисленные “мутации”.

При такой логике мышления, всем, кто стремится запретить свободное обсуждение расовой проблемы, мы предложили бы для начала запретить цвета радуги.

Ни редколлегия, ни авторы статей сборника не могут придерживаться взглядов “объективной советской науки”. Преодолеть тяжелые последствия марксистско-ленинского влияния на антропологию — вот наша цель. Время советской классовой антропологии окончилось, так же, как окончилось время советской историософии.

Придворный коммунистический историк Валентин Фердинандович Асмус уже во введении к своей книге “Маркс и буржуазный историзм” в 1933 году писал, что “биологизм и историзм несовместимы”. Что ж, перефразируя известную цитату Гегеля скажем, что, если биологизм и историзм несовместимы, то тем хуже для историзма. Наша историософия — это расовая историософия. Если бы расы были абстрактны или неустойчивы, то и данный сборник не имел бы смысла.

Что же касается разговоров о пресловутом расовом смешении, то мы не стали бы в названии использовать древнейший арийский термин если бы расовое смешение было бы неизбежным или уже состоялось. Мы знаем, вопреки домыслам либеральных теоретиков, в природе действует один из важнейших биологических законов — закон автоматического очищения вида.

Задача составителей предлагаемого сборника и состояла, таким образом, в восстановлении естественнонаучного баланса при рассмотрении самой русской идеи и в возвращении ее смыслового акцента с абстрактно-социальных факторов на биологические. Никогда еще в отечественной философии и критической литературе проблема не ставилась под таким углом зрения. В советский период неизменно превалировали социальный и исторический аспекты, а в дореволюционной России упор делался на сверхисторические и провиденциальные факторы. И тут и там отсутствовала всякая органическая, то есть подлинно расовая основа исторического процесса, формирующего уникальное древо русской философии.

Один из пионеров расового осмысления истории — польский ученый Людвик Крживицкий давал такое обоснование данного метода: “Расовая историософия доискивается причинной связи между расой, с одной, и проявлениями общественной жизни, с другой стороны, по мнению расовой историософии, если бы не было данной расы, то не существовало бы соответственных цивилизаций. Раса в этом случае является не только покровительницей общественных процессов, но

их источником, силой, созидающей учреждения. В то время как обыкновенная история описывает лишь то, что совершила данная раса, не разбирая причинной зависимости”.

Основоположник политической антропологии немецкий философ Людвиг Вольтман также подчеркивал: “Ход исследования должен таким образом выполнить одинаково два научных требования: с одной стороны — представить как биолого-антропологические, так и историко-политические факты, а с другой — раскрыть внутреннюю причинную связь между обоими рядами фактов, в общей и специальной истории народов и государств”.

Ввиду вышеизложенного в данном сборнике применен принципиально новый для указанной области метод исследования русской идеи. Обычно историками толковались следствия социальных процессов, мы же хотим вскрыть причины, коренящиеся в русских как биологическом виде — расовые корни русской идеи. Как справедливо писал немецкий расовый теоретик Лотар Готлиб Тирала: “В противоположность вульгарному историзму следует показать, что голос крови и расы продолжает действовать вплоть до тончайших извивов мысли и оказывает решающее влияние на направление мышления. Наследственные духовные наклонности являются причиной того, что у народов снова и снова вырабатывается одно и то же мировоззрение”.

Основная сила расовой философии состоит в том, что она моментально выявляет фальшь и расставляет все по местам, внося гармонию и ясность в мировоззрение. Немецкий теоретик Лотар Штенгель фон Рутковски пророчески изрек: “Это слово, которое неумолимо разделяет между собой мировоззрения и одним предрекает конец их эпохи, а другим — непрерывное распространение их жизненно важных, свежих идей, — слово РАСА”.

Народ, нация, этнос — это явления социальной и, следовательно, более поздней истории человечества. Только понятие расы и никакое другое восходит к досоциальной био-

логической общности человечества и структурирует прочие научные термины в систему. Оно обладает несокрушимой психической силой, ибо, пронзая временную толщу веков организованной социально-политической жизни, оно напрямую активизирует архетип человека — неслабеющий зов его предков.

Не в либеральных откровениях и не в классовой борьбе мы должны искать истоки русской философской самобытности, но напротив, именно на расово-биологической основе следует толковать исторический путь русского народа, его этику и его волю.

“Расовый смысл русской идеи” — это первый сборник статей, наиболее разнообразно излагающий основные проблемы России в ее прошлом, настоящем и будущем с использованием биологических факторов развития общества и индивида.

Мы произносим каждый день слова “РУССКИЕ”, “РОССИЯ”, но при этом не должны забывать третье важное слово, время которого уже пришло, — “РАСА”.

(Предисловие к сборнику «Расовый смысл русской идеи», вып. I. М., 1999)

ADDENDA: В предыдущих выпусках «Авдеевских Чтений» издатели постарались собрать максимально полно отклики, где и как-либо появившиеся на кончину Расолога. Безсомненно, большинство таковых «откликов» собрано у нас. Но, разумеется, поручиться за их 100%-ную «полноту» никто не может. Вот и на момент подготовки к печати данного выпуска «Чтений» нами был обнаружен в Сети дотоле не читанный нами примечательный отзыв на уход В.Б.Авдеева. Воспроизводим его ниже (личность автора нам неизвестна, что нисколько не препятствует благодарному ознакомлению с его мыслями):

От китайского вируса умер Владимир Авдеев

Давно, 11 лет назад, когда я только начал разбираться в вопросах биологического человеческого разнообразия, я на-

толкнулся в дебрях сети на заметку о нападках гос-ва РФ на русского популяризатора расовых изысканий преимущественно первой половины прошлого века Владимира Авдеева. На его книгу «Расология» в 2008 году было заведено дело, в основу которого легла экспертиза одного нечистоплотного «культуролога». Саму книгу я подробно и полностью не читал, но пролистал, найдя её содержание хотя и достаточно эксцентричным, но ничем не уступающим, а то и лучшее прочей литературы подобного рода. Книга обладала исторической ценностью хотя бы потому, что документировала дела и мысли плеяды немецких учёных-расологов до и в эпоху Третьего Рейха. Уже одно это гарантировало, что от памяти об этих людях, какими бы они не были, нынешние рф-ские власть имущие активно старались и стараются избавляться.

Авдеев по сути переводил и компоновал давно забытые книги и эссе, и уже за одно это — за историко-просветительскую деятельность — ему большое спасибо. Вот здесь список его основных трудов: <https://www.livelib.ru/author/325137/top-vladimir-avdeev>

Сам Владимир Авдеев был фигурантой эксцентричной; он никогда не обозначал себя в качестве учёного, но прожил более продуктивную жизнь, чем многие из его врагов, фамилии которых по какому-то странному совпадению однозначно указывают на определённое общее происхождение (фамилии этих врагов, разных шнирельманов, бегло обозначены в https://ru.wikipedia.org/wiki/Авдеев%2C_Владимир_Борисович).

Так вот, я нашёл и само экспертное заключение против «Расологии». И чем дольше я его читал, тем сильнее росло мое изумление крайне низким качеством «экспертной» поделки. Оно, моё изумление, выросло до таких пределов, что я не удержался и сел писать его разбор. В результате получился многостраничный документ, в котором я показал многочисленные примеры дословных заимствований кусков текста из

Википедии и множество разных ошибок и передёргиваний. Этот анализ я переслал Авдееву, и, как ни странно, он был использован в защите. Как написал мне потом Авдеев, найденные мною заимствования позволили дискредитировать эту «экспертизу» и дело прекратили.

Нет, позже книгу все равно запретили, но это, как говорится, была уже совсем другая история.

Копию своего анализа «экспертизы», с вежливо-презрительным комментарием, я послал по имэйлу и самому автору поделки, но ответа, как ни удивительно, не дождался.

В качестве жеста благодарности, Владимир Авдеев прислал мне, в другую страну, экземпляр «Расологии» и ещё одного труда, «Истории английской расологии».

Его автограф гласит: «Дорогому N.N. от автора на добрую память. 29.09.2010». И девиз вверху, который пусть останется здесь, на добрую память о хорошем русском человеке, Владимире Авдееве:

Volo ergo sum!

<https://the-third-way.livejournal.com/502987.html>

ИЗ КЛАССИКИ РУССКОЙ РАСОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

INTRO: Мы решили объединить под именованием «классики» две работы, на самом деле ставшие в своём роде «классическими». Обе написаны в 90-е гг. Их авторы – Алексей Широпаев и Анатолий Иванов, и «до» и «после» написаниях сих «манифестов» (подобное определение тут у места) свершили и свершают порою неоднозначную идеинодуховную «эволюцию». Об этих исканиях, быть может, надлежит вести «опричный» разговор, а «классика» остаётся «классикой».

Алексей Широпаев РУСЬ

Наслоения вековой ржавчины покрывают это мощное слово, утаивая от мысленного взора нынешних русских его суть, подобную блистающей стали. Помните первый фильм о Конане? В древней гробнице герой находит меч, покрытый коростой времени, которая, осыпавшись, обнажила не-тронутый тленом боевой металл. Русь! Боже правый, во что превратили это славное имя, схожее с блеском молнии и грозовым раскатом! Как получилось, что боевой клич с драконовидных ладей Киева и Новгорода, слово-символ светлоловосой и ясноглазой чистопородности стало синонимом идиотской кротости и бабства, лени, пьянства и азиатчины? И до какой степени дошло наше помрачение и извращение, если гениальный русский поэт (кривя душой, конечно) приставил к этому слову прилагательное “советская”. Хорошо, что хоть не “жидовская”.

Русь в ее первозданности и чистоте - это древние Киев и Новгород, т. е. Русь европейская, арийская (благородная). Эта Русь - плоть от плоти Европы, ее органическая, более того, главная часть. Это та самая Русь былинная, что воспета

в искусстве Константина Васильева. Вглядитесь в нее пристальнее. Солнечно-волевой, мужественный дух, рыцарская доблесть, благородство и чувство чести, честность и прямота, наконец, сурвое воинское христианство - во всем этом, вплоть до покроя одежд, видны черты европейского, нордического стиля жизни. Вот тогда мы были русскими в подлинном смысле этого слова.

Татарщина - это первая и главная катастрофа Руси, предопределившая вторую - большевизм. Можно сколько угодно рассуждать о "промыслительности" азиатского нашествия, научившего нас "покаянию" и "смирению", но ясно одно: арийская, точнее северно-арийская чистота была нами утрачена. По сути, уже тогда мы потеряли Русь, перестали быть собственно русскими. Речь идет не столько о расовой чистоте, сколько о чистоте духа и менталитета. Татарщина нанесла сильнейший удар по северно-арийским основам нашего самосознания, которое надолго, (вплоть до Петра) утратило понятие чести, являющееся стержнем личности арийца. Главный урон, причиненный татарщиной - она лишила нас рыцарства и отлучила от Европы. Аристократические начали почти исчезли из русской жизни, да и сама аристократия, когда-то бравшая Царьград и слагавшая былины, деградировала. Арийский дух - личностный, свободный и героический, он противоположен духу рабскому, который культивировала татарщина. Все стали рабами, "равными в рабстве" - и князь, и крестьянин. Представьте себе русских господ, потомков Олега и Святослава, по-холопски ездищих в Орду на поклон к "идолищу поганому", да еще с доносами друг на друга! Как тяжко все это должно было отразиться на русской душе! Она познала изворотливость, безчестность, лживость, жестокость. Не надо лукавить: рабство не учит смирению, рабство только разворачивает. Не раб утвердил на земле христианство, а Царь, Царь небесный, а потом - царь земной. И совершенно правы те, кто понимает христианство прежде всего как аристократическую религию.

В большой атмосфере татарщины происходило становление “джучиева улуса” - Москвы, которая определила традицию русской государственности и сам тип русского человека. Не столько от Киева ведет свою родословную Московское царство, сколько от Золотой Орды. Вынужденные долгие годы унижаться перед ханами, московские Государи, сбросив иго, невольно стали копиями азиатских деспотов - по закону “психологической компенсации”. Верно сказано, что “свержение татаро-монгольского ига было лишь перенесением ханской Ставки из Сарая в Москву”, которая впитала в себя тяжесть и удушливость азиатской государственности. Церковь утратила суровый и светлый нордический дух - сегодня это оборачивается для русского православия полным торжеством бабьей слашавости. Внутригосударственные отношения в Москве свелись к формуле “Я начальник - ты дурак”. О личной чести и достоинстве нет и речи: введено невиданное в домонгольской Руси наказание - публичное битье кнутом (“Это нас татары научили и кнут на память подарили” - писал Достоевский, исследуя “русскую” традицию битья). Азиатское влияние пропитало Москвию вплоть до бытового уровня, сказавшись в одежде, оружии и т. д. В такой ситуации не было места для аристократии, которая превратилась в косную номенклатуру с уменьшительно-шутовскими именами. Духом арийского благородства Москва заплатила за выживание и возвышение.

Именно с Москвы началась наша расовая распущенность, преступное равнодушие русских к чистоте своей Крови. Именно Москва повернула Россию к Азии, сделала русских терпимыми и даже лояльными к межрасовой содомии. Благодаря Москве мы сегодня как должное воспринимаем оскорбительные и зловещие “хохмочки” типа “Глаз узкий - значит русский”. Когда-то Москва начинала свой исторический путь, породнив с татарами свою элиту; сегодня она заканчивает его в качестве тюркско-еврейского мегаполиса.

В свете сказанного особое значение имело казачество, происхождение которого коренится в древней арийской воинской касте. В этих условиях казаки оставались очагом почвенного, православного рыцарства, стоявшего на страже рубежей христианской белой расы.

Куликовская битва - это восстание русской Крови против азиатчины, наше решительное обращение к заветам арийской доблести. Именно 8 сентября 1380 следует считать днем русского расового возрождения. Не в борьбе с единокровным Западом вновь обреталось подлинно-русское (арийское) самосознание, а в борьбе в расово-чуждой Азией. Смысл победы на Куликовом поле остается актуальным и сегодня, когда волна с юга захлестывает коренные русские земли.

Иван Грозный - первая крупномасштабная попытка преодоления дурной московской наследственности. Вырезанная Казань и марш Ермака по Сибири - это закономерный русский реванш за долгое азиатское иго. Грозный заново обращал Москву в арийство. На смену старой аристократии, выродившейся в холопской атмосфере татарчины, он воздвигал опричнину - по сути, духовно-рыцарский орден европейского типа, основанный на принципе качественного отбора. Опричнина - это ответ на эскалацию беспородности. К сожалению, Грозный так и не оставил после себя орденской традиции.

“Я немец”, - говорил царь Иван, и в этих словах таится не германопоклонство, а желание радикально порвать с наследием татарчины и обрести русское европейское первородство, вновь стать Русью. Этим же стремлением был движим и Петр I, когда укреплял Россию немецкими кадрами. Немецкие бароны были для Петра чем-то вроде пахучего гигиенического раствора, отшибающего дух азиатчины, въевшийся в Россию. Петр внедрял “немецкость”, чтобы вернуть рускость. И в этом деле лучше было пересолить, чем недосолить. Только тупоголовые славянофилы могут называть Петра западником. Петр разворачивал Россию не на Запад, а к Европе, к Белому миру, т. е. к себе самой. Петр делал из России

не Голландию, а Русь - ту, что сияла в грозовых очах воинамага Вольги. Петр не западник, а РУСИСТ. Он пытался восполнить главный урон, причиненный нам татарщиной - он воссоздавал русское рыцарство. Именно при Петре дворяне стали рыцарями, а не царскими холопами. В русскую жизнь вернулось понятие личной чести - впрочем, это пустой звук для ревнителей “московского благочестия”, не видящих в Петре ничего, кроме немецких кафтанов и рубки бород. За одно лишь основание офицерского корпуса, равного которому не было в міре, Петру можно простить многие “перегибы”. (В целом, однако, Петербургская империя в дальнейшем сформировалась не столько как европейская, т. е. русская, сколько космополитическая.)

Как это ни парадоксально, но часто именно немцы чувствуют северно-арийскую душу России, будучи, таким образом, “русеев” тех русских, которые с бравадой именуют себя азиатами. Такой немкой была наша последняя Царица Александра. Чистая арийская кровь помогла ей признать в нашей земле тайную сердцевину Белого міра, общую Прародину ариев - и немецкая принцесса стала Русской Царицей. Накануне своей мученической смерти, окруженнная антиарийской стихией большевизма, Царица Александра начертала на стene Ипатьевского дома знак Свастики, завещав его будущей России, которая осознает себя Русью. Как известно, Урал стал Голгофой Царского Рода. В 1987 году в районе Челябинска были обнаружены следы древненарийского города-храма, образующего в плане Свастику - городище Аркаим. В этой встрече двух Свастик, знаменующих зарю и закат, трудно не увидеть указующий перст Провидения. И еще: Свастика Царицы Александры, вместившая в себя образ новозаветного искупительного Креста, говорит нам не только о смерти, но и о Воскресении.

Революция 1917 года - это апогей борьбы в русской душе первородного арийского начала с темным наследием татарщины. Большевизм обусловлен татарщиной, подорвавшей

северно-арийские основы русского самосознания. Азиатские наносы в русской личности, Церкви, культуре, государственности стали питательной средой большевизма. Именно на нашу азиатчину опирались ленины и троцкие, на словах брезгливо осуждавшие, а на деле поощрявшие ее. Российский большевизм - это бомба, у которой заряд - ордынское наследие, а запал - евреи-коммунисты. Проазиатская Москва и космополитический Петербург сделали возможным “пролетарский интернационализм”, благодаря которому толпы русских, раскрыв рот, слушали ярко выраженного Троцкого. Московский кнут, подаренный татарами, хорошо подготовил нас к проповеди марксизма с его коллективизмом и ненавистью к благородству и благородным. Арийский же дух - дух именно благородства, качества, отбора. Большевизм планомерно понижал качество Русского народа, истребляя лучших во всех сословиях, но главный его удар обрушился на “белую кость” и в первую очередь - на Царский Род как средоточие благородства. Истребление лучших русских - в этом смысле красного террора, расказачивания и раскулачивания. Большевизм принципиально неблагороден и потому он противоположен арийству. (Характерно, что казаки, имея арийский военно-кастовый корень, единодушно выступили против большевизма.) Татарщина начала, а совдеп продолжил и завершил уничтожение русских аристократических начал. Тип советского хама сформирован неизжитым наследием татарщины и талмудической (т.е. опять же азиатской) тиранией марксизма.

Большевистская ненависть к Царскому Роду - предмет особого анализа. Коммунистическая верхушка испытывала к Русским Царям не классовую, а РАСОВУЮ ненависть. Царский Род был ненавистен Бронштейнам и Бланкам в качестве квинтэссенции арийства в Русском народе, в качестве солнечного средоточия арийской чистокровности. Это кровь ненавидела Кровь. Ненавидя Царя, красные вожди ненавидели воплощенное в нем арийское начало, органически

враждебное им. В Екатеринбургском злодеянии заключена вся суть большевизма, вся его расовая и оккультная природа. Истребляя Династию, талмудические жрецы большевизма ритуально истребляли живую память о нашем арийском первородстве, убивали саму суть Русского народа, погружая Россию в пучину азиатчины.

Орудием расовой ненависти швондеров стала классовая ненависть шариковых, одержимых бешенством равенства, явившегося прямым следствием крушения русского аристократизма в эпоху татарщины. Если швондерам Русский Царь был ненавистен как “лучший из гоев”, то шариковым - как просто лучший, “белая кость”. Первые царапали на стенах Ипатьевского дома каббалистические формулы, вторые - матерные слова, имеющие, как говорят, татарское происхождение. Однако посвященных и профанов объединяло одно: все они хотели убить Царя прежде всего потому, что он был Аристократом. Но в отличие от эгалитарной черни, для которой аристократ был не более, чем просто барин, “богатей”, “буржуй”, жиды-комиссары знали, что если “арий”- значит “лучший”, то “аристократ” - это “лучший из лучших”, “арий сто крат”. Убив Императора, большевистский синедрион ритуально убил первого из ариев и Россия оказалась во власти недочеловеческой стихии. Начался массовый антиарийский геноцид.

Большевизм хотел и духовно, и кровно переродить Россию, сделать ее Азией. Ленин противоположен Петру. Этот раввинский потомок с калмыцким прищуром сумел вызвать на свет Божий демонов азиатчины, дремавших в подполье русской жизни. Россию отбросили в XIV век. Большевики вернули Москве статус столицы - и это глубоко символично. Питер стал провинцией, Европа, само имя которой превратилось в бранное слово, оказалась за “железным занавесом”. Большевизм вновь поворачивал Россию к Азии, провозгласив солидарность с ее “угнетенными народами”. “Да, скифы мы, да азиаты мы с раскосыми и жадными очами,” - писал

в 1918 году А. Блок, безошибочно уловив дух времени. “Эх Расея моя, Расея, азиатская сторона”, - приблизительно тогда же вырвалось у С. Есенина.

Закономерно, что именно в эпоху советчины появилась доктрина евразийства с ее “исходом к востоку”. Презрение к идее Расы, типичное для русской мысли, в евразийстве достигло кульминации. Именно евразийцы стали первыми сознательными апологетами азиатчины, сказав громкое “да” темному ордынскому наследию в русской государственности и культуре. Евразийство - это идеология измены нашему европейскому первородству, нашей Крови; идеология духовно-расового перерождения России. Это идеологическая диверсия ГПУ против северно-арийских основ русского самосознания. Будучи разновидностью большевистского интернационализма, доктрина евразийства с ее теорией “комплементарности” славян и тюрков создавала и создает идейные предпосылки для разжижения русской, арийской Крови, достигшего особо угрожающих масштабов в годы советчины.

Поощрение межрасового смешения стало в СССР государственной политикой. В 1922 году в Мюнхене вышла в свет книга А. Розенберга “Чума в России”, на обложке которой изображена скучастая славяно-тюркская рожа в мяты фуражке с пятиконечной “звездой Соломона” - емкий образ российского большевизма вообще и евразийства в частности. Тогда, в 1922-ом, эта картинка была, все-таки, не констатацией факта, а предостережением Русскому народу: смотри, в кого ты превращаешься! Сегодня славяно-тюркский антропологический тип стал реальностью, по крайней мере в крупнейших городах и промышленных районах - слишком долго огромные людские массы, оболваненные интернационализмом, перемещались по стране, смешиваясь в мегаполисах и на “великих стройках”. Яркий пример - Москва, вот уж воистину евразийский “плавильный котел”! В столице почти невозможно следовать голосу русской Крови, не рискуя при этом “обидеть” кого-нибудь из своих знакомых. Целенаправ-

ленно выводя “советский народ”, а по сути - евразийскую химерическую антирасу, коммунисты во многом достигли цели - всмотритесь в смазанные, безпородные, чернявые лица, заполонившие московские улицы. Продолжают это сатанинское дело и демо克拉ты, наводнившие Москву кавказцами, китайцами, неграми... Современная Москва - это антипод древнего Киева, пуповина оккультной анти-Руси, бродилище апокалиптической антирасы.

Огромны преступления большевизма против чистоты русской Крови. Но не менее тяжки его преступления против чистоты русского духа и менталитета. Благодаря советчине, мы совсем перестали сознавать себя арийцами, членами великой семьи Белых народов. В результате последней войны, спровоцированной большевизмом в угоду еврейским банкирам, понятия “русское” и “арийское” стали восприниматься нами не просто как различные по смыслу, но более того - как враждебные. Коммунисты сознательно подрубали арийский корень русскости и в итоге она выродилась в дурашливобалалаечный “стиль” колхозных частушек. Этой профанации пытался противостоять нордический Константин Васильев - и сразу был обвинен в “германизме”. Лишенные большевиками памяти о своем северно-арийском первородстве, русские превратились в “совков”. “Совок” - это русский, забывший, что он - ариец. Когда-то генерал Деникин горько сетовал, что Русский народ непатриотичен. Сегодня можно выразиться еще жестче: Русский народ не желает быть Русским, т. е. арийским. Долгие годы коммуничьего товарищества оставили в его сознании лишь один устойчивый императив - “отоваривание”. Коммунисты плохо “отоваривали” - проголосовали за демо克拉тов. Эти “отоваривают” тоже плохо - давай обратно коммунистов. Хамство советчины органически переходит в хамство демократии и наоборот. Вчера, будучи советскими, спокойно любовались, как сапог “воина-освободителя” попирает священный знак ариев. Сегодня, став “россиянами”, столь же спокойно созерцаем Свастику, брошенную патрио-

том Клыковым под копыта жуковского жеребца - и ничто не шевельнется в отмороженной русской душе! Свастика - она “чужая”, “вражеская”, а вот красная звезда - “своя”, “родная”, под ней вместе с Америкой Гитлера били, “освобождали” Германию от германцев. Мы, русисты, знаем: стоит развернуть знамя с арийской символикой (не обязательно со Свастикой, просто с Крестом) - и сразу напрягается “совок”, будь он патриот, демократ или просто обыватель. Видите ли, его “чувства” оскорбляют! А звезды, под которой еще вчера планомерно убивали русских, не оскорбляет их потомков. Такое отношение к символам говорит о повреждении коренных архетипов русского народного самосознания.

...Когда генерал Туркул, командир легендарной Дроздовской дивизии, писал в своих воспоминаниях, что белые дрались за саму сущность России, он был предельно точен. Глубоко символичны сами цвета противостоявших лагерей. Белые - холодная высота духа, пафос чести, порода. Красные - животная ненависть к божественному, к лучшим, хамство и дегенерация. Белые - структурность ледяного кристалла, красные - адский поток лавы. Белые - арийство, красные - азиатчина. Подобно тому, как угасающая звезда напоследок вспыхивает с удвоенной силой, исконная русская доблесть, русская рыцарственность вспыхнувшая первородным арийским светом, лучи которого протянулись к нам с противоположного края бездны.

Подведём итоги. Доктрина Русизма, вырабатываемая Народной национальной партией, должна включать следующие аспекты.

ИДЕЯ КРОВИ. Необходимо преодолеть преступное равнодушие русских к чистоте Крови, посеянное Москвией, возвращенное Петербургом и закрепленное совдепом. Планомерная антиарийская политика коммунистов резко понизила расовое качество русских. Пора целенаправленно культиви-

ровать в Русском народе его изначальный северно-арийский генотип. Нам срочно требуется долговременная программа расовой селекции. Немалое значение в деле восстановления исконного нордического генотипа русских должен иметь приток северно-арийской крови с Запада.

ИДЕЯ ЕВРОПЫ. Русские должны вновь осознать себя европейцами. Пора освистать лукавые рассуждения о нашей “особости” (“Мы не Европа и не Азия”), имеющие в конечном счете одну цель: заставить русских отречься от матери-Европы и превратить их в тюрок. Все евразийство в итоге сводится к просто “азийству”, к апологии Золотой Орды. Пресловутую “особость” нам (вместе с кнутом) подарили татары: именно в результате татарщины мы стали уже и не европейцами, но и не вполне азиатами. Нам надо не кичиться этим “подвешенным” состоянием, а превозмогать его, вспоминая свое европейское первородство. Россия должна снова стать Русью - разумеется не в смысле идиотской идеи “республики Русь” или возврата к рубежам XIII века. Россия должна стать Империей Русь, т.е. великой северно-арийской страной, главной частью Европы и Белого міра в целом. Европа оканчивается не на Урале, а на Тихом океане.

ИДЕЯ АРИСТОКРАТИЗМА. Это суть арийского самосознания. Возрождение русского аристократического духа, подорванного татарщиной и убитого большевизмом - главная задача Русистов. Пока же русские правые зациклены исключительно на идее “порядка”, которая представляется им основополагающей, самой “правой”. В действительности первичен аристократизм, порядок вторичен. Именно аристократизм, уважение к качественному отбору, к породе, к лучшим является основой истинного Порядка, который есть иерархия личностей, а не соподчиненность винтиков. Москва, сложившая аристократические знамена Киева к ногам Орды, пропиталась близким дыханием азиатской деспотии и заразила русское сознание идеей безкачественного, неблагородного квазипорядка, позднее получившей максимальное

воплощение в большевистском тоталитаризме. Современные русские “националы” находятся во власти этой инерции. Они много рассуждают о “фашизме” не понимая, что “фашизм” - это не идея порядка, но прежде всего идея господства лучших. Не в “порядке” сейчас нуждается Россия, а в благородном, господском духе. Сегодня не строить народ в шеренги надо, а выделять из русской массы русь, т.е. носителей арийского качества, чьи “шелковые паруса” не раздерет ветер времени. Русь, т.е. отборные русские, встанет в стальные когорты новой опричнины. Сначала благородство, качество, потом порядок. Без благородства порядок - хамство. Истинный Порядок есть иерархический организм, квазипорядок есть коллективистская система. К сожалению, нынешнее сознание большинства русских правых, да и русских в целом - коллективистское, а не иерархическое. Наши постсоветские “фашисты” не понимают, что “фашизм” это не коллективизм, а иерархия; не унификация, а “цветущая сложность”, объединенная “деспотизмом формы”.

Именно в условиях московского коллективизма в русских низах зародился пресловутый “идеал” материального равенства, якобы изначально присущий Русскому народу, о чем твердят зюгановские теоретики “марксизма в косоворотке”. Идеология общинной уравниловки имеет явно неблагородное, ущербное происхождение. Она - прямой результат подрыва аристократических устоев в эпоху татарщины, когда количеством пытались заменить утраченное качество. Само понятие личности связано прежде всего с аристократией, с рыцарской “культурой чести”. Как известно, частная собственность - это естественное продолжение личности, ее проекция на внешний мир. Таким образом, удар по аристократии и аристократизму обезценил личность и собственность в русской жизни, породил в части народа угрюмое недоверие к богатству, таящее в себе плебейскую нелюбовь к могуществу, мещанский страх перед избыточной полнотой бытия, а также боязнь презрение к дисциплине труда и жизни, да

и к культуре в целом. “Честная бедность”, “нестяжание” у нас нередко прикрывают никчемность натуры и отсутствие самоуважения.

В свое время я активно критиковал справа столыпинскую аграрную реформу, оценивая ее как либеральную и разрушительную. Однако возможна совершенно иная оценка деятельности Столыпина – и тоже справа. Дело в том, что Столыпин выделял из крестьянской массы лучших, своего рода крестьянскую аристократию, которая, по замыслу премьера, должна была стать фундаментом народа. Такой мужик, в отличие от зацикленного на равенстве общинника, ни за что не клонул бы на дешевую социальную демагогию большевиков. Суть столыпинской реформы не буржуазная, а аристократическая. Столыпин внедрял принцип качества и дифференциации в базовый слой Русского народа, ставя единственно реальную преграду перед надвигавшимся советским колlettivizmом. Эта сторона деятельности Столыпина была вполне “фашистской”. Беда в том, что существовала и другая сторона – например, его проект расширения прав евреев, который, впрочем, не остановил руку еврея-террориста, застрелившего Столыпина. К несчастью, Столыпин застрял между либерализмом и “фашизмом”. Его аграрная реформа, “фашистская” по сути, протекала в контексте общего буржуазного распада Империи, тогда как должна была стать основой Национальной революции, которая требует реализации проектов прямо противоположных вышеупомянутому. На смену общинно-коллективистскому сознанию должно было прийти не буржуазное, а народно-корпоративное сознание. Только столыпинский Хозяин смог бы стать сознательным Русским. Только такие самостоятельные, сильные мужики смогли бы составить костяк народного движения, которое, в отличие от Союза Русского народа, не сложило бы оружия сразу после отречения Императора. Столыпин – это нераскрывшийся русский Муссолини. Для нас, русистов, главное дело его жизни остается актуальным и сегодня, ибо Империю Русь можно

построить только вместе с сильным, красивым, благородным крестьянином, а не с убогим советским колхозником.

Русская Национальная революция должна быть по своей сути не буржуазной и не социалистической, но аристократической. Не социальное равенство призвана она утвердить, а социальную справедливость, т. е. священное неравенство, основанное на благородном принципе “Каждому - свое”. Разумеется, наш новый порядок будет непримирим к капиталистической тирании денег, к эксплуатации труженика, к нищете и обеспечит русским весь комплекс социальных гарантий. Мы построим солидарное общество, не знающее эгоизма. Но наш строй будет свободен от уравниловки, ибо истинное освобождение от власти Золотого Тельца осуществляется не социалистически, а аристократически.

Верю: недалёк день, когда русские, в блеске вновь обретенного величия, принесут европейский огонь на остывшие алтари Берлина, Парижа, Рима. Грядущий Русский Вождь соберет единокровные белые народы в братскую федерацию, над которой не будет заходить солнце. Возможно, древний Аркаим, восстав из праха, станет ее мистическим центром. Это будет эра Великой Европы, эра Империи Русь “от Дублина до Владивостока”.

1996-1999 г.г. («Я-Русский» №24)

(<http://web.archive.org/web/20071029125249/http://www.rusrepublic.ru/nnpr1/stat/shir/rusj.htm>)

Анатолий Иванов БЕЗПЛОТНЫЙ «РУССКИЙ ДУХ» Смеси и примеси

Русских идеологов постоянно тянуло в высокие духовные сферы, они привыкли сами и приучили своих читателей и почитателей смотреть на кровь, на «этническое происхождение» как на нечто низшее и презренное.

«Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? — спрашивал, например, знаменитый философ К. Леонтьев, — За что его любить? За кровь? Но кровь ни у кого не чиста. И что такое чистая кровь? Духовное безплодие. Все великие нации очень смешанной крови». К. Леонтьев утверждал, будто воплощение национальной идеи неизбежно влечет за собой погружение в пучину «буржуазной пошлости», однако сам в данном случае изрек вовсе не глубинную мудрость, как полагают некоторые, а плоскую либеральную пошлость.

К. Леонтьев все же признавал в какой-то степени значение крови, но только порченой. В конце концов он договорился до призыва верить в «плодотворность турецкой примеси в нашу русскую кровь». Этот призыв подхватили впоследствии «евразийцы», а усилиями русофобов всех мастей (наших доморощенных — в первую очередь) вокруг этой пресловутой «примеси» намешано столько нелепиц, что просто уму непостижимо.

Давно бытует в Европе поговорка: «Поскребите русского — и вы обнаружите татарина». Поговорка эта от частого употребления не стала истиной, но изрядно въелась, так что даже некоторые русские, начали усиленно скрести себя, словно чесоточные, выскребая наружу татарина, но не для того, чтобы выдавить его из себя (как Чехов выдавливал из себя раба), а для того, чтобы хвастаться «плодотворной примесью».

Покойный Жан Тириар, которого наши патриоты до сих пор клеймят как «эсэсовца», писал в 1984 году: «Сегодня кое-кто стремится исключить Советский Союз из числа европейских стран, тогда как исторически, географически и политически он является именно европейской державой. Никакая даже самая непоколебимая политика не заставит нас забыть, что Россия является частью Европы. Пусть ответственность падет на Геббельса! Пусть Геббельс останется автором выдумки о Советском Союзе как о монгольской орде!»

Правда, пальму первенства у Геббельса мог бы оспаривать А. Розенберг, который в своем «Мифе XX века» объяснял русскую историю очень простым, если не сказать примитивным, способом. По его мнению, «кровь с монгольской примесью вскипала при всех потрясениях русской жизни», а большевизм «означал бунт монголоидов против нордических форм культуры».

Не стали умней европейские национал-социалисты и после войны. Вот какую чушь писал, например, Рене Бинэ в книге «Национал-социализм против марксизма»: «В России утвердились две основные расы: тюрко-монголы и угро-финны. То, что сверху потом наслаждались другие народы, нордические и азиатские, ничего не меняет в сути дела. В огромной стране с плохими сообщениями многие слои самых различных народов накладывались друг на друга, не смешиваясь, и огромная монголоидная масса постепенно покрыла все, но в разных пропорциях».

Вслед за нацистами пропагандистскую ложь о монголоидных русских подхватили американцы. Вот как описывал свои впечатления от поездки в Берлин весной 1945 г. офицер американской разведки Гарри Розицкий: «Нам бросилась в глаза колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140—150 см, в лаптях».

Кстати, о лаптях. Петр I когда-то приказал русским солдатам обучить эстонцев плести лапти — аборигены Эстонии были настолько «европейски цивилизованными», что даже этого не умели делать. Как же после этого относиться к омерзительным откровениям бывшего народного депутата бывшего СССР от Эстонии Тийта Маде, уверявшего, будто «русские столетиями жили под монгольским или татарским игом, и поэтому русские до сих пор в этническом плане смешанная нация... Татары и монголы вторгались в свое время в русские деревни, истребляли и захватывали в плен мужское население, насиловали русских женщин. Поэтому сегодня

русский народ так смешан с теми людьми, которые когда-то насиливали русских женщин»?

В доказательство “монголоидности” русских в обстановке краха государственности от эстонцев не отставали и литовцы: для них тоже «русские не являются европейцами, это скорее русско-татарско-монгольская ассимилированная смесь».

Даже украинцы, т. е. жители территории, бывшей проходным двором для всех кочевых народов, и те кичились перед нами своей «расовой чистотой». Так, газета «Русский Вестник» цитирует письмо, в котором автор отказывает русским в праве называться славянами на том основании, что русская народность будто бы «сложилась из уgro-финских племен с примесью значительной части тюркских».

Подпевают зарубежным русофобам и некоторые русские, страдающие различными формами идеологических и прочих извращений.

Так, некогда знаменитый историк-марксист М.Н.Покровский утверждал, будто в жилах «так называемого великорусского народа» течет свыше 80% уgro-финской крови. При этом Покровский не утруждал себя никакими обоснованиями этой потолочной цифры.

Столь же произвольны и оценки некоторых современных авторов.

Неоевразиец А. Дугин со страниц бельгийского журнала декларирует: «Наличие монгольской или «палеоазиатской» крови у тюрок не превышает процент уgro-финской крови у русских». Чем мерил этот процент г-н Дугин — тоже неизвестно.

По мнению литературоведа В.Кожинова, «носителей чисто русской или, скажем так, восточнославянской «крови» вообще очень мало. Все настолько перемешано с многочисленными финно-угорскими, тюркскими и другими племенами, что ни о какой чистоте «крови» не может быть и речи» Кожинов написал это, очевидно, глядя на собственную физиономию в зеркало, вспоминая, как эстонцы принимали его за своего, и испытывая заповеданный Пришвиным стыд перед лопарем.

Ещё один современный автор пишет: «Современные русские... — сложное этническое образование, включающее в себя практически равными долями славянской, финский и тюркский элементы». Откуда взялось представление о «равныхолях» — неведомо.

Смеси бывают разные. Как в химии смешение разных элементов дает разный эффект, так же протекает и процесс этногенеза. Сказать «все смешаны», значит попросту ничего не сказать. Кто именно с кем смешан и в какой пропорции — вот как ставит вопрос наука. С этим тесно связан вопрос о пользе или вреде гибридизации.

Основателем евгеники считается двоюродный брат Дарвина Ф. Гальтон, издавший в 1869 г. свой основной труд «Наследственный гений, его законы и следствия», но еще в 1865 г. русский ученый В. М. Флоринский выпустил книгу «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» (переиздана в Вологде в 1926 г.), в которой он доказывал, что гибридизация может принести как положительные, так и отрицательные результаты. Так, например, он считал благотворным смешение славян с германцами, и в то же время отмечал, что «развитие славянского ума, от природы богатого, было парализовано невыгодной помесью с менее цивилизованными нациями» и что даже «в физической красоте русская нация значительно отстала от южно-славянских племен, под влиянием неблагоприятных примесей она утратила многие свои прежние черты,ственные славянскому племени вообще».

Таким образом, Флоринский считал неблагоприятной как раз ту примесь, которую К. Леонтьев восхвалял, как «плодотворную». Однако оба они исходили из чисто умозрительных соображений. Этнографические исследования еще не велись с таким размахом, как впоследствии.

Только много позднее, на основании научных данных крупнейшему советскому антропологу В. П. Алексееву удалось прийти к выводу не о какой-то особой смешанности, а

наоборот, о гомогенности, т. е. однородности русского населения. Он особо подчеркивал то обстоятельство, что «современные краниологические серии восточнославянских народов... больше сближаются с западно- и южнославянскими группами, чем с восточными славянами. Больше всего это сходство характерно для русских. Они даже... сближаются с германцами». Отличие современных русских серий по ряду признаков от средневекового населения нашей страны В. П. Алексеев объяснял «контактом с дославянским, преимущественно, по-видимому, финноязычным населением», но тут же оговаривал: «Финский субстрат... нельзя считать основным компонентом в сложении русской народности — на протяжении II тысячелетия он почти полностью растворился», в результате чего «современные русские сближаются скорее с... гипотетическим прототипом, который был характерен для восточнославянских народов до столкновения с финским субстратом».

Любопытно проверить на чистоту крови тех, кто привык смотреть на нас как на «азиатов». Тех же немцев, например.

Сошлемся на такой авторитет в области расовой теории, как Ганс Ф. К. Гюнтер, на его книгу «Расовые элементы европейской истории», написанную в 1924 г. и переизданную в США в 1992 г. Так вот, в Германии к пресловутому нордическому типу принадлежит примерно половина населения, 50—60%. На юго-западе Германии этот тип практически отсутствует. Там преобладают альпийский и динарский элементы. Доля нордического типа на Британских островах тоже порядка 55—60%, во Франции — 25%, в Италии 15%. Гюнтер признавал также, что в русскоязычных областях 25—30% нордической крови, т. е. больше, чем во Франции или в Италии.

Дух и тело расы

Классик расовой психологии Л. Ф. Клаусс в своем фундаментальном труде «Раса и душа» рассматривает несколько

расовых психологических типов, причем категорически отвергает любые попытки выстраивать из этих типов какую-то иерархию: ни один из них, по убеждению Клауса, нельзя считать высшим по отношению к другим, каждая раса представляет высшую ценность только для себя самой. Так вот, человека одного из этих типов Клаусе называет человеком, нуждающимся в «спасении». Речь идет о человеке той расы, для которой ученые никак не могут найти подходящее название: они называют ее то алародийской, то арменоидной, то ассироидной, то переднеазиатской. Последнее, наверное, будет наиболее правильным, поскольку оно чисто географическое, и не привязано ни к какому определенному народу. Этот антропологический тип представлен среди многих народов Передней Азии: у евреев и у сирийских арабов, семитов по языку, армян, говорящих на языке индоевропейской группы, восточных грузин. Исходя из данных антропологии и лингвистики и сравнивая их, Х. С. Чемберлен указывал на смешанное происхождение перечисленных народов: одни и те же автохтоны смешались в случае евреев с семитами, а в случае армян — с арийцами.

Говоря о психологии людей этого типа, в первую очередь, евреев, Л. Ф. Клаусе отмечал, что «в еврействе сознательно развивается и культивируется особая черта, которая, вообще-то, не является исключительно еврейской, а представляет собой черту людей определенного типа, встречающихся как в среде еврейства, так и вне ее. Речь идет о т. н. «духовности», которой чуждо все эмоциональное и телесное и которая стремится избавиться от него или преобразовать в «духовное».

Л. Ф. Клаусс специально ставит в данном случае слово «дух» в кавычки, чтобы подчеркнуть, что оно должно здесь пониматься только в смысле людей описываемого типа. Есть нордический, средиземноморский, пустынный (арабский) дух, но люди этих типов не ставят духовные ценности выше всех прочих. Для настоящего нордического человека душа и тело — одно целое, а душа переднеазиатского человека стре-

мится превратиться в «чистый дух». Для него дух это нечто, действующее на него извне и устанавливающее для него незыблемые законы, этот «дух» должен поглотить всю остальную жизнь. Такой психический тип рождает аскетов, толкователей «Священных Писаний». У современных евреев Л. Ф. Клаусс наблюдал многочисленные формы имитации такой «духовности», например, отчужденную от природы «чистую интеллектуальность».

Идеи Л.Ф.Клауса развивал профессор Лотар Тирала. В статье «Раса и мировоззрение» он отстаивал тот тезис, что «голос расы и крови продолжает действовать вплоть до тончайших извивов мысли и оказывает решающее влияние на направление мышления». Расово чистые люди, с его точки зрения, имеют мировоззрение, соответствующее их внутренней сути, а полукровок мотает то туда, то сюда. Л.Тирала исходил из того, что духовные и психические различия являются наследственными признаками отдельных рас, способы познания которых столь же различны, как и их этика. Он брал пример той же самой переднеазиатской расы, этика которой колеблется между ярко выраженной чувственностью, стяжательством и торгаществом, с одной стороны, и фанатичной аскезой, презрением к телу, с другой. Первая из этих крайностей нашла свое выражение в иудаизме (которым именно по этой причине восхищался В.В.Розанов), вторая — в христианстве. Так же обстоит дело и с методами познания. Здесь с одной стороны возникает материализм, а с другой — идеализм.

Вслед за Тирала, в статье с таким же названием в том же журнале Х. Рикке называл душу связующим звеном между духом и природой. Причем душа и раса были для него синонимами: «То, что называют расой, это одновременно самое точное и универсальное определение души». Душа — это раса. Душ не так много, как людей, но у человечества не одна душа. Дихотомия материализм-идеализм, равно как и переднеазиатский отрыв духа от тела, должны быть преодолены.

Такое понимание души Х. Рикке считал исходной точкой для философского осмыслиения сути национального своеобразия. Используя термин Лейбница, он ввел понятие «расовая монада».

Расовая душа, по Х. Рикке, дает человеку материал, благодаря которому только и возможно духовное творчество. Расовая душа — это природные задатки человека, тело — это часть расовой души. Расовая теория считает тело и двух равнозначными, потому что их можно разделить лишь при сугубо материалистическом взгляде на тело, если же считать и тело и дух одушевленными, грани между ними стираются. А понятие расовой души предполагает именно одушевленность тела.

Разрыв между телом и духом, преломляемый в сознании как разрыв между Богом и миром — одно из ущербных свойств переднеазиатской расы, которая мечтает о том, чтобы кто-нибудь спас ее от ее собственной сути (Л. Тирала). В психиатрии известно такое понятие, как «индуцированный психоз».

К сожалению, вместо работ Л.Ф. Клауса и других талантливых мыслителей в поддержку классическим отечественным “духодуям” подтягивают импортный резерв — исключительно в виде наследия Ю. Эволы, идеи которого активно пропагандируются у нас А. Дугиным.

Ю. Эвola в свое время полемизировал с А. Розенбергом, с теорией, согласно которой однородность и чистота крови являются основой жизни и мощи культуры, а смешение кровей — первопричина ее упадка. Эвola считал эту теорию за-блуждением, которое низводит культурное понятие на чисто природный, биологический уровень.

На расу, кровь и наследственную чистоту крови Ю. Эвola презрительно смотрел сверх вниз как на «сырье». Подлинная культура начиналась для него с воздействия на эту материю сил высшего, сверхъестественного порядка, т. е. опять-таки низвергающихся на голову человеку подобно дождю или гра-

ду с небес. Не человек в зависимости от своих природных задатков развивает определенные идеи, а идеи эти вводятся в него извне, как программа в ЭВМ. Человек — всего лишь биоробот, управляемый «высокими силами».

Упадок культуры, по ЭвOLE, также вызывается причинами духовного порядка. Для Эволы высшей была «внутренняя», духовная раса, а телесная — лишь воплощением и средством выражения.

ЭвOLA тоже просто жить не мог без «трансцендентного измерения» и жизнь нации без этого измерения была для него лишена смысла. Но еще Ф. Ницше провозгласил, что «нет смысла жизни вне жизни» и, сколько ни злобствовал ЭвOLA, он не смог опровергнуть Ницше, призывавшего «не прятать головы в песок небесных вещей».

Какую-то ценность за кровью и этнической чистотой ЭвOLA все же признавал, но категорически отказывался считать их для человека таким же мерилом, как для собак или лошадей. И когда ЭвOLA говорил об арийской расе, он тут же подчеркивал, что речь ни в коем случае не идет о только биологическом и этническом понятии, а о термине, который должен обозначать духовную расу.

Как «масонствующие во Христе» российские философы конца XIX — начала XX века обзывали Н. Я. Данилевского, труды которого были вершиной славянофильской мысли, «зоологом в славянофильстве», так и ЭвOLA сбрасывал «биологическое» со ступеней своей иерархии куда-то вниз, в первобытный ил, а пирамида Эволы гордо воспаряла над этим илом в полном отрыве от Земли.

В начале прошлого века немцы жаловались: «Француз и русский — господа на суще, \\ Британия — владычица морей, \\ А мы, мечтательные души, \\ Царим средь эмпирей». Потом немцам это надоело, они опустились из эмпирей на землю, да так, что земля затряслась. Впрочем, сами немцы переломали себе все кости — слишком резким получился спуск на несовершенном парашюте.

С нами происходит противоположная история. Привыкнув быть «господами на суще», притом на весьма изрядной ее части, мы вдруг с ужасом ощущаем сегодня, что привычная почва уходит у нас из под ног. Немцы подкинули нам свою болезнь, свои «идеалы», и унесло нас этими идеалами как продавца воздушных шаров в сказке Олеши. Была у нас империя, а скоро, похоже, останутся одни эмпиреи.

Мы столько уродовали Землю в угоду идеальным схемам, что Земля стала нас отторгать. Причем как у старых, ныне низвергнутых идеалов, так и у новых была и есть одна отличительная особенность: они не хотят замечать реально существующие нации, этнические общности, а все хотят объединить их в какое-то абстрактное, идеальное, фиктивное целое. Раньше оно называлось «советским народом», теперь «россиянами», но суть дела от этого не меняется - от перемены наименований фикция не перестает быть фикцией. И до тех пор, пока расплывчатое «духовное», «культурное» единство не уступит место единственно прочному этническому единству, ничего постоянного построено не будет, все будет расплываться и расползаться.

Когда говорят о целостности России в ее нынешнем виде, о необходимости предотвратить ее распад, сплошь и рядом подменяют понятия - кто со злым умыслом, кто просто по неведению. Наша страна по инерции продолжает считаться многонациональной, как Советский Союз, хотя на самом деле таковой уже не является. Преследуется цель сохранить Россию именно как разнородное целое, без учета того факта, что разнородности практически нет. Это значит, что разнородность не сохраняется, а насаждается вопреки здравому смыслу.

Как не раз уже справедливо отмечалось, нынешнюю Россию по всем международным стандартам можно считать мононациональным государством. Если кого-то вводит в заблуждение обилие у нас национальных республик и автономных округов, то следует помнить, что большинство этих

образований — чисто административные. В них преобладает русское население. Этот факт не требует никаких подтверждений идеальными схемами и духовными исканиями.

Поздно говорить о спасении

Когда говорят о том, что Россия исчерпала свой лимит на революции, умышленно смешивают вместе две разные стороны проблемы. Объективные условия таковы, что революция, наоборот, является настоятельной необходимостью, потому что только она могла бы предотвратить национальную катастрофу и распад государства.

Но её не произойдёт по субъективным причинам: нет сил, которые могли бы осуществить эту революцию. Исчерпан не абстрактный, неизвестно ком (соглашателем Зюгановым, что ли?) установленный лимит, а биологический потенциал русского народа, надорвавшегося в XX веке от непрерывных революций, войн, репрессий, гонки вооружений, перестроек, реформ и т.д.

Поэтому бессмысленно сегодня навязывать русскому народу какие-то новые «национальные идеи», бессмысленно рассуждать о том, что «по природе русский человек государственник», как это делает политолог А. Ципко. Был государственник, да весь вышел. У народа сегодня атрофирован не только национальный и государственный инстинкт, но даже инстинкт самосохранения.

Еще об одном «лимите». Часто приходится слышать: «Есть предел терпению». Эта фраза тоже содержит в себе ложь, потому что не уточняется, что за этим пределом. А за ним вовсе не «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», которым нас издавна любят пугать либералы, а всего лишь жалкие акты отчаяния.

Так, рабочие, месяцами не получая зарплату, всего лишь объявляют голодовки, начисто забыв о других, гораздо более эффективных способах протеста. Стреляются учёные, даже офицеры, которые, казалось бы, могли и лучше использовать

имеющееся у них оружие. Все это симптомы безнадежной и необратимой деградации.

Некоторые тешат себя иллюзиями: переживала, дескать, Россия и раньше смутные времена, однако выходила из них и вновь возрождалась в блеске и славе. Однако в подобных умозаключениях не больше смысла, чем в бодяческом обращении к семидесятилетнему, больному человеку: «Полно, старина! Помнишь, когда тебе было тридцать лет, ты тоже тяжело болел, однако выкарабкался!»

На этот раз России не выкарабкаться. Государство, именуемое ныне Российской Федерацией, перестанет существовать. На его месте возникнет новое государство, гораздо меньших размеров, или, скорее, несколько государств, которые будут иметь с исторической Россией не больше общего, чем нынешняя Греция с древней Грецией или Византией, нынешний Иран — с древней Персидской империей или латиноамериканские республики — с Испанской империей.

Джульетто Кьеза озаглавил свою последнюю книгу «Прощай, Россия!» Какой-то «умник» уже сравнил его с маркизом де Кюстином, хотя между этими двумя авторами нет решительно ничего общего. Кюстин был в России мимолетом, а Кьеза жил здесь много лет, хорошо знает нашу страну и прощается с ней с болью. Но понимает, что пришла пора прощания. Конец неизбежен вследствие физической неспособности народа переломить сложившуюся экономическую и политическую ситуацию.

Поздно говорить о спасении России. Спасать надо то, что еще можно спасти. Спасать здоровые элементы, которые имеются во всех слоях общества. Они со временем составят новую нацию, которой и потребуется национальная идеология, не пользующаяся сегодня спросом на рынке.

Естественный отбор работает. Он косит старых и молодых. Решает в данном случае не возраст. В пьесе Б. Шоу «Простачок с Неожиданных островов» происходит Страшный суд, который заключается в том, что исчезают люди, не оправдывающие свое существование, не нужные для будущего.

Люди, обладающие национальным самосознанием, должны понять, что они стали сегодня в России «малым народом». И. Шафаревич придал этому термину отрицательный смысл, но русские националисты должны отдавать себе отчет в том, что они сами принадлежат теперь к «малому народу» и должны действовать впредь только в своих интересах, предоставив «большому народу» идти своей дорогой, как сказал Ф. Ницше, воистину темной дорогой, не освещенной ни единой надеждой.

Наличие национального самосознания — единственный признак принадлежности к этому «малому народу», никаких других критерий здесь нет, ни возрастных, ни классовых. В него могут входить интеллигенты, предприниматели, рабочие, крестьяне, все еще оставшиеся в обществе здоровые элементы, но спасение не придет от какого-то определенного класса - от буржуазии или пролетариата.

Некоторые «демократы» ехидно предлагают патриотам повеситься, потому что народ не оправдал их ожиданий. Но самоубийство это акт отчаяния, а отчаяние порождается крахом иллюзий. Однако иллюзий не было и нет у тех, кто давно понял, что произошел процесс необратимого биологического вырождения русского народа, большинство которого превратилось в безформенную массу. И национально мыслящее меньшинство должно заботиться только о себе, потому что оно теперь и есть Россия. Будущая Россия.

А нынешнюю Российскую Федерацию ждет неизбежный распад, причем процесс этот не обязательно будет таким же спазматическим, каким был распад СССР. Возможна и «модель прокаженного»: у человека отваливаются куски тела, а человек продолжает жить.

У России отмерзают, а потом начнут отваливаться, прежде всего, её северные конечности. Когда-то надеялись, что богатства России будут прирастать Сибирью, сегодня в перспективе утрата и Сибири, и ее богатств. Север дает России две трети всех валютных поступлений, почти весь газ, золо-

то, алмазы, и без государственной поддержки страна может все это потерять. А с поддержкой этой дело обстоит все хуже и хуже. Федеральная финансовая поддержка северного за-воза была в этом году секвестрирована более чем на триллион рублей, а из проекта бюджета на 1998 г. эта строка вообще исчезла, что катастрофически скажется на и без того тяжелой ситуации в районах Крайнего Севера.

Север обезлюдывает. Население Чукотки с 1990 г. сократилось в 1,8 раза, численность населения Магаданской области за последние шесть лет снизилась на 34%. Люди уезжают с Сахалина, уезжают из Якутии, в Красноярском крае разрабатывается план эвакуации из Норильска населения, ставшего вдруг лишним. Причем ни на переселение, ни на жилье государство денег не дает — каждый спасается как может. А на освобождающиеся области уже есть претенденты. Один американский журнал давно носится с идеей покупки у России по примеру Аляски Восточной Сибири до Енисея и Ангары.

Перманентный кризис в Приморье — явление того же порядка. Только Дальневосточная республика, если таковая и возникнет, вряд ли долго просуществует. Китай не преминет воспользоваться случаем, чтобы вернуть себе земли, которая Россия отторгла у него по Айгуньскому договору 1858 г. и Пекинскому договору 1860 г. тоже воспользовавшись гражданской войной и англо-французской интервенцией в Китае. Тогда и Япония сможет не клянчить больше Курилы: они сами упадут ей в пасть, как созревший плод.

Недавно газета «Завтра» задала риторический вопрос «Станут ли русские травоядным народом?» Она предостерегающе помянула «огромных, неповоротливых динозавров... вяло жующих траву, которые стали добычей хищников», блеснув тем самым глубиной своих познаний в области палеонтологии. (Почему-то вошло в моду называть всех вымерших рептилий «динозаврами», хотя это был особый вид, и притом как раз хищный, а не травоядный, но суть не в этом.)

Русские уже стали травоядным народом, и отгрызание российских территорий на юге одной Чечней не ограничится — на очереди Дагестан и Ингушетия. Но еще опасней ситуация в Татарстане и Башкирии вследствие географического положения, экономического веса и политического значения этих республик, где к тому же действует тот же исламский фактор. Эти республики — кривой мусульманский ятаган, который может отсечь Европейскую часть России от ее Азиатской части.

Президент Башкирии М.Рахимов открыто сожалеет, что лишь 37 км территории Оренбургской области отделяют Башкирию от Казахстана, однако федеральные власти смотрят на башкирский сепаратизм сквозь пальцы, а русское население Башкирии, как и везде, с барабанной покорностью готово смириться с любой судьбой, даже с судьбой невольников новой Орды.

Зов крови и идеология

Мы уделяем здесь так много внимания крови, потому что «Миф XX века», как озаглавил свою книгу А. Розенберг, это, по его же собственному определению, «миф крови», «новая вера», которая видит в крови «божественную сущность человека», «религия будущего».

Кровь это не просто красная жидкость, которую можно исследовать в пробирке, а национальная принадлежность. Это не второстепенный факт, которым можно пренебречь, «был бы человек хороший», а судьба, обязанность выполнять определенную миссию в этом мире. Восприимчивость или, наоборот, невосприимчивость тех или иных народов к определенным религиям и идеологиям не случайны; различия в формах государственности целиком зависят от расовых различий; литература, искусство, наука — все это лишь разные проявления голоса крови.

А. Розенберг действительно творил миф, но подлинно мифическим элементом в нем была теория о неких особых каче-

ствах и преимуществах именно нордической крови. Сегодня эта теория с успехом пересматривается.

Жан Тириар правильно предостерегал молодых романтиков из крайне правых организаций от увлечения «нордическим хламом».

Г. А. Амодрюз пишет в своей книге «Мы — другие расисты»: «Национал-социализм не включает в себя целиком расизм, который существовал до него и пережил его. Несомненно, национал-социалистские руководители совершили ряд ошибок, иначе они выиграли бы войну...

Назовем главную из этих ошибок, которая касается национал-социалистической концепции расизма. Она была слишком узкой и ограничивалась нордическим типом. Она привела, в частности, к тому, что с народами Восточной Европы — поляками, украинцами, русскими — обращались как с покорёнными, вместо того, чтобы сразу же подключить их к антикоммунистической борьбе. Есть все основания думать, что это теоретическое заблуждение было решающей ошибкой».

«Социально-расовый манифест», напечатанный в названной книге Амодрюза, а теперь, наконец и на русском языке, исходит из наличия в Европе пяти расовых типов, которые должны рассматриваться как равноправные. Это: 1) нордическая раса — светлые долихоcefалы, 2) альпийская раса — темные брахиcefалы, 3) восточно-балтийская раса — светлые брахиcefалы с небольшим носом и выступающими скулами, 4) юго-западная или средиземноморская раса — темные долихоcefалы и 5) динарская раса — темные брахиcefалы с типичной формой черепа с как бы обрезанным затылком.

Что означают слова «Мы — другие расисты»? Все очень просто. Справедливо осуждая расизм как проповедь превосходства одной расы или одного народа надо всеми другими (немецкий - «народ господ», «богоизбранный» еврейский народ и т. д.), мы не должны выплескивать вместе с водой ребенка и пренебрегать теорией, изучающей различия между

расами и нациями. Не задумываясь над вопросом о психологической совместимости разных народов, их насильственно запихивают в пресловутый «плавильный котел» в надежде, что они в нем переплавятся в нечто полезное.

Эта переплавка даёт отрицательный результат, если смешиваются не близкородственные расы (вроде перечисленных европейских), а, например, белые и негры. Жак де Майе, директор Института науки о человеке в Буэнос-Айресе, пишет в своем «Кратком очерке биополитики», что у новой расы, образовавшейся в результате такого смешения, навсегда исчезнут энергия и творческие способности, характеризующие арийские народы.

По словам Ж. де Майе, ценность сообщества зависит от общей наследственной массы, но это верно только для однородных сообществ, в разнородных же мы имеем не одну, а несколько разных наследственных масс. Устойчивость общества от этого, разумеется, не повышается.

Новая ситуация, в которой оказалась Россия, требует новых подходов, на одном традиционализме нам не выехать из исторической ямы и не создать ту национальную идеологию, о которой все вдруг хором заговорили по команде президента. «Просвещенные патриоты» из нашей творческой «элиты», которые привели русское национальное движение к позорному провалу, все время двигались вперед с головой, обращенной назад. В этой связи возникает задача преодолеть болезни классической русской философии, наблюдаемые, в первую очередь, у Вл. Соловьева, Н. Бердяева и С. Булгакова.

“Русскую идею”, только она вновь забрезжила в политике, сразу же пытаются столкнуть на ложный путь.

При первой же попытке заикнуться о своих правах русским задают контрольный вопрос: «А кого считать русским?» Почему-то не спрашивают, кого считать грузином, немцем, латышом, евреем и т. д., а вот от русских непременно требуют, чтобы они предъявили какое-то удостоверение национальной идентичности. Подмечено, что этот наглый вопрос

часто приводит русских в смущение, и они начинают бормотать что-то «политически корректное».

«Политически корректным», т. е. ежели по-русски, правильным, считается такой ответ: «Русский — тот, кто вне зависимости от своего этнического происхождения принимает нормы русского культурного поведения как свои». К этому добавляется для разъяснения: «Нация и национальное государство образуются общностью культуры, а не крови и этнического происхождения». Цель в данном случае состоит в том, чтобы никого — прежде всего авторов такого рода тезисов — не спрашивали об «этническом происхождении».

В том же направлении предпринимают усилия те, для кого русские — не нация, а «сверхнация» с изначально смешанными этническими корнями. В этом случае спутником любых умопостроений является удрученность перспективой утверждения в России национальной идеи «нормального среднего государства», печаль по «вселенскому размаху культуры» и надежда толкнуть русских к поиску не национальной, а мировой идеи.

Помимо играющих в традиционализм публицистов, у нас обнаруживаются и любители трансцендентных исканий. Например, эволианец С. Кургинян, в статье которого «Красный смысл» содержится утверждение, будто «вне ответа на вопрос о Смысле Жизни жизнь прекращается», а «отбрасывание невещественных аспектов человеческой реальности... это признак гуманитарного невежества».

Кургинян может писать слово «смысл» со сколь угодно большой буквы и окрашивать его в любой цвет, но ему никуда не уйти от трагических уроков истории: именно навязывание людям всякого рода «смыслов жизни» превращало их жизнь в безмыслицу и в ад. Как писал Р. Роллан в романе «Клерамбо», «для человека безопаснее быть откровенным скотом, чем наряжать свое скотство в лживый и болезненный идеализм... Он извращает свои инстинкты, углубляя их в единственном направлении. Все, что уклоняется от предна-

чертанной линии, стесняет узкую логику его мысленной постройки, он не только отрицает, он просто разрушает во имя священных принципов. В живой бесконечности природы он производит огромные порубки, чтобы позволить существовать единственно избранным им древам познания: они развиваются в пустыне и на развалинах, чудовищным образом». Так что смысл жизни — это прокрустово ложе, в которые пытаются насильственно втиснуть жизнь.

Те идеи, которые уже пережиты и преодолены Западной Европой, для России внове. У нас никогда не было национального государства, нам его только предстоит создать, если мы соберемся это сделать. Над нашим сознанием довлеет мираж империи. Самой империи уже нет, но имперское сознание осталось. А тут еще проник на российский рынок и стал входить в моду Эволя с его имперскими идеями — вот и встретились “два одиночества”.

Однако у нас опять не с того конца свечу жгут. Услышали про национальную идею, сели на эту тематику и поехали. И опять остается без внимания вопрос: а кому, собственно, ту или иную идею намерены скормить? И в коня ли корм? За разговорами о национальной идее забывают поинтересоваться реальным состоянием нации. А состояние это таково, что его одной идеей не вылечишь.

Энергия новой нации

Ещё в середине прошлого века Оттоманскую империю сравнивали с больным человеком. Болезнь эта, однако, затянулась надолго. Турки теряли одно за другим свои владения в Африке и в Европе, но достаточно большую часть своей империи им все же удалось сохранять. Окончательный крах наступил лишь после Первой мировой войны. Севрский договор 1920 г. фактически оставил туркам небольшой участок земли между Анкарой и Черным морем. В 1921 г. греческая армия подошла к Анкаре. И только тогда турки, наконец, про-

снулись, собирались с силами, перешли в контрнаступление и вытеснили греков из Анатолии.

В результате возникла новая Турция, более близкая по типу к мононациональному государству, хотя в ее пределах остались значительные инородные вкрапления (прежде всего, курдское меньшинство), что привело к затяжному межнациональному конфликту. Это уже не была империя во главе с султаном, номинально считавшимся главой всех мусульман (что не помешало, однако, арабским мусульманам восстать против него), а республика, которую возглавлял масон Кемаль Ататюрк. Роль национальной идеологии играла программа партии кемалистов, символизируемая шестью стрелами.

Турция гнила долго, но времена были другие: в нашем веке все процессы ускоряются, так что рассчитывать на столь же долгое гниение Россия, «больной человек» конца XX века, не может.

Нынешнюю ситуацию в России часто характеризуют как «стабилизацию через застой и деградацию и постепенное, но перманентное сползание в «третий мір», «стабилизацию гниения». Известный экономист С. Глазьев предупреждает, что «после нескольких лет такой политики Россия обречена стать колониальной страной, расчлененной на сферы влияния... управляемые зарубежными корпорациями». Он только напрасно надеется, что «закрепление колониальной зависимости России вовсе не обязательно предполагает лишение ее формальных признаков политического суверенитета». Расчленение ее на сферы экономического влияния неизбежно повлечет за собой и политическое расчленение. И никакого сопротивления это не вызовет. Сегодня в русском народе возобладал тип Смердякова, американофильствующего обычного человека, рассуждающего точно так же, как вышеупомянутый персонаж Достоевского, который желал «уничтожения всех солдат» и считал, что хорошо, если бы «умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

До каких пределов будет сжиматься русская пружина, до какой “Анкары”? И сжавшись, сможет ли распрямиться, или просто сломается?

Есть такой тезис, что чистота міровоззрения зависит от чистоты крови. Он верен лишь частично. Действительно, у людей смешанного происхождения, как правило, и в мозгах мешанина, но даже самая чистая кровь может со временем загнить, как стоячий пруд.

Возьмите Швецию: чем не заповедник чистейшего нордического типа, вызывавшего такое восхищение в нацистской Германии. И что же? Швеция занимает сегодня чуть ли не первое место в міре по количеству самоубийств. Так что одной чистоты крови мало, необходим еще энергетический заряд, то качество, которое Л.Н.Гумилев называл «пассионарностью». А шведы это качество давно утратили, они не воюют уже с наполеоновских времен.

Пассионарность русского народа была необыкновенно велика, но в бурях XX века она истощилась до такой степени, что народ впал в какой-то ступор, в состояние апатии, полного безразличия к собственной судьбе, к судьбе страны. В этом состоянии он не способен воспринять никакую идеологию, ни старую, ни новую, взывать к нему — пустая трата сил.

Представьте себе бегущую в панике огромную массу. Никто не сможет остановить ее, повернуть, заставить снова сражаться против того, что ее так напугало. Пропустите эту массу: пусть она только не затопчет вас самих. Вы знаете, что бегство не спасет ее от смерти, но лучше не пытайтесь спасти обреченных. Пусть свершится то, что должно свершиться. А потом соберутся те, кто останется, те, кто ожидал этого исхода, те, кто готов продолжать борьбу, кто знает, что врага можно победить, но иными способами и средствами.

Чтобы она могла распрямиться, нужно спасти и собрать из моря смердяковых все здоровые элементы, объединить их, сплотить, сформировать из них твердое ядро будущей рус-

ской нации, той, которой предстоит жить, а не той, которая сейчас вымирает.

Реальным осуществлением этой тяжелейшей исторической задачи уже занимается А. Белов, статья которого носит гордое название «Нация, которую мы создадим». А. Белов имеет мужество признать, что произошло вырождение нации, что практически нации уже не существует, и говорит о «необходимости осуществления процесса формирования нового народа, идущего на смену умирающему русскому национальному элементу».

Многим современным политикам эта формулировка кажется ошибочной – мол, русская нация уже давным-давно сформирована. Однако та нация, которая сформирована «давным-давно», теперь вымирает - например во Владимирской области за 10 лет рождаемость сократилась в 4 раза. И речь теперь идет о формировании новой нации.

Для достижения этой цели необходима новая национальная идеология, основы которой заложены у классиков русской национальной мысли, которых конечно же не нужно гуртом сбрасывать с парохода современности, - прежде всего, у Н.Я.Данилевского, которому удалось преодолеть мессианизм ранних славянофилов и Достоевского - тенденцию, в высшей степени опасную для любого национализма, способную разить у нации манию величия и привести эту нацию к плачевному финалу.

Сегодня снова национальную идеологию пытаются на-дуть, как шину, «духом» или сделать из этого «духа» нечто вроде идеологической воздушной подушки. И опять вне поля зрения оказывается зависимость этого духа от его материальной, физической базы.

Зависимость эту ни в коем случае не следует понимать примитивно, наподобие того, как обычно перевирают Ювенала, говорят: «В здоровом теле — здоровый дух», в то время как Ювенал всего-навсего выражал пожелание: «Хорошо бы, чтобы в здоровом теле был еще и здоровый дух», т.е. во-

все не утверждал, что одно механически вытекает из другого. Диоген был еще более категоричен и на вопрос, почему атлеты такие тупые, отвечал: «Потому что в них много бычьего и свиного мяса». Так что вышеупомянутые «здоровые элементы» это вовсе не рэкетиры, набранные из «качков», хотя газета «Завтра» от отчаяния пытается возлагать какие-то надежды на эту публику, как когда-то Бакунин надеялся на «разбойный мір».

Многие, напротив, продолжают уповать на Православие, хотя оно не спасло Россию от катастрофы 1917 года, а сегодня Церковь снова вынуждена пресмыкаться перед Ельциным и играть позорную роль национальной декорации при антинациональном режиме.

Хотя Православию привержены многие русские люди чистых кровей, мнящие себя продолжателями русской духовной традиции, но дух может загнить так же, как и кровь.

Никто, например, не сомневается в том, что зороастризм был подлинно национальной религией древнего Ирана. Но уже в III веке н.э. она превратилась в «догматическую религию централизованного государства», поддерживаемую бюрократией, оружием и властью «царя царей» Ирана. И в Иране установился режим «религиозного мракобесия». Исследователь зороастризма Мэри Бойс не соглашается с исламскими толкованиями, согласно которым эта религия к VII веку «была настолько мумифицирована обрядностью и формализмом, что потребовался лишь один удар меча завоевателей, чтобы уничтожить ее», но в этом толковании есть большая доля истины.

Судьба древнего Ирана для нас вообще очень поучительна. Упомянутый VII век был вершиной его могущества, иранские войска стояли у стен Константинополя и дошли до Нигера, но — держава перенапряглась и рухнула в том же веке под ударами арабских завоевателей, принесших с собой и новую религию.

Современный Иран — только часть той древней империи, и скрепляется он исламом шиитского толка, а не зороастризмом, существующим еще кое-где в качестве реликта. Религия инородного происхождения помогает сохранять единство довольно разношерстного по своему этническому составу государства. Примерно такую же роль играла коммунистическая идеология в Советском Союзе, правда, в той мере, в какой Сталин придал ей на практике характерные черты национал-социализма — как только снова возобладал изначальный марксистский «интернационализм», страна развалилась.

Путь от Ирана зороастрийского к Ирану шиитскому был гораздо более долгим, чем путь от Турции султанской к Турции кемалистской. А сколько еще будет крутить Россию вовороте истории между Сциллой православной монархии и Харибдой «реального социализма»?

Ожидание национального лидера

Сегодняшняя российская власть осознает, что голоса оболваненного большинства еще не придают ей, власти, тот священный ореол, в котором она нуждается. Поэтому власть и затосковала по национальной идеи и стала нарочито окружать себя бутафорскими символами российской имперской государственности.

Имперскоевеличиепривлекаетиидеологов-националистов. Действительно, национальное государство и империя не обязательно противоречат друг другу. Все дело в том, какой смысл вкладывается в слово «империя». Если речь идет всего лишь о восстановлении любым путем прежних границ Российской империи или Советского Союза, то чем быстрей мы освободимся от пережитков такого «имперского сознания» тем лучше. Если же речь идет об особой форме организации власти — мы имеем дело с продуктивным подходом.

Если проследить историческую эволюцию термина «imperium», то Римская империя (в латинском языке это слово мужского рода) во главе с обожествленным императором

— явление позднее, а первоначально имелся в виду всего лишь определенный круг властных полномочий. Так, консулам принадлежала высшая власть («*imperium majus*»), претор, следивший за охраной порядка, имел «*imperium minus*». Поэтому в России, с этой точки зрения, каждый министр — такой «меньшой император». А поскольку римские наместники тоже имели «*imperium*» в пределах управляемых ими провинций, то и каждый российский губернатор — тоже, в какой-то степени, «мини-император».

Ю. Эволя уважал только такую власть, которая зиждется на некоем «сакральном» начале. Но первоначально у Цезаря не было никаких «сакральных» обоснований его притязаний на высшую власть, он долго боролся за нее, притом в качестве вождя партии демократов. Сакрализация его власти была осуществлена уже задним числом. Вспомним, что обожествление императоров началось с Цезаря, который был объявлен «божественным» через полтора года после того, как его убили. Его преемник Август уже при жизни именовался «сыном божественного Юлия», а после смерти также удостоился звания «божественного».

Наши нынешние власти очень хотели бы тоже выглядеть «сакральными» наподобие «помазанников Божьих». Церковь, конечно, если ей прикажут, помажет кого угодно и чем угодно, но беда в том, что сакральности у власти от этого не прибавится. Времена не те.

Выдвижение лидера — чисто биологический закон, действующий и в человеческом обществе. Из общества выделяется некая личность, которую мы называем харизматической или пассионарной, имеющая в себе заложенные от природы задатки лидера, и личность эта любыми правдами и неправдами пробивает себе дорогу к власти, а у тех, кто не способен сделать то же самое, рождается в душе суеверный ужас перед победителем. Этот ужас и создает вокруг власти мистический ореол. Ничего «трансцендентального» и «сакрального» в этом нет.

В Евангелии от Иоанна говорится: «В начале бе Слово». История дает нам много примеров, когда «в начале бе Личность», а потом историки изучают созданную этой Личностью систему и соответственно называют ее собственным именем основателя, рассуждают о цезаризме, бонапартизме, кемализме или голлизме и гадают: в чем суть? А ответ уже заключён в самом имени.

Перед нами уже прошли унылой чередой несколько личностей, которых поначалу принимали за харизматиков, но потом на смену кратковременному восхищению приходили разочарование, насмешки, а то и ненависть. Ельцин, Жириновский, Лебедь... Кто следующий?

Вопреки рекламе, которую часто крутили во время прошлогодних президентских выборов, нет такого человека, и вы его не знаете. Но будет. Даже если Россия обречена на гибель. Как писал Т. Моммзен в своей «Истории Рима», «подобно тому, как после пасмурного дня солнце показывается в минуту заката, так судьба дарует погибающим народам последнего великого человека».

Новая национальная идеология только тогда сплотит новую русскую нацию, когда выдвинется лидер, который возьмет эту идеологию на вооружение. Без него она — только сказочные доспехи, ждущие своего богатыря.

(Первая публикация: сборник
«Расовый смысл русской идеи», вып. I. М., 1999)

ЭКЗОРЦИЗМ ЕВРОПЫ

Наступающий «по всем фронтам» в СССРФ реванш Со-вка означает, с точки зрения геополитики и геософии, реванш Евразии. Символика сего «процесса» подчас крайне выразительна. Так, «на днях», в Москве площадь Европы переименовали в площадь Евразии. Постановление уже подписал мэр Сергей Собянин (евразийское погоняло «Оленевод»), пишет РИА Новости. Решение, как пишет агентство «Прайм», отражает «намерение Москвы придать площади новое название, отражающее более широкую географическую концепцию Евразии». Площадь Европы построили в 2002 году возле Киевского вокзала как символ единства Европы в рамках совместного российско-бельгийского проекта. Ряд наших «корреспондентов» произошли в «арийском юморе», комментируя сие: «Ну, кто там бывал, знает, что европейцев в округе не много. А вот евразийцев полно. Правильное решение!» (Р.П.); «Лучше б сразу именем Дугина» (Д.Т.); «Компромиссным вариантом было бы Азиопы. А вокзал как будут переименовывать? Золотоординский? Улусджучивский? Пора объявлять конкурс. А гостиницу, - сарай орда? Какое поле для творчества. А метрополитен им. товарища Кагановича? Объявление: станция ордынская, переход на монголотатарскую линию, осторожно двери закрываются, следующая станция пхеньянская» (С.С.). Et cetera...

В давнем 1996 г. (можно сказать, «в другую эпоху») наш покойный соратник Владимир Авдеев написал боевитый текст «Сначала Евразия, теперь Азиопа» с подзаголовком: «из наблюдений над жизнью сборщиков милостыни». Текст, как оказалось, с оттенком профетизма (несмотря на ряд спорных пассажей, касаемо «Третьего Рима и Третьего Райха»), хотя высказанные там Автором надежды касаемо возможности скорого изгнания «демонов Евразии» на днешний день (особо исходя из наблюдений «за жизнью оленеводов») и пред-

ставляются слишком «оптимистичными»... Покамест красноордынская Евразия остервенело осуществляет «экзорцизм Европы»: «Вообще конечно завораживающая война Символов. Украина, помешающая древний трезубец Рюриковичей на щит Родины-Матери. Армейские бригады, названные в честь короля Даниила и рыцарей Зимнего похода. Крест, возвращённый на борта танков. И переименование в Москве площади Европы в площадь Евразии. Советские названия оккупированных улиц и городов. Уничтожение в путинском государстве последних следов Руси» (Роман Попков). Но у словосочетания «экзорцизм Европы» может быть двойное прочтение: се – может быть прочитано и как изгнание Европой «демонов Евразии». В качестве предвестия сего «экзорцизма Европы» воспоминем ставший «классикой» текст Вл. Авдеева:

Наконец-то теория евразийства, столь долго пленявшая умы русско-советской разночинной интеллигенции, обозначила себя во всей своей расовой красоте. Если первые волонтеры этой концепции, находившиеся под опекой русской монархии, а затем обширной советской державы, методично заученно говорили о славяно-турецком союзе, о единении православия и ислама, то стоило лишь обоим этим государственным колоссам стать достоянием истории, как расоворелигиозный аспект начал неумолимый дрейф все дальше и дальше от интересов белых европейцев, собранных под эгидой этой концепции. Главы среднеазиатских республик, едва впервые в своей истории придумав флаги, гимны и иные атрибуты государственности, с подачи секретных философских агентов начали открыто вещать уже о тюрко-славянском союзе. Православный крест как символ трещит все сильнее от биений зеленого стяга исламского фундаментализма, натянутого на него в угоду желаниям евразийских идеологов.

Вчерашиние секретари среднеазиатских обкомов компартии, чьим пределом мечтаний были закрытые обкомовские

распределители и закрытые обкомовские же гаремы, едва за-видев некое замешательство в европейском секторе евразийского конгломерата, очень быстро прочувствовали ситуацию, желая перевести стрелки духовного лидерства на себя. Хваленая евразийская солидарность, на которой Л. Н. Гумилев вместе со своими эпигонами умудрились построить метаисторическую концепцию целого континента, растворилась в одночасье. В якобы равноправном союзе лесных и степных народов, оседлых и кочевых этносов, предпочтение уже открыто отдается вторым. Евразия, получившая свое имя от союза Европы и Азии, усилиями своих пропагандистов теперь уже открыто превращается в союз Азии с Европой, и поэтому должна по справедливости называться — Азиопа. В конце концов, название должно точно отражать суть предмета.

Еще вчера идеологи этой концепции строили свои спекулятивные доводы о единении экономик оседлых и кочевых народов, однако они быстро сменили тональность увещеваний, как только кочевые народы, поддавшись неистребимым инстинктам, присвоили себе все, созданное на их территории трудом и талантом народов оседлых. Едва цивилизованные народы евразийского пространства оказались в политическом и экономическом затруднении, лишенные национальной идеологии и приоритетов, тотчас ментальность ордынского дикаря, привыкшего жечь, насиловать и грабить, выплеснулась наружу. Подвиги хромого кочевника Тамерлана вновь ожили в сознании любителей наживы.

Открытый грабеж этот был санкционирован и направлен именно евразийской концепцией, именно евразийцы оправдывали крах царской России, как позже благословили раздел СССР. Будто связанная руками фокусника из разноцветных веревок, эта концепция по желанию наемного обманщика может незаметно развязываться, собираясь в любые сочетания. Сохраняя одни и те же исходные этнопсихологические и geopolитические компоненты, иллюзионисты от евразийства

умеют собирать самые разные красочные идеологемы, давая им по старинке все одно и то же название.

Двигательной энергией этого иллюзионистского обмана является так называемая концепция пассионарности, сформулированная Л. Н. Гумилевым. Пассионарием объявляется человек с избыточной энергетикой, коему не сидится дома, и он пускается искать приключения на свою голову. Народы же, захватывающие чужие пространства и создающие таким образом государства, объявляются пассионарными.

Однако, как и в случае с Евразией-Азиопой, здесь всю архитектонику умысла легко уяснить из названия. Слово «пассионарий» берет свое происхождение от английского «passion», что означает страсть в ее самом низменном, животно-половом влечении, не отягощенном никакими интеллектуальными, моральными или эстетическими атрибутами. И если евразийцам незнание английского языка простительно, ибо для них это символ ненавистного атлантизма, изначально враждебного континентальным народам, то всем остальным нормальным людям мы все же предложили бы задуматься над уместностью использования данного термина, служащего для эталонного обозначения принципов формирования всей мировой человеческой культуры. Потому мы предлагаем в целях исторической справедливости не отделять научное детище от автора, и вместо слова «пассионарий» употреблять «гумилёид». Пусть порождение смело несет имя своего создателя.

Присмотритесь внимательнее к евразийским мистериям Л. Н. Гумилева — это царство духа наживы и сексуального бандитизма. Нигде на страницах его многотомных сочинений вы не встретите апологии интеллекта, духовности, творчества. Возникновение всех культур, государств, религий было вызвано, по Гумилеву, революцией пустых желудков и набухших гениталий, а великое Русское государство строили удачливые и предприимчивые метисы. Роль личности, с присущими ей духовностью и моральными обязательствами,

совершенно выведена за рамки этой убогой историософии. Дикий необузданный варвар-гумилеид — вот герой этих комиксов, которыми так любят забавляться отечественные философы-патриоты. Что ж, как гласит народная мудрость: ворон к ворону летит. Будто стервятники, гиены и шакалы, льнут к евразийству все, привыкшие питаться умственной падалью. Повинуясь инстинкту хищников, они выстраиваются в очередь, чтобы дождаться права на лакомство. Подчас достаточно посмотреть на внешний облик человека и выслушать всего несколько его фраз, чтобы изобличить в нем евразийца. В стиле одежды, в поведении, в манере построения предложений это угадывается без труда. Человек, привыкший набрасываться в стае и урывать кусок, маргинальный по своей генетической сущи и умственной конституции, лишенный всякого аристократизма, не способный к индивидуальности и разделению — вот подлинная суть евразийца. Они все время вызывают ощущение какой-то непромытости, которая распространяется у них до самых высоких метафизических сфер. Наблюдая за мыслительным процессом евразийца, невольно замечаешь, как он все время перескакивает с одной крови на другую, из числа в нем намешанных, и не умеет толком остановиться ни на одной. В этом его трагедия. Евразиец — это расовик-затейник, культурмичуринец. В неудобоваримой мешанине он чает найти долголетие, плодовитость и выносливость, и чем больше загубленных исходно-чистых биологических культур он обнаруживает, тем более научной считает свою теорию. Евразийцы, увлекшиеся этой теорией, ввиду своей расовой близорукости даже не замечают, как утеряли всякую независимость. Евразийство — это болото, его единственное назначение — умственное засасывание неосторожной жертвы, потерявшей из виду ограничительные вешки своей расы.

Для того, чтобы найти истоки евразийства в его нынешнем необузданном лицемерии, нужно из области философского анализа опуститься на уровень социобиологический и

антропологический. Псевдонаучные категории в евразийстве изобретаются для того, чтобы затенить всю неумолимость биологического происхождения этого міровоззрения. Чтобы понять экосистему евразийской ментальности, достаточно понаблюдать на улицах Москвы за сборщиками милостыни и теми, кто ее подает. Самый процесс подачи денег здесь является своеобразным знаковым ритуалом, означающим причастность к единой энергетической системе.

В природе существует фатальная биоэнергетическая связь между попрошайками и дарителями. Это элементы единой экосистемы, которые не могут существовать друг без друга. Причем, если дарителем движет потребность избавления с помощью денег от некоего внутреннего комплекса вины, то попрошайкой движет вовсе не просто желание элементарной наживы. Деньги в этой схеме несут второстепенную, лишь знаковую, нагрузку. Главное — это распределение энергии в экосистеме. Все профессиональные нищие ненавидят дарителей. Унижение от принятия милостыни в сознании попрошайки компенсируется ненавистью к дарителю. Попрошайка лакомится не деньгами дарителей, а энергией их сознания, закомплексованного неким чувством вины. Прощение милостыни обставляется как легенда, театральное шоу с элементами религиозной Эсхатологии. Попрошайка поедает чужую энергию раскаяния и сострадания, ибо это биоэнергетические деликатесы.

Блестящий французский историк античности и раннегого христианства Эрнест Ренан великолепно описал этот культурно-психологический феномен, назвав многие народы древности «профессиональными нищими». Гитлеру просто не повезло, когда на него, как на крайнего, списали все грехи некоторых предшествовавших антропологических реалистов. Он выдумал национал-социализм, но цыган он не выдумывал. Однако даже закоренелые антифашисты не смогут изменить этническую статистику на улицах Москвы. Неподвластна им и этнопсихология, ибо это весьма строгая наука, а

также потому, что наибольший цинизм, наглость, нищенский профессионализм выказывают именно люди южного и восточного происхождения. Белые европейцы, очутившиеся в подобном положении, испытывают нескрываемое этическое неудобство. Потомки же кочевников обнаруживают завидный психический комфорт, что не мешает им собирать милостыню и с оружием в руках.

Нищий североевропейского происхождения сидит на месте или обходит некое собрание людей, обращаясь к обществу в целом, его поведение не избирательно и ненавязчиво. Представители народов из числа «профессиональных нищих», напротив, всегда ищут конкретную жертву своих домогательств, настаивают, трогают ее руками.

Их поведение развязно-агрессивно, а самое главное — персонифицировано. Они прекрасно чувствуют, к кому нужно подходить, а к кому нет. Их нищенство на биологическом уровне переходит в вампиризм. Улавливая тончайшие флюиды психической энергии, они безошибочно выбирают жертву. Наследственное чутье паразита неотвратимо влечет их, словно магнит. Не деньги главное для них, но энергия. Генетически не способные к созданию науки, промышленности, искусства, государственных форм, они автоматически липнут к людям с высокой и чистой энергетикой. Как сказочный вурдалак, они моментально находят артерию, чтобы насытиться. Их природная назойливость ничем не отличается от надоедливости навозной мухи, комара или вши.

Функция порождает орган — гласит правило физиологии, это справедливо и для паразитизма. Психофизиология поведает нам способ, каким этот орган применяется. А такие науки, как этнопсихология, социобиология и биополитика уведут нас уже совсем далеко. И вот тогда во всей красе и в совершенно ином свете предстанет перед нами до боли знакомое евразийство.

Экономическая концепция евразийства санкционирует не-пропорциональное распределение доходов между народами,

составляющими «большое пространство». Как в условиях СССР, так и теперь, в условиях так называемой рыночной экономики, планово-убыточные автономии откровенно паразитируют на шее русского народа, получая огромные дотации из федерального бюджета. Экономика развитого социализма оправдывала этот грабеж стыдливо-туманным тезисом о «выравнивании темпов развития регионов». Фиговый лист для экономического вампиризма под эгидой капиталистической справедливости, кажется, еще не изобрели.

Аналогичные тенденции мнимой евразийской уравниловки можно легко проследить также в системе высшего и специального образования.

В хваленой евразийской империи СССР это был триумф Азиопы. Русские прочно занимали последнее место по числу дипломированных специалистов на тысячу человек в «семье братских народов». Все мы помним, как откровенно дикие люди приезжали с окраины по целевому назначению компартии получать элитарное образование, а одаренные русские молодые люди и девушки не имели такой возможности, ибо евразийская политика этнической уравниловки являлась самой настоящей дискриминацией для народа, создавшего нашу страну.

Наконец, грандиозный вампиризм заключался в паразитировании на русской культуре и русском языке. Всех любителей национальной автономии за русский счет нужно заставить пользоваться национальными языками и раз и навсегда запретить использование русского языка. Все вопросы государственной экономики, культуры, современной хозяйственной жизни, а также каждого дня информации они должны решать на национальных языках. И нас не касается, имеются ли термины, синтаксические конструкции и мыслительные категории соответствующего уровня в этих евразийских языках. Русский язык объявляется исключительной собственностью народа, его создавшего, а остальные народы должны платить за пользование им. И пусть переводят на свои языки

Хайдеггера и Ницше, Пруста и Уайльда. Но только все, исключений не будет.

Евразийская концепция похожа на путешествие по кругам дантова ада, где на каждом уровне происходит осознанный, рассчитанный вампиризм, где одни с невинным видом и не-приметно обирают других, прикрывая свой хищный умысел сладкоречивым и высокопарным витийством о духовности, братстве, священном и вечном. Для всех пропагандистов евразийской концепции мы приведем лишь одно высказывание основоположника научного сионизма Теодора Герцеля: «Ничто так не расшатывает общественные устои, как милостыня». Уж основатель Израиля знал, что говорил. Милостыня разлагает как дающих, так и берущих ее, ибо и те и другие включаются в игру по передаче социально-психической деструктивности. Всякая ценность труда, его качества, эффективности, професионализма — вся огромнейшая пирамида тончайших общественных отношений, создаваемая поколениями людей, способна рухнуть в одночасье, если кто-то кого-то всего лишь разжалобит и если жалость после этого превратится в эпидемию. Все свойства человеческого духа опустятся раз и навсегда на уровень нищенской шляпы, и та сделается универсальным мерилом духовных ценностей.

Качество концепции и ее назначение всегда тесно связаны с качеством ее носителей. Присмотритесь внимательнее, и Вам все станет ясно. Л. Н. Гумилев, к примеру, никогда не скрывал, что создал свою концепцию в сталинских лагерях. Его теория пассионарности — это изнаночная сторона рабовой теории Третьего Рейха, ибо он умудрился аккуратно собрать все отбросы этнопсихологии, преданные анафеме немецкими антропологами, и смастерить из них свое ужасное этноублюдочное и квазисторическое детище — Азиопу. Заключенные часто от безделья из случайных предметов создают весьма искусные и хитрые кустарные изделия. Эта теория не исключение. Помимо тюремной мудрости «кто — кого», она несет на себе также и явные следы велико-

туркского шовинизма. Русские, а также иные народы ЕВРОПЫ, выглядят в ней глупыми нерадивыми варварами, не способными к самоорганизации, и только степной гений великого Турана, нехотя вторгаясь в эти нескончаемые склоки, приводит их к долгожданному покою и равновесию в законченных государственных формах. Описывая империю турок-османов, Л. Н. Гумилев с головой выдает свой генний штамп тюркофила. Крах этого противоестественного рабовладельческого государства вызывает его неподдельное сострадание. Как было хорошо и культурно, умиляясь говорит он, когда молодой турецкий аристократ обращался к матери по-польски, а к бабушке по-итальянски. При этом кормчий мировой пассионарности из евразийской скромности забывает сказать, что и мать, и бабушка этого молодого турецкого вельможи были просто белыми рабынями, купленными на невольничьем базаре для укрепления и облагораживания разбойничьей крови. Г. П. Клинов гениально окрестил этот прием паразитирования низших рас на высших «генным воровством». Патологическое неприятие всего европейского, открытое прославление тюркского и монгольского міров далее затейливо увенчивается у Гумилева помпезным гимном в честь православия. Естественно, ведь пассивная религиозная доктрина, призывающая к непротивлению, весьма полезна кочевой идеологии.

В своем ниспровержении древних нордических ценностей Гумилев договаривается даже до того, что на Руси волхвы впервые появились в 1066 году как реакция на крещение. Его вопиющая безграмотность питает большое лагерное сознание, ибо в древней языческой религии славян он всюду видит кровавые жертвоприношения. И кто это говорит? Открытый апологет невольничьих базаров, где похотливый узкоглазый бай выбирает себе рабынь для удовлетворения низменных похотей, где маленьких мальчиков обрезают для продажи в наемники или оскопляют для надзирания за гаремами, в которых женщины белой расы всегда ценились дороже? Пока-

зательно, что из всех древних варварских народов он посвятил целую книгу именно гуннам, ибо они единственные были тюрками. Все остальные варвары, вторгавшиеся в пределы культурной античной Европы, были белыми европеоидами.

Евразийская, или точнее азиопская концепция Л. Н. Гумилева — это тюрко-тюремное наваждение, противное всему Белому миру. Современный телерепортер А. Г. Невзоров в одной из передач, посвященной его творчеству, выболтал, что первые издания Л. Н. Гумилева были санкционированы Политбюро ЦК КПСС. Создатели коммунистической неволи быстро увидели в бывшем заключенном своего идеологического союзника. Принцип милостыни выступил здесь во всей своей полноте, и игроки в евразийство тотчас признали друг друга. Интернационал-коммунисты, ненавидящие все русское, быстро подали милостыню тюркофилу со сходными взглядами.

В среде евразийцев национальный русский святой Сергий Радонежский пользуется особой популярностью, русские малограмотные патриоты вторят им весьма истово. Никто, правда, почему-то не вспоминает его напутственных слов Дмитрию Донскому накануне битвы с Мамаем. Вот что сказал этот канонизированный «идеолог созиания русских земель»:

«Твой долг требует, чтобы ты защищал свой народ. Будь готов пожертвовать своей душой и пролить свою кровь. Но прежде предстань перед ханом Мамаем как его вассал и попытайся остановить его своей кротостью, растолковав ему истину. Святое Писание учит нас, что если наши врачи требуют от нас нашей славы, если желают наше золото или наше серебро, мы можем им это уступить. Мы отдадим свою жизнь и прольем свою кровь только за веру и во имя Христа. Послушай, князь, отдай им свою славу и богатство и Бог не позволит тебе потерпеть поражение. Он тебя возьмет, увидев твое смиренение, и Он обуздает их неукротимую гордыню...»

Остается только порадоваться, что Дмитрий Донской не оказался истым евразийцем, так же как не выказал себя и смиренным православным, чего добивались от него Гумилевы древних времен.

Оправдав многовековое монголо-татарское иго на Руси, евразийцы, не долго думая, воспели и революцию 1917 года. Эмигрант князь Николай Трубецкой в 1920 году выступил с прославлением туранского наследия и призывал все народы земли к крестовому походу для освобождения «от гипнотического действия благ цивилизации», ради избежания «кошмара цивилизации». Как и все евразийцы, он одолевал своими призывами из сырой и уютной эмиграции, а отнюдь не из московского штаба большевиков, восставших против Европы. Всю новую историю России, начиная с Петра I, он называл «романо-германским игом», причем более тяжелым, чем монголо-татарское. Другой евразиец князь Святополк Мирский объявил большевистскую революцию восстанием «русских масс против господства европеизированного ренегатского высшего класса», невзирая даже на свою к нему причастность. Русский поэт А. Блок, увлекшись в порыве поэтической архаики, даже называл революцию скифской. Хорошо, теперь будем знать, что Лейба Троцкий и Янкель Свердлов были скифами. Сегодня евразийцы оправдывают развал СССР, завтра они, не моргнув глазом, могут узаконить развал России. Как и положено пассионариям, они живут за счет нестабильности. Брать то, что плохо лежит и оправдывать это — у них в порядке вещей. Они благоденствуют, когда границы государств движутся.

Цеховая солидарность и законы жанра не отпускают евразийцев. А. Г. Дугин на страницах своих книг открыто признается в любви к великому Турану. А современный придворный оскароносный дворянин-режиссер, ведущий свое происхождение от постельничего царя Алексея Михайловича, все время пытается представить пляски цыган как краеугольный камень русской духовности. Меж тем как среди других знат-

ных родов, имеющих иное происхождение, статистика относительно их увлечения цыганским фольклором еще не выведена. Для любителей же трогательных цыганских романсов и задорных плясок приведем лишь одну официальную цифру из документов управления делами при аппарате президента Российской Федерации, констатирующую, что среди цыган зарегистрированные распространители наркотиков встречаются в шестьдесят (!!!) раз чаще, чем среди русских.

Евразийцы составляют единую экосистему, где одни берут милостыню, а другие дают ее. Но нечистая совесть вместе с туманным происхождением уравнивают всех независимо от мнимого положения в обществе. Грехи предков назойливо цепляются за спесь потомков. Паразитизм, пронзая генные слои поколений, рано или поздно выбивается наружу. Рабы, по-прежнему ненавидя рабовладельцев, продолжают искать их, а последние, выпустив всех на волю, терпеливо выискивают, кого бы еще отпустить. Евразийская философия — это уловка голодного безчестного оборванца, тайком выключившего свет во время званого обеда с родовитыми персонами, с тем чтобы скрыть свое мелкое воровство с роскошного стола. Авось не заметят. Евразийцы все как один скрывают свою родословную, они дети «большого пространства», они пасынки «третьего пути». Свои личные наследственные недостатки они хитроумно смешивают в евразийской чехарде времен и народов. Именно во время вселенских пожаров, когда горят библиотеки, они пишут свои труды. Евразийцы беззастенчиво обирают прошлое других, чтобы тем вернее обезпечить себе беззаботное будущее. Они всюду, где кто-то просит милостыню или готов ее дать. Наследственным чутьем паразита они улавливают, к чему можно присосаться, где под маской благочестия и на фоне великих деяний можно выискать свою экологическую нишу.

Евразийство — это не философская концепция, это биологическая конструкция. Великий немецкий расолог XX века Людвиг Фердинанд Клаусс учил, что каждая раса имеет выс-

шую ценность в себе самой и оцениваться может лишь по собственным критериям. Мерки иной расы никогда не подойдут к данной. Евразийство же порождает именно мешанину систем ценностей, а этический хаос рождает гниение ума. Когда Вы оцениваете окружающие народы в соответствии со своими национальными представлениями о добре и зле, а они действуют точно так же, то это лишь порождает этическое замешательство и межнациональные конфликты.

Сегодняшняя Россия, бездумно прикрывающаяся евразийской идеологией в самых ее разнообразных исполнениях, напоминает двуликого Януса, потому что свою расовую неопределенность оправдывает некоей мифологемой «третьего пути». Именно за это Россию ненавидит Восток, ибо она мыслится ему как неумелый эпигон Запада. Ну а Запад, в свою очередь, не принимает Россию за ее неизбывную азиатчину. Именно в этом наша беда. Нас ненавидят за то, что вот уже несколько столетий подряд мы пытаемся усидеть между двух стульев. Мы до сих пор не примкнули ни к чему, все выхаживая наше мичуринское дерево «третьего пути». Именно поэтому нашествия на Россию происходят и с Запада и с Востока, ибо каждый видит в ней врага и угрозу. Выбрав «третий путь», мы окружили себя врагами, не приобретя союзников.

Вы только вдумайтесь! Вот уже триста лет при изучении нашей новейшей истории всех русских людей от мала до велика заставляют восторгаться крылатой фразой, что «царь Петр прорубил окно в Европу». И евразийцы до сих пор приучают нас, как воров-фортовичков, залезать в Европу за новой порцией цивилизации, когда к концу подходит запас от предыдущего воровства. Почему ни один философ до сих пор не возмутился и не провозгласил, что пора научиться пользоваться дверью, как все нормальные люди, а не лазить в окно, подобно ворам-кочевникам?

Ответ на вопрос вновь приходит сам собой при беглом взгляде на биографии евразийцев. Первая волна данной философии возникла в эмиграции в 20-е годы, когда не стало

приснопамятной царской России. Новый рецидив этой теории происходит уже на наших глазах, вызванный кончиной СССР. Евразийство все время является на свет Божий как результат патолого-анатомического вскрытия уже окоченевшего организма. Оно возникает, как эхо — от стены Плача.

Самое же парадоксальное заключается в том, что, как и в 20-е годы, сегодня евразийство возродилось усилиями диссидентов, оппозиционеров, внутренних эмигрантов и всевозможных вечных бунтарей. Это и Л. Н. Гумилев, и А. Д. Сахаров, и множество им подобных. Томительный образ «сумы да тюрьмы» неизбежно витает над творцами этой теории, причем, что поразительно, на ней никак не сказываются причины ни эмиграции, ни заключения.

Зародившееся в конце XIX века усилиями К. Аксакова, А. Хомякова, К. Леонтьева, Н. Данилевского как разновидность обновленного панславизма, евразийство сегодня прочно забыло о своих истоках, выродившись в пантюркизм и панисламизм. Некто З. Краснов открыто предлагает ограничить права русского народа, рекомендуя ему отказаться от статуса государствообразующего народа. Современный евразиец, называющий себя православным, А. Дугин проповедует «исход к Востоку», агитируя при этом за «Европу от Дублина до Владивостока». Но вот его подельщик по теории «большого пространства» исламский фундаменталист Г. Джемаль при этом задается справедливым азиопским вопросом: «Почему Европа до Владивостока, а не Азия до Дублина?» И действительно, какая разница, если пространство общее? Ведь главное, кто громче и наглее заявит в нем свои права на обладание. Когда президент Франции Жак Ширак потребовал объяснений у арабских террористов, убивших нескольких католических священников в Алжире, то в качестве ответа те просто предложили ему принять ислам. Вот это и есть Азиопа во всей своей красе. Это и есть психология уголовника-гумилеида, возомнившего себя мессией и способным оценивать весь мир только по своим меркам.

Европа, никогда не знавшая кочевников Азии, ибо Россия стойко из столетия в столетие закрывала ее своей грудью, должна наконец познать все прелести азиатского менталитета на своей территории. Пусть на куполе Кентерберийского аббатства установят полумесяц, пусть на «железную леди» М. Тэтчер оденут паанджу, пусть работоговцы найдут «достойное» применение многомиллионной армии манекенщиц, грациозно прогуливающихся по подиуму, пусть грузный и величественный канцлер ФРГ Г. Коль по пять раз на дню кладет земные поклоны, стоя на коленях.

ЕВРОПА еще узнает вкус невольничих слез у себя в рту. Главы современных среднеазиатских республик, вылупившихся посредством аборта на территории бывшего СССР, уже нисколько не скрывают, что евразийская концепция нужна им, чтобы воспользоваться во всей мере благами европейской технологической цивилизации. Можно не сомневаться, что этот обмен будет идти по схеме: «мы им пенициллин, а они нам героин». «Великий шелковый путь» давно уже превратился в «наркотическую магистраль».

Для того, чтобы понять, какие перспективы на практике уготованы русским в условиях глобального воплощения евразийской концепции, достаточно посмотреть на США, находящиеся сейчас на грани расового раскола. Белый расизм был уничтожен здесь в самом начале 60-х годов законами президента Кеннеди, однако не прошло и тридцати лет, как его место в законодательной практикеочно занял расизм черных, укрывшийся под названием «афроцентризм». Негры, гомосексуалисты, наркоманы, извращенцы, уголовники и другие носители либерального мировоззрения получают с каждым днем все больше прав и даже привилегий, ибо для всех этих групп населения уже введены принудительные квоты при приеме на работу, при поступлении в университет, при получении пособий. Уже открыто продаются книги, проповедующие биологическое превосходство «черного человека солнца» над «белым человеком льда», а вся история бе-

лой европейской цивилизации выводится как цепь неумелых заимствований из более «древней и высокой» цивилизации черного Египта. Преследования черных борцов за независимость уже сменились преследованием белых правдоискателей. Черные американцы все охотнее принимают ислам, и марш «миллиона черных мужчин на Вашингтон» — это уже начало конца самодовольной и беззаботной «американской мечты».

Здесь также сработал пресловутый принцип «единого пространства» и главенство одних, добровольно принесенное на алтарь мнимого равенства и справедливости, моментально обратилось в угнетение их же. Так же и у нас: преследование русских в Казахстане и поголовное их истребление в Чечне за счет федерального же бюджета Российской Федерации. Евразийская модель четко показала направление своего развития. А чего стоят заявления представителей кочевого народа, утверждающих, что это они построили космический комплекс в Байконуре? Чего стоит уголовный кодекс самопровозглашенной республики народа, не имевшего до нас письменности, где в числе наказаний предусмотрены средневековые пытки?

Сколько евразийца Европой ни корми, он все равно в Азию смотрит. Все беды русских последних столетий происходят из-за архетипической сумятицы в мозгах людей. Евразийские империи царской России и СССР развели в поколениях русских людей особый тип этнического инфантилизма. Возник обширный круг проблем, о которых вдруг стало неприлично говорить. Со временем, миф о братстве народов должен был покрыть очевидные издержки откровенного вампиризма и паразитирования на русской цивилизации и культуре.

С распадом СССР принцип милостыни сработал окончательно. Сознание русского народа отягощено навязанным ему комплексом вины, а все народы, которые получали милостыню, в результате ненавидят русских. Народы, никогда не имевшие письменности, государственной самостоятель-

ности, жившие в первобытнообщинном строе или в лучшем случае влачивашие неприметное провинциальное существование, получив из рук русского народа все необходимые атрибуты цивилизации, государственности и создав некие эрзацы культуры, прикрывшись евразийскими лозунгами, провозгласили суверенитет. Как и в случае с США, народ, создавший огромное государство, сразу же попал в зависимое, униженное положение на своих же территориях. Национальные, а чаще всего племенные и клановые, элиты пришли к власти. Расхожее обвинение в великодержавном шовинизме, выдвинутое в адрес государствообразующих этносов, было нужно лишь затем, чтобы прикрыть очевидный шовинизм мелкодержавный.

На то, что СССР был сугубо азиатским по своей сути государством, указывал русский философ эмигрант Николай Бердяев. Ему вторил другой эмигрант из России — главный идеолог германского национализма Альфред Розенберг. Некоторые современные евразийцы из числа самых непримиримых и оголтелых умудряются уличить в скрытом евразийстве даже вождей Третьего Рейха, якобы грезивших об объединении континентального пространства. Здесь все вновь столь же прозрачно, ибо великий немецкий философ Освальд Шпенглер почему-то записанный в предтечи фашизма, едва воочию увидев приход партии Гитлера к власти, публично заявил, что новое немецкое государство строится на «принципах азиатского колLECTИВИзма».

Наука, называемая расовой гигиеной, сегодня находится на полулегальном положении ввиду того, что принято считать, что все массовые убийства и зверства нацизма, совершенные в процессе Второй мировой войны, были санкционированы именно ею. Что ж, большая доля правды в этом утверждении, безусловно заключена. Однако, все же непонятно, почему ответственность, должна перекладываться с плеч реальных военных преступников на абстрактные научные методы? Тем более, если учесть, что один из основателей расовой гигиены

немецкий ученый Макс фон Грубер так живописал расовый портрет фюрера в 1923 году: «Лицо и голова низшего типа, полукровка, низкий покатый лоб, безобразный нос, маленькие глаза». Один из первых историков нацизма Конрад Гейден открыто свидетельствовал, что у проповедника мессианства арийской расы Адольфа Гитлера были «балканские черты лица». А учредитель расовой доктрины СС Генрих Гиммлер не смог бы быть принят в эту организацию, и потому по злой иронии судьбы вынужден был ее возглавить. Мягко говоря, неарийская кровь в его жилах начиналась уже со второго колена, хотя от рядовых членов СС требовалось доказать свою расовую чистоту аж с 1750 года.

Один из функционеров национал-социалистической партии Эрих Кох еще в 20-е годы опубликовал статью в духе времени под названием «Результаты смешения рас», в которой, в частности, писал, что «люди с изуродованными ногами — подозрительные субъекты». Имелся в виду будущий глава имперской пропаганды доктор Пауль-Йозеф Геббельс, арийское происхождение которого вызывало большие сомнения даже у рядовых членов партии. Показательное расовое целомудрие на вершинах Рейха посильно дополнял и заядлый морфинист Герман Геринг, содержавшийся до начала политической карьеры в психиатрической лечебнице в Швеции.

В современном массовом сознании усиленно культивируется образ фашизма как «коричневой чумы», названного так по цвету коричневой рубашки Гитлера. Характерно, что этот арийский стиль придумал торговец бельем по фамилии Гейнис, как и положено, успешно разбогатевший затем на этой расхожей униформе воинствующего антисемитизма.

С политологической точки зрения фашизм трактуется как ультраправая идеология. Однако делается совершенно непонятным, почему тогда ефрейтор Адольф Гитлер, завербованный в национал-социалисты германской военной разведкой в лице майора Эрнста Рема, в начале 20-х годов официально получал зарплату в Баварской советской республике как

агитатор, а Бенито Муссолини на вопрос, в чем заключается сущность итальянского фашизма, не моргнув глазом, отвечал, что это «усовершенствованный вариант русской большевистской революции»?

Где здесь «лево» и где здесь «право»? И что такое «коричневая чума»? И почему немецкие интернационал-большевики платили Гитлеру, а советские — Гумилеву? Зато совершенно ясно другое, что утопающие евразийцы готовы взять под свои знамена кого угодно. Евразийство для них — это способ оправдать свою нечистую кровь, и здесь годятся любые дегенераты, извращенцы, карьеристы и маньяки, даже паразитирующие на «мифе крови» и «священной миссии арийской расы». Они знают, что на больших просторах легче спрятать свои генетические дефекты, а пассионарностью оправдать преступления предков. Сущность Азиопы от перемены расовых акцентов не меняется.

«Третий Рейх», кичащийся расовой чистотой, — это родной брат «Третьего Рима», призывающего ко всеобщему братству через смешение. Обе концепции родились как результат наследственной неполноценности создателей. Мессианская исключительность — это диагноз, передающийся по наследству как от родителей, так и от римов и рейхов.

Истоки евразийского мышления в России мы склонны связывать с возвышением московского княжества, осуществившего акцию, известную под названием «собирания русских земель». Начиная с XV века, одно из самых бедных и политически незначительных княжеств, используя иезуитские методы и космополитическую идеологию, совершало чудо-вищные селекционные издевательства над русским народом. Именно тогда впервые безграмотная феодальная Москва разгромила образованный капиталистический Новгород. Именно с этого момента и до наших дней в общественном и политическом сознании утвердилось представление о русской государственности, в которой количество обретаемых территорий автоматически покрывало все качественные недо-

статки населения. Выражаясь современным языком, в основу российской государственности был заложен внерасовый критерий евразийского смешения, а не принцип расовой чистоты. Именно в византийско-московском абсолютизме той эпохи мы должны искать нынешний евразийский тезис о гла-венстве почвы над кровью. Концепция Москвы как Третьего Рима впитала расовую мешанину и Рима Первого и Рима Второго, то есть Византии.

Чехарда нравов, культур, обычаяев, стойко наблюдавшаяся в этих великих империях, передалась, как генетическое заболевание, и народившемуся русскому государству. Все это привело к тому, что на русского человека стали взирать как на белого дикаря, а поколения европейцев стали говорить о России как о «Великой Татарии».

Те отрицательные черты, которые мы имеем сейчас как национальные, а именно: лень, низкопоклонство, зависть, душевное рабство, анархизм, вызванные в нашем культурном архетеипе смешением кровей, — постоянно борются с проявлениями чистой нордической крови, выражающимися в стойкости, героизме, самоотверженности, творческих способностях русского народа. На всех войнах наши мужчины являются чудеса героизма, вызванные недостатком хорошей организации, а наши женщины несут на себе печать подвига как в годы войны, так и во времена міра. Концепция Москвы как Третьего Рима умудрилась не синтезировать в нашей крови преимущества Запада и Востока, а перемешать все недостатки. Западная свобода личности выродилась у нас в низменную и совершенно эгоистически бесполезную анархию, а восточная иерархия общества обратилась в суетное низкопоклонство и неосознанную потребность к сатрапскому самодурству. Государственное мышление притутило в нас все высокие чувства расы и индивидуальности. Этатизм великомосковского образца растоптал в русском человеке генную память о Божественном арийском происхождении.

Историки любят говорить, что у истории нет сослагательного наклонения, это верно. Но оно есть в расологии, эзотерике и традиционализме. Автор этих строк коренной потомственный москвич, причем по материнской линии до седьмого колена, со всем прискорбием должен признать, что результаты государственного возвышения Москвы его совершенно не устраивают. Если бы русские земли собирали «Господин Великий Новгород», сейчас мы имели бы совершенно иной тип русского человека и совершенно иное, более расово чистое представление о русскости вообще. Самый архетип русского человека не был бы сейчас обезображен таким количеством черт низменного азиатского происхождения. Былинный широкоплечий красавец, исполненный могущества, мудрости и великолуния, являлся бы нам сейчас не как сказочный персонаж, а как реалия повседневной жизни. Румяная русская дива, украшенная белокурой косой до пят как символом нравственного и генетического совершенства, была бы постоянным явлением нашей духовной и эстетической жизни. Тогда народное русское сознание само отвергло бы нынешний голливудский стандарт тупоумного искусственного плейбоя и дегенеративной напарафиненной манекенщицы. Массовое же увлечение ущербными пластическими формами современной культуры может свидетельствовать лишь о нечистой генной памяти русского народа, замешанной евразийскими знахарями концепции Третьего Рима.

Количество земель растворило качество крови — вот основное преступление евразийской концепции. Ее эмиссары намереваются и впредь действовать в том же русле. Наша же миссия — противостоять смешению, равенству, хаосу. Убить сам тип расово нечистой культуры и тем самым облагородить национальный архетип — вот наша задача. Воссоздать гармонию — это должно сделаться смыслом нашего бытия, духовно-религиозным устремлением.

От критического осмысления феномена евразийского мышления перейдем теперь к конкретным рецептам избав-

ления от него. Прежде всего необходимо избавиться от губительного дуалистического цивилизационного деления Восток-Запад. Нужно вспомнить, что Гринвичский меридиан был проведен волюнтаристическим способом. На шаровидной Земле, имеющей одну ось вращения, не может быть объективных предпосылок для деления на Запад и Восток. Эти цивилизационные категории — следствие непродуманного волюнтаризма. Ось вращения Земли объективно указывает нам, что нет и не может быть деления на Запад и Восток, но только на Север и Юг.

Нет западной цивилизации и нет восточной. Для нас существует лишь деление на Белый мір и весь остальной. В свою очередь, Белый мір существует всюду, где живет белый человек, но родиной его является Север. Всякие представления о Западе, Востоке или Третьем пути всегда вели и ведут лишь к самоистребительной конфронтации внутри белой расы. Поэтому мы утверждаем, что всякие искусственные цивилизационные деления внутри белой расы вредоносны и потому должны быть стерты из нашей памяти. Точно так же, как тезис о классовой борьбе, изобретенный Карлом Марксом, служил разрушению наций, равно и цивилизационное деление на Восток и Запад объективно служит лишь расколу и самоуничтожению Белого міра. И этот вопрос нужно решить окончательно.

Теперь, вновь обращаясь к рассмотренному нами выше принципу милостины, мы указываем на необходимость введения всестороннего биоэнергетического контроля для всех этносов и всех групп населения, и даже для частных лиц. Биоэнергетический паразитизм должен быть зафиксирован как явление нашей жизни и контролироваться на уровне государства. Паразиты, живущие за счет других, должны быть поставлены на полицейский учет и поражены в общественных и политических правах. Причем это правило должно соблюдаться как на уровне этноса, так и на уровне частного лица.

Необходимо введение в повседневный обиход всеобъемлющей этнической статистики, оценивающей во всей совокупности историю, социальную ориентацию, ментальность и религиозные убеждения всех национальностей.

Необходим постоянный биоэнергетический контроль над средой обитания, жилищами, продуктами питания, произведениями искусства, даже идеями — с постоянной открытой публикацией статистических данных. В здоровом обществе, заботящемся о своем будущем, неизбежно должны быть приняты всеобщие законы о люстрации. Общество вправе знать, чем раньше занималось каждое физическое лицо, группа лиц или даже этническая общность. Только всеобщая открытость и контроль помогут нам избежать паразитизма как на идеальном, культурном, так и на социальном и этническом уровнях.

Всякое смешение, в том числе и евразийское, происходит из-за этнического инфантилизма, скрытого под грандиозностью государственных задач. Расовый инстинкт в евразийстве всегда приносится в жертву химерам государственного устройства. Миф государства всегда стремится уничтожить миф крови. Поэтому нам необходима тотальная расовая и этническая эманципация от кабалы так называемых «общечеловеческих ценностей». Каждый человек должен осознать свое «Я» не только на философском, но и на расово-генетическом уровне.

Все эти меры необходимы нам лишь для одной единственной цели — достижения свободы в архетеипе. Мы хотим построить внешний государственный и социально-общественный образ жизни для каждого человека так, чтобы он максимально соответствовал его расово-генетическим задаткам. Совершенно очевидно в этом случае, что стабильность в обществе, стремящемся максимально реализовать потенции его членов, возможна лишь в условиях предельной расовой однородности. Общность происхождения и вызванная этим предсказуемость поведения дают возможность избежания социальных напряжений.

Расовая чистота общества — это лучший способ достижения индивидуальной свободы для каждого из его членов. Именно поэтому расово нечистое евразийство все время требует принесения национальных интересов каждого человека в жертву химере государства. В условиях государства, построенного на нечистой крови, другой подход и невозможен. Евразийство всегда будет глумиться над Вашими расовыми инстинктами, потому что в его основе лежит принцип объединения смешанных кровей. И нам вовсе нет смысла отвечать на узколобые обвинения в расизме. Нежелание смеяться с кем-либо мы вполне можем объяснить не только тем, что мы высшая раса. Напротив, мы не смеиваемся потому, что не хотим никому навредить, если предположить, что мы раса низшая. Если же принять на вооружение вздорный демократический лозунг, что все равны, то тогда и подавно нет смысла ни с кем смеяться. Зачем равное мешать с равным? Нежелание смеяться мы можем также объяснить и природной русской ленью, что еще проще. Нужно заставить работать на нас и наши недостатки.

Из высказанного видно, что желание оставаться расово чистыми не сможет оправдать лишь ленивый. При любом исходном утверждении демократов мы легко сможем повернуть обсуждение этой темы в нашу сторону, и все потому, что расовая картина мира возникла много раньше искусства красноречия.

В борьбе с евразийством мы предлагаем использовать еще один сколь оригинальный, столь и простой прием. Современные идеологи Азиопы все время говорят о мессианском значении союза православия и ислама, а некоторые «теоретики суфизма» договариваются даже до того, что с метафизической точки зрения православие и ислам схожи на девяносто пять процентов. Это очень интересное замечание, если принять во внимание, что в Коране открыто сказано, что вместо Иисуса Христа распяли другого человека, а апостол Павел, в свою очередь, настаивал, что без веры в распятие Христа вся

христианская религия теряет смысл. Отсюда получается, что или теоретики современного евразийства ни во что не ставят крестный подвиг Сына Божия, либо, как всегда, опять лукавят на мировоззренческо-генетическом уровне.

Наконец, все евразийцы, ненавидящие Запад и желающие объединяться с исламом, должны знать, что в Коране они фигурируют под названием — «неверные», то есть люди второго сорта. Кстати, всемирно известный идеолог исламской революции Хомейни публично объявил, что «Россия — это малый шайтан», ибо титула «Большого шайтана» удостоилась Америка. Для того же, чтобы загладить свои богоуборческие преступления, Россия, по его мнению, должна принять ислам. Поэтому всех, не желающих подчиняться цивилизованному Западу, в случае выбора евразийской перспективы, предусматривающей союз с исламом, ожидает подчинение варварскому Востоку с поголовным обрезанием и тому подобными прелестями «чистого монотеизма». Как говорится, в добрый путь. Из рабов материалистической цивилизации Вы превратитесь в просто рабов. История в исламе — тому лучшее доказательство.

Остановить этот зеленый (не гринписовский) оползень на Россию можно самым тривиальным способом при минимальной затрате сил. В свое время одна из руководительниц «Ордена немецких женщин» д-р Хадлих выступала с яростной критикой евразийца Гитлера за его сугубо «азиатский» подход к немецким женщинам, так как, по ее мнению, «господство мужчин обусловило равнодушие современного государства к расовому вопросу». Современный феминизм имеет стойкую космополитическую окраску. Однако, учитывая женскую природу, ему гораздо легче придать расовую основу, чем любому ультрарадикальному национализму мужчин. И никакой ислам не сможет преодолеть этот стихийный порыв белых женщин, борющихся за свои права. Концепция исламского монотеизма заблудится между кухней и спальней, так что ее даже никто не вспомнит. Женщина самой природой по-

ставлена в условия повышенной национальной бдительности и расовой щепетильности. Нужно всего лишь помочь ей эмансипировать свои инстинкты в этой области и, не спеша, управлять динамикой процесса. Таким образом в лице русской женщины все евразийские теоретические блажения получат мощный отпор на бытовом уровне. Ее прозорливый и уничтожительный приговор будет во сто крат страшней всех расовых доктрин СС. Нужно лишь дать волю и направить.

Для того чтобы навести порядок в нашем доме, необходимо выполнить еще одно условие. Вкратце мы показали, что современная российская государственность, восходящая к эпохе возышения московского княжества, основана на откровенно антирусской расово-равнодушной бюрократической системе. Антинациональная гидра бюрократии, отождествившая себя с интересами государства, а заодно и народа в целом, планомерно пожирает его соки. Однако вся история русского государства показывает, что правящая прослойка всегда преследовала лишь свои эгоистические интересы, рассматривая русский народ, его культуру, создаваемое на его костях государство как безусловную собственность, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. По мере необходимости правящая верхушка то уничтожала национальный дух во всех его проявлениях, то милостиво заигрывала с народом, когда тот, истекая кровью в безудержной гонке государственного саморасточения, нуждался хотя бы в кратковременном отдыхе. Отношения между властью и народом всегда строились по принципу отношений барина и холопа: можно выпороть, а можно и чарку водки налить.

На сегодняшний день Россия — единственная страна в мире, где чиновник, не стесняясь, требует взятку, когда еще ничего не сделал. Мало того, даже не отвечает за результат своих хлопот. Обязательное подношение денег государственному мужу въелось в наш архетип аж с XV века. Именно поэтому изуродованное сознание народа из века в век отвечало

власти тяжелыми мифами, поднимающимися из глубин сознания, когда царя объявляли добрым, списывая все грехи на плохих чиновников, то вдруг в неистовом порыве объявляли верховного владыку лжецарем. Эта ирреальная традиция несколько не изменилась и при красных царях Ленине и Сталине, ибо отношение народа к ним никогда не было ровным. Народное сознание за века общения с властью, глухой ко всем его мольбам, приобрело следы наследственного заболевания. Наш народ или верит власти, или не верит, но никогда не относится в ней как к объективной реальности, требующей соучастия. На власть идут с рогатиной или униженно просят у нее защиты, но никогда хладнокровно не требуют от нее элементарного исполнения обязанностей. До тех пор, пока в народном сознании не утвердится привычка смотреть на власть сверху вниз, а не наоборот, наш народ не выздоровеет и все время будет искать рабские сказки о «Третьем Риме», «Богоносности», «Строительстве коммунистической справедливости» и примерять эти бирки, которые вешали на шею холопам для опознания «из чьих будут».

История русской государственности за века наглядно показала нам, что бюрократия, как наследственная зараза, как дедовщина, способна без ущерба для своего антисоциального содержания перебираться из одной государственной формы в другую, меняя князей на царей, а тех на генеральных секретарей и президентов. Как инфекция, имеющая один и тот же биологический штамп и одни и те же симптомы, антисоциальная власть всплывает в народном сознании то чудовищными образами сказок, то страшной нестерпимой реальностью, так что границы между ними стираются, будто в кошмарном наваждении. Правдоискательство у русских людей из-за этого прекратилось в генетическую привычку, в манию. «Вот приедет барин, барин нас рассудит». А надежда все время змеится рядом со страхом, что все так и останется. Что ничего не изменится. Это образы и симптомы рабского сознания, уже закаленного в рабстве.

Поэтому, чтобы вылечить наш народ и создать из него великую, могучую, а главное, самодостаточную нацию, способную жить в своей системе ценностей, а не хвататься по очереди то за бщечеловеческие, то за евразийские, мы видим лишь один выход — уничтожение классического антинационального принципа нашей государственности. Вековые традиции бюрократии должны быть пресечены. Мы вовсе не ратуем за примитивное анархистское разрушение государства как такового, мы констатируем, что грядущее Великое русское государство будет основано на совершенно иных принципах, поэтому все старые болезни должны быть безжалостно уничтожены. Миф о Третьем Риме должен погибнуть, а сам византийско-коммунистический обскурантизм нужно выжечь. Для того, чтобы избавить полк от дедовщины, которая передается по наследству от призыва к призыву, нужно его расформировать, создать на его основе новый из только что призванных солдат и дать ему новое знамя. Безполезно, ввиду показного благодушия, менять занавески на окнах палаты, где лежат прокаженные. Наш народ рано или поздно переболеет всеми этими болезнями идейного холопства, и тогда старую одежду государства нужно будет безжалостно сжечь, безо всяких сентиментальных сожалений, и на выздоровевшее тело сшить современную удобную одежду, в которой нет бацилл старой инфекции.

В биологии действует закон, согласно которому, если некая расово чистая популяция, оказавшаяся в тяжелых условиях, была вынуждена скрещиваться с инородными популяциями, то, вновь попав в естественные привычные условия, она автоматически сбрасывает с себя все эти чуждые расовые загрязнители, возвращаясь в свое исходное безпримесное благородное состояние. Чистота сама возвращается к расе, ибо является ее первейшим, естественным проявлением. Именно поэтому, если русский народ избавится от идейной интервенции, то его расовое, а следовательно и духовное, состояние само вернется к своей изначальной Ведической чистоте. Здо-

ровое тело вновь будет надежным вместилищем здорового духа. Расовые и идеиные шарлатаны, гадавшие на евразийской гуще, гумилёиды, пользующиеся иммунитетом исторической неприкосновенности, и иная нечисть отвалятся сами, будто сухая короста с зарубцевавшейся раны на теле выздоровевшего организма.

Единственный рецепт оздоровления — национализм, без бытовых истерик и суэты, но на научной расовой основе, с раскрытием всей эзотерической информации по национальному вопросу. Не расизм мы проповедуем, но расовую грамотность. Великий немецкий расолог XX века Ганс Ф. К. Гюнтер так описывал гражданское и общественное назначение своей науки: «Расовый и евгенический образ мыслей рождает новые идеи об истинной природе народа. Народ рассматривается как сообщество с общей судьбой прошлых, нынешнего и будущих поколений, сообщество с одной судьбой, ответственное перед прошлым я будущим нации, перед будущими поколениями».

Другой не менее талантливый его современник Людвиг Фердинанд Клаусс писал так: «Расовая психология, которая в конечном счете одна лишь может судить о ценностях расовой души, с самого начала четко учила, что каждая раса имеет высшую ценность в себе самой. Каждая раса носит в себе самой свою градацию и свой масштаб ценностей, которые нельзя измерять масштабом другой расы. О ценности человеческой расы «объективно» мог бы судить лишь человек, стоящий над расами. Но такого человека нет: быть человеком — значит быть расово обусловленным. Может быть, Бог знает, какие места занимают расы по рангу, мы не знаем».

Поэтому теперь, четко понимая исходные установки расологии, мы можем убедиться, что все, кто кричит о расизме, фашизме и шовинизме, — это люди, которым выгодна расовая безграмотность народа, которые живут за ее счет, паразитируют на расовой безграмотности.

Современная цивилизация выработала целый комплекс мер по борьбе с паразитами. Настал и наш черед — всех полноценных людей, способных к осмыслинию, творчеству и разделению, использовать дезодоранты и аэрозоли против евразийских нечистот. Для того, чтобы паразитические микроорганизмы не размножались, нужно просто уничтожить среду их обитания.

Единственное средство от евразийства, так же как и от всех остальных инфекционных идеологий, — это гигиена, и не только расовая, но, в первую очередь, гигиена мысли.

(<https://litresp.ru/chitat/ru/A/avdeev-vladimir-borisovich/metafizicheskaya-antropologiya/7>)

Силы Новой Европы, ведшие самоотверженную борьбу с Красной Ордой в 1941-1945 гг., вдохновлялись рядом священных символов, среди прочего, таких как «Крестовый Поход» и «Святое Копие»... В 1098 г., когда весь Божий мір переживал тяжёлые испытания, воинство Христово после продолжительной осады освободило знаменитый град Антиохию от сарацинских орд. После долгих месяцев войны и осады Антиохия, наконец, снова стала частью христианского міра. Однако не долго убила слава об освобождении города, через два дня под стены Антиохии подошло войско Кербоги. После месяцев безпрерывных боёв и отчаянных атак, измощдённые Крестоносцы всё ещё стойко держались перед натиском врага. В этот тяжкий час, когда голод и болезни стали ежедневностью, к изнурённому эпидемией Петру Пустыннику явился в тонком сне св. апостол Андрей и рассказал ему, где находится Святое Копие, которым «един от воин прободе ребра» Господа нашего Иисуса Христа на Голгофе. Найдя Лонгново копие в храме Святого Петра будущий король и защитник Святого Гроба Господнего Готфрид Буйонский понял, что это Господь господей Иисус Христос дал воинам Креста знак, явив им символ их буду-

щей победы. То, что долго считалось лишь легендой, вдруг становится реальностью. Сия находка становится знаком надежды для воинства Христова, которое устало от битв и испытаний. Они понимают, что этот священный артефакт - не просто реликвия, он - ключ к новому источнику силы и воли. Копие напомнило им, ради чего они сюда пришли. Копие снова пробудило в них жажду к освобождению Святого Гроба Господнего, укрепило их дух и дало им сил для этой и будущих битв. Потому что война ведётся не за территории, а за святыни.

О том, «за что» сражалось Воинство Христа и Новой Европы (включая и Русских Европейцев!), приведём датированное 1943 годом «Размышления о Новой Европе»: «Сегодня Европа сражается с твердой верой в национал-социалистическую идею и с осознанием того, что в новой Европе будет обеспечена национальная и культурная независимость каждого народа, потому что национал-социализм признал ценностный закон неравенства. Наша ценность заключается именно в этой Богом установленной дифференциации, именно благодаря ней жизнь становится богатой. А если к этому добавить, что национал-социализму удалось соединить позитивный индивидуализм с идеей национальной общности, то получается, что мы мобилизовали все творческие, интеллектуальные, духовные и физические силы. На этой основе каждая нация сможет найти свою собственную национал-социалистическую жизненную форму. Таким образом, идея европейского единства имеет национальную и социальную сторону, а именно организацию народных сил и разделение Европы по кровным группам. Этот порядок сегодня должен быть распространен по всей Европе, как идея и реальность». «Сегодня кажется очевидным: если попытка Наполеона объединить Европу провалилась, то главным образом потому, что Бонапарт воевал не под знаком европейской идеи, а под знаком национального государства.

Сегодня, сквозь дым и шум театра военных действий, мы видим зарождение новой Европы. Это означает не одностороннее господство одной державы, а ответственность всех государств перед сообществом. Формирующаяся Европа возникает органически, развиваясь не столько за счет военной мощи, сколько за счет приведения к естественному порядку процессов в различных частях огромного организма. Ибо тоталитарная Европа охватывает все сферы жизни, как развитие материальной, так и духовной жизни и искусства. Это сообщество также означает глубокую экономическую солидарность, щедрый порядок производства, обмен товарами и кредитами, и, кроме того, сближение социальных и политических институтов, не обусловленное односторонностью. Может ли наш век претендовать на что-то большее, чем синтез особенностей наций, которые на протяжении веков порождали богатый и плодородный европейский дух? Европейское единство означает не централизацию, а лидерство, которое направляется и обнаруживается во всех частях этого единства» (Источник: «Gedanken über das Neue Europa», SS -Leitheft, August 1943 Herausgeber: Der Reichsführer SS).

...Средь священных «мест силы» на карте Новой Европы особливое место занимал орденский замок Вевельсбург. В плане Замок напоминал наконечник Святого Копия, обращённый острием на Восток: место, откуда в пределы Белой Европы присно движется Орда. Согласно древнему преданию, именно в окрестностях сего Замка должна произойти своего рода новая «Куликовская битва», где Орду ждёт разгром... Русь и Орда, Европа и Евразия и по сей день ведут метаполитическую схватку, «ставкой» в коей помимо территорий, как и древле, остаются Идеи и Святыни... «И когда наутро тучей чёрной, двинется Орда»... да поразит Святое Копие Лонгина И Вевельсбурга, Копьё Святой Руси и Европы скверное сердце Красного Дракона Евразии...

GET OUT, EURASIA'S DEMON, GET OUT!

Кирилл Монастырский

НОРДИЧЕСКО-КРОМАНИДНАЯ РАСОВАЯ ОСНОВА РУССКИХ

Эталон русской внешности, который присутствует в общественном сознание - это нордический или кроманидно-нордичекий типаж. Именно о таком светлоглазом, светлово-лосом типе внешности, с правильными североевропейскими чертами лица, говорят как о «славянской», «исконно и типично русской» внешности. Такие черты можно заметить на практических всех скульптурах, разных эпох, включая советскую, где изображаются русские. Такими изображают идеализированные русские лица на картинах художники. Такой внешностью обладало большинство славян древности (См. ниже: Карлтон Кун и Ильзе Швидецки о нордическом ядре великорусского населения).

Так же как типично русскими лицами (но не обязательно эталонными) воспринимаются широко распространенные кроманидно-восточнобалтийские типы, нордическо-восточнобалтийские лица и смеси кроманида, нордида и восточного балтида, а также нордическо-кроманидные типажи с небольшим средиземноморским влиянием.

Если посмотреть на расовый облик русского народа, то можно заметить, что редко можно встретить этнического русского, без нордического и/или кроманидного компонента. Это верно даже для тех, у кого доминирует восточно-балтийская раса - у подавляющего большинства таких русских будет присутствовать кроманидная/нордическая составляющая. Ярко выраженные, эталонные восточно-балтийский типажи, которые встречаются среди финноязычных народов, будут редкостью. Хотя примесь восточно-балтийской расы широко распространена среди русского народа, чаще в виде влияния разной степени выраженности.

Это же верно и для тех, у кого доминирует средиземноморская (понтийская) раса. Типичный средиземноморец (смуглый кареглазый брюнет южными чертами) в общественном сознании будет редко восприниматься как русский. *Темные волосы и темные глаза у русских

Брюнеты: чёрные и черно-каштановые волосы - 13,8%

Темноглазые: черные, темно-карие, светло-карие, желтые - 5,1% (Цвет волос и глаз русских популяций. Бунак, Происхождения и этническая история русского народа, 1965.

Варианты средиземноморцев («понтиды»), встречающиеся среди русских, обычно имеют куда более светлый оттенок кожи, чем классические средиземноморцы, более нордическую метрику лица, а черные волосы и черные глаза будут редкими исключениями из правил. Т.е. такие «понтиды» также, чаще всего, будут обладать значительно северной расовой составляющей.

Альпийская и динарская расы являются редкими для русских, и скорее встречаются у тех людей у кого есть украинские предки, или предки из других народов, а так же в регионах, где присутствует заметная доля потомков переселенцев с Украины (Кубань, некоторые города Сибири и Дальнего Востока).

Так что можно сказать, что именно нордическая и кроманидная расы являются расовым ядром русских как народа, а их примеси характеры для подавляющего большинства русских. Эти северные расы обеспечивают расово-этническое единство русской популяции. Население отдельных областей Западной Европы по антропологическим признакам (и другим особенностям) различается друг от друга значительно более, чем отдельные русские группы (С.132)

Карлтон Кун и Ильзе Швидецки о нордической ядре великорусского населения

Карлтон Кун о нордичности потомков вятичей - восточных великороссов

Карлтон Стивенс Кун. Расы Европы
(Carleton Stevens Coon. The Races of Europe. New York, 1939)

<http://carnby.altervista.org/troe/12-09.htm>

Великороссы одной из областей, занимающей частично территории Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний, которые образуют мезокефальное ядро в крае, лежащем между Москвой и устьем Волги, были подвергнуты подробному исследованию, выявившему их существенно нордический характер. Средний рост 169 см, головной указатель несколько ниже 79 и длина головы 192 мм указывают на изначальное сходство с нордидами или темноволосыми средиземноморцами.

Половина из этих великороссов имеют волнистые волосы, другая половина – прямые; цвет волос является темно-коричневым (Фишер № 4-5) в 30 процентах исследованной серии, но почти никогда черным; он является средне-коричневым (Фишер № 6-10) примерно у 50 процентов и светло-коричневым в большинстве остальных случаев. Рыжие волосы редки, а белокурые волосы в большинстве случаев имеют золотой оттенок. Примерно у 8 процентов глаза карие, почти у 30 процентов – светлые, остальные смешанные. Таким образом, эти высокие, мезокефальные великороссы имеют цвет волос от коричневого до темно-коричневого, а цвет глаз – от смешанного до светлого. Их черты лица в большинстве случаев соответствуют нордическому стандарту; профиль носа – прямой или волнистый у более чем 65 процентов в группе, выпуклый – у 25 процентов и вогнутый – у 10 процентов.

Как по отдельности, так и совместно, большинство из этих людей имеют нордическую внешность либо в полном, либо в частичном смысле, в то время как меньшинство с вогнутыми курносыми носами и широкими лицами приближается к лесному типу с зачаточной монголоидной тенденцией. Размеры лица с его выраженно тяжелой нижней челюстью от-

личаются от западноевропейского нордического стандарта, но соответствуют стандарту восточнонордического типа, обнаруженного на останках скифов и в минусинских курганах. Высокий свод черепа и преобладание коричневых волос в сочетании со светлыми глазами указывают на существенное сохранение шнурового элемента, отсутствующего на большей части территории Восточной Европы. (<http://carnby.altervista.org/troe/12-09.htm>)

Ильзе Швидецки. Расология древних славян
(Ilse Schwidetzky. Rassenkunde der Altslawen. Stuttgart, 1938)

Максимальная ширина черепа

В отношении ширины картина вырисовывается не столь четкая, как в отношении длины. На западе вновь выделяется Девин с предельной величиной в 144,9, а за ним на определенном расстоянии следуют чешско-средненемецкие группы. С севера к ним прилегает область относительно небольшой ширины (Гавель, Поморье, Познань, Мазовия), которая отчасти пересекается с областью особенно большой длины. Среди восточных славян обе юго-восточные группы (северяне и вятичи) выделяются своими особенно узкими черепами.

Высота базион-брегма. В отношении высоты черепа выделяется область относительно высоких средних величин в Восточной Германии-Чехии, которая, как представляется, тянется до северной России, прерываясь только в Мазовии. На западе обе словацкие группы за исключением северохорватской серии из Бьело Брдо близки к южным славянам с их выраженно низкими черепами, в то время как среди восточных славян своими низкими средними величинами выделяются обе западные группы древлян и полян. Юго-восточные северяне и вятичи с их средними величинами 135,5 и 135,8 вновь демонстрируют значительную близость между собой.

При территориальном распределении области особенной длинноголовости выделяются на северо-западе (провинция Саксония, Гавель, Поморье, Мазовия) и на юго-востоке (се-

веряне, вятичи), в то время как северо-восток (новгородцы, кривичи, костромичи), средний восток (древляне, поляне), а также юг относительно короткоголовы.

Древляне и поляне с одной стороны и большинство южных славян вместе с обеими словацкими группами с другой стороны вновь образуют два четких очага относительно низкой высоты черепа. На востоке же относительно распределения абсолютной высоты картина несколько иная, поскольку оба юго-восточных племени (северяне и вятичи) входят в область высоких черепов.

Носовой указатель. Известная сильная изменчивость носового указателя проявляется также у древних славян; здесь при общем распределении средние величины колеблются от широконосости (хамериния) до узконосости (лепториния), но в основном остаются в пределах средненосости (мезориния 45,0-49,9). При географическом распределении бросается в глаза, что особенно узконосые серии образуют пояс, тянувшийся от Мекленбурга до истока Днепра. В целом несколько более высокие средние величины на востоке встречаются чаще, чем на западе или на юге. Самые высокие величины присутствуют у новгородцев и полян, но обе юго-восточные группы (вятичи и северяне) также относительно широконосы.

Относительно остальных показателей, которые оказалось возможным распределить территориально, наблюдается образование трех больших племенных групп. Яснее всего они на востоке: здесь постоянно образовываются одни и те же группы, а именно поляне и древляне (высота базион-брегма, индекс длины-ширины, индекс ширины-высоты), северяне и вятичи (ширина, высота, индекс длины-ширины, индекс ширины-высоты, минимальная ширина лба, скуловая ширина, верхнелицевой индекс, носовой индекс, орбитальный индекс), новгородцы и костромичи (индекс длины-ширины, индекс ширины-высоты, поперечный лобно-теменной индекс, скуловая ширина, верхнелицевой индекс). Кривичи же

занимают промежуточное положение – они тяготеют то к северо-восточным сериям (индекс длины-ширины, скуловая ширина, верхний лицевой индекс, возможно, орбитальный индекс), то к своим западным соседям дреговичам (высота, индекс ширины-высоты, носовой индекс). Последние в свою очередь представляют в силу своего частичного сходства с мазовшанами (индекс длины-ширины, носовой индекс) своего рода мост к западным славянам.

Вырисовывается следующая картина: к западнославянским группам с четким преобладанием нордических характеристик примыкают из числа восточных славян дреговичи, вятичи и северяне. Кривичи, костромичи и южнославянские болгары и словенцы (Штирия) оказываются в средней области, где можно предполагать примерно равные доли нордических и восточнобалтийских характеристик. Дальнейшее приближение к восточнобалтийской оси наряду с Девиным, который представляет собой исключение среди западных славян, демонстрируют восточнославянские поляне, древляне и новгородцы.

Таким образом, в лице северян и вятичей мы имеем дело с преимущественно нордическо-средиземноморскими или же средиземноморско-нордическими группами с относительно незначительной восточнобалтийской примесью.

Денордизация славянских народов

Отрывок из книги И.Швидецки «RASSENKUNDE DER ALTSLAWEN» 1938г.

Остается еще один вопрос: в какой мере развитие древнего славянства спроектировано на сегодняшние славянские народы? Так или иначе все они обладают не столь высокой долей присутствия нордического компонента, который у разных народов на фоне составляющих самых различных рас - восточноевропеоидной и альпийской, динарской и средиземноморской, - во многих случаях отходит на задний план. Для этого размытия черт нордической расы, или «денордизации»

(Entpordung), возможны два объяснения. Во-первых, это может быть обусловлено угасанием и исчезновением нордических родовых сообществ вследствие естественного отбора в процессе размножения, когда численный перевес и «победа по количеству рождавшихся» в конечном счете оказались на стороне восточноевропеоидов. С другой же стороны, это могло явиться следствием социального перераспределения, которое ослабило барьеры между верхним и нижним слоями, позволив прежде всего тем самым полностью выступить на историческую авансцену той части населения, которая прежде, с позволения сказать, «затенялась» вследствие культурного и расового преобладания верхнего слоя. Здесь уместно поставить вопрос следующим образом: возможно ли наблюдать ход этого процесса уже в эпоху древних славян и позволительно ли из характера изменений делать выводы, имеющие, к примеру, социологическую подоплеку?

Однако ответ на этот вопрос существенно затруднен вследствие того, что временный пласт, который мы охватываем, исследуя найденные черепа древних славян, не глубок. Он целиком ограничен преимущественно серединой XI — окончанием XII столетий, то есть примерно 11/2 столетиями, интервалом между собственно периодом переселений и вступлением в практически одновременно для большинства славянских племен наступившую эпоху христианизации. Поэтому выстроить племенные группы во временной последовательности и высчитать отсюда ход их развития невозможно, что усугубляется и способными исказить картину значительными пространственными различиями в пределах же то одной, то другой определенной группы, напротив, существует возможность, разделяя более древний материал от сравнительно молодого, осуществлять его сравнительный анализ. Так, изучая обнаруженные в Богемии практически в одном и том же месте черепа, удалось установить временную последовательность между ними - речь идет о находках в районе селений Жалов Czalov) и Левый Градек (Lery Hradec),

правда, при этом первые из них были найдены во второстепенном напластовании, но в непосредственном соседстве с предметами славянского обихода. Найденные в Словакии в районе Девина черепа старше тех, что были обнаружены в Дольном Ятова. Третья же, несколько меньшая, серия относится к еще более древнему времени - к IX столетию (Матейка, 1925). Она, по всей видимости, ведет происхождение из эпохи, в которой было еще общепринято преимущественно трупосожжение. В Мекленбурге места захоронения близ селения Альт-Бартельсдорф более древние, нежели те, что обнаружены под Гамелем; сложенные из камней курганы дреговичей моложе земляных. Наконец, для полян и северян, вследствие имеющегося в наличии соответствующего материала, к курганному периоду позволительно присоединить период могильных захоронений. Для южных славян устанавливать стадии временой последовательности на протяжении собственно древнеславянской эпохи необходимости нет.

Конечно же, группы, в которых производились сравнения, отчасти чрезвычайно малочисленны, но из общей их совокупности определенные заключения извлечь тем не менее можно. Так, практически полностью неизменно в относительно молодых группах, то есть среди обнаруженных на востоке в кладбищенских захоронениях черепов, наблюдается отклонение признаков в направлении восточноевропеондного типа. В Словакии самая древняя серия, обнаруженная близ Уг. Скалице, во всех признаках великолепно представляет типично нордические формы, и присутствие ненордических элементов в каком-либо из исследуемых черепов здесь едва ли можно преположить. Совершенно аналогично дело обстоит с древнейшими жителями Богемии, а также с северянами, дреговичами и полянами. Наименее отчетливо это явление встречается у венгров. Исключением же для восточных и западных славян является лишь соотношение между более древней серией из Девина (XI-XII вв.) и сравнительно молодой из Дольного Ятова (XII-XIII вв.) в Словакии, которые,

правда, во временном интервале находятся в непосредственной близости друг с другом. Франкенбергер (Frankenberger, 1935) это объясняет их различным местоположением по отношению к транспортным артериям древности: находящийся в отдалении от них Дольный Ятов должен был сохранить древнеславянский характер гораздо лучше Девина, расположенного близ Дуная, который издавна являлся крупным и весьма оживленным торгово-транспортным путем. Параллелью к вышесказанному являются подгруппы западнопрусских древних славян. Расположенные севернее и находящиеся в относительном отдалении от областей торгово-транспортных сообщений кашубская группа в Швейцарии и группа, обнаруженная на Данцигской возвышенности, в большей степени нордические, нежели обнаруженные близ Грушно и Кальдуса южные группы, чье местоположение находится непосредственно на Висле.

У южных славян обстоятельства складываются совершенно иначе. Хотя черепа из сравнительно молодых серий здесь также несколько короче и существенно шире, но одновременно и существенно выше. Точно так же лицо, нос и глазницы как по абсолютным размерам, так и по индексам оказываются выше. Это, вне всяких возражений, объясняется изменившейся ролью присутствующих динарских элементов: из меньшинства, которое всегда удавалось определить лишь у отдельных экземпляров, этот тип, выделяясь на общем фоне со всей впечатляющей отчетливостью, заметной даже с первого взгляда, превратился здесь в преобладающий. Следовательно, «денордизация» исходит в данном случае не от восточноевропеоидной, но от динарской расы, в то время как нордические и восточноевропеоидные компоненты, предположительно, сохраняют приблизительное соотношение друг с другом. Вместе с тем расу, ставшую на западе ареала расселения южных славян доминирующей с конца Средневековья, никак нельзя рассматривать ни как праславянскую, ни как древнеславянскую. Лебцельтер, правда, полагал: «что ...

происхождение самой многочисленной части высоких темноволосых коротких голов из древней славянской страны на севере Карпат гарантировано». Но он исходил из той предпосылки, что на территориях Балканских стран, предшествующих славянским, не удавалось обнаружить представителей динарской расы, что при тщательном изучении хранящихся в музейных собраниях черепов, и в особенности - в Сараево, не подтвердилось. Скорее всего представители динарской расы могут оказаться исконными обитателями территории сегодняшней Югославии уже со времен неолита.

Итак, процесс «денордизации» может быть со всей отчетливостью отслежен даже в пределах относительно недолгой древнеславянской эпохи. На востоке и западе он, по сути, представлен приростом восточноевропеоидов. Самые ранние из обнаруженных черепов, которые, пожалуй, можно датировать временным интервалом, ограниченным непосредственно окончанием эпохи переселения и началом принятия христианства (Жалов и Уг. Скалице), могли бы даже являться чисто нордическими. И если этому предположению будет суждено получить подтверждение, обоснованное результатами исследований более обширного материала, то вероятность одной из двух упомянутых выше возможностей объяснения причины размытия черт нордической расы будет существенно снижена. Естественный отбор в процессе размножения может быть начат только среди разнородного населения, и одержанная восточноевропеоидами «победа по количеству рождавшихся» возможна лишь там, где восточноевропеоиды присутствуют. И, напротив, социальный подъем находившегося до определенной поры в «тени» нижнего слоя, учитывая вышеизложенное заключение, вполне возможен.

Таким образом, в процессе исследований древних славян складывается проблемная ситуация такого же плана, что возникает и при сопоставлении нордических признаков извлекаемых из серийных захоронений останков с признаками, характерными для сегодняшнего населения Южной Герма-

нии. Здесь предположение о том, что из таких нордических групп, как, например, из обнаруженной в Гизинге (Giesing: древнее поселение, старше Мюнхена. Его название, звучащее как «Кизинга» (Kyesinga), впервые упоминается в летописях уже 790 г. Сельская община Гизинг территориально и административно включена в состав Мюнхена в 1854г.) благодаря одному лишь отбору, путем дифференциированного размножения, столь сильно развилось внедрившееся сюда альпийско-динарское население, также является скорее надуманным. Как одну из причин ослабления общественных слоев той эпохи и вместе с тем как предпосылку расового смешения как у германцев, так и у славян, следует, по всей вероятности, рассматривать их (Gunther, H. F. K.: *Herkunft und Rassengeschichte der Gennanen* 1935). В этом контексте особенно примечательно, что лингвистическая теория субстрата также учитывает «поднятие на поверхность (Emporkommen) подавляемых до определенной поры социальных слоев» [Рокоту, J.: 1936, цит. стр. 56.]. И в самом деле, среди древних славян присутствует слой несвободных (*eine Schicht der Unteien*), в которых Нидерле видит «подчиненных автохтонов» [Нидерле, п.: цит. стр. 3]. Вместе с тем, естественно, что и вторая возможность — снижение активности крупных нордических родовых сообществ в процессе размножения, — не исключена. Для христианского Средневековья подобное допустить можно, и даже с уверенностью, но сыгранная подобным стечением обстоятельств уже в древнеславянском периоде существенная роль, напротив, кажется весьма сомнительной.

Эти результаты дают теперь возможность представления того, что классификацию древнего славянства в пространственном аспекте следует осуществлять, исходя не из, или не только из, укоренившейся уже в праславянстве дифференциации и разнообразия смешанного древнейшего населения этих земель, но учитывая различный социологический возраст исследуемых групп. Так, можно предположить, что у са-

мых западных племен изначально жестко регламентированные границы социальных слоев были скорее всего нарушены и ослаблены вследствие более ранней христианизации и давления политического главенства немцев. Особенное положение находящихся в непосредственной близости к торгово-транспортным путям родоплеменных групп на Дунае и Висле указывает на ту же направленность. Подобное влияние могло иметь место и на востоке, новгородцев и полян, испытывавших норманнское давление.

Здесь тем или иным образом сильно выделяется факт того, что оба центра варяжского государственного образования - с Новгородом на севере и Киевом на юге - расположены в области подчеркнуто восточноевропеоидных племен. Для целого же ряда групп (Волин, Хафельланд, Саксония) тем не менее подобное объяснение не подходит. Таким образом, расовая классификация древнего славянства является весьма своеобразной и требующей в первую очередь пристального внимания к взаимному влиянию географических и социологических моментов. (<http://nordic-idea.ru/archives/466>)

ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Из всех крупных групп народов Европы славяне сегодня являются собой, пожалуй, самую пеструю расовую картину, не только сформированную из разнообразных и имеющих различный удельный вес «фрагментов»), но и обладающую в своих отдельных частях совершенно различными основными чертами. Поскольку некогда в праславянскую эпоху они в действительности обладали не только национальным, но и определенным расовым единством, видно, что им было суждено испытать в ходе своей истории особенно сильные преобразования. В данный момент благодаря увеличившемуся количеству сделанных антропологами находок эпохи т. н. древних славян можно расположить во временном интервале между приблизительно 1000 и 1200 гг., из чего следует ожидать всевозможное разнообразие научных последствий.

Так или иначе, исходя из структуры и организации древнеславянского слоя, можно пытаться собрать информацию не только о состоянии развития славян на сегодняшний день, но и о более древних процессах и расовой истории. При этом особенный интерес представляет вопрос: когда и каким именно образом некогда несомненно являющиеся представителями преимущественно нордической расы славяне приняли в свою общность ненордические компоненты? Поэтому прежде всего их следует тщательнейшим образом отделить от прочих и только затем интересоваться историческими связями и изначально существовавшими народными объединениями.

Уже одно описание отдельных признаков и их пространственного распределения дало различные указания на различия в расовом составе. Будучи скорее узконаправленной, пространственная классификация в действительности неоднократно распространялась за пределы основных племенных границ, что отчетливее всего проявилось на востоке, где три северовосточных, обе юго-восточных и обе юго-западных группы постоянно оказывались особенно похожими между собой. Населенная западными славянами восточногерманско-польская область во многих случаях выглядела изолированной, в то время как их расположенные южнее и более тесно сплоченные группы порой встречались на территориях ареала расселения южных славян.

Попытка объединить различия отдельных признаков в единую картину расового состава и расовой классификации древних славян исходила из отчетливого присутствия в си-лезской группе двух типов, один из которых был определен и описан как нордический, а другой - как восточноевропеоидный. В результате исследования корреляций оказалось, что оба этих типа следует также рассматривать в качестве основных компонентов и у других групп древних славян. В дальнейшем для западных славян удалось - частично с помощью кривых распределения — оценить долю участия этих компонентов, чем одновременно была заложена основа для коли-

чественного анализа остальных групп. В соответствии с его результатами восточноевропеоиды уже в начале 2-го тысячелетия после Р. Х. образуют существенную составную часть - на западе приблизительно половину - славянских народов. В прежнем мнении о живших в период древнеславянской эпохи племенах, неоднократно продемонстрировавшем в общем поверхностные взгляды, основной вес возможных доводов возлагался на черепной индекс. Однако согласно этому параметру восточноевропеоиды раннего исторического периода ни в коем случае не оказываются короткоголовыми, что ожидалось как проявление «второго типа» у славян, - черепной индекс как раз меньше всего пригоден для разделения обоих основных расовых компонентов.

Но не всюду соотношения обоих основных компонентов являются одинаковыми. Так, на всем центральном участке северных территорий от Заале до Северной Белоруссии выделился пояс особенного учащения нордических признаков. Восточноевропеоиды, наоборот, кажутся особенно многочисленными в болотистой местности Полесья и примыкающих участках степной зоны, а помимо того, и на крайнем северо-востоке. Занимающие южный участок своего ареала расселения западные славяне и все южные славяне, напротив, продемонстрировали приблизительно одинаковые доли участия обеих рас, но при этом единая картина в дальнейшем оказывается разрозненной вследствие присутствия вторичных компонентов.

Из того, что во многих местах удалось распознать разнообразные типы, можно с уверенностью судить о том, что ни один из них не был так распространен по всей территории древнеславянского пространства, как нордический и восточноевропеоидный. На крайнем северо-востоке восточнославянской и на юге западнославянской областей попадались обладающие небольшими размерами, низкие и низкогорбые короткие головы, которые, очевидно, следует причислить к элементам альпийской расы. Уже у западных славян, оби-

тавших на самом юге своего ареала расселения, а еще более отчетливо - у южных славян на западных окраинах при надлежащих им территорий, наряду с альпийскими, встречаются крупные, высокие и высококолицые, иными словами говоря, динарские короткие головы. Наконец, в юго»восточных племенах восточных славян — на основании малых абсолютных размеров, сочетающихся с резко выраженным длиной и высотой черепа, - следует допустить существенное присутствие средиземноморских элементов, наличие каковых можно с уверенностью подтвердить также у восточных славян на Балканах, то есть у болгар.

Ограниченнное присутствие этих дополнительных или вторичных типов в периферийных и отдельных областях доказывает, что эти типы проникли в соответствующие группы племен лишь после распространения на этих территориях славян, то есть являются собой расовые остатки автохтонных пранаселений. Согласно этому для праславян, живших до эпохи переселений, нордическо-восточноевропеоидную смесь следует рассматривать в качестве характерной. При этом нордический компонент может считаться имеющим индогерманское происхождение. Правда, собственно германские народы усилили его позже и не в тех масштабах, о которых в состоянии дать ясное представление древнеславянские племенные различия.

Для объяснения этнического происхождения восточноевропеоидов, напротив, возможность предоставилась, и для ее осуществления следовало прежде всего про извести подробное типологическое сравнение. При этом восточноевропеоиды оказались идентичны: 1) «второму финскому типу» Бунака, 2) «Типу 1» Рехе и 3) преславянскому типу Чекановского. Из упорядочения обнаруженных в самых разных местах различных типов следовало, что восточноевропеоиды встречаются уже в неолите в двух различных географической и культурной средах: связи эпохи ленточной керамики оказалось

возможным проследить через Богемию и Австрию до южно-русских степей. Основная же суть проблемы распространения восточноевропеоидов уже тогда могла бы быть сосредоточенной на севере, в зоне лесов, и тем самым на территории финно-угорской культуры. Здесь, по всей вкрайности, вполне возможно провести непрерывную последовательность от неолита (эпоха гребенчато-ямочной керамики) через завершение восточнорусского бронзового века к финской народности раннего исторического периода. В наши дни основное внимание в изучении вопроса распространения восточноевропеоидов также обращено на лесную зону.

Гипотеза, что изначально нордические праславяне с финским нижним слоем восприняли существенные добавления восточноевропеоидной расы, подтверждается теперь еще и результатами лингвистики, коль скоро эта наука указывает на наличие финно-угорского субстрата в славянских языках, ведущего свое происхождение уже из праславянской эпохи. Кроме того, в расовой картине древних славян следует отметить и более молодой, уже западно-финский слой, чьи следы можно опознать в характерном звучании севернорусских гидронимов и на присутствие которого конкретно указывает относительное учащение восточноевропеоидов и альпиноидов в северовосточных племенах, причем наличие коротких голов здесь может быть связано с еще более древним лопарским слоем.

На основании результатов антропологического анализа точно так же может быть сделан и вывод о вероятности того, что при обсуждении фактического пересечения славян с финноуграми в дохристианское время речь идет о действительно существовавших некогда прочных границах между социальными слоями, ибо там, где материал позволяет осуществить временную классификацию, более древние группы повсеместно оказываются либо подавляющей частью, либо вообще чисто нордическими. Однако, по-

скольку представители соответствующих более позднему периоду восточноевропеоидов должны были существовать уже тогда, наиболее близким к истине выглядит заявление о том, что они принадлежали к «затененной» прежде в социальном и культурном отношении группе, которая среди антропологических обнаружений обратила на себя внимание лишь благодаря своему постепенному социальному подъему. Для южных славян разница заключается в том, что в их «денордизации» приняли участие представители не восточноевропеоидной, а динарской расы. Согласно этому соответствующие племенные различия в отношении нордического и восточноевропеоидного компонента могут быть обоснованы не только корснящейся уже в праславянстве пространственной дифференциацией, но различным социологическим возрастом исследуемых групп. По всей вероятности, свое влияние оказывают обе причины, не оставляя при исследовании отдельных групп практически никакой возможности четкого их разделения друг от друга. Таким образом, общий вид расовой картины славянских народов современности ясно обозначен уже в древнеславянское время. Хотя большая временная близость к индогерманско праславянскому происхождению еще отчетлива, и именно благодаря высокой доле присутствия нордического компонента, тем не менее в процессе распространения восточноевропеоидов во всех племенах особенный характер славян среди семьи индогерманских народов уже ярко выражен. Рассовые следы автохтонных пранаселений в южных и восточных перифериях, «просвечивающиеся» через нордическо-восточноевропеоидный основной слой, вносят ощутимое разнообразие в эту картину, и в течение древнеславянской эпохи можно еще с нескольких позиций проследить дальнейшее переслаивание компонентов, ведущее к формированию рас современности.

https://vk.com/wall-47041459_2046

Сопоставление средневекового и современного русского населения центральных, северо-западных и западных областей.

Рассмотрим особенности средневекового и современного населения этих территорий. Таблицы взяты из монографии В.П.Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы» (таблицы на страницах 177-179)

Итак, из приведенных данных видно, что современное русское население Ярославской и Костромской областей существенно отличаются от смешанного кривично-мерянского населения жившего на этой территории в средние века. Особенны заметны отличия по ключевым с точки зрения расовой диагностики признакам: назомалярному и зигомаксилярному углам, углу носовых костей к линии профиля.

(Для справки: Назомалярный угол - это угол образуемый двумя прямыми, проходящими через точку sellion и краевые точки глазниц. Зигомаксилярный угол - это угол образуемый двумя прямыми, проходящими через точку subnasale и точки zygion. Уменьшение углов свидетельствует об усилении горизонтальной профилировки лица. Для уплощенного лица характерны большие значения углов.)

Восточные кривичи (с мерянским субстратом) X - XIV вв и данные современного населения (в скобках)

Территория Костромской губернии (Костромской области)

Костромской области

Черепной указатель - 77,1 (82,1)

Скуловой диаметр - 130,5 (131,8)

Назомалярный угол - 138,2 (139,3)

Зигомаксилярный угол - 127,9 (123,9)

Угол носовых костей к линии профиля - 25,5 (31,7)

Ярославской губернии X - XIV вв (в скобках Ярославской области)

Черепной указатель - 76,5 (81,2)

Скуловой диаметр - 130,0 (129,4)

Назомалярный угол - 138,9 (137,6)

Зигомаксилярный угол - 127,4 (122,2)

Угол носовых костей к линии профиля - 26,5 (31,0)

Таким образом, можно констатировать факт уменьшения уплощенности лица (ослабление субуралоидного/восточно-балтидного влияния) восточнославянского населения Восточного Верхневолжья в позднем средневековье (по сравнению с более ранним периодом), но одновременно и брахицефализацию.

Чтобы определить генетический исток современного русского населения региона, необходимо обратиться к особенностям более западных средневековых восточнославянских групп - ильменских словен и западных кривичей.

Словене Великого Новгорода XI - XIV вв.

черепной указатель - 77,2

Скуловой диаметр - 132,5

Назомалярный угол - 138,5

Зигомаксилярный угол - 125,5

Угол носовых костей к линии профиля - 32,1

Западные кривичи (Витебская губерния)

Черепной указатель - 73,1

Скуловой диаметр - 135,6

Назомалярный угол - 138,8

Зигомаксилярный угол - 124,5

Угол носовых костей к линии профиля - 32,0

Эти данные позволили сделать Т.И.Алексеевой вполне однозначный вывод:

Сопоставление средневекового и современного восточнославянского населения не только по комплексу признаков и величине внутригрупповой изменчивости, но и по характеру эпохальных изменений выявляет преемственность на одних территориях и смену - на других... В Волго-Окском бассейне антропологический состав населения меняется за счет прилива славянского населения из северозападных областей. (Т.И.Алексеева. Этногенез восточных славян. М., 1973. С.270.)

И далее: Русские в настоящее время оказываются более или менее гомогенным в антропологическом отношении народом, генетически связанным с северо-западным и западным славянским населением... (Там же. С.273.)

К схожему выводу пришел и В.П.Алексеев: При рассмотрении краинологического типа русских серий следует специально подчеркнуть одно важное обстоятельство. Речь идет о чрезвычайном морфологическом сходстве, которое проявляется при сопоставлении всех имеющихся в нашем распоряжении материалов... (В.П.Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 172.)

Итак, современное русское население во-первых крайне однородно, во-вторых сформировалось на базе западных восточнославянских племен (ильменских словен, западных кривичей, дреговичей, радимичей, древлян и волынян). Русское же население Владимирской, Ярославской и Костромской областей связано прежде всего с поздними волнами западной миграции, что позволяет оценить мерянский субстрат как незначительный.

folkvald.livejournal.com/44541.html

Ну и в дополнение к этому добавим, что основное восточно-балтидное влияние русские, скорее всего, получили от ранних волн колонизации славянами Восточной Европы. Процесс усиления брахицефализации у русских центральной России связан не только с восточно-балтидным компонентом, но так же с усилением кроманидного мезо-суббрахицефального типа (который так же включал восточно-балтидный компонент, но в более слабо выраженной форме), усилившего свое влияние волнами более поздней славянской колонизации с северо-запада. При этом современное русское население центрального и северо-западного региона, несмотря на средний суббрахицефальный головной идекс, по большинству других параметров сохраняет высокую преемственность со средневековым, преимущественно нордическим, русским населением.

Другие статьи на эту тему:

Культура Шнуровой Керамики на территории России. Фатяновская культура.

https://vk.com/wall-47041459_7593

Некоторые интересные цитаты из работы В.Бунака «Происхождение и этническая история русского народа» (1965):

Женщины

- В женской группе брахицефальный элемент представлен сильнее, чем в мужской (С.58)

- Длина тела женщин составляет 93,5 % среднего мужского размера (С.51)

- В русских женских группах вогнутая спинка носа встречается, по-видимому, чаще, чем в западноевропейских (С.138)

Русские

- Брахицефалия русских очень умеренная (С.84)

- Средне-русые оттенки цвета волос встречаются чаще, чем темные. Светло-русые, а тем более белокурые составляют малую долю (С.103)

- Общий для всех русских групп и достаточно специфический комплекс признаков отчетливо проявляется в суммарной характеристике: темно русые волосы, серая или серо-бурая радужина, средней ширины лицо, прямой или слабо наклонный лоб с гладким надбровьем, небольшое преобладание высокого переноса и сильного профиля, слабый рост бороды, верхнее веко с небольшой складкой, немного поднятое основание носа (172—173 стр.)

- Специфический, «лаппоидный» антропологический комплекс прослеживается в виде следов на многих участках северо-западной русской территории (С.163)

Сравнение с Западной Европой

- Население отдельных областей Западной Европы по антропологическим признакам (и другим особенностям) отличается друг от друга значительно более, чем отдельные русские группы (С.132)

Расовые признаки

- «Нордийцы» — мезокефалы, «динарцы» — гипербрахиекавалы (С.144)
- «Утиный» нос — сочетание вогнутого профиля с горизонтальным основанием (С.123)

P.S.

Основа обобщенного комплекса признаков русских, в своей основе восходит к протонордическому типу шнуровой керамики и боевых топоров (волосы от самых светлых до каштановых, светлые глаза, узкое и средне-широкое лицо, долихо-мезоцефалия) с кроманидным компонентом, измененного небольшой примесью восточно-балтийской расы (наличие следов лаппоидного антропологического комплекса, ослабленный рост бороды, сдвиг в брахцефалию и т.д.) и совсем небольшому средиземноморскому компоненту (небольшой процент темных и темно-смешанных глаз, темных волос, в сочетание с узким лицом и т.д.).

«Нордоидный индекс» в популяциях Восточной Европы.

Провел небольшой эксперимент по фиксации признаков североевропеоидной расы (нордической) среди антропологических типов и вариантов русских популяций.

За основу взят южно-ботнический тип западных финнов и шведов, относимый антропологом В.Е. Дерябиным к североевропеоидной (условно нордической) расе. Данный тип дифференцируется от восточноевропейских антропологических вариантов по 7-ми расоводиагностическим признакам, демонстрируя крайние значения признаков.

Цитата (В.Е. Дерябин):

Первый из них характеризуется большими значениями первой канонической переменной, описывающими сочетание высокорослости, относительных длинноголовости и высоколицести при относительно небольшой высоте носа, некоторого усиления роста бороды, увеличения горизонтальной профилировки лица при относительном уменьшении

вы-соты перенося и более ортохейличного профиля верхней губы. Нетрудно видеть, что этот вариант характерен только для юго-западных финнов и проживающих здесь же шведов. В наиболее подчеркнутом виде он проявляется у аландских шведов. Очевидно, что здесь мы имеем дело со скандинавским типом атланто-балтийской расы в терминологии Н.Н.Чебоксарова (Витов и др, 1959; Марк, 1975). Вместе с тем, для населения Скандинавии, вероятно, можно выделить (обзор: В.В.Бунак, 1971) до 8 - 9 антропологических вариантов атланто-балтийского облика. Поэтому, возможно, найденное среди финнов и шведов юго-западной территории Финляндии подразделение следует считать каким-то локальным вариантом одного из скандинавских антропологических типов атланто-балтийской расы, которому по его географическому ареалу можно присвоить название южно-ботнического типа.

Признаки следующие: 1) рост ; 2) головной указатель; 3) лицевой указатель; 4) горизонтальная профилировка лица; 5) % выпуклых спинок носа; 6) цвет глаз; 7) рост бороды.

По данным признакам производилось сравнение русских типов с их группировкой, приближенной к южно-ботническому типу и присвоением баллов по степени сходства. Чем больше сходство, тем выше балл. По ряду признаков разброс значений невелик, соответственно и баллов меньше. Например, % выпуклых спинок носа- 3 балла, а цвет глаз или рост бороды- 5 баллов.

Получилась такая картина:

Самыми нордичными оказались русские нижнеокского варианта, затем русские западного, восточного верхневолжского типов и верхнеокского варианта.

Все познается в сравнении. Поэтому расширил исследование с включением прибалтийских (7 вариантов) и белорусских типов (3-х типов). Признаки те же, оценка производилась с группировкой по 4-х балльной системе. Оставил 4 самых «нордоидных» группы русских и для контраста западный валдайский вариант русских.

Отсюда видно, что эстонцы и латыши ближе к южно-ботническому типу шведов и западных финнов, чем самые нордоидные русские группы. Самым североевропеидным оказался курземский вариант латышей, затем западный эстонский и земгальско-видземский варианты.

Третий этап исследования с включением финских и тюркских групп, всего 35 популяций, продемонстрировал высокую степень различий по «индексу нордоидности». В данном случае градация была более широкая ввиду значительного разброса значений признаков. Максимальное количество баллов получилось у представителей южно-ботнического типа (шведы, западные финны)- 40 баллов, затем идут эстонцы и латыши от 29 до 31 балла, литовцы- 25 баллов, далее белорусы и русские от 20 до 26 баллов.

В финских и тюркских группах отмечается понижение «индекса нордоидности», за исключением эрзя (сурский тип), которые оказались близкими к валдайскому типу русских- 20 баллов, карелов и вепсов (беломоро-балтийский тип)- 18 баллов.

У мокша- 17 баллов, у представителей степного и волжско-камского-степного типов по 16 баллов, мезенско-печорский тип- 15 баллов.

Наименьшие значения у волжско-камского типа (чуваши, удмурты, марийцы)- 12 баллов, вычегодского (коми) и камского (коми-пермяки) типов- по 11 баллов.

Небольшое пояснение. За основу бралися южно-ботнический тип шведов и западных финнов как «нордический». Данный тип самый высокорослый, светлоглазый, долихоцефальный (исключение- мокша), лептопросопный, «бородатый» (искл.- западный полесский тип белорусов), с наиболее выраженной горизонтальной профилировкой лица (искл.- ряд прибалтийских типов) и наибольшей долей выпуклых спинок носа (искл.- восточный полесский тип белорусов). Чем не нордичный? А дальше изучалась степень близости других групп к этому типу по 7 признакам.

По цвету волос. Самыми светловолосыми популяциями в мире являются карелы, вепсы и эстонцы. Данный признак не рассматривался. То же самое по скелетовому диаметру, скандинавы далеко не самые узколицые, так меньшешая ширина лица у мокши, коми, чувашей, марийцев и целого ряда других групп.

По понтийскому компоненту. На мой взгляд, его роль несколько преувеличена.

В.Е. Дерябин:

Несмотря на то, что для верхне-окского (Бунак, 1965) и нижне-окско-дон-сурского (Дебец, 1933) типов русских отмечалось присутствие понтийского антропологического компонента, по результатам многомерного шкалирования можно видеть, что центральные точки, выделяемых для этих подразделений, находятся весьма далеко от понтийской зоны графика. Нижне-окско-дон-сурский обнаруживает очевидную близость к сурскому типу, характерному для эрзянских групп мордвы. То же самое можно сказать и для мокшанского типа, который по результатам многомерного шкалирования достаточно далек от понтийцев, хотя и обнаруживает заметное смещение в этом направлении.

<http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopi..>

Определенное сходство русских области «восточного великоруса» с нордическим типом отмечал еще К.Кун

Полезно посм. также: Аутосомный анализ через этнокалькулятор K13. Северный компонент у русских на уровне 70-75%

https://vk.com/wall-47041459_503290

Аутосомный анализ и этнические калькуляторы

https://vk.com/wall-47041459_502172

Фауст Патронов

ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РАСОВОЙ БОРЬБЫ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА С АЗИЕЙ - МОНГОЛОИД- НЫМ МИРОМ ВОСТОКА И ПЕРЕДНЕАЗИАТСКО- ИСЛАМСКИМ МИРОМ ЮГА

1. Еще ранняя Русь столкнулась с монголоидными кочевыми народами при своем становлении. Война с половцами - первая встреча с этим міром. Но еще ранее славяне сталкивались с аварами, нашествиями угров.

2. Увы, правильные выводы из войн с кочевниками сделаны не были. И при вторжении татаро-монголов Русь оказалась беззащитной. Разорение массы городов, гибели независимой русской государственности под ударами азиатов стали ключевым моментом нашей истории средневековья.

3. Новое русское государство в лице Москвы начинает собирать вокруг себя земли находясь в постоянном расовом конфликте с міром Востока. И если на западе это просто конкуренция за то кто соберет вокруг себя русские земли – Литва или Москва, то на юго-востоке это буквально война на истребление и выживание: кто будет жить на этих землях белый человек или азиат?

4. У Московского государства были многочисленные и опасные враги: переднеазитско-исламский Крым и тюрко-исламское Поволжье. Но в ходе тяжелых войн наши русские предки сломили то и другое государственно образование, пусть и в разные века (18 и 16 веке соответственно).

5. Завоевав Казань, русские поставили татар на службу себе уже дальше в борьбе с азиатами. Вот как описывает сподвижник Петра – и выдающийся русский деятель Иван Кирилов использование татар для борьбы с башкирами в первой половине 18 века:

«В декабре 1735 г. Кирилов, отправившийся в Петербург для представления своих планов освоения Башкирии, убедил императрицу Анну Иоановну, утвердить план о полном истреблении и уничтожении башкир, которому он и будет следовать вплоть до своей смерти в апреле 1737 г.».

Отрывок из предоставленного императрице проект геноцида башкир: «сей озорной народец пользы ради не худо было бы извести вовсе».

Иван Кириллович предлагал в числе прочего направление в Оренбург на военную службу татар-мишарей для их использования в борьбе против башкир.

В обоснование этого предложения Иван Кириллович приводил традиционную политику русских властей относительно татар:

«...Хотя по мало наряжены будут, однако же которое время там пробудут, в то жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца. Как исстари сию политику во всем государстве над татарами во время Швецкой и Польской и Турецкой войн делали, везде их перед войска в первых на пропажу посылали, вменяя в службу.»

Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. III. С. 493-494

6. Русская расовая борьба не остановилась завоеванием Поволжья. После его покорения русский меч как меч белого человека завоевал Сибирь, проникнув далеко в ареал монголоидов, дойдя до самого Тихого океана, отсекая у монголоидов весь север.

7. В поддержку русской экспансии были приглашены и немцы для заселения Поволжья и выдавливания монголоидов из данного региона. Сотни тысяч немецких колонистов стали, наряду с русскими переселенцами, надежной опорой России в том диком краю в 18 веке.

8. Русская экспансия в переднеазиатский мір сломила в итоге Крымское ханство и за вторую половину 18 и начало 19 века завоевало Кавказ. Западный Кавказ и северное При-

черноморье было защищено от азиатских кочевников и переднеазиатских горцев. Их судьба мало отличалась от индейцев Северной Америки. Где когда-то жили они, теперь стоят белые города и селений, а русские в России (и белые американцы в США) считают эти земли своими национальными.

9. Последний рывок Белой Русской Империи был совершен в Среднюю Азию. Завоевав ее во второй половине 19 века, русские начали активную политику колонизации данного региона, чтобы утвердить белого человека хозяином данных земель.

«В 1885 г. при открытии <в Туркестанском крае> местного археологического кружка высшим представителем русской власти в крае кружку была предложена задача изучить древнюю арийскую культуру края, уничтоженную варварами – тюрками и подлежащую восстановлению при господстве других арийцев – русских».

В.В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Императорской Академии Наук по Физико-математическому и Историко-филологическому Отделениям за 1914 год. Петроград, 1915. Стр. 12

«В 1916 году русских переселенческих поселков насчитывается в Туркестане 941. Это население занимало около 2 миллионов десятин самой лучшей пахотной земли (долинной, хорошо орошенной и т.д.) Что это составляло к посевным площадям тогдашнего Туркестанского края? Эти два миллиона десятин составляли 57,6% общей посевной площади края, иначе говоря, на каждого русского переселенца приходилось 3,17 дес., а на каждого туземного жителя (киргиза, узбека, туркмена) приходилось 0,21 дес. или в 15 раз меньше, чем на русского переселенца. В то время туземное население (узбеки, киргизы, туркмены) составляло ко всему населению Туркестана 94%. Эти 94% занимали всего 42,4% посевных площадей, а 6% русского населения занимали 57,6% посевных площадей.»

Русская колонизация Средней Азии в начале 20 века должна была превратить тот край в русскую провинцию заселению преимущественно этнически русским людьми... но увы, Красная революция перечеркнула все успехи русской колонизации, создав преимущества для размножения среднеазиатов.

«Монголоидная экспансия, казалось, была полностью сломлена Российской Империей, завоевавшей Сибирь и Среднюю Азию и утвердившей русский антропологический тип как коренной вплоть до Тихого Океана. Но реванш монголоидов созрел вновь под сенью советского строя, давшего монголоидным народам решающие преимущества перед европеоидными. Происшедший в начале 90-х годов XX века исход европеоидов из Средней Азии и продолжение монголоизации Дальнего Востока, Восточной и Южной Сибири, Южного Урала и Средней Азии – прямое свидетельство нового реванша Степи.»

А. Савельев «Образ врага. Расология и политическая антропология.»

10. После падения коммунистического режима, к счастью для русских, СССР распался. И среднеазиатские народы не получили равного гражданства с русскими России. Однако их массовая миграция и получения гражданства РФ ставит под угрозу русское будущее и будущее России как государства русского народа. Решение этого вопроса – это важный элемент в нашей расовой войне с Азией, что идет с Монгольского вторжения вот уже 800 лет, если не раньше. И теперь снова, как в далеком средневековье, судьба русских как популяции стоит под угрозой; решение вопроса с массовой азиатской миграции – принципиальный и ключевой вопрос современной расовой борьбы за существование русских.

ВОКРУГ РУССКОЙ ИДЕИ

Да, именно «вокруг»... Ныне такие драгоценные понятия, как «Святая Русь», «Третий Рим», та же «Русская Идея» зело опоганены от касания их скверными руками и скверными языками путинских-гундяевых и их пиздобратии (согласно «академическому словарю», так называется «группа людей, объединённых каким либо нелицеприятным занятием» / <https://argo.academic.ru/>). Посему, прежде нежели разсуждать о сих предметах в будущем, их надобно «хорошенько отмыть»... А вот «вокруг» покамест можно отыскать кое-что «незалапанное» и «неопоганенное»...

TAEDIUM RUSSIAE

В статье В.В.Розанова «Возле Русской Идеи» (1911), основу коей составляют размышления автора над романами Ф.М.Достоевского, среди прочего, разбираются *«идея Крафта»* и *«идея Смердякова»*... Вот на сих «возле РИ» сосредоточимся и мы... «Идея Крафта» экспонирована в романе ФМД «Подросток», где выведен некий герой – русский немец Крафт, пламенный русский патриот, коий застрелился, прия к мысли, что «Россия – второстепенная страна» и «в качестве русского совсем не стоит жить»... «Идея Смердякова» экспонирована в романе «Братья Карамазовы», где сей «самый умный из братьев» (по аттестации А.Широпаева), заявляет: «Россию завоевать нужно. Придут хранцы и покорят её-с»...

Начнём-с с *«идеи Крафта»*... Мы со своей стороны считаем, что *«стреляться»* никак-с не нужно, скорее, *«нужно стрелять»*. Причём, крайне желательно: *в «нужном направлении»*. На вопрос *«фер-то кэ?»* один глубокомысленный современный автор даёт неплохой ответ: «Может возникнуть естественный вопрос: если я рисую столь безотрадную картину, должен же быть всё же «свет в конце

тоннеля». И вот, скажу вам, что совершенно не должен. Может быть, а может и нет. Установка на хэппи энд абсолютно ложная. Как Христианин я верю, конечно, что в самом Конце, действительно, будет Свет. Но в конце Всего тоннеля, а не отдельного его участка. А что же тогда делать? Много есть полезных занятий. Можно сходить в храм (правда, не МП), можно в тир, можно в тренажёрный зал. Всё это точно не безсмысленные вещи. Они помогают более подготовленным встретить ситуацию возможностей, приход которой (и какой - неведомо) от нас сейчас почти никак не зависит. Но она вполне может от вас потребовать того, что обретёте, посещая выше упомянутые места» (Дм. Тараторин). И, таки-да, мы не считаем Россию «второстепенной» страной. Она – как раз «первостепенная», и *Русский народ – народ-Богоносец*. Оттого то и столь велико, и столь глубоко их *падение*. Просматривается *очевидная параллель* с историей Ерейского народа. Христианство в целом признаёт «богоизбранность евреев» (трактовки при сем могут даваться довольно разнообразные). Священное Писание весьма выразительно показывает, что *от «богоизбранности» до «богоотверженности», поистине, «шаг един»*... Мы даже готовы признать радикальную «версию», что никакого «еврейского народа», описанного в Ветхом Завете «на самом деле» *не было*, что это «парадигма», «модель», коя, впрочем, «многочастно и многообразно» (Евр. 1, 1) воплощается в реальности, у разных народов, в разных обстоятельствах «места и времени»... Поэтому, вся ветхозаветная Священная История – *сугубо реальна*, даже ежели это «реальность sui generis». Вдобавок, в Православии существует доктрина *«трёх богоизбранных народов»*. Се не было принято на «всесерковном» уровне, но, например, РПЦЗ официально включала сию доктрину в свою идеологию. Базируется она на своеобразном экзегезисе слов св. Ап. Павла из Послания к Колоссянам (Кол. 3, 11), где упомянуты строго «три народа»: *Евреи, Греки и Скифы* (понимаемые как предки

нас, Русских). Вкратце суть сей доктрины такова: в Церкви Христовой, понимаемой как *Народ Божий*, существует некий *первенствующий*, «головной» этнос, вокруг коего все прочие «языки» собираются «о Христе». Сей Чин, сие «высокое звание» является «*переходящим*»: вначале принадлежа Евреям (в Ветхозаветной Церкви), впоследствии же (в Церкви Новозаветной) преемственно переходя к Грекам, а затем – к Русским... Важно отметить: «богоизбранность/богоносность» это именно «звание», а *не «природное свойство»* Евреев, Греков и Русских. Се «дар» Божий, коий может быть «отозван». Се «задание» Божие, кое может быть «провалено». Как, собственно, оно было с треском *«провалено» Русскими* в 1917 году, когда *«Богоносец поднасрал»* (Б.Савинков). Подобное «открытие» в те «годы русской смерти» (Ю.Готье) было едва ли не всеобщим (во всяком случае в среде носителей «славянофильских», «почвенных», «русско-мессианских» взглядов). Характерны разсуждения о «поднасравшем Богоносце» героев «Белой Гвардии» М.Булгакова. Упомянутый историк Ю.Готье вёл в оные «окаянные дни» Дневник, коему поверял такие вот мысли: «Состояние духа противное и мой *taedium Russiae* (отвращение к России – лат.) всё растёт, вместе с *Hinausweh* (стремление выбраться – нем.)» (запись от 14 октября 1921 года). «Прочёл «Смену вехам» (sic)... Есть здесь и голос русского мессианизма – они не хотят понять, что никакой міровой будущности в России нет и что Россия своей пугачёвщиной доказала, что она *низшая раса*» (запись от 2 ноября 1921 г.). Поэт-диссидент Александр Зорин (насколько нам помнится, ён), принадлежащий к «кругу о.А.Меня», вывел примечательную поэтическую формулу: «Вся наша история вместится в пару страничек: / Народ-Богоносец, Народ-Богоборец, Народ-Пограничник...» («пограничник» от психиатрического «пограничное состояние»).

В XIX веке чаяния «міровой будущности» для России и Русского народа имели под собою некое оправдание: при всех возможных оговорках, то был – *Народ-Богоносец*.

В ХХ веке сии чаяния тоже могли казаться небезпочвенными. Хотя Русский народ превратился в большинстве своём в *Народ-Богоборец*, теплилась надежда, что «из глубины» своего падения, он всё же способен возстать, и не тепло-хладно (как-то было до Революции), но с апокалиптической «горячностью» (Апок. 3, 15) исповедовать идеалы Святой Руси... Представлялось, что ежели Правда откроется народу, и ослабнет гнёт Богоборчества, сие обращение будет едва ли не неизбежным...

Но *вот* – Правда открылась и гнёт ослаб... В 90-е гг. на Руси существовала изрядная политическая свобода, а уж свобода получения необходимой информации была почти неограниченной. С появлением путинщины политические свободы ликвидировали, но возможность добыть информацию помимо Агитпропа всё ещё остаётся. И дело не в какой-то особой «любви» россиян «к путену». Откинься завтра Пахан – никто послезавтра о нём и не вспомнит (разве материно), и слезы не прольёт. А вот по Совку – прольют, и льют все эти годы и десятилетия. Глубинный *советизм* «глубинного народа» - факт совершенно неоспоримый. И се – его «свободный выбор», ибо знание о том, какой запредельной мерзостью, противобожеской и античеловеческой – был Совок – доступно всем... И оттого-то надежды на «покаяние» (=«перемену ума») и «возрождение» Руси-России днесь величина отрицательная...

Но в столь тухлой ситуации некий «проблеск надежды» как раз таки может дать «идея Смердякова»... *«Россию надо завоевать»*... И хотя «хранцы» ныне «не те», но – *есть Украина-Русь и украинцы*... В той войне, что развязала Кремлёвская ОПГ, «русские» не вполне отдают себе отчёт *«за что»* гибнуть и воевать. Они гибнут за «призрак Совка», но при всём своём «глубинном» советизме не до конца разумеют сие. Талантливейший Вадим Самойлов (ех-«Агата Кристи») записал позорнейшую песню «За Донбасс!», где в перечислении «за что» было: «за русское ё-маё»... Подыхать

за «ё-маё», даже «*всесмехливый ад*» (Триодь Постная. Утре-
ня Великой Субботы, стихиры на стиховне, гл. 2) едва ль что
более глумливое изобрёл бы... Впрочем, путинойдный «ру-
сский мір» и есть то самое «ё-маё»: в нём нет ничего челове-
чески «русского» и божески «мірного» - он есть *ГУЛАГ с*
личиной «Святой Руси»...

Была такая партия – НБП. Её бывшие активисты впослед-
ствии очутились «по разные стороны баррикад». Роман Поп-
ков – довольно заметный в своё время нацбол; будучи тако-
вым, он очевидно разделял базовые лозунги Партии: «Россия
– всё, остальное – ничто!», «Сталин-Берия-ГУЛАГ» и т.п. Не-
трудно заметить, что нацбольские лозунги и речёвки стали
ныне «языком власти». «Ежели в міре не будет России, то
нахуй нам такой мір», вещает Хуйло-хан своей Орде, ну и
ГУЛАГ, конечно, без него Совецкой орде – никак... Р.Попков
«отряс с ног» евразийщину-нацбольщину и сражается ныне
за Украину-Русь супротив путинской Орды. Он выразил
смысл и желаемые результаты Войны чётко и верно:

«Путинские солдаты, пришедшие на землю соседей с ог-
нём и мечом, разрушающие города и убивающие мирных жи-
телей, написали на своём снаряде “За слёзы матерей”. Строч-
ку из сталинской милитаристской песни. Одним из итогов
этой войны и неизбежного краха государства РФ будет де-
монтаж всей пропагандистской конструкции “Великая Отече-
ственная война” во всех её проявлениях и ответвлениях. Со
всеми этими песнями, ставшими гимнами палачей. Со все-
ми блокадными ленинградами, про которые долдонит страна,
планомерно организующая здесь и сейчас реальную гумани-
тарную катастрофу. Со всеми фильмами, ритуалами, полу-
сатыми лентами, штампами и культурными кодами, которые
служат в конечном итоге только одному: новому ГУЛАГу».

Россия, в результате поражения в войне, очищенная от
религии победобесия и от прочих метастаз Совка – получит
небольшой, но *шанс*, не на «мессианский статус», конечно
(сей «поезд ушёл» для нас, видимо, навсегда), но по край-

ней мере на нечто более-менее «человеческое»... Не «Богоизбранность», конечно, но *по сравнению* с адищем Совка и Нео-Совка – не так уж и плохо...

TAEDIUM EURASIAE

Кремлёвская братва (надобно сказать, не весьма богатая мозговыми извилинами), все месяцы «спецоперации» на-тужно «мыслила» в меру своего скудоумия: как объяснить «зачем ваще воюем»... Выдвигались такие «объяснения»: «денацификация» и «демилитаризация» Украины, «освобождение» братского народа от фашистской «хунты» и т.п. Звучало всё это, прямо сказать, нешибко убедительно. Наконец, чей-то кремлёвский «ум», мощностью в «полторы лошадиные силы» додумался: проводим *«десатанизацию» Украины*. Учитывая специфичность «веры» кремляди, поневоле всплывало Евангельское: *«как может сатана изгонять сатану»* (Мк. 3, 23).

О «вере» кремляди, исходя из их недавних самосвидетельств, можно было бы сказать: се – какой-то *евразийский хрислам*, на густопсовой кумачовой основе... Перманентно бухой экс-премьер и экс-президент Димон рубанул: «мы идём в поход супротив Иблиса». Вован на спецвстрече со спецмата-териями «могилизованных» философически изрёк: «мы все ходим под Аллахом, под Христом...» (Аллах, что характерно, на «первом месте»).

А тут ещё папа Франциск разродился спичем, из-за коего в клоаке путинойдных пропагандонов пронеслось «z-торнадо»... Папа Римский Франциск, комментируя в интервью войну на Украине, заявил, что «самыми жестокими (среди путинской орды), возможно, являются те, кто из России, но не придерживается русской традиции, такие как чеченцы, буряты и т.д.». О, какое беснование бушевало в российском телезфире несколько дней после этого заявления. Достойно быть отмеченным выступление на «первом канале» в «прайм-тайм» генерал-майора полиции чечена Апты

Алаудинова, командира спецподразделения «Ахмат» (выполняющего на украинском фронте функции «загадотряда»), пространно вещавшего о «сатанизме» Папы, с соответствующим заключением: «вот против таких мы ведём наш джихад»... В ту же строку ложатся многочисленные мантры попов-политруков из МП (а поп-политрук – это какая-то запредельная мерзость, тысячекрат мерзее, нежели «просто политрук») про «русско-чеченское боевое братство» и т.п. На данном фоне вопрос: **«кто же тут сатанист?»** полностью излишен, **«всё до безобразия очевидно»**, имеет смысл затронуть лишь евразийский компонент в той войне, что развязала неосовецкая Орда...

Поелику, как папа Франциск затронул крайне важный момент, нуждающийся в более подробном освещении. Дело в том, что русские по происхождению ватники-совки, помимо того, что чужды собственно «русской традиции» (ежели не считать за «традицию» боячество, челкачество и т.п.), конечно ничуть не менее агрессивны и жестоки, чем не-русские подданные Орды. Однако, **их агрессия и жестокость лишены «методичности», носят аффективный характер.** «Нажрался, прирезал одного-двух, а как проспится – снова тихий-скромный...» (А.И.Райкин). На «ватниках» серьёзной карательной системы не выстроить. От того-то в Красной Орде одной из главных «скреп» **«всегда была инородчина**, преимущественно в «органах» террора. Не случайно, в ЧК с первых дней её существования основную роль играли жиды: их «жестоковынность» чужда всяким аффектам, она в высшей степени методично-жестока и безчеловечна. «Второе же место» средь палачей в ЧК занимали китайцы – пожалуй, ещё более «методичные» в жестокости, нежели жиды... Этнический состав «органов» менялся за годы Советчины и путинской Неосоветчины – но присно оставалось **одно**: палаческий костяк – это всегда безжалостные и нерефлексирующие инородцы, а не русские «тюти», которым, ещё глядишь, да и станет «жалко» единоплеменника. Чечену с бурятом – «жалко» не станет.

Прехарактерен пример «кадыровского спецназа», коий Хуйло-хан разсматривал в роли как бы своей «квази-опричнины». Боевые качества сего «спецназа» зело сомнительны (никаких «особых подвигов» на полях СВО за ними не замечено), зато качества карателей – на «высоте». Да и прочая инородчина, с точки зрения кремляди, это ценный *палаческий ресурс*.

Вот выразительный рассказ о палаче из отряда «Ахмад», ведущего евразийский «джихад» против европейского «иблиса»: «Очур-Суге Монгуш из батальона «Ахмат», истязавший украинского военнопленного. Просто подумайте над этим и признайте, наконец, холодно и чётко. Чекистский Кремль в борьбе с европейской волей Украины использует самые дикие инстинкты и стремления подвластной ему, Кремлю, Азии. Использует намеренно, осознанно. С русского народа это, разумеется, ответственности не снимает. Русский народ позволяет этому происходить. Каратели и садисты Азии опираются на русскую мотострелковую тягловую силу. Со временем очур-суге моншуги будут так же резать гениталии и русским по приказу Кремля – когда ситуация в РФ начнет выходить из-под контроля. Опираться на иноземцев при подавлении бунта тягловой силы – излюбленная тактика тиранов. Потом, если всё же ситуация не удержится, очур-суге монгушки отползут в свои ставшие независимыми бантустаны и скажут, что они всегда были жертвами русских и ни в чём не виноваты». Описанная схема работала при «строительстве СССР», работала при «развале СССР», работает при путинской попытке сколотить «СССР-2.0».

«Вообще конечно эта война банкротит любую, самую изощрённую литературу, оставляет за бортом любые тексты и фильмы: от средневековых рыцарских баллад до Толкина с экранизациями. Никому и не снилось. Такая концентрация тьмы, вглядитесь только. Войско, состоящее частично из русского порабощённого населения – забитых, безправных крепостных и пролетариев, а частично - из окраинных ази-

атских племён. «Патриоты-военкоры» – агитаторы с дегенеративными черепами. Кадыровские головорезы. Арабы. В перспективе – африканцы из ЦАР и прочей «франсафрик». Пригожин их в принципе может накупить некоторое количество по тысяче долларов за голову – чтобы имитировать «антифашистские интербригады» и всемирную поддержку. *<И> ещё тень пекинской империи над этими разношёрстными орками. Ну какому Толкину такое могло придуматься»* (Роман Попков).

...Но Украина-Русь опрокидывает и опрокинет в итоге сей евразийский зловонный плавильный котёл из бурятов, дагов, чеченов и худшей части русского народа... А что сказать о *«других Русских»* (их мало, но они (мы) существуют), не тронутых проказой советчины и евразийщины? Они лишины (пока?) возможности вонзить свою «дюжину ножей» в спину Чекистана, но *«нож молитвы»* присно с ними, и его никому никогда не отнять... При міротворении Творящее Слово Божие полагало предел бездне небытия, и приводило ея к вечеру, дабы настало утро света. *«И бысть вечер, и было утро, день един»* (Быт. 1, 5). По подобию того, что сотворено Христом-Словом отначала, молитвами Верных Его смерть путинойдного «вечера» да станет рождением Света, Утра Новой Руси, Новой Европы.

И да станет молитва Истинной Церкви Христовой *адом* для всех Его и Ея распинателей из зловонной евразийско-ордынской клоаки чекизма, неосоветизма, сталинизма и путинизма...

READING DJOMIN

У покойного Вл. Солоухина был весьма крутой антисовецкий очерк под названием «Читая Ленина», содержащий тенденциозно (но нелживо) подобранные людоедские цитаты из писанины «самого-человечного-человека»... Уж больно хорошо звучит сие название, и мы решили использовать его для пары очерков, индуцированных «чтением Дёмина». Конкретно: его последнего опуса «Красный Драконт» (Москва-Вашингтон, 2025). Понятное дело, ни с ВИЛом, ни с Солоухином мы Вячеслава Константиновича не «сравниваем и не уравниванием», берём лишь, так сказать, «прямое» значение заглавия: ряд мыслей, возникших «читая Дёмина»...

Во «первых строках» своей книги ВКД, «разделываясь под орех с russkostью», берёт в союзники сетевой Альманах «Острог» (<https://t.me/s/ostrogreserve>), обильно цитируя выдержки из оного. Учитывая, что у нашего Братства с «Острогом» имела место быть некая «опришная гиштория», мы сочли благополезным толику соображений в связи с сим «предать письмени»...

Но вначале процитируем цитирование ВКД «острожников»: «И только после того, как с моих глаз окончательно спала патриотическая пелена я понял наконец, что между русскими и советскими, а также постсоветскими, получившими название россиян, нет и никогда не было какой-либо разницы, поскольку это один и тот же евразийский народ, вернее нация (социум), состоящая из множества европейских и азиатских народов (этносов). «Противопоставление «русских» и «советских» — давний заезженный приём, - пишет один из авторов интернет-журнала «В остроге», - в основе которого простой принцип, что тех, кто мне не нравится, я буду считать советским, а тех, кто нравится, и себя самого — русским. Мы решили особо выделить эту ключевую мысль, проиллюстрировав её архивным фотофактом: «Распитие спиртных напитков у

магазина на Невском проспекте, Ленинград. Начало 1930-х». Вопрос к русналистам: это уже советские или ещё русские? И как их отличить? Если не знать даты снимка, то по лицам и одеждам русское и советское неразличимо в принципе. Но это детали, важно то, что русское и советское неразличимо и по сути, достаточно лишь вникнуть в основы рус. матрицы. Булкохрусты скажут, что истинно русские бежали в Парижи и Берлины, кто смог, а кто не смог - остались страдать под игом нерусских большевиков, которыешибко попортили народец. Но и сейчас есть ещё некие сферические в вакууме «Истинные Русские», которые ждут своего часа, чтобы освободить от ига великий народ, подобный окутанному цепями гиганту, вросшему в лёд (все цитаты подлинные). Непримиримые с реальностью рус. националисты игнорируют тот факт, что лицо народа – это большинство, массы. Именно массы и выкинули из страны всю вестернизированную элиту и построили себе на горе и счастье «русское национальное государство» СССР, о котором мечтают до сих пор».

Некогда, автор пишущий под именем «Феодор Мамонов», о ту пору бывший нашим (и ВКД) братом и камрадом (а позднее основательно ссучившийся), «законтачил» с глаголемым «Острогом», и попросил нас как-то «попиарить» новообретённых «попутчиков». Мы тогда написали благожелательную рецензию на «О.», в коей, признаться (что для нас редкость), слегка «приукрасили» предмет нашей рецензии. Не сказать, что служавили, но именно слегонца «приукрасили-с». Осторожники, по ознакомлению с их материалами, тогда представились нам черезчур самоуверенными и не вполне «прошаренными» в той области, в коей сами себя почитали за «знатоков»: конструировании национальной идентичности. Сам «О.» имел претенциозный подзаголовок: «альманах социальной критики и идент-футуризма», но, по нам, дык «не дотягивал» до заявленной «планки». Не то чтобы мы вовсе уж отрицали долю правоты за конструктивистскими теориями «нацбилдинга», отнюдь: мы согласны

и ведаем, что современные «нации» есть во многом «дело рук» нацконструкторов. Во многом, да не во всём. Ибо наци-естройство никогда и нигде не происходит «из ничего»: для «конструирования» потребен определённый этнографический материал, с определённой религиозной, культурной, исторической и т.д. традицией. Нагляднейший пример – в значительной мере «на наших глазах» достроенная Украинская нация. Посему, напыщенные «игры с идентичностью», «деконструкция русскости», «слом русской матрицы» и т.п. со стороны «острожан» на нас производили впечатление сугубо умозрительных, отвлечённо-«кабинетных» умствований, «игр в нац-бисер» со стороны излишне самоуверенных полу-интеллектуалов. Уверены: даже на «распитие спиртных напитков» с человейным идент-материалом в «полевых условиях» гг. «острожан» не горазды-с... Вот и умопостроения ВКД «о том же-с» являются схожими «играми кабинетного ума» (исключая, впрочем, пресловутое «распитие»: тут ВКД серьёзный «практик»). Сделав надлежащие оговорки, приведём и самую рецензию нашу:

Альманах «Острог», №№1-20. В 1927 году французский левый интеллектуал Жюльен Бенда издал книгу «Измена клерков» (*La trahison des clercs*). Книга имела в своё время некоторый резонанс, но ежели что и остаётся интересным в ней теперь, то только лишь название... С подлинно «галльским» остроумием и изяществом в нём обыгрываются смысловые нюансы слова *clerc*. Собственно, изначально «клерк» это «клирик», «духовное лицо». Те же «клерки», «измену» коих изобличает Ж.Бенда, это «интеллектуалы», вытеснившие в духовной истории Европы «клириков» с пьедестала «властителей дум», повелителей дискурса... Под «огонь» его критики попадают правые интеллектуалы (Ш.Моррас, М.Баррес etc.), якобы «изменившие» идеалу «чистого клерка», они восхотели «действия», активизма, стали притязать на руководительство жизнью. Очевидно, что се никакая не «измена», а нечто прямо противоположное: верность «клерков», ибо

носители идей и производители смыслов не должны пребывать в не-жизненной «отвлечённости» (на «интеллигентской кухне» критиковать власть, в случае «русской специфики»), а должны стремиться к экспансии смыслов, к «борьбе за Логос»... Носитель «истины» не может не желать быть в то же время и носителем «власти и действия»... Впрочем, при всей слабости означенной книжки, сам образ «измены клерков» нам представляется весьма плодотворным, ибо он может быть тематизирован иначе. Интеллигенты, «клерки» пришли в качестве «властителей дум» на смену священству, «клирикам» и в России. И в нашем случае, трактовать «измену клерков» следует иначе: «измена» отечественных интеллектуалов в том, что они пошли на службу к идеологии «анти-истины» (столь же противо-Божеской, сколь и анти-русской идеологии коммунизма). И ежели «коммунизм-в-чистом-виде» сегодня мало кто проповедует, то Советизм в своих многочисленных импликациях (от «евразийства», до «культа Великой Победы в ВОВ») продолжает вербовать себе на «службу» всё новые и новые генерации «властителей дум», пост-совецких «клерков»... «Измена клерков» продолжается: такие понятия как например «Изборский клуб», или фамилии типа «Дугина» на глазах становятся именами нарицательными, обозначением чего-то запредельно-непристойного и гнусного, позорнейшей кличкой... Тем отраднее видеть (увы, не слишком многочисленные пока) примеры обратного рода: примеры «верности клерков»; верности Традиции, нации, вообще Правым идеям... Альманах «Острог» представляется таковым примером. Как формулирует «кредо» сего издания его редактор, Дмитрий Алтуфьев: «Нужно вытащить русский национализм из субкультуры, рекультивировать, привить, вырастить, распространить и сделать основой политической культуры русских во всём мире. Говорят, русским нужна сверх-идея. А чем эта плоха? Мы – народ литературоцентричный и наша специфика в том, что новый дискурс такого плана в русском обществе всегда создаётся вокруг какого-либо периодическо-

го издания»... Почему в качестве «русской сверх-идеи» не годится советизм во всех своих модификациях? На сей вопрос убедительно и ясно даётся ответ практически во всех выпусках альманаха. Например, в №5-м: «ибо коммунистическая система погребла под своими обломками нашу нацию, уничтожив и необратимо изувечив множество русских людей... Как исторической целостности европейских русских больше не существует – ни в культурном, ни в организационном, ни в правовом аспекте. Европейскую идентичность русского народа предстоит возсоздать заново путём целенаправленного качественного отбора» (Вл. Бударин, «Общественный отбор и борьба ценностей в условиях реального коммунизма»). Новый русский дискурс имеет смысл пытаться генерировать только лишь имея притязание на то, чтобы изменить русское тут-бытие, «русский *Dasein*»... На наш взгляд, на путях сложения «нового дискурса» желателен некий «альянс верных клерков», клерков в смысле интеллектуалов, и клерков в смысле «духовных лиц», противостоящий «клеркам-изменникам»... Не в смысле пресловутого «воцерковления интеллигенции», а в признании со стороны тех и других неких общих «базовых ценностей», как например – Европейской идентичности... Тот факт, что на страницах «Острога» появляются работы христиан-интеллектуалов из среды ИПХ (архиеп. Амвросия Готфского, Ф.Мамонова etc.) весьма знаменателен... Чем больше «центров кристаллизации» новых смыслов, «острогов строительства и мятежа», тем ближе Цель... Пожелаем «Острогу» выстоять и не «впустить в ворота» изменников...

...Последнее «пожелание», увы и ах, не исполнилось. После того, как краткий период «коллaborации с ИПХ» для «О.» завершился, там, в полном смысле слова, «и почитать стало нечего»... Дабы, доразставить «точки над ё», приведём примечательное суждение об «острожанах», принадлежащее Кириллу Канахину, правому поэту, музыканту, актёру, политэмигранту и национал-революционеру, сражающемуся ныне в

рядах Русского Добровольческого Корпуса. Под творческим псевдонимом Solar Cross K.K. ведёт сравнительно регулярный «дневник» в «Телеге», в т.ч. в формате «ответов на вопросы». Один из вопросов, касался как раз мнения «Солара» об «Остроге». Ответ персонажа, мягко говоря, не «кабинетного» покроя, особливо интересен для нас:

«Вопрос: Здравствуйте, Солар, можно узнать ваше отношение к следующему посту от сообщества “Острог”: “Глупые русналисты (а умных почти не осталось) кричат об угнетённом состоянии русских в РФ и СССР, забывая о том, что русский=угнетённый. Это как вода мокрая. Хоть московское княжество возьмите, хоть царство, хоть империю - всё одно, даже ЛДНР ничем не отличается. Русские изначально угнетены, по умолчанию. И другими быть не могут. Это их естественное состояние, имманентное свойство. Считаешь себя русским - полезай в ярмо и вези. Запрягайся в бечеву и тяни лямку. Для того #русская_матрица и создана. И никакое волшебное #РНГ в этой базовой схеме ничего не изменит, ибо русский и свобода - вещи несовместные.” (писал не ВКД, но совпадение полнейшее – о.Р.Б.). Заранее спасибо.

Ответ: Я был подписан на “Острог” в ВК в середине 2010-х. Неужели он ещё существует и кому-то интересно читать эту сто раз пережёванную жвачку? Рабы ли русские? Конечно! Но дело в том, что рабами является большая часть населения планеты. Дело лишь в степени тирании государства либо идеи, и уровне оскотинивания и деградации, к которому они толкают граждан. Разве не являются рабами люди, добровольно целующие ботинки последователям убийцы-наркомана и спокойно принимающие грабёж своих магазинов? Не рабы ли люди, закрывающие глаза на изнасилования своих жён и дочерей, дабы не прослыть нетолерантными? Не рабы ли те, кто бежит за границу, когда на его Родине убивают детей? Но мне больше интересно, что персонажи из “Острога” делают, чтобы уничтожить источник рабства? Может взяли в руки оружие? Не думаю» (<https://t.me/s/solarcrosspoetry>).

...А пездеть в тырнетах, конечно, все горазды... Не всем, разумеется, дано и задано «брать в руки оружие». Но воздер- жаться от «кабинетной умствующей суходрочки», уверены, по силам каждому-с...

И напоследок – духоподъёмный стих от Solar Cross:

KALI YUGA INTIFADA

В этот век не положено ласки
От богини победы достойным,
Но цветы прорастают сквозь каски
Мертвцевов, проигравших войны.
Правят міром червивые души,
Звон монет и трещание купюр.
Каждый Новгород будет разрушен,
Взят Рейхстаг, разорён Монсегюр.
Но вертеть стрелку вспять не устанут,
Против времени хода возставшие.
И когда в полночь все часы встанут,
Победят навсегда проигравшие!

Вадим Сидоров

БУДУЩЕЕ РУССКИХ И БУДУЩЕЕ МИРА

Предварение публикации: Выше был помянут Альманах «Острог». При всей справедливости критики онного, справедливость же понуждает высказать, что некогда попадались там и дельные публикации. К их числу относится и нынешепубликуемый текст Вадима Сидорова, политолога, религиоведа, видного идеолога «Белого Ислама». Надобно учитывать, что данный текст написан в 2016 г., но ряд высказанных там оценок и прогнозов отнюдь не утратили своей актуальности.

1.

Будущее русских невозможно обсуждать в отрыве от будущего мира. Россия это достаточно важный элемент мір-системы, а русские являются производной от нее, даже тогда, когда они представляют собой ее диалектическое отрицание в виде разного рода антисистемных русских, они же русские антисистемы. Поэтому и будущее русских, включая анти-российских русских, и будущее России неизбежно зависят от того, как будет устроена эта мір-система, и какое место они в ней займут.

2.

Мір сегодня находится в процессе трансформации. Ее итог известен только истинному Творцу истории, и едва ли кто-то из смертных сегодня может точно знать историческую перспективу даже на ближайшие несколько десятилетий. Угадать — да, знать точно — едва ли. И причина этого заключается в том, что направлений и сценариев этой трансформации может быть несколько.

Просматриваются следующие варианты: 1) цивилизационного перехода, 2) деградационно-апокалиптический, 3) отложенно-эволюционный. Сегодня во многом именно от России зависит, по какому пути пойдет эта трансформация, от чего в свою очередь зависит будущее России и русских.

3.

Сценарий глобального цивилизационного перехода предполагает переход цивилизации к постиндустриальному укладу, при котором огромные массы населения окажутся избыточными. Нежизнеспособными по отношению к мір-системе окажутся массовые структуры уравнительно-распределительного развития, которыми являются национальные (в широком смысле этого слова) государства. Система всеобщего образования, здравоохранения, трудаустройства в парадигме рынка окажутся экономически несостоятельными. Теоретически отказу от них в странах золотого миллиарда может быть только одна альтернатива — роботизированного национального (закрытого для внешних) социализма. Однако таковая может состояться только в высокоразвитых и высокосолидарных обществах, и скорее всего это будут локальные исключения вроде Исландии, Финляндии и Швейцарии. Так как большинство национальных государств имеют искусственно усредненную социальную структуру, она скорее всего будет разрушаться путем поляризации — на тех избранных, кто будет соответствовать требованиям новой экономики и попадет в новый общественный уклад, и на балласт. В развитых странах балласт в лучшем случае будет взят на иждивение посредством системы безусловного дохода, но долго ли его выдержит экономическая и, что не менее важно, социальная система, неочевидно. Поэтому не исключены как внутренние потрясения, так и попытки постиндустриалов теми или иными способами решать проблемы «лишних людей».

Накануне перехода к этой системе сейчас находится Запад, который только и располагает для этого возможностями.

Что ему вмешает внутри, понятно — это устаревшая система национальных государств, предполагающая сохранение усредненной социальной структуры всеобщего благосостояния, и таким образом сдерживающая рывок в новый уклад. Вовне проблема этого перехода заключается в том, что она обрушит мір-систему, в которой Запад является центром развития (развитые страны), а все остальные — периферией (развивающиеся страны). Причина этого заключается в том, что развивающиеся страны абсолютны зависимы от западной финансовой системы, которая в свою очередь взаимосвязана с системой социального обеспечения. В случае их сворачивания и радикальной реформы развивающиеся страны окажутся предоставлены сами себе, и тогда у них будут только две возможности. Первая — формирование автаркичной, независимой от внешнего міра индустриальной системы жизнеобеспечения — задача невероятно сложная и недостижимая для большинства развивающихся стран. Вторая — в случае и для тех, кому не по силам окажется первая — превращение в пространство деградации и хаоса с колонизацией отдельных очагов силами постиндустриального и перегруппировавшегося индустриального міров. При этом по большому счету все, что не попадет в первый, постиндустриальный мир, будет міром отсталости и хаоса. Просто в последнем могут быть свои центры, периферии и черные зоны, где отставание будет совместимо с выживанием местного населения, и те, где будут иметь место войны разной степени истребительности и голод.

4.

Теперь надо понять, в каком направлении по отношению к этому сценарию движется современная Россия, что позволит понять нам альтернативы этому сценарию.

С момента возвращения Путина на третий срок, крымнаша, холодной войны с Западом, войны против суннитского міра, войны против Украины, становления в стране гротеск-

ного общества сорокинского типа, стало очевидно, что Россия сделала необратимый с цивилизационной точки зрения выбор. Имя ему — деградация. То, что РФ упустила шанс оказаться в первом, постиндустриальном мире, это уже можно даже не обсуждать. Проблема в том, что она упустила возможность стать развивающейся страной второго мира. Экономический потенциал у России есть, но характер ее развития делает неизбежной ту же проблему, что будет стоять при переходе в новый уклад на Западе, с поправкой на то, что РФ находится во второй лиге, а не первой. Иначе говоря, этих ресурсов на развитие и обеспечение всех не хватит. Только применительно к России идет об уровне не постиндустриальной, а индустриальной экономики. Поэтому пространство развития и обеспечения уровня страны второго эшелона в ней будет, но только в виде очагов — главным образом Московской агломерации, и еще пары десятков крупных городов.

Есть ли будущее у такой России как страны при указанном сценарии глобального развития? Очевидно, что нет, так как физическая и политическая карты России не соответствуют ее реальным демографической и экономической картам. Единственное, что пока обеспечивает относительное соответствие последней первым двум — это существование российской экономики за счет природных ресурсов ее большей и безлюдной азиатской части. В результате технологического развития постиндустриального мира это несоответствие станет окончательно очевидным. По этой причине за пределами территориально ограниченных и демографически спрессованных очагов развития экономика России как единый национальный рынок, который, как известно, является условием национального государства, перестанет существовать. Она будет фрагментироваться на региональные составляющие, которым придется решать проблемы выживания, и зоны, колонизирующиеся развитыми и развивающимися странами, например, Японией и Китаем, если последний сам не станет жертвой этого глобального перехода. При попытках сохране-

ния политического контроля над этим пространством, что, учитывая русские великодержавные (экономически необоснованные) амбиции, неизбежно, будет происходить втягивание в них импортных демографических ресурсов, иначе говоря, дальнейшее заселение России мигрантами, главным образом с Юга и Востока.

В общем очевидно, что при выбранной траектории развития, которую уже вряд ли можно изменить, будущего у России, в привычном для большинства русских понимании, нет. Другое дело, что то же самое будет верно для многих (если не большинства) государств, которые станут экономически избыточны в новом міре.

5.

А что насчет русских? У русских как большого государственного народа при таком сценарии будущего нет потому, что в новом міровом укладе будет нежизнеспособно это мнимо-большое государство. Поэтому его территории будут экономически и социально фрагментироваться и/или демографически видоизменяться, то есть, этнически дерусифицироваться. Однако русские достаточно большой народ, и даже реально заселенная им (а не та, что на карте) территория позволяет сохранить в этих очагах немалый русский этнос.

Это было бы реальное место России в міре и русских в России. Оно, конечно, мягко говоря, не блестящее и далеко не соответствует ожиданиям России и русских, но это то, с чем, как говорится, вполне можно жить. Хотя и не всем...

6.

Однако в этот момент образовалась проблема, способная помешать адаптации России и русских к указанному сценарию мірового развития и сделать его в принципе невозможным. Проблема в абсолютной неадекватности русского правящего класса и большей части общества. Неадекватности в том, что касается соотношения реальных возможностей раз-

вития и амбиций. Реальность в том, что Россия это страна примерно латиноамериканского уровня, развивающаяся в ответственной парадигме. Соответственно, этнические русские в ней могли бы быть аналогом европейских креолов в этих странах.

Вместо этого Россия и русские сегодня претендуют на роль міровой державы и великой европейской нации. Но места, на которые они претендуют, заняты. Более того, если в порядке альтруизма России и были готовы какие-то из них предоставить, то в последние годы русские продемонстрировали, что занимать эти места на общепринятых условиях они неспособны. Поэтому Россия и русские не нашли ничего лучшего, как пытаться взять эти места силой и силой же изменить установленные для них правила.

Подобное происходит не в первый раз в истории, и не только с русскими. Именно противоречия такого плана стали причиной міровых войн. И в этом смысле поведение России и русских сегодня больше всего напоминает поведение Германии и немцев перед этими войнами.

7.

Не желая адаптироваться к наиболее вероятному сценарию глобального развития, Россия и русские могут сорвать сам этот сценарий. Учитывая то, что этот сценарий страшный, кровавый и беспощадный, именно в этом многие и видят надежду. Ведь вместо него Россия могла бы предложить человечеству другой сценарий — более гуманный, более справедливый, более прогрессивный, в конце концов.

Но современная Россия — это не Советский Союз, хоть и паразитирует на его наследии. Такую альтернативу міру пытался предложить именно он, и в итоге неудачно. Нынешняя России не только не может, но и не хочет предлагать міру никакого альтернативного пути развития — она и себе-то его не может предложить. Но есть кое-что, что Россия может, и, не исключено, что хочет предложить. Это альтернатива де-

струкции или, проще говоря, уничтожения существующей цивилизации, не позволяющей России удовлетворить свои амбиции путем развития в ней. Уничтожения не только политического, но, возможно и тотального, физического.

Некоторые считают, что правители России не пойдут на ядерный апокалипсис, потому что они слишком любят красивую жизнь, которая станет невозможна. Да, эта надежда есть и, если она оправдается, будет актуален либо первый сценарий развития (описан выше), либо третий, который будет описан ниже.

Раскроем второй. Вероятным его делает то, что у красной кнопки в России сегодня люди, не имеющие ни единого шанса удовлетворить свои мегаамбиции, не нажав на нее. Крымнаш и все, что последовало за ним, закрыли им такую возможность. Некоторые считают, что сейчас они пытаются переиграть ситуацию таким образом, чтобы остаться при своем (минимум Крыме, отказаться от которого без потери лица они не смогут). Но если это и так, надо констатировать, что своими действиями, в частности, в Сирии, они только усугубляют свое положение.

В итоге, как ни переигрывай, как ни пытайся отсрочить момент истины, рано или поздно станет очевидно, что как великую мировую державу страны Запада Россию не признают. Соответственно, у России есть только один аргумент для подкрепления ее претензий на такой статус — ядерное оружие, способное уничтожить мировую цивилизацию. Но и он не будет вечно актуальным — через несколько десятилетий экономическое и технологическое превосходство Запада сведет его на нет. Теоретически Россия могла бы выпросить себе прощение и возвращение в предбанник клуба развитых стран на сильно ухудшенных условиях, отказавшись от нынешней правящей группировки и сдав ее Западу для показательной выволочки. Однако нарастает ощущение, что способных на это внутренних сил в России нет, а сделать это извне можно будет только нанеся ей существенное геополитическое поражение.

Но если правящая Россией группировка является изгояем клуба господ міропорядка и не имеет шансов быть в него принятой, то после нажатия на красную кнопку ситуация может кардинально измениться. Конечно, большинство нормальных людей ужаснется от самой мысли о последствиях ядерного апокалипсиса. Но разве мы имеем дело с нормальными людьми? Атмосфера российских политических ток-шоу является неопровергимым свидетельством того, что в российском обществе происходит массовое умопомрачение. И самое главное тут даже не в настрое большинства — при всей взвинченности милитаристской и угарно-патриотической пропагандой оно бы вряд ли высказалось за ядерную войну, хотя и позволяет использовать себя как массовку готовых к ней, «если так нужно». Главное то, что установки о неизбежности ядерной войны, размышления о ее возможных итогах и последствиях, подбадривания себя на сей счет получают распространение в кругах высокопоставленных идеологов и пропагандистов.

Но прочь эмоции — жалостью к человечеству российскую правящую группировку не проймешь. Поэтому, если она примет решение о начале ядерной войны, то исходя из рационально и цинично просчитанных соображений. Да, в результате ядерной войны погибнет значительная, если не большая, часть российского населения, будут уничтожены промышленность, экономическая и социальная инфраструктура, городская цивилизация. Одно но — по всем этим параметрам Россия и так безнадежно отстает от Запада, что и не позволяет ей быть с ним в одной цивилизационной категории. А вот ядерная война уравняет потенциалы путем их обнуления. И это позволит перезагрузить міровую систему и добиться в ней если не преобладания, то равенства, утраченного с развалом СССР, который для Путина, судя по высказываниям, является не залечиваемой травмой.

Подготовившись к ядерной войне — а она к ней готовится, это очевидно — российская правящая группировка по ее

итогам, скорее всего, сохранит инфраструктуру, минимально необходимую для управления страной, точнее, тем, что от нее останется (своим доменом). Само такое управление упростится максимально и станет не только эффективным, но и безальтернативным — оно будет осуществляться через сеть сперва бомбоубежищ и бункеров, а потом отгороженных зон силами военных и в режиме постоянного чрезвычайного положения. Вопрос об угрозах режиму будет закрыт окончательно вместе со всем, что ему может потенциально угрожать: средним классом, креаклами, олигархами, интеллигенцией, оппозицией, правозащитниками, гражданским обществом, интернетом.

Учитывая то, что было сказано о направлении трансформации Запада и сдерживающих его факторах, у любителей конспирологии будет дополнительная пища для размышлений о воздействии на них ядерной войны. Не получится ли так, что она решит главную проблему — балласта населения и социальных структур, расчистив путь для нового технологического уклада, который может быть сохранен в бункерах и убежищах в виде специального резервного фонда — кадрового и технологического?

Размышляя конспирологически, нельзя исключать, что полуумную российскую верхушку, зараженную суициальными вирусами реваншизма и мессианизма, специально подталкивают к такому сценарию сильные міра сего, которые таким образом хотят избавиться от препятствий для строительства нового мірового порядка. Это не покажется таким уж абсурдным, если вспомнить, что в двух войнах с объединенной континентальной Европой Россия уже была использована таким образом. Первый раз в 1812 году, когда пол-России, включая Москву, была сожжена ради интересов британского капитала после того, как Александр I вышел из континентальной блокады Великобритании. Континентальная блокада была установлена не просто в интересах Франции, она отвечала и интересам развития слабого русского промышленного капитала.

ла. То есть, по сути Наполеон пытался заставить Александра I продолжить политику своего отца и защищать подлинные национальные интересы России. Вместо этого тот предпочел принести в жертву половину ее обжитой территории, сжечь Москву, и все это до сих пор на голубом глазу преподносится и воспринимается русскими как «Отечественная война». Во второй такой «Отечественной войне» русскими руками опять была разгромлена континентальная Европа, а Запад оказался под контролем англосаксов.

Что ждет Россию и русских при таком сценарии? Сложно сказать, но одно очевидно — в обозримом будущем оно не будет хуже, чем у других наций Европы и Америки, то есть, Севера. А вот значимость Юга на этом фоне может возрасти естественным образом, ведь он тоже на какое-то время будет уравнен с развитыми странами и по сравнению с ними в чем-то может оказаться даже в более выигрышном положении, так как последствия такой войны для него будут хоть и драматическими, но косвенными.

Миллионов 30 населения в России, скорее всего, останется. На такие ее территории вряд ли уже кто-то будет посягать. В ходе войны можно будет оккупировать Беларусь, Прибалтику, половину или всю территорию Украины. Выжившее на этих территориях население можно будет перетасовать по более-менее пригодным для жизни зонам.

Понятно, что для нормальных людей описанное — самый кошмарный из возможных вариантов. Десятки миллионов погибнут в одной России, сотни миллионов по всему миру. Жизнь большинства из тех, кто уцелеет, будет такой, что они позавидуют мертвым. Однако правда в том, что только этот сценарий позволит России остаться великой мировой державой.

8.

И все же сильны надежды на то, что любовь к виллам, яхтам, молодым любовницам и любовникам у российской правящей верхушки возобладает над неадекватными амбициями

и суициdalными наклонностями. Нет сомнений, что в масштабах всей «элиты» так и есть, но критически важно, чтобы это сработало в узком кругу принимающих решение о начале такой войны и запуске апокалиптического сценария.

Что же будет в этом случае? Реализация первого сценария в ухудшенных для России и русских условиях и балансирование на грани второго, что в итоге приведет к третьему. Ведь условия реализации первого сценария будут хуже, так как вместо того, чтобы встраиваться в него, пользуясь всеми имеющимися возможностями, Россия, оказавшаяся в состоянии холодной войны с первым міром, будет изолирована от его центров и возможностей развития, станет истощать свои ресурсы в гонке вооружений, дебилизировать население мракобесной пропагандой и атмосферой и выталкивать в эмиграцию активных и амбициозных людей.

Эта холодная, она же гибридная война, также будет воздействовать и на реализацию первого сценария в глобальном масштабе. Даже если путинизм не решится на физическое уничтожение первого міра, гибридная война на его политическое уничтожение им уже ведется несколько лет. Путинизация западной политики в виде роста популярности или даже прихода к власти популистских и неконвенциональных сил если и не разрушит институциональные рамки цивилизационного развития первого міра вроде ЕС, то будет сдерживать их выход на новый виток, как это происходит с Трансатлантическим Партнерством.

Однако если Запад будет бороться с угрозами его цивилизации, то Россия будет отдаляться от этой цивилизации все дальше. При этом убийственная дилемма в том, что имеющиеся у нее в нынешних границах ресурсы лишают ее шансов на самостоятельное даже периферийное развитие, тогда как попытка перекроить эти границы на западном направлении с высокой вероятностью ведет к срыву во второй сценарий.

Почему в этом смысле критично именно западное направление? Потому что только там находятся демографиче-

ские ресурсы, совместимые с обозначенным Кремлем курсом на строительство православно-византийской, она же альтернативно-европейская, цивилизации. Если Кремлю не удастся уничтожить Запад в физической или гибридной войне, ни этих ресурсов, ни этой цивилизации ему не видать. При этом изоляция и холодная война не позволят России участвовать даже в периферийной реализации первого сценария. Они же вынудят Россию искать необходимых ресурсов и рынков сбыта на других направлениях, прежде всего, на Юге и Востоке, что в свою очередь будет способствовать медленной, но верной эрозии ее этнодемографической и цивилизационной основы.

9.

Теперь о русских в рамках этого сценария и о дискуссии «русские или пострусские?», идущей между экспертами «Острога». Перспективы русских в случае реализации первого сценария, которая все еще возможна, но все менее вероятна практически, в случае возвращения на прозападный путь и отказа от реваншистских амбиций были бы креольскими по латиноамериканскому сценарию. Перспективы русских в рамках второго сценария — апокалиптическими — выступить народом Магога. Третий сценарий нуждается в долгосрочном горизонте планирования. Сможет ли Россия длительное время не сорваться ни в ядерную войну с Западом, ни в капитуляцию перед ним? Если да, то только в случае крутого разворота на Юг и Восток и тесной взаимоинтеграции с ними. Сейчас она упирается в инерцию имперско-цивилизаторского отношения РФ к ним с позиций принадлежности к Европе, пусть альтернативной. Не отказавшись от этого тормоза, Россия рискует разбиться об Юг и Восток так, как сейчас уперлась лбом в Запад. Отказавшись и открыв шлюзы исламизации (сейчас она идет только в демографическом смысле, но сдерживается и даже подавляется в политическом и идеологическом) — спровоцировать новый раскол внутри русских.

Важный вопрос в рамках тренда продолжения Холодной войны — возникнет ли на Западе независимая от Кремля и противостоящая ему русская эмиграция? В советские годы как явление была антисоветская эмиграция, сейчас антипутинской эмиграции нет — отдельные эмигранты, максимум кружки, есть, но организованной и наэлектризованной антипутинской эмиграции нет — она либо пропутинская, либо апатичная. Создать такую эмигрантскую сеть с центрами консолидации и развития мог бы только Запад. Но зачем? Это имело бы смысл только с прицелом на принуждение и подготовку России к первому сценарию, осуществить который в случае демонтажа нынешнего режима могли бы такие специально выращенные кадры. Однако похоже, что на Западе разочаровались в перспективах вестернизации России, прияя к пониманию, что Путин, как и ранее коммунизм — это не сбой в программе, это сама программа.

Прослойка прозападных русских конечно есть не только в эмиграции, но и в России. Есть и среда, где такая Западная Русь теоретически могла бы состояться, если не в форме территориальной гегемонии, то в форме влиятельной консолидированной общины: Украина, Прибалтика, при определенном развитии событий — Беларусь. Однако такой сценарий блокируется, с одной стороны, местными национализмами с их обоснованной русофобией, с другой стороны, инфантилизмом и рессантиментом даже антипутинской русской эмиграции, большая часть которой не может изжить в себе имперские комплексы и предложить принимающей стороне приемлемую платформу взаимодействия. В силу этих причин велика вероятность того, что русская эмиграция на Западе окажется либо планктоном для чужих национальных проектов, либо средой брожения в ожидании перемен на родине.

10.

Однако перемены пока, если и происходят, то только в сторону дальнейшей деевропеизации России. Радикальная

оппозиция, с которой связывались надежды на новую Пере-стройку, маргинализована и, что хуже всего для западников, рассасывается среди системных либералов.

Дмитрий Алтуфьев считает, что русских сейчас уже нет, но с этим не согласно не только большинство населения России, причисляющее себя к ним, но и остальной мір, признающий их таковыми, и видящий в них угрозу или надежду. Как раз сейчас русское принимает монолитную и цельную форму — путинского или, как говорят его противники, ватного большинства. А вот если каких русских и нет, так это анти-ватных, ибо у них такие формы отсутствуют, и по сути они представляют собой национальных маргиналов.

И тут возникает вопрос к пострусскому дискурсу. Если он мыслится как тотальный разрыв с русскими и русским, какой смысл реализовывать его в по факту русском пространстве, которое его отторгает? Не лучше ли реализовывать его в индивидуальном порядке посредством эмиграции и интеграции в другие национальные проекты? Если же кто-то стремится реализовать подобные проекты именно в русском пространстве путем его реорганизации в той или иной форме, то разница между дискурсом «других русских» и «пострусских» становится скорее технической, чем принципиальной.

Реализовать же альтернативно-русские или пострусские проекты в русском пространстве можно только одним способом — деконструировав его нынешнюю, монолитную и целостную форму, в чем и заключается принципиальное отличие такого подхода от по-настоящему нерусского, для которого достаточно изолировать русских от міра и изолироваться от них в своем (уже имеющемся) национальном пространстве.

Что же ее может деконструировать? Если вестернизация как способ антисистемного решения русской проблемы невозможна, а изнутри ее так не решить, то остается надеяться только на ориентализацию. Разрушение русскойластной гегемонии приведет и к разрушению русской политической

однородности. А для этого нужно, чтобы у власти оказалась группа не просто ионациональная, которая будет ассимилирована за нескольких поколений, как это не раз бывало, но именно иноверная и иноцивилизационная, что приведет к глубокому расколу внутри этого социального пространства, необходимому для его дифференциации (региональной, цивилизационной и т.д.).

Здесь и возникнет возможность для проявления антисистемных сил в русском пространстве. Будут ли они новыми русскими или пострусскими? Определяющим здесь будет выбор не названий и внешней атрибутики, а цивилизационной модели.

Русская историческая модель, предполагающая стремление к сабиранию в единый кулак всех русских земель и людей, находится в процессе саморазрушения. И выжить она может только уничтожив вместо себя остальной *мир*, потому что в противном случае она уничтожится под давлением *мира*. И если произойдет второе, дело на этот раз надо доводить до конца, меняя саму матрицу функционирования этого пространства на гетерогенную, как по вертикали, так и по горизонтали.

Кем себя будут считать акторы этой гетерогенности — общностями, в названии которых будет присутствовать слово «русский» либо корень «рус», «рос», или в названии которых их не будет вовсе? Это, на мой взгляд, непринципиально. Принципиально будет не название, а содержание — избавление от российской территориальной модели, политической ментальности и мифологии, которые должны быть сданы в музей истории.

Исторические пострусские или постисторические русские — это разница между «в лоб» или «по лбу». Главное, закрыть саму эту историю, чтобы она не закрыла все вокруг.

(Статья опубликована в альманахе “Острог”, №13/2016)

АРИСТОЦИД: ВЕЛИЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИУДО-БОЛЬШЕВИЗМА

«Лучшего из гоев – убей!» (Талмуд)

Не столь давно т.наз. «Непримиримая Лига» (не ведаем, виртуальное ли се сообщество, иль нет, но тг-канал их: дальний, «без дураков») предприняла попытку составить очередной «акт обвинения» преступлениям иудо-большевизма. Сии преступления, конечно, колоссальны и неисчислимы в полной мере, что не должно служить препятствием к тому, чтобы хоть как-то «систематизировать» сей кровавый опыт.

Итак, «Преступные деяния большевиков» в версии «НЛ»:

- Серия крупных восстаний после Гражданской войны и во время коллективизации — Зазейское восстание (1924), Восстание в Грузии (1924), Тунгусское восстание (1924—1925), Адаевское восстание (1929—1932), Алакатское восстание (1929—1930), Батпаккаринское восстание (1929), Балкаш-Шокпарское восстание (1930), Муромцевское восстание (1930), Малетинское восстание (1930), Восстание в Чечне (1932), Вичугская всеобщая стачка (1932), Борисовский голодный бунт (1932) и другие.

- Подрыв территориальной целостности государства путём коренизации и дерусификации, создания национальных республик и наделения их суверенитетом.

- Продажа ценнейших экспонатов Эрмитажа для получения денег на индустриализацию.

- Упадок русской литературы, конец Серебряного века — многие писатели столкнулись с цензурными ограничениями, травлей и даже репрессиями. Утвердился во многом искусственный, навязанный сверху, жанр социалистического реализма, отклоняясь от которого строго запрещалось. Малокартины (1943—1953) — период послевоенного советского кинематографа, когда количество выпускаемых фильмов

резко сократилось (количество фильмов, ежегодно выпускаемых на экран всеми 12 киностудиями СССР в 1943—1952 годах снизилось с 26 до 7).

- Продолжились репрессии против Русской Православной Церкви, начатые при Ленине. Массовые расстрелы и аресты священнослужителей. Уничтожение Храма Христа Спасителя и многих других церквей.

- Высокая налоговая нагрузка, составлявшая 50-70 % на человека. По итогам налоговой реформы 1930 года появилось множество абсурдных налогов, например, налог для игроков в бильярд, налог на радиоприёмники, налог на собак, налог на плакаты, налог на транспортные средства (в том числе на велосипед) и налог на рыбалку.

- Значительное падение уровня сельского хозяйства и ухудшение питания населения в ходе коллективизации и раскулачивания крестьян. Это спровоцировало массовый голод в 1932—1933 годах, в ходе которого погибло до 7 миллионов человек.

- ведение платного обучения в старших классах средней школы и в высших учебных заведениях СССР (1940).

- Массовые репрессии и «Большой террор» 1937—1938 годов, в ходе которых было расстреляно немало невиновных людей, а также талантливых чиновников и военачальников, что фактически обезглавило армию и флот перед нападением Германии в 1941 году. Всего за 1930—1953 годы было осуждено по политическим мотивам 3,8 миллионов человек, из них 786 тысяч было приговорено к расстрелу.

- Большие потери в ходе Зимней войны (1939—1940) — общие потери Финляндии составили 70 000 человек, в то время как потери СССР по минимальным оценкам составили 321 000 человек. Отказ от присоединения всей Финляндии к СССР. Кроме того, данная война вызвала временное ухудшение отношений с западными странами и создала миф о военной слабости СССР, что впоследствии повлияло на решение Гитлера вторгнуться в СССР. Финляндия, желая вернуть

утраченные территории, вступила в союз с Германией, что привело к многолетней блокаде Ленинграда, унёсшей множество жизней.

- Внешнеполитические просчёты, наложившиеся на промахи в работе частично обезкровленной и обезглавленной в 1937—1938 годах разведки, привели к трагедии 1941 года — огромным людским и территориальным потерям на начальном этапе Великой Отечественной войны.

- Репрессии в отношении целых народов — калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, турок-месхетинцев, балкарцев, греков, армян, болгар, поляков, немцев и многих других. Данное решение создало почву для многих межнациональных конфликтов в будущем.

- Колossalные демографические, экономические и культурные потери в ходе Великой Отечественной войны спровоцированной советским руководством — общие людские потери составили около 20 миллионов человек, материальные потери составили около 30 % национального богатства страны. Кроме того, было уничтожено и вывезено безчисленное количество памятников архитектуры и искусства.

- Падение рождаемости с 7 детей на 1 женщину до 3 детей, которое было самым резким за всю историю России. (см.: <https://t.me/s/NeprimirimayaLiga>).

Всё исчисленное верно, здесь же добавим, что одним из главных преступлений жидо-большевизма был **«Аристопцид»**, - планомерное и безжалостное истребление и дискриминация национальной элиты Исторической России, прежде всего сконцентрированной в рядах «благородного сословия»: дворянства.

Американский писатель и историк, Дуглас Смит в своей книге «Бывшие люди» описал трагедию истребления Русской «белой кости». «Уничтожение дворянства было трагедией России. Почти за тысячу лет дворянство, которое здесь называют «белой костью», породило поколения доблестных воинов и государственных мужей, писателей, художников и

мыслителей, исследователей и ученых... Дворянство играло господствующую роль в политической, социальной и художественной жизни, несоизмеримую с его удельным весом. Конец дворянства в России отмечает конец долгой и славной традиции, в рамках которой создано многое из того, что мы считаем квинтэссенцией русской культуры: от величественных дворцов Петербурга до окружающих Москву усадеб, от поэзии Пушкина до романов Толстого и музыки Рахманинова» — резюмирует автор.

Приведём ниже небольшой конспект данного труда, сделанный Иваном Одингоевым: «В США и Великобритании опубликована книга историка Дугласа Смита «Бывшие. Последние дни русской аристократии» об уничтожении дворянства большевиками и судьбе аристократических семей в Советском Союзе.

Книга Дугласа Смита начинается с описания ареста семейства графа Сергея Шереметьева в Москве в ноябре 1918 года. В новой столице советской России свирепствует красный террор, провозглашенный в сентябре после убийства главы Петроградской ЧК Урицкого. Чекисты врываются в дома дворян и крупной буржуазии, захватывают заложников, расстреливают их без суда и следствия. Списки с сотнями фамилий расстрелянных, среди которых немало представителей русской аристократии, вывешиваются в общественных местах Петрограда, Москвы и других городов. Остатки высшего дворянства отправляют в созданные большевиками концлагеря, сгоняют на принудительные работы по расчистке улиц или на рытье траншей. Только в первые дни красного террора в Петрограде, пишет американский историк, было расстреляно более семисот представителей высшего дворянства, сановников и промышленников.

Русская аристократия была объявлена вне закона. Когда окончилась гражданская война, дворянское сословие было практически уничтожено — расстреляно, посажено в концлагеря или сослано. Автор «Бывших» выделяет три поколения

знаменитых аристократических фамилий – Шереметьевых в Петербурге и Голицыных в Москве. Ему удалось познакомиться с семейными архивами и поговорить с наследниками этих семей в России и за рубежом. Смит прослеживает историю этих родов на протяжении двух веков, выделяя государственных и общественных деятелей. Большинство Шереметьевых и Голицыных, оставшихся в советской России, погибло – книга изобилует описаниями безсудных расстрелов, пыток в ЧК и НКВД, ужасов ГУЛАГа.

Среди многочисленных примеров жесточайших репрессий в отношении не сумевших или не пожелавших эмигрировать аристократов выделяется судьба князей Оболенских. Глава семьи князь Владимир был убит в своем имении в 1918 году; его старший брат Александр казнен в Петропавловской крепости; князь Михаил был забит до смерти озверевшей толпой; княгиня Елена убита в своем имении, а ее тело брошено в огонь горящего дома.

Одна из глав книги, озаглавленная «Операция “Бывшие”», посвящена массовой высылке из Ленинграда в 1935 году остатков представителей «благородного сословия», которая последовала после убийства Кирова в декабре 1934 года. «В ночь с 27 на 28 февраля, – пишет Дуглас Смит, – была запущена операция «Бывшие». На этот раз в стандартный список лиц, подлежащих аресту или высылке в Сибирь и Казахстан (аристократия, царские офицеры, полицейские, священники), НКВД включил и их детей и внуков – тех, кого в этом ведомстве называли «контрреволюционным резервом». С 28 февраля по 27 марта 1935 года из Ленинграда было выселено 39 тысяч «бывших». Только между 1933 и 1935 годами в бывшей столице России было расстреляно, арестовано и отправлено в ссылку 75 388 классово чуждых элементов, освободивших 9 950 квартир и комнат.

Уничтожение русской аристократии коммунистическим режимом автор «Бывших» считает величайшей трагедией российской истории и невосполнимой потерей для русской

культуры. «На протяжении почти тысячи лет, – пишет Дуглас Смит, – высшее сословие или, как его называли в России, «белая кость», поставляло государству политических, военных, культурных и художественных лидеров. Аристократы служили царскими советниками и высшими чиновниками, генералами и офицерами. Из этого сословия вышли поколения писателей, художников, мыслителей, ученых, реформаторов и революционеров. В обществе, где средний класс развивался очень медленно, дворянство, особенно аристократия, занимали непропорциональное своей численности господствующее положение в политической, общественной и художественной жизни страны. Гибель дворянского сословия обозначила конец долгой и плодотворной традиции, создавшей многое из того, что в наше время считается квинтэссенцией русской культуры, – от величественных дворцов Санкт-Петербурга до окружающих Москву дворянских усадеб, от поэзии Пушкина до романов Толстого и музыки Рахманинова». Дуглас Смит поясняет в интервью РС, почему большевики с такой свирепостью расправлялись с российской аристократией и всеми «бывшими».

Дуглас Смит: Комбинация давней и застарелой ненависти, мятежного духа и протesta российского крестьянства по отношению к помещикам и правящему классу в целом спровоцировала этот революционный взрыв. Всё это накладывалось на марксистскую идеологию в ленинской и сталинской трактовке. Лидеры большевиков видели в революционных событиях реализацию «научных» законов исторического развития, сформулированных Марксом, который утверждал, что история – это история борьбы классов. Это заставляло большевиков стремиться не к общественному спокойствию и миру, а к провоцированию и усилению классовой борьбы и классовой ненависти, что, по их мнению, способствует переходу к новому этапу исторического развития. Эти идеи оправдывали и стимулировали нарастание классовой ненависти и уничтожение классовых врагов – буржуазии и аристократии.

Большевики намерено разжигали классовую ненависть и уничтожали целые сословия и классы, считая, что тем самым помогают развитию исторического прогресса.

Как вы оцениваете роль аристократии в российской истории?

Эту роль очень непросто выявить и определить. Мне бы хотелось, чтобы читатели извлекли из моей книги вывод о том, что советские негативные представления о русской аристократии как об эксплуататорском классе, порабощавшем крестьян и паразитировавшем на шее народа, крайне односторонни и предвзяты. Такие оценки уводят нас от подлинной роли этого сословия в России. Один из главных персонажей моей книги, к которому я отношусь с особым почтением и восхищением, – князь Владимир Михайлович Голицын. Он родился во Франции в 40-е годы XIX века и в молодости поселился в России. Трижды он избирался на пост московского городского головы. Это был очень образованный, интеллигентный человек, критически относившийся к царскому режиму, либерал, веривший в западные политические ценности. Таких людей было немало среди русской аристократии, поэтому было бы непростительно описывать ее лишь черной краской советского агитпропа. То, что создала русская аристократия и дворянское сословие в целом в сфере культуры, – особая и очень важная часть российской истории. В этой сфере ее олицетворяют Пушкин, Тургенев, Толстой, Бунин, Набоков, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов. Тем не менее, я считаю, что и критическое представление о русской аристократии, и ее апологетическое описание не отражают ее реальной исторической роли, которая во многом неоднозначна и нередко вызывает двойственное чувство.

Насколько роль российской аристократии отличалась от функций высших классов в западноевропейских странах?

Девочек заставляли лежать на полу, чтобы спина была ровная, независимо от погоды заставляли гулять, ездить верхом, одевали легко и бедно. В общем русские дворянки были пси-

хологически и физически подготовлены к трудностям жизни лучше, чем сегодняшние женщины. Физические и гимнастические нагрузки не только призваны были укрепить здоровье, но способствовали формированию личности, они уравновешивались с нравственными установками, любые трудности 11 удары судьбы должно было переносить мужественно, не падая духом и не теряя собственного достоинства. Разумеется, сила духа и мужество определяются качествами личности, но и сам круг людей заставлял придерживаться определенных этических установок, подавляющих эгоистические интересы, если они противоречили требованиям долга.

Этические нормы тесно соприкасались с этикетными: демонстрация чувств, поведение, не вписывающееся в принятую норму, было не только неприлично, но, и недостойно. Это помогало выводить из общего силового поля любые проявления: трусости, малодушия, слабости. Дворянские дети приучались превозмогать боль, отчаяние, страх, по мере сил старались не показывать, как это трудно. Для этого требовалось не только мужество, но и безукоризненное умение владеть собой, которое достигалось путем длительного и тщательного воспитания.

Человеку прежде всего надо иметь открытое лицо и скрытые мысли. Человек, у которого нет *du monde* — «светскости», — при каждом неприятном происшествии то приходит в ярость, то уничтожен стыдом и ведет себя как сумасшедший или выглядит как дурак (второй вариант). А тот, у кого есть светскость, как бы не воспринимает того, что должно его раздражать. Если он совершил какую-либо неловкость, он легко сглаживает ее своим хладнокровием, вместо смущения, еще больше ее усугубляющего. В светском обществе человеку часто приходится очень неприятные вещи встречать с непринужденным и веселым лицом. Он должен казаться довольным, когда на самом деле ему плохо, должен с улыбкой подходить к тем, к кому охотнее подошел бы с пистолетом. Он должен скрывать от себя известную всем темную сторону,

наполненную досадами, огорчениями и неприятностями. Это считалось обязательной чертой воспитанного человека. Эти требования воспитывались с раннего детства, настойчиво и порой жестоко. Надо скрывать свой нрав и уметь не быть, а казаться. Вначале это очень трудно, но скоро это входит в привычку и перестает быть трудным.

Владеющий собой владеет и ситуацией. Необходимо уметь направить беседу в нужное русло, разузнать обстановку, переключить внимание с одного предмета на другой и прочее.

Воспитанный человек не обременяет окружающих своими личными неприятностями и переживаниями, умеет защитить свой внутренний мир от непрошеных свидетелей. Внешняя сдержанность и самообладание естественно увязывались с обостренным чувством собственного достоинства.

Если кого-либо терзают обманутые надежды, неудовлетворенное честолюбие, то эти все страдания не для постороннего зрителя. Поверхностные чувства можно выставлять напоказ, а самые глубокие переживаются наедине с собой.

В жизни, не связанной со службой, дворяне занимались особой деятельностью, не менее интересной и очень важной. Балы, светские рауты, салонные беседы, частная переписка — все это носило оттенок ритуалов, для участия в которых требовалась выучка. Они обладали умением «обращаться к людям». Это было особое искусство.

Дуэль повышала цену слов, особенно «честного слова». Нарушить его значило погубить свою репутацию. Дети воспитывались в атмосфере повышенной требовательности и подчеркнутого доверия.

Дуэль — защита чести — утверждала дворянское равенство, не зависящее от чиновничьей и придворной иерархии.

Дуэль была официально запрещена и уголовно наказуема. Офицер мог быть изгнан из полка за дуэль или за отказ от нее. В первом случае он попадал под суд и получал наказание, во втором — офицеры полка предлагали ему подать в отставку.

Разве другие сословия могли понять, что честь есть стимул жизни? Остальным нужны были деньги, а как их достать — безразлично, только бы достать.

Дворянское воспитание давало жизненный успех. В него входило не только внешнее благополучие, но и внутреннее состояние человека — чистая совесть, высокая самооценка, ни истерик, ни озлобления, аристократическая гордость им не позволяла проявлять такие чувства. Главное все-таки в том, что они защищали свое человеческое достоинство («не смейте меня оскорблять»). Всякий дворянин боялся, что его уличат в физической трусости. Большое значение придавалось храбрости и уверенности в том, что ее можно воспитать путем волевых усилий и установок. Эти качества всегда высоко ценились и старательно прививались детям. Они были невозможны без физической силы, ловкости и выносливости. Лицеисты обучались верховой езде, фехтованию, плаванию, гребле и т.д. Распорядок был строгий: подъем в 7 утра, прогулки в любую погоду, простая пища. Это, диктовала сама жизнь. Их ожидала военная служба, дуэль и т.д. Поэтому для укрепления тела их заставляли перепрыгивать рвы, влезать на деревья, столбы, заборы, прыгать через деревянного коня, подниматься на большую высоту. Надо было заниматься гимнастикой не менее часа, и никому не делали поблажек. Пешие марши — с полной выкладкой.

Большой свет — это театр, где всякий есть в одно время и артист, и зритель. Принятые формы давали широкий простор для самовыражения личности. Человек, отлично владеющий правилами хорошего тона, не тяготился ими, но обретал истинную свободу в отношениях с людьми. Легкость и изящество светского общения — это особый дар.

Главные качества человека — честность, благородство, талант и образованность. Хорошее воспитание придает особый блеск проявлениям ума и сердечности. Детей приучали прежде всего к правилам гигиены: чистить зубы, мыть уши, содержать в образцовом порядке руки и ногти. Не ковырять в

носу, ушах, сморкаться только в платок и больше в него не заглядывать. Не кичиться своим платьем, но думать о том, как ты одет, из уважения к обществу. То есть, если человек пренебрежительно относится к своей одежде, этим он выказывает неуважение к другим людям. То же самое и при излишней щеголеватости. Забота о своей наружности сочеталась у аристократов с физической выносливостью и мужеством.

Правила хорошего тона требовали, чтобы самый дорогой и изысканный наряд выглядел просто. Особое внимание уделялось украшениям: надевать слишком много драгоценностей считалось дурным тоном. То есть, демонстрация богатства открытая и нарочитая считалась непристойной. Большой свет — это объединение людей, цель которых — нравиться друг другу. Относитесь к другим так, как вам бы хотелось, чтобы люди относились к вам — вот самый верный способ нравиться людям.

Когда к тебе обращаются, должно отвечать приветливо, садиться на дальний край стола, если не пригласят сесть ближе, пить первый тост за здоровье хозяйки дома и лишь потом — за хозяина. Не набрасываться на еду, не быть за столом неряхой. Нельзя откусывать от целого бифштекса или облизывать пальцы, даже если ты кушаешь один. Это должно стать привычкой и выполнять машинально. Нельзя хорошие манеры держать только для праздников. Они должны сопутствовать вам всю жизнь.

Западные общества радикально отличались от российского, и роль высших классов была различной. В западных странах роль аристократии и высшего дворянства в политической, общественной и культурной жизни несопоставима с их ролью в России, где до революции сохранились остатки феодального общества. Дворянская элита играла в России намного более активную роль. К тому же в России сохранились институты ее воспроизводства. Вторым отличием российской аристократии от западной был тот факт, что российское дворянское сословие было служилым классом. Начиная с

эпохи Петра Великого, само существование дворянства было напрямую связано со служением государству. Причем эта служба была обязательной вплоть до 1762 года, когда Петр III даровал вольности дворянству, отменив обязательную службу. Но и после этого идея государственного служения оставалась неотъемлемой частью дворянской идеологии и этики. Отсутствие обязательности не отвратило российскую аристократию от активного участия в жизни страны. Это вовсе не подразумевало службу лишь в правительственные учреждениях. До революции российская аристократия и дворянство в целом активно работали в земстве, многие аристократы служили в армии. Это было чисто российское явление. И это то, что прежде всего отличало высшее дворянское сословие России от его роли в других европейских странах.

Любой обращенный к тебе вопрос нельзя оставлять без ответа: если ответить невозможно, то нельзя или уйти, или заняться чем-то другим, — ибо этим ты показываешь, что презираешь людей и считаешь ниже своего достоинства их выслушивать, а тем более отвечать. Нельзя занимать лучшее место в комнате, накидываться на понравившееся блюдо, не предложив его отведать другим. Говорить надо не спеша и отчетливо. Самая грубая обида — это явное невнимание к человеку, который что-то тебе говорит. Простить эту обиду все-го труднее. При разговоре надо смотреть собеседнику в лицо, не смотреть по сторонам или вперять взор в окно, угол и т.д., играть с собакой, крутить что-либо в руках. Избавиться от привычки воспринимать одного себя центром всего, считая других только принадлежностью. Нельзя искать собственно-го удовольствия и собственной выгоды, не заботясь о том, чего это стоит для остальных. Надо стараться распознать до-стоинства и слабости собеседника и воздать должное и тому и другому. Примечай, о чем человек более всего любит го-ворить (предмет его тщеславия), коснись именно этого — и ты заденешь его за живое. Примечай маленькие привычки, пристрастия, антипатии, вкусы людей, которых тебе хоте-

лось бы расположить к себе. Постарайся чемуто потакать, от чего-то уберечь, и при этом все надо делать деликатно. Если ты находишься в компании пустой и легкомысленной, то не показывай им негативного отношения своим невниманием.' Если тебе рассказывают уже известную историю, выслушай ее до конца внимательно, доставь удовольствие рассказчику. В разговоре с пожилыми намекай, что ты рассчитываешь у них чему-то научиться. В разговоре с женщиной все шутки и остроты прямо или косвенно должны быть направлены на похвалу собеседнице и не должны быть истолкованы обидно или неприятно для нее. У мужчин должна быть некая галантная игривость с женщинами, при которой они не только не влюблены, но даже не притворяются влюбленными. Это умение не оборачивается притворством, в нем нет ничего предосудительного, если ты не используешь это в корыстных целях. Не вздумай хвалить ничьих пороков, ничьих преступлений. Умей их ненавидеть и отвращать от них людей.

Первое правило хорошего тона: следует вести себя так, чтобы сделать свое общество как можно более приятным для окружающих. Быть приятным в обществе — это единственный способ сделать пребывание в нем приятным для самого себя. Истинно хорошее воспитание проявляется в отношениях с людьми, стоящими по отношению к тебе гораздо выше по общественному положению или стоящими неизмеримо ниже. Особенная изысканность манер — в том, чтобы и с теми и с другими держаться одинаково. Конечно, очень высокопоставленному лицу необходимо выразить свое почтение. Например, ждать, когда с тобой заговорят, а не начинать говорить первому. Поддерживать начатую беседу, а не выбирать самому тему разговора. Невзначай похвалить кого-нибудь за хорошие качества.

Правила приличия в обращении должны соблюдаться со всеми: и с лакеем, и с нищим на улице, и с прохожим. Не желайте их обидеть. Не унижайте никого, не оскорбляйте. Ибо любое оскорблениe унижает вас самих вашим ложным превосходством. Не давайте чувствовать другим их ни-

что же, а подчеркивайте во время вашего присутствия чувство вашего и их достоинства. Не выставляйте напоказ слабости и недостатки других, чтобы поразвлечь общество или выказать свое превосходство. Человек с добрым сердцем больше старается скрыть, чем выставить напоказ чужие слабости и недостатки.

Часто люди гордятся тем, что они в определенных кругах бывают на первом месте, но это крайне глупо и крайне предосудительно. Это заблуждение очень унижает человека. Помни, что презрение людям перенести всего тяжелее. Очень неохотно его прощают. Люди гораздо легче забывают причиненный им вред, чем обиду. Поэтому пренебрежение и презрение к кому-либо недопустимы.

Воспитанные люди производят на других людей впечатление именно своей привлекательностью и деликатностью. Никогда не проявляйте чванства, будьте в обращении со всеми обходительны и прости, веселы и любезны, щедры и благотворительны, будьте добрым товарищем, приятным собеседником, отличным рассказчиком, всегда готовым на добрые дела. Чванство и высокомерие всегда считалось дурным тоном.

Скромность — это самый надежный способ удовлетворения тщеславия. Чувство собственного достоинства заставляет людей вести себя скромно. Страйтесь не говорить о себе, чтобы не напроситься на похвалу. Помни, о твоих качествах люди сами узнают, а словам никто не верит. Люди, которые любят себя с такой нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, а о своих неудовольствиях с таким состраданием, кажутся очень жалкими и смешными. Их эгоизм выступает за них.

Танцам обучали всех, это был один из обязательных элементов воспитания. Бал — это не вечер танцев, а своеобразное общественное действие. Это был ритуал, определяющий стиль общения и манеру разговора. Обучали и искусству флирта, изящным движениям плеч, умению подать руку, кра-

сиво надевать шляпку, иметь привлекательный вид, красиво сидеть, стоять, ходить. Вместе с выправкой тела выправляется и душа. Побеждается стеснительность, робость и неверие в собственные силы. Приобретается «кураж» — храбрость с оттенком дерзости.

Вульгарный человек — тот, который придиричiv и ревниv, выходит из себя по пустякам, которым придает слишком много значения. Ему всегда кажется, что над ним смеются, что он в центре внимания, что все говорят о нем, пренебрегают им. Он любит говорить о своих домашних делах и соседях. Он всегда говорит об этом с пафосом, как о чем-то важном, у него всегда есть какое-либо словечко, которое он употребляет на каждом шагу.

Убирать грязь не стыдно, стыдно жить в грязи».

«Всё именно так: эстетика — проекция этики в форме. Аристократ имеет вкус, способен на справедливый поступок, вечно терзаем честью и недоволен собой. Об этом короткая, как у всех сынов нации, жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова: «Погиб поэт! — невольник чести». Принцип жизни «Noblesse oblige» лежал базисом всякого порядочного человека. Отсюда романтический орел вокруг Белой Армии. Сегодняшнему туземцу-потребителю в диковинку гражданин-герой. По сей день мы цитируем и напеваем, едем издалека смотреть на чудеса живописи и архитектуры выходцев из аристократической среды. Остановите иностранца в России или Украине и предложите ему насладиться видом хрущёвки и послушать интернационал — реакция будет любопытной... Большевицкий ресентимент мог восторжествовать исключительно в условиях посредственной серости и тоталитарного мрака, жульнически подменив благородный аристократизм на местечковое парвеню (сегодня нет и его). Талантливых и беспокойных леваков всегда душили бюрократической кабалой, не позволяя раскрыть способности, ведь подобное моментально уничтожает их террористическое устои; всем из-

вестно, что и одурманенный человек на интуитивном уровне, но тянетсѧ к прекрасному. Быдло априори не может зародить социальный феномен под названием «общество» (тем паче нацию в классическом понимании), ибо не имеет в себе созерцательно-созидательных начал — это понимают оккупанты Старого и Нового света и к этому стремятся всеми силами, заменяя европейца на дикаря. Аристократом духа можно стать (имея, конечно, определённые задатки с рождения). Более конкретные примеры: Наполеон Бонапарт, Адольф Гитлер, Карл Густав Маннергейм — последний, *de jure*, является родовым аристократом, но *de facto* биография этого человека столь тяжела, что достоин стоять в таком ряду. Об этом философия Фридриха Ницше, самообладание — воля к власти. Более всего ничтожество боится автономность: «самый надёжный способ развратить юношу — научить его уважать тех, кто думает одинаково, а не тех, кто думает иначе» (<https://t.me/s/NTSP2>).

Впрочем, не следует в ущерб родовитости, слишком напирать на «аристократизм духа». Ницше был совершенно прав, когда с недоверием относился к понятию «аристократия духа», столь любезному сердцу многих наших интеллектуалов: «Когда говорят об «аристократах духа», обычно хватает причин для того, чтобы кое о чём умалчивать. Как известно, это любимое выражение честолюбивых евреев. Но один дух не может сделать благородным. Нужно еще кое-что, что делает благородным дух. Что же это? Кровь». Но эту кровь человек никогда не имеет как отдельная личность, а всегда только как потомок, с одной стороны, и как потенциальный предок будущих поколений, с другой. Для государства в конечном счёте и в дальней перспективе источником крови могут быть только «семьи-с-родословной». Исключения, конечно, возможны (один вышепомянутый Фюрер чего стоит! — но даже не имея «титулованных» предков, он не имел и предков расово-неполноценных, что крайне важно).

5 сентября 1918 года декретом иудо-большевицкой власти в 1918 году был объявлен «красный террор», который, меняя

формы и интенсивность, по сути продолжается до сих пор... Говоря о «красном терроре», надо помнить, что природа сего «террора» имеет **внеполитический характер**. Се – явление **плана расово-религиозного...** Се – не просто репрессивная практика некоего государства в отношении своих граждан. В истории известны многие тиранические государства и режимы, относившиеся к своим подданным вовсе не либерально, но их репрессии коренным образом отличны по сути своей от террора, связанного антихристовой Совдепией. Та тёмная религиозно-расовая стихия, что одушевляла Совдеп – есть стихия богоненавистного и христогонительного жидовства, издревле обуравляемого лютой ненавистью как к Христианству, так и к его носителям – белым, арийским народам. Всем хорошо ведомы ритуальные убийства, практикуемые талмудическими изуверами, но эти убийства носят, так сказать, разовый и единичный характер. Тогда как то, что красные жиды называли «красным террором», по сути своей является **тем же самым ритуальным убийством**, но носящим перманентный и массовый характер, ритуальным убийством целой страны и целого народа, так что и саму жидо-коммунистическую революцию в России (имея в виду означенный оккультный смысл ея) правильнее именовать **ритуальной революцией**. «Лучшего из гоев – убей!» - сия изуверская талмудическая «заповедь» есть главный, тайный лозунг сей сатанинской революции, а вовсе не общеупотребительный: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... Уничтожали поистине лучших – носителей высшей духовности, высшей культуры, высшей расы... Генерал Антон Туркул, герой Белого движения, автор одной из лучших книг о Белой борьбе («Дроздовцы в огне»), в этой своей книге очень точно обозначил расовую подоплётку иудо-большевицкого террора: **«уничтожали за породу»**. Сатанинская суть большевизма и состоит в опрокидывании, переворачивании Богоустановленной иерархии бытия. В нём низшая кровь возстаёт против высшей, недочеловек возстаёт против человеческого бого-подобия. И далеко не случайно, что среди палачей большевицкого террора – евреи.

вицкой ЧК такой огромный процент *именно недочеловеков*: жиды, китайцы, негры... Посему столь важно памятовать не только о жертвах жида-большевицкого изуверства, но и о тех Белых героях, воинах и вождях, что с оружием в руках противостояли красной Сатанократии. Ибо долг каждого христианина, долг каждого арийца – поднять отмчающий меч Божественного Возмездия супротив всех видов нелюдей-сатанистов. Доходчиво о сем сказал Белый Вождь в речи 27 января 1944 года: «Никогда нельзя бороться с террором с помощью интеллектуального оружия. Философ может стоять перед идиотским мясником, если хочет, но они никогда не придут к соглашению, потому что, когда мясник ударит философа молотком по голове, философии конец» (АГ). Ничто не должно быть забыто, и ничто не должно быть прощено – ни родоначальникам богомерзкого Совка, ни их сегодняшним наследникам... Вечная Память и вечный покой всем жертвам антихристовой власти: от Царя и аристократа – до рабочего и крестьянина. Вечная Слава всем вождям и воинам, подъявшим богоблагословенный меч на красного антихриста. Всем же «Русским Недобиткам», святосильно хранящим *священную арио-христианскую Память*, и лелеющим и *арийскую Месть* – доброго здоровья; да грядут в мире и да «освятит» и да «омоет» (Пс. 57,11) кийждо в них руце своя в предлежащей Священной Войне высшей Крови против взбунтовавшейся низшей, «Белой кости» против «кости чёрной». И да сбудутся, наконец, предречения, сложенные во дни, когда Белая армия ген. Мамонтова в сентябре 1919 г. совсем немногого «не дошла» до Белокаменной: Белизна — угроза Черноте. / Белый храм грозит гробам и грому. / Бледный праведник грозит Содому / Не мечом — а лилией в щите! / Белизна! Нерукотворный круг! / Чан крестильный! Вещие седины! / Червь и чернь узнают Господина / По цветку, цветущему из рук. / Только агнца убоится — волк, / Только ангелу сдается крепость. / Торжество — в подвалах и в вертепах! / И взойдет в Столицу — Белый полк!».

Луи Габриэль Амбруаз виконт де Бональд

КВИНТЕССЕНЦИЯ АРИСТОКРАТИИ

Иметь дело с дворянством - также означает иметь дело с общими интересами Европы.

Представление о том, как нужно формировать дворянство, было искажено тысячей способов; и, как необходимое следствие, сформировались чувства к дворянству, которые не являются справедливыми.

Давайте исправим представление об этом институте, чтобы изменить, если возможно, чувства к людям; одно легче, чем другое: ошибки развеяны, но страсти остаются. Эти несправедливые предубеждения одного сословия граждан против другого являются большой бедой. Они были причиной революции и продолжают её усугублять. Они преувеличивали пороки и грехи, от которых дворяне не более свободны, чем другие люди; никогда, насколько мне известно, они не называли истинную причину дворянства. Одни сделали благородство предметом меблирующим корону, как и королевский скипетр и мантия; другие - иллюзией тщеславия или узурпацией феодальных времён. Благородство не является ни украшением, ни декорацией, ни предубеждением, ни узурпацией: это естественный и необходимый институт публичного общества, столь же необходимый и древний, как и сама власть; и именно по этой причине она существует, как и власть, в той или иной форме, в каждом состоянии общества и при всех формах правления. Вернёмся же к принципам.

Власть в любом обществе, независимо от способа её существования, является волей и делом; она издаёт закон и исполняет его. Но власть, доверенная одному или нескольким людям, ограниченным в своём интеллекте, ограниченным в своих действиях, нуждается в том, чтобы их воля была проповедана советами, а действия помогали служению. Поэтому

в каждом обществе есть люди, которые консультируют власть имущих в их законотворческой функции, и которые помогают или служат им в их функции его исполнения.

А поскольку совет является актом интеллекта, а исполнение закона наталкивается на препятствия человеческих страстий, которые необходимо преодолеть, то, говоря точным и философским языком, совет является суждением, исполнение - боем; и в каждом обществе есть люди, которые судят и воюют по приказу и под руководством правительства, верховного руководителя суждения и боя в обществе. Эти люди, которых называют офицерами, судьями или любыми другими титулами, являются агентами, слугами и служителями власти. Они являются публичными людьми, потому что служат власти в ее общественных функциях, точно так же, как слуги внутренней власти являются домашними людьми, и по этой причине их называют «дворовыми».

Это все люди нации - «gentis homines» - от которого пошло название «gentilshommes», ибо они особенно преданы ея служению; выдающиеся, наконец, «notabiles», от которого, по сокращению, пошло название «вельможи», «выдающиеся», то есть люди, выдающиеся из среды других или отличающиеся от других, потому что те, кто выполняет какую-то функцию, обязательно отличаются от тех, на чьё благо эта функция выполняется.

Они не пользуются правом, они исполняют долг; они не пользуются прерогативой, они несут служение. Слово «служение», используемое для обозначения государственных функций, перешло из Евангелия во все языки христианских народов, где мы говорим: «служить», «нести службу», «служить» - дабы выразить то, что человек занят в магистратуре или в армии. Ибо Иисус Христос сказал Своим ученикам: «Пусть величайший из вас будет только слугой других».

Кто больше, тот, кто служит, или тот, кому служат? Господь сими словами не только раскрывает принцип всякого общества, или, скорее, всякой общественности, но и одновре-

менно даёт нам понять, что всё в управлении государством, власть и служение, связано с пользой подданных, как все в семье - с заботой о детях; что большие на самом деле являются лишь слугами малых, служат ли они им, разрешая их споры, подавляя их страсти, защищая их имущество с оружием в руках, служат ли они им, обучая их невежество, исправляя их ошибки, помогая их слабостям, - высшая власть в христианском обществе не имеет иного титула, как слуга слуг; и если тщеславие обижается на различия, то разум не может пренебрегать служением.

Как «средства» участвуют в природе дела, так и вельможи везде участвуют в природе власти. Переайдём к примерам. Власть бывает одна или несколько, монархическая или народная. В монархии министр отделён от власти, а дворяне - от монарха. В народных государствах одни и те же люди поочерёдно являются правителем и министром, а то и обоими одновременно.

Во Франции, которую я беру в качестве примера наиболее полного развития монархических институтов, пока престолонаследие не было постоянно наследственным, государственные должности или дворянство были пожизненными, как и власть; и именно поэтому мы находим в качестве первенствующей расы могущественных людей, возвышенных над другими, как и везде, но мы не видим никакого наследственного дворянства. По мере того, как наследственность престола соблюдалась более постоянно и регулярно, стала очевидной тенденция к наследственности государственных должностей; и когда, наконец, наследственность престола стала постоянным и основным законом, и корона закрепилась в семье от мужа к мужу, и по порядку первородства, государственные должности общества стали наследственными и родовыми, и появились знатные роды, как появился королевский род. Затем началось наследственное дворянство, последнее состояние этого института в монархии, непреодолимая граница для амбиций.

Это необходимое развитие «политических институтов вполне соответствует духу и системе монархии, которая не может закрепить власть в семье», не стремясь всеми силами закрепить служение родовой власти.

Монархическая система даже имеет тенденцию закреплять семьи в одних и тех же механических профессиях из-за наследственного мастерства, которое имеет замечательные последствия в управлении. В монархии всё естественно, и природа также вселяет в детей вкус к профессии их родителей, и именно это обеспечивает увековечение даже самых сложных и опасных профессий.

Мы не должны спрашивать точную дату изменений, которые мы только что упомянули в «Конституции» дворянства или прокуратуры, потому что они были сделаны незаметно, и как всё, что природа предназначила для длительного существования:

«Мы хотим, - очень хорошо сказал президент Эно по этому поводу, - чтобы вы могли видеть изменения в Конституции дворянства и прокуратуры».

Но, и это важное отличие, во Франции служили в магистратуре или в армии не потому, что были из благородной семьи, а были из благородной семьи, потому что посвящали себя именно государственной службе и исключительно любой частной профессии.

Ярким примером беспорядка, который порождает в государствах разная природа власти и служения, а также неравномерное развитие этих двух институтов, может служить Европа.

В Польше власть была пожизненной или выборной, а шляхта - наследственной. В Турции власть была наследственной, а государственные должности были выборными или изменяемыми; и эти два государства, хотя и по противоположным причинам, впали в одно и то же состояние слабости, беспорядка и упадка.

В чистой демократии (если она возможна) власть, абстрактное существо, есть везде и нигде - власть, министры, подданные, всё индивидуальное, временное и пребывающее в постоянной подвижности. Существуют вельможи, и даже короли, или власть имущие, но лишь на мгновение, и они сразу же возвращаются к частной жизни, чтобы освободить место для других амбиций.

В потомственной аристократии власть и служение объединяются в одних и тех же семьях, а те, кто их осуществляет, отличаются от подданных, которые обычно отстранены положительными законами от любого участия во власти и её функциях. Дворяне служат государству и управляют им одновременно: они создают законы и исполняют их; эта аристократия, которая является не только частью власти, но и самой властью, называется патрициат.

В условиях ограниченной демократии, когда законы закрепляют власть и полу власть в одних и тех же руках на более или менее длительное время, привычка к высоким должностям, а прежде всего уважение к большим состояниям, формируют своеобразный буржуазный патрициат, который, как заметил Жан-Жак Руссо, «ничем не отличается от благородного патрициата аристократий».

Таким образом, в народных правительствах, где всё индивидуально, возвышается именно личность, а неистовые амбиции расшатывают государство в ожидании, что они могут его перевернуть. С другой стороны, в монархии, дух которой состоит в том, чтобы сделать все профессии и саму власть родовым обязательством, именно семья стремится подняться, то есть перейти от частного состояния к публичному, что является естественным развитием, столь же почётным для национального характера, сколь и полезным для общества, и что во Франции предоставляет обретению богатства другую цель, чем само богатство. Именно этот переход от частного к публичному сословию назывался облагораживанием; иногда семья облагораживала индивида, приобретая магистратуру, а

иногда индивид облагораживал семью важной или длительной службой на военной службе.

Можно спросить, почему закон, за исключением привилегий, предоставляемых отдельным городам во время бедствия или по причинам поощрения торговли, приписывал функцию облагораживания только магистратам в суверенном суде. Причина этого очевидна и заключается в самих принципах общества. Решение гражданских исков не является точной и обязательно публичной функцией, поскольку гражданские споры могут разрешаться без участия судей, а частными арбитрами или медиаторами, а потерпевшая сторона может договориться наедине со своей стороной, или даже не добиваться удовлетворения своих жалоб; с другой стороны, функции уголовного правосудия и публичной защиты не могут быть узурпированы частными лицами, и от них не зависит принятие решения о преступлении или даже о том, останется ли он безнаказанным. Это одна из важнейших и даже первоочередных функций публичной власти, которая предусматривает право на жизнь и смерть, что является её неотъемлемым атрибутом; гражданское правосудие - это юрисдикция над имуществом; уголовное правосудие - это юрисдикция над человеком, и поэтому одно из них имеет более высокий порядок, чем другое...

В Англии, смешанной монархии народных учреждений, есть патрициат, но нет дворянства. Сам патрициат полагается больше на отдельного индивида, чем на саму семью, поскольку только старший обогащается, а младшие, лорды по вежливости, вступают в приватную жизнь и могут заниматься частными и прибыльными профессиями. Даже весьма примечательно, что старший сын не становится пэром по своей фамилии, а берёт имя своего титула и меняет имя вместе с изменением титула: это, мягко говоря, вносит странную путаницу в историю Англии. Во Франции семья, однажды получившая дворянство, облагораживала всех лиц, составлявших её, и всех их потомков; и она не могла лишиться это-

го почётного звания иначе, как через судебную конфискацию или через добровольный отказ от титула. Присоединившись к дворянскому сословию, некто был не более благородным, чем самые ранние дворянские роды. В общих созывах ордена, на Генеральных Штатах, например, исчезали все придворные или армейские различия; сами «Пэры» принимались лишь как дворяне: там самый новый дворянин сидел рядом со старейшим и оказывал себя благороднейшим, «если показывал себя более верным...».

Между тем благородные семьи с незапамятных времён считались такими же старыми, как и само общество; они были, строго говоря, старейшинами общественного общества и, как таковые, имели право на уважение, которым пользуются старики в семье и которым они иногда злоупотребляют; но мы прощаем старости то, что не простили бы более раннем возрасте; и в этом отношении общество чрезвычайно снисходительно.

Некоторые писатели считали себя философами, когда обвиняли в облагораживании цену денег, но нет ничего естественнее и умнее. В частном порядке семья должна обогащаться через труд, что является первым условием их достоинства. Став на службу государству, то есть став дворянами, они не должны делать ничего другого, кроме как служить. Любая профессия, не связанная с обязанностями государственной службы, из-за которой они могли бы потерять дух своей профессии или время для выполнения своих обязанностей, должна быть им запрещена. Благородная семья может в данный момент не находиться на службе, но она всегда должна быть в распоряжении общества, и именно поэтому дворянам запрещалось связывать свою личность коммерческими обязательствами, которые влекут за собой ограничения со стороны корпорации. Поэтому для семьи, желающей стать благородной, разумно продемонстрировать достаточное богатство, чтобы иметь возможность служить, и даже, как говорит Монтескьё, служить капиталом своего имущества, по-

тому что именно так служили во Франции в прошлом, как в магистратуре, так и в армии.

Таким образом, не все лица во Франции были допущены непосредственно и без послушничества к государственным должностям (за исключением выдающихся талантов, что является исключением из всех правил); но все семьи по собственному желанию имели право на вступление в орден, которому специально поручены государственные функции; а в любом естественно сформированном государстве, которое рассматривает семьи, а не отдельных лиц, необходимо, чтобы семьи могли легко выйти из частного состояния, а отдельные лица - с усилиями. Семья, которая заплатила или заслужила своё вступление в дворянское сословие и в то же время отказалась от какой-либо прибыльной профессии, имела, таким образом, приобретённое и законное право превосходства над всеми теми, кто не был связан такими же обязательствами и не отказался от внеслужебного дохода. Таким образом, юноша, рождённый в бедной дворянской семье, мог справедливо претендовать на право быть убитым как младший лейтенант, а не как сын богатого купца. То же самое касается всех профессий, требующих послушничества и чинов.

Трудно найти в этом закономерном поступлении всех родов к такой почётной цели, как Государственная служба, не причину, а повод для зависти, жертвой которых дворянство было во все времена. Кто сомневается, что все семьи, даже королевские, в то или иное время начинали с частного сословия? Единственная разница, как говорит Куланж, заключается в том, что среди всех детей Адама самыми старшими являются завистники. Зло не в том, что одних отвязали раньше других, ибо не все могут отвязаться сразу, а в желании поставить телегу впереди лошади и перевернуть порядок общества, который переносит семью с телеги на прилавок, с прилавка в деловой офис, из кабинета на кафедру, и таким образом постепенно приучает её сбрасывать старого человека и одеваться в нового мужа.

И я просил бы вас помнить о разнице в институтах. В старину во Франции всё, что требовалось для преодоления барьеров, которые мораль, обычаи и даже монархическое устройство ставили против слишком резкого взлёта человека, рождённого в неизвестном классе, на первые должности в государстве, - это большой талант, ибо я думаю, что можно утверждать, что таланту, который не поднимается, чего-то не хватает, и что вина лежит на человеке, а не на обстоятельствах. Всё, что было нужно во Франции, - это незаурядный талант, дополненный, если хотите, благоприятными обстоятельствами. «Система королевства Франция, - говорит старый автор, которого цитирует президент Эно, - настолько великолепна, что она никогда не исключала и не исключает граждан, рождённых на самом низком уровне, из самых высоких слоёв общества».

Примеры, правда, были редкими, но таланты встречаются ещё реже, чем примеры, а в хорошо организованном обществе потребность в большом таланте в управлении государством встречается еще реже, чем сам талант. Наконец, во Франции не было закона, исключающего любого гражданина с какой-либо должности, и, повторяю, только большой талант или большие заслуги были нужны, чтобы претендовать на что-либо. Теперь, когда существует положительный закон, если человек не платит сто экю или около 1000 фр. налога на имущество, он не может быть ни избирателем, ни обладать правом голоса, какими бы ни были его личные заслуги; и, следовательно, по крайней мере три четверти национальных семей формально и юридически исключены из этого первого уровня государственных должностей, который отныне ведёт ко всем остальным, и находятся в определённом смысле в политическом рабстве, в то время как другой закон провозглашает, что каждый человек имеет право на любую должность.

Я не критикую положения закона, которые связывают политические права с собственностью, а лишь указываю на то,

что в прошлом во Франции человек, чтобы подняться, нуждался только в самом себе, и что сегодня, чтобы реализовать в свободном государстве права граждан, добродетели Катона и таланты Демосфена бесполезны без налога на собственность. Но если оставить в стороне те трансцендентные таланты, которые преодолевают все препятствия там, где позитивный закон не обрекает их на неизвестность, то легко увидеть, что внезапный переход людей из частного сословия в публичное является не столько продвижением, сколько вытеснением, то есть скорее революцией, чем продвижением по службе. Морально, как и физически, голова вращается на высоте, к которой не привыкли ни сердце, ни глаза. Мысли, привязанности, вкусы, привычки и пристрастия, подходящие лишь для частной сферы, приносятся на государственные должности. Сам язык дает яркий пример этой истины в изречении, укоренившемся в обиходе, «властолюбие», выражющее состояние ярости или безумия слабой души, которой дали больше власти, чем она может выдержать; и революция дала ужасные примеры этого.

В республиках, обществах индивидов рост этих индивидов внезапен и быстр, великие таланты развиваются с пре-восходством; и поскольку они могут привести к чему угодно, даже к власти, государство рано или поздно умирает из-за великих талантов. В монархии, обществе семей, рост семей, как правило, медленный и постепенный; и государство держится гораздо дольше благодаря преемственности принципов и максим правления, чем благодаря преимуществу таланта. Более того,-говорит Ж. - Ж. Руссо, - когда в почти разрушенной монархии появляется великий человек, то очень удивляешься тем ресурсам, которые он находит, и это творит эпоху. В монархии, если её принципы не были изменены, великий человек появляется, когда это необходимо, и общество спасено. В республиках великие умы, великие характеры появляются вовремя и не вовремя, и они расшатывают государство или свергают его.

В Англии лорд-канцлером становится искусный юрист; во Франции он облагораживает свою семью, которая со временем может претендовать на все должности; в обществе больше спокойствия, больше регулярности, меньше толчков, меньше амбиций в душах людей, меньше волнений в умах: всё это лучше для процветания и силы государства, чем даже последовательность искусственных канцлеров; и всё же я считаю, что в этом отношении Франции нечего завидовать другим народам.

Без сомнения, природный талант в большем количестве встречается в самом многочисленном классе, я полагаю; и всё же можно отметить, что в целом дворяне лучше всего писали о политике и военном искусстве, равно как магистраты - о юриспруденции, а епископы - о религиозных вопросах. В Генеральных Штатах, где было так много сильных умов, дворяне не уступали талантам другим сословиям, а если верить опыту, то в политических знаниях они превосходили их всех. Все другие искусства, все другие науки принадлежат больше частному человеку, чем общественному, и скорее обеспечивают академию, чем защищают общество; они могут быть источником разслабления для дворянства, но они не входят в круг его обязанностей.

Exudent alii spirantia mollius ara, Credo equidem ().*

Повторяю:

Наследственное дворянство - это только посвящение рода исключительно служению государству. То, что называется рождением высокого происхождения, является лишь старшинством этого посвящения; и если бы дворянство не было таким, оно было бы ничем, и самого названия не было бы в языке. Все семьи могли, и даже должны были, со временем достичь этого почётного обязательства. Общество приглашало их к этому, и ни один закон не устранил ни одну французскую семью от престола в случае вымирания правящего рода.

Между людьми нет равенства ни морального, ни физического. Природа этого не предвидела, и политика не может ис-

править природу; но все семьи естественно равны, потому что все они одинаково хороши и, следовательно, все политически равны в своей способности добиться успеха. Постепенное возвышение семей является частью регулярной системы монархии; внезапное возвышение отдельных лиц является частью нерегулярной и бурной системы республик.

Перевод – Никита Шевченко, Роман Раскольников

(*): Де Бональд цитирует здесь «Энеиду» Вергилия («Энеида», VI, 847-53) из предсказания о грядущих судьбах Рима, которое находящийся в обители блаженных отец Энея Анхиз дает посетившему его чудесным образом Энею:

Éxudént alií spirántia mólliú áera,
Créd(o) equidém, vivós ducént de mármore vóltus,
Órabúnt causás meliús caelíque meáthus,
Déscribént radi(o) ét surgéntia sídera dícent:
Tú reger(e) ímperió populós, Románe meménto;
Háe tib(i) erúnt artés, pacíqu(e) impónere mórem,
Párcere súbiectís et débelláre supérbos.
Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусствей
Вычислят иль назовут восходящие звезды - не спорю;
Римлянин! Ты научись народами править державно
В этом искусство твое! Налагать условия мира,
Милость покорным являть, и смирять воиною надменных!

(Перевод С. Ошерова)

барон Йорг Ланц фон Либенфельс

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И УПАДОК АРИСТОКРАТИИ

Героические арии, будучи деятельной расой, с древних времён были кочевым народом. С доисторических времён, каждый год, воины, для которых не нашлось места в существующих отрядах, собирались в небольшие дружины «священных вёсен», *Weihefrühlingen*, и расходились на юг, восток и запад от своей европейской прародины, распространяя таким образом власть дворянства и аристократии как древнейшую форму государственности по всему земному шару. Монархические государства могли возникнуть лишь в областях, где светловолосый арий не имел конкуренции, где он подчинял себе примитивные силы коренного населения, недоразвитых и смешанных рас. Потому великие мировые империи и культуры возстают не на землях нордической прародины светловолосой расы, но на внешних пограничных и периферийных территориях, там, где относительно немногочисленные героическо-арийские союзы земледельцев, воинов и священников господствовали над скоплением людей низших рас: в Египте, Месопотамии, Индии, Китае, Америке. После упадка и исчезновения в этих империях героическо-арийской аристократической прослойки, развитие получали персидские, греческие и римские монархии и государства, где правила аристократия. Эти государства продолжали существовать до тех пор, пока сохранялся их аристократический светловолосый расовый элемент. Впоследствии и сама прародина, германская Европа, претерпела политические преобразования, став территорией союзов великих государств, и овладела скипетром мировой гегемонии. И так, дружины светловолосых героических воинов стали распространяться на новых территориях ещё до начала истории, а в исторические времена ту же роль приняли вначале завоевания Римской Империи, позже, в

Средние века – военные и крестовые походы, а в Новое время – установление морских путей по всему Средиземноморью, и разселение в любые населённые территории умеренного климата. Воины светловолосой расы расширяли своё влияние в боях: благодаря военному и расовому превосходству, им удалось утвердиться в качестве господ, аристократии, над тёмнорасовыми, менее развитыми и гораздо более многочисленными народами. До тех пор, пока героическая раса сокращала чистоту, следуя соответствующим законам расовой гигиены, таким как законы Моисея, Ману и Ликурга, сохранялось и её общественное господство. Как можно сегодня судить по предметам изобразительного искусства, такова была история всех древних мировых империй Африки и Азии: повсюду аристократия представляла собой более светлый тип с большей или меньшей примесью героической расы – что и по сей день наблюдается среди всех народов, даже японцев. Древние воинские касты этих народов принадлежали к более редкому, более светлому типу, нежели остальное население. Уже Плутарх указывает на большую схожесть сводов законов римского императора Нума и древнеспартанского законодателя Ликурга. Первоначально богослужение не знало кровавых жертв идолам; жертвовали только вино и муку (*Messel Gral!*), что в целом очень близко германской религиозности. Герулы, готы, лангобарды, франки и германцы всех прочих племён в собственных военных походах и в составе римских легионов очень часто вторгались на территорию Италии и проходили вдоль всего полуострова. Норманны основали сицилийское королевство, и на быстроходных кораблях часто грабили побережья Средиземного моря. Визиготы обосновались в Испании и Северной Африке, готы – на Балканском полуострове, который и в позднем Средневековье служил перевалочным пунктом в походах германских крестоносцев – здесь, так же, как и в Святой Земле, возникли германские княжества. Завоеватели составляли правящий аристократический слой, и многие испанские и итальянские аристократические роды

возводят к тем нордическим героям, по крайней мере, свои имена. Вольтманн обстоятельно исследовал германский исток итальянской, испанской и французской аристократии, и факт изначального преобладания в них светловолосого элемента. По сей день доказательством этому служат германские корни фамилий важнейших аристократических семейств: Бертини, Изимбарди, Олдофреди, Одешалхи, Гуаланди, Гизмонди, Ланфранхи, Убалдини, а также древние портреты и другие предметы искусства, всегда изображающие аристократов светловолосыми и светлоглазыми – хранителями лучшей расы, нежели теперешние «аристократы» этих стран. Национальный герой Испании, Сид, описан в балладах как человек «высокого роста», «с нежным румянцем щёк», «со светлыми очами». Идеалом красоты в средневековой литературе в том числе и романских стран был светловолосый аристократ. Епископы и настоятели монастырей в романских странах имели первоначально преимущественно германские имена, что свидетельствует о том, что и клиром вначале заведовали светловолосые арии.

Разумеется, процентное соотношение светловолосых, несмотря на бесспорное вырождение и расовое смешение, и по сей день среди аристократов германских стран выше, чем в народных массах. Многочисленные портретные выставки и иллюстрированные печатные издания предоставляют нам потрясающе богатый материал. Даже польские, венгерские, русские и южнославянские аристократы, а также турки благородного происхождения имеют положительно больше героических черт, нежели простые народы тех же стран, что легко объяснить многочисленными браками, заключёнными некогда с представителями германских аристократических семей. Даже высшие слои евреев, в особенности западноевропейских, принадлежат к значительно более светлой и лучшей расе, чем их народ в целом. Конечно же, причина не в том, что монголоидная или средиземноморская раса, к которой принадлежат большинство евреев, со временем «посвет-

лела», проживая в лучших условиях; гораздо вернее объяснить это расовым смешением, пути которого могут быть различны: например, не редко случалось, что еврей женился на светловолосой арийской христианке, а дети рождались больше похожими на мать; или, что также бывает, женатая еврейка рожала детей от светловолосого героического любовника, но дети эти, разумеется, воспитывались как евреи. Ротшильды, Блейхрёдеры, Мендельсоны, равно как и Ритцеры, Абр. Гейгер, Ауэрбах, Гейне, Мозенталь и прочие, представляют собой «осветлённый» еврейский расовый тип.

Но именно расовое смешение, сопутствующее расширению границ влияния героической аристократии, привело её к упадку. Роскошная и полная комфорта жизнь на юге оказалась чересчур изнеживающей. Рабы – одомашненные и приученные к культуре зверолюди – должны были трудиться во благо своих господ. Далее раб становился земледельцем, воином, а под конец и священником. Древнейшие обнаруженные костные останки, и особенно разнообразные предметы из захоронений, свидетельствуют, что даже вблизи нордической прародины героической расы, т.е. в центральной Европе, с ней соседствовали более мелкие и тёмные низшие расы и зверолюди. Германские саги о цвергах, гномах сохраняют отголоски этих доисторических фактов. Позже, когда германцы в течение целых веков вели с римлянами неутихающие войны, южане проникали на север, то победителями, то пленниками. С другой стороны, среди германцев уже во времена Тацита были вольноотпущеные: «*Liten*», «*Hörige*» - им даровалась личная свобода, но не право собственности. Было возможно и обратное: свободный мог утратить свободу, неудачно поручившись своим положением, или убив свободного и не выплатив возмещения. Появление вольноотпущеных и потерявших свободу вносило путаницу в первоначально очевидное расово-биологическое расслоение общества, равно как и рождённые вопреки существующему расовому закону дети смешанных браков свободных с несвободными.

Содержание воинского сословия во времена Средневековья для малых независимых земель было настолько тяжким бременем, что они часто отказывались от свободы, и должны были платить дань новым господам, обычно духовным лицам. Именно по этой причине в наши дни мы встречаем такое множество немецких крестьян с типичными древними исконно-германскими именами, и относительно сохранёнными внешними чертами героической расы, которые при этом не являются аристократами в современном официально-геральдическом смысле. Фактически же они вполне ими являются.

Гораздо более серьёзные последствия имели проступки полового характера, нарушающие законы чистоты вида. Подобные противные расе оплошности аристократов мужского пола, вступивших в связь с женщинами чандалов и черни, оказались самым печальным образом, вызвав общественный и политический упадок аристократов. Многочисленные внебрачные дети аристократов образовали в низших слоях общества лучшую полу-аристократическую расу, унаследовавшую инстинктивное господство от аристократических отцов; такие люди не довольствовались своей участью, явно не соответствовавшей их сущности, и стремились возвратиться к верхам общества. И с другой стороны, преступления против расовой чистоты аристократических женщин имели столь же серьёзные последствия, становясь причиной расово-антропологического и расово-психологического вырождения аристократии. Этиbastards, втайне зачатые от пришлых цыган, не имея ни капли крови своих юридических отцов, полностью наследовали внутреннюю и внешнюю сущность действительно плебейских отцов, и, подобно вольноотпущенникам рабам, жесточайшим образом терзали подчинённые сословия. Именно подобные ублудки пятнали честь аристократии, при этом больше подлинных расовых героических ариев почитая внешние аристократические атрибуты, такие как имя, герб и церемониал. Так, образ аристократии становился поистине чудовищным.

Итак, недостаток расовой осознанности привёл к разрушению сословной упорядоченности, и равновесие общественной справедливости оказалось вывернутым наизнанку: жаждущие власти дети аристократических отцов низринуты на дно социума; дети расовой черни, которых следовало бы держать в оковах рабства, вознеслись на вершину – разнужданные животные, охраняемые барьером расовой гигиены, возведённым некогда для защиты от чандализма. Такое противоестественное положение порождало безчисленные политические и социальные революции, оно и по сей день питает бунтарские настроения. Это совершенно естественный расово-антропологический закон: всё, что по природе своей возвыщенно, стремится ввысь, а низкие и «тяжеловесные» элементы тяготеют к низу.

Всё же, упадок арийской аристократии был ускорен не столько «снизу», но в гораздо большей степени «сверху», а именно тиранией князей и феодальной системой. До сих пор мало внимания уделено крайне значимому различию древнеарийской свободной аристократии и более поздней феодальной и выслуженной знати. Князья действовали сообща со стремившейся ко власти городской чернью, способствую уничтожению древней арийской свободной аристократии. Ослеплённые тщеславием, они лишили себя естественного защитного барьера и отныне должны были в целях самозащиты идти на уступки черни или сдаваться, принимая «конституцию». Искусственно образованное позднее «феодальное государство» не было результатом деятельности героической арийской расы, и это я считаю необходимым особо подчеркнуть; наоборот, франко-каролингское государство восходит к позднеримскому и византийскому государству рабовладения, и является типичным средиземноморским образованием. Примечательно, что феодальное государство развилось наиболее последовательно и отчётливо как раз в папской Италии и во Франции, где значительную роль играли города, а население с самого начала имело сильную примесь средиземно-

морской расы; пик развития пришёлся на XVI-XVIII вв. при духовном и монаршем абсолютизме папы Александра VI и короля Людовика XIV, то есть совпадал с установлением средиземноморской расовой гегемонии. Средиземноморцы – это люди крайностей и злоупотреблений, фальшивые аристократы, видящие сущность дворянства в показных церемониях, гербовых знаках, культе родовых имён и фамилий, следованиян капризам моды, высокомерию и чванству; родоначальники всей псевдо-аристократии, преступления которой породили Великую французскую революцию. Именно испанское, итальянское, французское и польское дворянство, а также знатные евреи (такие же средиземноморцы) – самые напыщенные фаты и щёголи среди всей аристократии. В то время самые близкие средиземноморской расе князья прокладывали себе путь в придворную и выслуженную аристократию, противостоя исконной расовой аристократии. В результате структура общества оказалась перевёрнутой: изконная арийская аристократия опустилась в низы общества – не желая пресмыкаться перед троном и крестом, она уступила дорогу новоиспечённой дипломированной знати. К тому же, изконная аристократия оказалась практически истреблена в неистовых и притом бесполезных войнах нового времени. Так, добродетель воина оказалась роковой в судьбах истинных аристократов, а непригодная к бою фальшивая аристократия всё разрасталась, с куда большим рвением отдаваясь «любовным сражениям» под сенью будуаров. Кровавые потери на полях сражений восполнялись постоянно нуждающимися, задолжавшими евреям князьями, возвеличившимися через службу в государственных учреждениях; возникла денежная и торговая аристократия, большей частью средиземноморская, и современная, в основном, монголоидная, промышленная, чиновничья и учёная аристократия, разумеется, с некоторыми исключениями. Так аристократия потеряла свободу и расовую основу, став общественно-политической партией, определяемой наличием документов. Те права и свободы, которые в древности принадлежали тысячам свободных мел-

ких земледельцев, в новое время были присвоены немногочисленными королями и князьям. Придворную аристократию они подчинили себе и издевались над ней так же, как эти выслуженные дворяне притесняли своих подчинённых. Абсолютизм и авторитаризм князей по сути своей несвойственны арийской расе, также как и охлократия с анархизмом, властью черни. Эти крайности соответствуют противостоянию средиземноморской и монголоидной рас: средиземноморцы всегда склонны к автократии, монголоиды – к анархизму.

Кульминация вырождения современной аристократии – искажение принципа принадлежности по рождению, которое приобрело уже масштабы неправдоподобные. Поскольку степень «принадлежности» измеряется наличием соответствующих документов, и не связывается ни с чем другим, кроме как с титулами: королей, принцев, герцогов, графов или баронов – можно сказать, что сами титулы эти даются за вырождение; и действительно, негроидные, монголоидные и средиземноморские короли, принцы, герцоги и прочие всегда могли предъявить безукоризненные документальные свидетельства подобной принадлежности к дворянству. Но того, что составляет сущность аристократии – героической арийской крови – у них не больше, чем у бастарда, произведённого на свет потерявшей всякую совесть княгиней-прелюбодеянницей, вступившей в сношение с придворным цирюльником или музыкантом-евреем. В противоположность этому, среди дворян должно укорениться новое, здоровое и научно обоснованное воззрение: любой расово-чистый, здоровый и соответствующий идеалам расовой красоты героический арий, женщина или мужчина, имеет права верховной аристократии. В то время как любой чандал, вне зависимости от титула, никак не может принадлежать к аристократии и пользоваться её правами.

(Остара №71: Раса и аристократия. Перевод – D.A. //
<https://telegra.ph/Rasprostranenie-i-upadok-aristokratii-02-02>)

о.Р.Б.

ИДЕЯ НАПОЛЕОНА

«Европа будет Империей, или не будет существовать совсем. Империя представляет и форму, и суть нашего исторического будущего. Эта концепция вместе с тем духовная и органическая: она обеспечивает сплочённость, необходимую для нашей обороны, и представляет единый фронт в наших международных отношениях. Как органическая концепция, Империя уважает идентичности, которые составляют Европу, вместе с тем символизируя её универсальную специфику».

*Гийом Фай, Пьер Фрессон и Робер Стойкерс.
Малый лексикон Европейского партизана, 1985)*

Ф.М.Достоевского, помимо всего прочего, аттестуют как «писателя идеологического» и «писателя полифонического». Персонажи Достоевского, как неоднократно было подмечено, в значительной мере представляют собою «воплощённые идеи». В какой-то мере «свои идеи» ФМД «делегирует» свои героям. Ни один из «героев» романов Достоевского не представляет «в полноте» идеологию Автора; она в какой-то мере прочитывается именно из «полифонии», «диалога» идей и воплощающих их персонажей, ведущих на страницах произведений ФМД напряжённейший и интереснейший идеологический «агон»... Одна из осевых идей, занимавших ум ФМД, была *«идея Наполеона»*. К ней мыслитель-писатель возвращался неоднократно. На первый взгляд, сия «идея» у Достоевского «разоблачается» и «ниспровергается». Первое, что в связи с «идеей Наполеона» вспоминается, се – роман «Преступление и Наказание», главный герой коеего, наподобие Наполеона, возмнивший себя «право имеющим», а не «тварью дрожащей», вроде бы как терпит идейный и эзистен-

циальный «крах»... Но Достоевский, как и отмечено было выше, – не токмо «писатель-идеолог», но и «полифонист», посему и излюбленные идеи Автора и раз рассматриваются в его текстах «с разных сторон» и получают подчас неоднозначное, «полифоничное» и полисематичное «воплощение» в героях-«идееносцах». Ведь «идея Наполеона» – это не только идея «права сильного», дерзающего «посягнуть», но и **«идея Европы»**. А данная Идея была особливо близка ФМД, можно сказать, была одной из основных и задушевнейших идей его *Gottesweltanschauung*...

Ещё один герой ФМД по-своему служит преломлением «идеи Наполеона». Се – Павел Феодорович Смердяков, один из «Братьев Карамазовых»... О том, насколько разновидно и неоднозначно может трактоваться данный персонаж, имеет смысл привести две нарочитые заметки о «смердяковщине»: со знаком «плюс» (русский европеец А.Широпаев), и со знаком «минус» (русский азиопец М.Мёдоваров, ученичок сына Гелия).

Самый умный из братьев. «Смердяковщина» – расхожий ярлык, используемый патриотической публицистикой против всех, кто не укладывается в куцые параметры патриотизма. Вот совсем недавно В. Карпец на страницах газеты «Завтра» постарался прилепить этот ярлык к моему имени. Как известно, слово «смердяковщина» происходит от фамилии известного литературного персонажа, которого Достоевский – его создатель – постарался изобразить подчёркнуто гнусным, отвратительным. Смердяков – это подпольный Карамазов, тайный, теневой брат Алеши, Ивана и Мити, находящихся как бы в скрещении лучей повествования. Смердяков же в тени, в полумраке; значение этой отталкивающей фигуры недооценено не только читателями и критиками, но и самим автором. Мне думается, что Достоевский боялся Смердякова и потому сделал из него почти карикатуру, почти насекомое. Достоевский изобразил Смердякова грязным, смердящим пондонком, вызывающим прямо-таки физическое отвращение, и лишь после этого позволил ему вкратце, бегло выразить свое

кредо: «В двенадцатом году было на Россию великое наше-
ствие Императора Наполеона французского первого, и хо-
рошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная
нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе.
Совсем даже были бы другие порядки...». О том, насколько
Достоевский считал эти мысли неприемлемыми и опасными,
можно судить по запредельной гнусности того, кто их вы-
сказал. Миф о войне 1812 года в те времена был столь же
системообразующим, как «9-ое мая» - сегодня. Смердяков
замахнулся на тогдашний куль «великой победы», и, по за-
мыслу Достоевского, должен вызывать только негодование и
отвращение. Подозреваю, что и отцеубийцей этот персонаж
стал по воле автора лишь затем, чтобы произнести свою хре-
стоматийную фразу про двенадцатый год. Отвратительность
Смердякова должна была сделать отталкивающими и мыс-
ли, которые он высказывает. Отвратительными настолько,
что уже не хочется в них вдумываться. По существу, патриот
Достоевский при помощи образа Смердякова демонизировал
своих идеологических оппонентов. Между тем, мысль Смер-
дякова по своей сути очень неглупа. «Совсем даже были бы
другие порядки...» - а почему бы и нет? Взять хотя бы знаме-
нитый «Кодекс Наполеона». Он сметал остатки феодализма
и утверждал равенство всех перед законом, главенство пра-
ва и принцип частной собственности. «Кодекс Наполеона»
оказал огромное влияние на дальнейшее правовое становле-
ние всей Европы. Не стоит и говорить о том, насколько он
отличался от порядков феодально-крепостнической России. Спрашивается, кому у нас была нужна война с Наполеоном
и её развесистое патриотическое оформление? Ответ оче-
виден: клану крепостников, живших за счёт продажи хлеба
в Англию, которая взамен поставляла в отсталую Россию
промышленные товары. Крепостническая империя не могла
развивать капиталистические отношения, не подрывая при
этом своих основ, и потому предпочитала закупать промто-
вары у англичан в обмен на хлеб и сырьё. Этим и обусловлен
союз Александра Первого с Великобританией. Война с На-

полеоном была нужна нашим феодалам-крепостникам; они же разрабатывали ширпотребовскую мифологию этой войны в духе квасного патриотизма, именуя Наполеона «антихристом». Однако народ, к которому притворно апеллировали ура-патриоты, нередко вёл себя вполне по-смердяковски. Писал члобитные письма к батюшке государю Наполеону, моля вызволить из крепостного рабства. Под шумок войны жёг помещичьи усадьбы. А оказавшись в заграничном походе, стал разбегаться по Европе в поисках лучшей доли – считай, четыре дивизии кануло с концами! Сорок тысяч Смердяковых! Русские крепостные в солдатских мундирах ногами голосовали за вражеский «Кодекс Наполеона», т.е. за «совсем другие порядки». Наша нация оказалась не так уж «глупа»... Знал ли об этом народолюбец Достоевский, когда живописал Смердякова? Если знал, то тем более боялся этого своего персонажа. Боялся стоящей за ним неприятной правды, ломки собственных патриотических схем. Идеолог брал верх над писателем. Смердяков – вот самый интересный и непонятый брат Карамазов. И самый умный, самый глубокий, в чём-то наиболее близкий к народу. Он наиболее смело и интересно заявил тему о России. Независимо от воли автора, он взломал лёд ментальных табу. Одной своей фразой он вышел за пределы сусальной «русскости», «православия», «родины», России. Он освободился от России как фетиша, взглянув на неё с точки зрения здравого смысла и нормальных человеческих интересов. Можно лишь гадать, какой силой обладал бы этот образ, позволь ему Достоевский жить живой, полной художественной жизнью. Такой Смердяков породил бы целую новую русскую литературу и переделал бы самого Достоевского. Но даже будучи пропущенным через мясорубку жёсткой авторской заданности, он сумел коротко сказать нам почти всё» (<https://shiropaev.livejournal.com/141052.html>).

Человечек неглупый, начитанный, но «по жизни» патентованная мразь (воистину «евразийский Смердяков»), гражданин Мёдоваров посчитал необходимым дать «отлуп Широпаю»:

Дугин о Смердякове (вместо ответа Широпаеву).

«Смердяков как центральная фигура археомодерна (о «банной мокроте»). Программу русского археомодерна кратко и ёмко излагает герой романа «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского Павел Смердяков, незаконнорождённый сын Фёдора Павловича Карамазова от юродивой нищенки Лизаветы Смердящей. – « Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна. (...) В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки». И в следующем диалоге с той же Марией Кондратьевной: « -- Когда бы вы были военным юнкерочком али гусариком молоденьким, вы бы... саблю вынули и всю Россию стали защищать. -- Я не только не желаю быть военным гусариком, Марья Кондратьевна, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с. - А когда неприятель придёт, кто же нас защищать будет? - Да и не надо вовсе-с. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона... и хорошо, кабы нас тогда покорили...». Это не простое западничество, хотя Павел Смердяков, разумеется, западник, что видно из его восхищения всем европейским. Сам он так говорит о европейцах: «Тамошний [т. е. иностранец] в лакированных сапогах ходит, а наш подлец в своей нищете смердит». Здесь показательно, что Смердяков частично критикует и самого себя, свою русскую природу. Смерделя, судя по уничтожительной кличке, и его юродивая матушка, и сам он смердит изнутри, в соответствии со своей фамилией, но старается заглушить смердение духами и замаскировать лаковыми туфлями. Это образ русского лакея, бастарда -- социальной фигуры, зависшей между барином и простолюдином, существа, глубоко больного, искощёженного, расстроенного, но вместе с тем страдающего и мучающегося, а также мучающего других. Это и есть гибрид, типичный образ, концентрирующий основные свойства русского архемодерна. Эту особость смердяковской породы от-

мечает у Достоевского старый слуга Григорий, вырастивший Смердякова (русский слуга как представитель традиционного архаического русского общества противопоставляется русскому лакею). Осознавая патологичность русского лакейства, социальной смердяковщины как метафизического явления архемодерна, Григорий ещё в детстве Смердякова наставлял на том, чтобы его не крестить: «Потому что это... дракон... смешение природы произошло». Это чрезвычайно важное «смешение природы», причем «смешение» патологическое, противоестественное, эстетически отвратительное и этически отталкивающее (Смердяков окажется в романе отцеубийцей), и есть формула русского археомодерна, отвратительный гибрид архаизма с современностью, осуществлённый в ущерб обоим составляющим, приводящий к извращению и вырождению и того и другого. Старый русский слуга подозревает, что тип российского лакея, идущий ему на смену, несёт в себе колоссальную антропологическую угрозу. Развивая тему «дракона», «смешения природы», Григорий прямо в лицо сообщает Смердякову: «Ты разве человек?... Ты не человек, ты из банной мокроты завёлся, вот ты кто». Это не просто раздражённая метафора, это важнейшее прозрение в область социальной антропологии. Смердяков (российский лакей и прототип русского либерала), на взгляд типичного представителя архаической Руси, «не человек», «нечисть», злое демоническое существо, родившееся из «банной мокроты» (используемый здесь образ «бани» и «мокроты» имеет архаическую структуру и означает нечто «нечистое», «изначальное», напоминая сюжет о споре дьявола с Богом в многочисленных русских апокрифических преданиях о сотворении мира с явными элементами то ли древнего иранского дуализма, то ли средневекового богоильства). Самое важное при этом, что выродок Смердяков – абсолютно автохтонный русский выродок. Его «западничество» не является причиной его вырождения, напротив, вырождение, своё, глубинное, толкает его – из осознания собственной патологии и отвращения к своему и всему окружающему – к поклонению перед

«другим», в данном случае перед Европой, возводимой в идеал. В Смердякове и русском археомодерне центральна не любовь к иному, но ненависть к своему. Это отличает русский археомодерн от колониальных и постколониальных аналогов. В колониальной Индии или рабовладельческой Бразилии модерн, воплощённый в правящем классе европейских колонизаторов, был катастрофой, бедой, имевшей внешний характер. И хотя постепенно колонизация проникла вглубь, породила прослойки коллаборационистов, имитаторов и трансгрессоров, она не несла в себе глубинного раскола сознания народа и ненависть его к своей идентичности. Это было подобно стихийному бедствию и не имело эндогенных культурных корней. Искусственная модернизация русских и их вестернизация, начиная с Петра I, порождала чувство внутренней измены общества самому себе, своим корням, и «оборонительный», «вынужденный» характер такой модернизации, быть может, рационально взятый элитам, широким массам объяснить было невозможно. (Тем более, было не понятно, почему надо было обязательно «выплёскивать ребёнка вместе с водой» -- жертвовать идентичностью ради сомнительных благ технического развития). До масс доходил лишь осмысленный по-смердяковски диспозитив различных стратегий самоотчуждения, раскола сознания, внутренней ненависти и брезгливости -- в первую очередь, к самим себе. Модерн воспринимался не как таковой, а как мера унижения -- как то, в сравнении с чем, всё русское самим же русским субъективно представлялось «кубогим», «ничтожным», «позорным», «отталкивающим». Благодаря такому пониманию «модерна» в археомодерне его содержание, как и сам процесс модернизации, воспринимается заведомо неверно, искажённо, утрачивает оригинальное, но не приобретает положительное и новое содержание, превращаясь в безмысленное и отягощающее патогенное ядро, в источник непрестанного *ressentiment*. Вместе с тем в фигуре российского «лакея-дракона» существенно мутировала архаическая сторона, утрачивая спокойное самотождество архаики, выворачиваясь

наизнанку, теряя внутреннюю структуру – структуру мифа и обычая, обряда и традиции. Герменевтический эллипс. Русская культура вступила на путь археомодерна с конца XVII века, но его первые признаки проявились ещё раньше – с первой половины этого столетия. Именно тогда стали заметны фундаментальные изменения в церковной практике: распространение многоголосия и частичное внедрение партеса в церковном пении, влияние «фряжского» письма – перспективы – в иконописи (например, в школе Ушакова и парсунной живописи), а также активное навязывание европейских мод и обычаев (театры, табакокурение, новые стили в одежде и т.д.). В церковном расколе, а затем в петровских преобразованиях эта тенденция достигла своей кульминации и предопределила структуру русского общества вплоть до нашего времени. С петровского периода Россия живёт в археомодерне, и обращение к этой социальной модели служит основополагающей герменевтической базой для корректной интерпретации основных культурных, социальных, политических, духовных и хозяйственных событий. Археомодерн можно уподобить фигуре эллипса с двумя фокусами – фокусом Модерна и фокусом архаики. На уровне элиты разворачивались процессы модернизации (=европеизации), а народные массы оставались в рамках архаической парадигмы, в Руси Московской. В своих ядрах обе социальные группы жили автономно друг от друга, почти не пересекаясь, как на двух разных планетах, на двух разных социальных территориях. Различались костюмы, нравы, даже языки: элита романовской России после XVII века свободно говорила на голландском, английском, немецком, позже французском языках, а русского могла вполне и не знать, он был излишним в повседневной жизни дворянина. Эти две территории представляли собой два типа того, что Гуссерль называл «жизненным міром» (*Lebenswelt*) – два удалённые друг от друга горизонта бытия и быта, структурированные абсолютно различным образом. Ядро элиты составляли иностранцы, служившие эталоном для собственно русской аристократии: они-то и были носителями подлин-

но европейского *Lebenswelt*'а. Ядро же простого народа составляли староверы и, частично, представители русского сектантства, сознательно стремившиеся иметь с российским государством и «кадровым» обществом (то есть с Модерном) как можно меньше пересечений. Но хотя эти міры были полностью разведены, всё же мы имеем дело с одним и тем же обществом, пусть и состоящим из суперпозиции двух культурных территорий. Причем это единство было оформлено единством политического, социального и хозяйственного механизмов, так или иначе затрагивающего всех. Между этими двумя полюсами и кристаллизовалась постепенно обобщающая фигура, воплощающая в себе археомодерн не как составное, разложимое понятие, но как без-образный интериоризированный псевдосинтез. Это и есть наш Смердяков – «лакей-дракон». Он был тем общим, что превращало две окружности с различными центрами в единый русский эллипс. И именно смердяковщина, которая легко угадывается в русской аристократии (и у героев Пушкина и Лермонтова, а особенно ярко в лице реального исторического персонажа Петра Чаадаева), является тем целым, которое представляет собой структуру герменевтического эллипса археомодерна» (<https://mahtalcar.livejournal.com/214847.html>).

Как видим, тут вкряываются колоссальной толщи «тектонические пласти» смыслов... Мы здесь не станем и пытаться «охватить их все»; сосредоточим фокус умозрения лишь на фигуре Императора Наполеона – **носителя и воплотителя «Идеи Европы»**... Идея «Единой Европы» соприсутствует от стародавних времён истории и пра-истории нашего Континента, но ея, так сказать, «идейная рефлексия» не является «перманентной», она возникает в некоем «мерцающем режиме»: то более ярко, то более тускло. Ещё реже на подиум Истории выступают Фигуры, в коих сия Идея находит своё чрезвычайно яркое и полное воплощение. Такой фигурую был для первой половины XIX столетия Император Французов Наполеон (и сколь сие не парадоксально: его главный противник – Русский Император Александр I, испириован-

ный коим «Священный Союз» продолжал в ряде аспектов «дело Наполеона»). Для XX столетия фигурай, равновеликой Наполеону (во всяком случае в аспекте воплощения «Идеи Европы») был Вождь Третьего Райха Адольф Гитлер... [Немецкое слово «Райх» (das Reich) многозначно и может быть переведено на русский как Царство (в т.ч. Божие Царство), империя, держава, государство. Так, например, немецкое государство официально именовалось райхом с 1871 по 1945 гг. – т.е. и при монархии, и при республике, и при национал-социализме. До своего упразднения в 1806 г. райхом называлась и Священная Римская империя германской нации]. Политический «оппонент» Гитлера, «левый нацист» Отто Штрассер написал об «Идее Европы» довольно примечательные тезисы: «Европейская федерация. Что касается надежд и целей всей «Европейской Партии», остаётся упомянуть: Превращение Европы в Союз свободных наций. На протяжении веков поэты и одарённые писатели всех народов Европы мечтали об этом единстве, лучшие мыслители внесли свой вклад в идею, и в ужасные годы с 1920 по 1940 год экономисты снова и снова были вынуждены признать, что их планы останутся безрезультатными до тех пор, пока «Европа» в реальности не существует. Недавние и нынешние попытки пангерманистов добиться завоевания Европы с последующим возрождением воспоминаний о более ранних попытках Наполеона и Карла V ясно показали, что ни одна нация в Европе не достаточно сильна, чтобы подчинить себе все остальные и утвердить Объединённую европейскую империю по образцу древней Римской империи. Кровавые потоки, в которых были или будут утоплены создатели таких схем, не будут пролиты напрасно, если народы Европы осознают, что все они являются представителями друг друга, а не слугами одной нации или одного человека, но равными по положению членами одной семьи, как добровольные представители Европейской Федерации. Возможно, до сих пор в своих рассуждениях о необходимости европейского единства я недостаточно подчёркивал федеративную идею, которая чужда по духу тенденции

централизма XIX века. Сам по себе примечателен тот факт, что мы сейчас говорим о Европейской Федерации и отказались от термина «Паневропа». Федеральная схема в равной степени необходима для успешного решения многочисленных политических, экономических и культурных проблем как в различных государствах Европы, так и в самой Европе. Каждому стороннику идеи Европейской Федерации – которая в 1940 году обязательно должна охватить всех вдумчивых европейцев – можно искренне рекомендовать исследование Британского содружества. Там мы имеем: минимум принуждения, максимум свободы; должное внимание к расхождению с местными интересами и уважение национальных чувств; сохранение проверенных временем учреждений, даже если они часто бывают неудобными; предотвращение неоправданного выравнивания и вместо этого преднамеренное сохранение национальных или местных нравов и обычаяев. Одним словом, объединение должно быть эффективным, разумно и явно не внося при этом изменения в предыдущие методы, правила и способы. Вот лучший рецепт создания Европейской Федерации. В начале, конечно же, Европейская Федерация может быть только добровольным союзом европейских государств, доступ к которому будет открыт для каждого европейского государства, которое соответствует предписанным правилам. Федерации будет выгодно сделать членство желанным для каждого европейского государства. Среди условий членства будет то, что государство–кандидат должно подчиняться закону как во внутренних делах, так и в международных отношениях; оно должно признать арбитражные полномочия Федерации; должно участвовать в Постоянной палате международного правосудия в Гааге и в (обновлённой) Лиге наций, а также в любых международных институтах, учреждённых ими. Наиболее важной особенностью Федерации, и в то же время главным преимуществом членства, будет коллективная безопасность её участников, поддерживаемая их взаимными гарантиями и их взаимными обязательствами объединиться, чтобы противостоять нападе-

нию, совершённому извне на любого члена Федерации. Среди народов Европы, которые слишком долго были очарованы местечковыми национальными идеями, пришло время возродить понимание их исторической и культурной близости. Должно быть введено благородное соперничество национальных характеров и национальных искусств, «Олимпиады разума», чтобы объединить народы Европейской Федерации посредством регулярных публикаций и других подходящих мероприятий в качестве дополнения к физкультурным олимпиадам, возрождённым в Афинах в 1900 году, и по праву считающимися одним из лучших примеров международного сотрудничества» (Из книги 1940 г.: «Германия завтра: Структура немецкого социализма»).

Нетрудно приметить, что всё то, о чём герр Штрассер *лишь «теоретизировал»*, Фюрер *буквально «воплощал на практике»*. Полагаясь не только на свою совершенно исключительную Волю и Гений (опять же, сопоставимые с наполеоновским), но и испрашивая Помощи Божией. Характерна сия Молитва Вождя, содержащая «пан-европейские» ноты: **Молитва Адольфа Гитлера**. «Господи Боже, дай нам силы, чтобы мы могли сохранить нашу свободу для наших детей и детей наших детей, не только для нас самих, но и для других народов Европы, ибо это война, которую мы все ведём, на этот раз не только за наш немецкий народ, это война за всю Европу, а вместе с ней, в конечном счёте, и за всё человечество» (АГ во время речи в Берлине, 30 января 1942 г.).

...Происходящий ныне в Европе и в Белом міре *«Правый поворот»* (зримым воплощением коего стал Дональд Трамп), очевиднейше эвоцирует «великие тени» Наполеона и Гитлера и столь же очевиднейше, ежели и не сделает Белую Америку и Белую Европу *«most greater»*, то уж точно «не оставит такими как есть сегодня»: «Большие перемены ожидают и Старую Европу. Долгое время Западная Европа была музеем, хотя перед этим периодом сотни лет являлась грозной силой в міре. 2025-2026 гг. вполне могут стать переломными для Континента. Европа осознала, что ни индустрия, ни культу-

ра, ни мягкая сила больше не даёт никаких гарантий и ничего не стоит переди лицом мужика с трёхлинейкой и в лаптях. Война - старшая масть. Понимание этого подталкивает страны ЕС к фундаментальным изменениям в политике, направленной в первую очередь на собственную безопасность. В конечном счёте это может в короткие сроки привести к тому, что России и другим странам придётся снова считаться с Европой как с центром силы» (д-р А. Аrestович).

...В заключение – приведём расово-антропологический портрет «Императора Европы» Наполеона I Бонапарта от Чепромерни им. Вл. Авдеева, а также свидетельство Русской Поэзии, для коеи в ещё современных Наполеону вершинных ея достижениях (Пушкин, Лермонтов, Тютчев и др.) сей Образ обладал не меньшей «полифоничностью», нежели у Достоевского (и притягивая, и отталкивая одновременно). Наше свидетельство принадлежит замечательному поэту (и пушкиноведу, что немаловажно-с!) Г.Вавленке... Итак-с:

Наполеон I Бонапарт — Император Французов. Французский и Пан-Европейский военный и государственный деятель.

Этническое происхождение: Итальянское

Расовый тип: Композиция нордида и динарида

Нордические черты:

- узкий и длинный череп
- мезо-долихоцефалия
- выступающий затылок
- узкий нос
- тонкие губы
- светло-смешанная пигментация волос
- светлая пигментация глаз

Динарские черты:

- высокий свод черепа
- широкий лоб с выраженным буграми
- выраженные скулы
- низкий и широкий подбородок
- более низкие углы челюсти

- поднятые крылья носа
- опущенный кончик носа
- отсутствие складки верхнего века

Общие и смешанные черты обеих типов:

- грацильное телосложение
- узкое и высокое лицо
- лептопросопия
- высокий нос
- лепториния
- острый кончик носа
- волевой подбородок
- глубоко посаженные глаза
- слабо развитые мягкие ткани лица
- развитые надбровные дуги

Георгий Павленко

ОТРЕЧЕНИЕ НАПОЛЕОНА

Вчера – вселенский триумфатор,
Сегодня – в прах низложен он.
И он уже – не Император,
Но он ещё – Наполеон!
Он пол-Европы залил кровью,
Всё на пути своем губя...
Пылал ко Франции любовью,
Но больше всех любил себя!
О, сколько жертв – и всё напрасно –
Средь русских брошено полей...
Не будет Франция прекрасной
Без первородных королей!..

Часть 2. Расовое Религиоведение

РАСОВОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Вл. Б. Авдеев, в выбранной для себя специализации «Расология» весьма любил «выдавать» периодически некий «крайний». В частности, изобретать определённые «термины», «неологизмы», связанные с данной областью знания, кои как правило, оказывались весьма «удачными». Собственно, и сам базовый термин «Расология» представлял собою «неологизированную» и «русифицированную» Вл.А. версию немецкого *Rassenlehre*... В числе прочих предложенных Вл. А. удачных «неологизмов», обретается и термин ***Расовое Религиоведение***... Кажется, впервые он был опробован Авдеевым в Предисловии к русскому переводу монографии проф. Арчибальда Сейса «Расы Ветхого Завета» [см. подр.: Сейс А. Г. Расы Ветхого Завета. Серия “Библиотека расовой мысли” / Перевод с англ. С.Ю. Петрова. Предисловие В.Б. Авдеева]. Сама по себе работа А.Сейса – опус довольно-таки среднего уровня, но те мысли касаемо научного направления «Расового Религиоведения», что были высказаны Вл.А. по поводу выхода сего труда – являются и новаторскими, и превесема перспективными. Приведём ряд извлечений из сопроводительной статьи Вл. А. к «Расам ВЗ», а также «дополним» их рядом авторских и переводных работ (в большинстве – эксклюзивных), так или иначе укладывающихся в обозначенную В.Б.А. парадигму «Расового религиоведения»: «Крупный английский учёный Арчибальд Генри Сейс, Archibald Henry Sayce (1846-1933) являлся одним из пионеров ассириологии и крупнейшим лингвистом своего времени. В процессе про- ведения многочисленных экспедиций он исследовал огромный регион Ближнего Востока. Когда причинно-следственная связь между расовыми признаками народов и их религиозны- ми предпочтениями стала наконец обретать ясные и доказательные контуры, первым изданием (1891) вышла книга А.Г. Сейса “Расы Ветхого Завета”, впоследствии она неоднократ-

но переиздавалась: “Ветхий Завет для нас бесценный этнологический источник, с помощью которого мы можем проследить регулярные контакты одних и тех же рас в рамках одного региона на протяжении длительного времени. Все расы здесь представлены весьма полно, разве что, кроме монголоидов“. Учёный изначально встал на позиции последовательного полигенизма. Он счёл необходимым начать своё исследование с устранения терминологического смешения основных понятий этнологии, антропологии и лингвистики: “Пора наконец покончить с давней путаницей и перестать воспринимать слова “раса” и “язык” как синонимы. Язык – это не расовый признак; одна раса может говорить на разных языках, и разные расы могут говорить на одном языке. Общность языка доказывает только наличие социальных контактов. Попытки делать этнологические выводы на основе филологических свидетельств, выводить из сходства языка сходство расы стали проклятием для науки, изучающей древний мір“. Изображения различных расовых типов, обитавших на исследуемых территориях, сохранились на многочисленных барельефах и гробницах, и с точки зрения современной антропологии особенности физического строения переданы очень точно. А генеалогии, представленные в Ветхом Завете, в совокупности с данными лингвистики позволяют с высокой степенью достоверности определить расовую принадлежность того или иного библейского персонажа. Вслед за Арчибалдом Генри Сейсом мы убеждаемся в том, что Ветхий Завет представляет собой достоверный этнографический источник, который проливает свет на историю контактов рас на протяжении длительного периода”... Воспринимая вышеизложенные соображения Вл. А. как указатели на пути дальнейших научных изысканий, приведём в данном разделе «Авдеевских Чтений» несколько примечательных образчиков оных. Заключим наше небольшое вступление в область «Расового Религиоведения», словами индолога Макса Мюллера (одного из тех авторов, коих «любил» цитировать при случае сам

ВБА), эскизно разкрывающих близкую ВБА тезу о том, что Христианство получило развитие и раскрыло свою природу только в арійском мире: «Среди народов Востока существует обыкновение проводить различия между религиями, имеющими в своей основе письменные источники, и религиями, которые не могут предоставить оправдательные документы. Первые считаются более респектабельными, и, хотя они могут содержать в себе ложное учение, на них смотрят как на высшую аристократию среди вульгарной и не поддающейся описанию толпы религий, которые не имеют книг. (Ещё до Мухаммеда люди, имеющие Писания (ahl i kitab), отличались у арабов от *ummīyin*, язычников. Название *ahl i kitab* употреблялось в отношении иудеев, христиан и магометан.) <...> канонические книги дают лишь слабый образ действительных учений основателя новой религии, образ всегда искаженный и деформированный посредником, через руки которого он должен был пройти. И как мало религий, которые имеют Священное Писание! Как узок круг аристократических религий, опирающихся на Священные Писания, в истории міра! Давайте присмотримся к двум расам, являющимся главными актёрами в той великой драме, которую мы называем міровой историей, арийской и семитской, и мы обнаружим, что в каждой из этих рас только по два представителя могут утверждать, что они обладают священными книгами. Среди арийцев — индузы и персы, среди семитов — евреи и арабы. В арийском семействе индузы, а в семитском семействе евреи создали по две религии, основанные на священных книгах: индузы дали міру брахманизм и буддизм, евреи — мозаизм и христианство. Более того, важно отметить, что в каждом семействе существует третья религия, основанная на Священном Писании, которая может громко заявлять о своем независимом происхождении, но на самом деле является лишь слабым повторением первой. Зороастризм имеет свои корни в той же почве, которая питает глубочайшее и широчайшее течение ведической религии; магометанство, если

рассматривать его наиболее жизненные учения, возникает из религии Авраама, почитателя и сторонника единого истинного Бога. Если вы бросите взгляд на следующую простую схему, то увидите, как развивалась религиозная мысль арийских и семитских народов на протяжении многих столетий, по крайней мере, тех народов, которые обладают священными каноническими книгами. В то время как буддизм является прямым продолжением и вместе с тем врагом брахманизма, зороастризм скорее представляет собой отклонение от основной линии древней ведической веры, несмотря на то что он, подобно буддизму, содержит в себе протест против некоторых учений древнейших почитателей ведических богов. Те же самые или почти те же самые отношения наблюдаются между тремя основными религиями семитского семейства, за исключением того, что хронологически магометанство появилось позднее, чем христианство, а зороастризм возник раньше буддизма. <...> Буддизм, представляющий собой, с одной стороны, порождение брахманизма, а с другой стороны, реакцию против него, через некоторое время уял на той почве, которая его питала, и приобрёл свое действительное значение только после того, когда был перенесен из Индии и укоренился среди туранских народов, в самом центре Азиатского континента. Буддизм, возникший как арийская религия, кончил тем, что стал основной религией туранского мира. Аналогичные изменения происходили и во втором религиозном течении. Христианство, возникшее из мозаизма, было отвергнуто евреями [ожесточённо отвергается ими по сей день! – прим. Пер. DA], так же как буддизм — брахманами. Христианству не удалось достичь своей цели — осуществить простую реформу древней еврейской веры, и только после того, как оно было перенесено с семитской на арийскую почву (!), от евреев — к язычникам, оно развило свою действительную природу и получило всемирное значение. Возникнув как семитская религия, оно стало основной религией арийского мира. <...> Почти невозможно определить, что нового

привнёс предполагаемый основатель религии, что он заимствовал у своих предшественников, что было дополнено его учениками; совершенно верно лишь то, что ни одна религия никогда не смогла бы пустить корни и расцвести, если бы она не нашла подходящей почвы, на которой произрастала бы и получала реальную силу» (проф. Макс Мюллер, 1870).

Архиепископ Амвросий Готфский ИПХ

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ДОГМАТ
О СВЯЩЕННОЙ ВЛАСТИ**

***«О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль
ходил путем Моим!» (Пс. 80, 14)***

Жизнь отдельных христиан влияет на общественную жизнь, посему уже достаточно долгое время многих из них мучает вопрос: какими должны быть с христианской точки зрения государство, власть, экономика, социальная структура и могут ли они быть христианскими? Существует ли в Церкви ясно выраженный догмат о Священной Власти, или Христова вера настолько универсальна, что не только признает, но и интегрируется и сотрудничает с любым государственным установлением любой политической формации? Интересно, что выводы делались совершенно противоречивые, или же не делались опять-таки никакие.

Христос пришел основать не земное, а Небесное Царство: “Царство Мое не от міра сего” (Ин. 18, 36). Не уча и не заботясь об устроении общественной жизни, Господь, открыв законы нравственной жизни, тем самым их установил. Почти во всем Христос подтвердил ветхозаветный Закон. Посему Апостолы и Отцы Церкви утверждают, что Закон (тем более, нравственный) лучше беззакония. Христианский нравственный закон – и веление, и призыв – он – “закон свободы” (Иак. 1, 25) и закон любви. Его исполнимость и обязательность – плоды благодати Божией и свободной воли человека; обретающий ее знает, что закон Христов – закон жизни, а нарушение его – путь к смерти. В Царстве Божием не может быть иного закона, как и в Церкви, коя есть начаток Царства Божия уже на земле. Однако, в міре, кроме нравственных, имеются и правовые отношения. Человеческое общество управляет-

ся на основании Права, и “сыны Царства” подчиняются ему, если оно не противоречит закону евангельскому. Основной признак Права – связь обязанности одной стороны с правом, принадлежащим другой. Например, чувствующий обязанность подать милостыню нищему сознает, что тот не имеет права ее требовать; но должник, знающий свою обязанность вернуть долг кредитору, признает, что последний вправе взыскать его. Первый случай показывает пример нравственного переживания и нравственной обязанности, второй – обязанности и переживаний правовых. Огромное значение имеет правовое законодательство, в коем, с одной стороны, отражается народное правовое сознание, а с другой – сие сознание воспитывается. Правовое же сознание, в свою очередь, отражает нравственное сознание и в то же время подготовляет его развитие. Именно в таком смысле Ап. Павел называет ветхозаветный Закон “педагогом” (Гал. 3, 24), т. е. воспитателем и подготовителем к восприятию более высокого нравственного закона Христова. Людям, не готовым для жизни в Царстве благодатных внушений, правовой закон необходим. То же относится и к утилитарной морали, подкрепляемой санкциями и внушениями.

В отношении христианской, благодатной нравственности области Права и утилитарной морали следует заметить, что они являются сферой более низкой, но отнюдь не лишенной ценности. Не лишены ценности и те организации, в коих Право и утилитарная мораль получают оформление в виде объявленных законов, подкрепляемых санкцией и авторитетом. Наибольшее значение среди таких организаций имеет государство. Область правовых отношений надо считать ни добром, ни злом, а средством, что может стать добром или злом. Область Права может склоняться к добру иди злу, как в формальном отношении, так и по своему содержанию. Право отражает моральное, а в конце концов религиозное сознание и состояние общества и потому подлежит суду христианскому и по своему содержанию, ибо Христианство принесло в

мір понятие абсолютной ценности, понятие ценности человеческой личности, устремленной к Богу. Весьма популярное, не только ныне, противопоставление закона и благодати для настоящего христианина безсмысленно: христианин не только стяжает благодать, но и живет по закону. Мало того, сам закон для него благодатен, но такой закон, коий основан на естественном праве, отражен в праве каноническом, освящен деяниями Апостолов и историей Христианства, а вовсе не самодурство узурпаторов, даже если они кодифицировали нечто в написанном ими “законодательстве”. Вообще же жизнь Народа Божия – постоянное избранничество, в том числе, местопребывания и внешних рамок для бытия, т. е. вся историософия Израиля мыслилась в рамках той или иной “священной державы”, каждая из коих имеет свое право. Более того, правопорядок (в тех частях, кои не противоречили Божественным Установлениям) для Израиля Божия был всегда необходим, т. е. правосознание является составной частью добродетели. Для христианского видения проблем человечества характерен строгий библеизм историософии; возникает вопрос: чем же отличается такой взгляд от внебиблейского?

– Различие же принципиальное, ибо если в античной историософии каждый субъект есть некий зритель происходящих событий (философское созерцание), то в библейском понимании каждый субъект (принадлежащий к тому или иному этносу) есть некое действующее лицо, чрез кое, при соотношении волей Божественной и человеческой, действует Промысел Божий, – отсюда ни один человек, ни один этнос не фатально хаотичен, но имеет сакральный путь, идти по которому предоставлена ему внутренняя свобода, имеет прямую непосредственно-живую причастность ко всем событиям.

Библейская историософия пристально отмечает Римский Порядок и признает его авторитет (в мірском смысле). Однако, при всем том нельзя переоценивать в абсолютном смысле римское право. Иногда получалось так, что некоторым исследователям “казалось, что христианам в римской империи

жилось хорошо, так как к ним относились по закону, как будто понятие “закон” совпадает с понятием идеальной справедливости; другие вынесли то впечатление, что с христианами так и следовало поступать. Между тем, все сводится к следующему: гонения не были ни уличной бойней, ни народной травлей; и не всякий встречный и поперечный мог делать, что ему угодно; напротив, с точки зрения римского уголовного права преследования были облечены в форму судебного приговора, а всякий суд с его модификациями совершался по закону. Следовательно, гонения были закономерным явлением и ничего более этого воззрение Леблана и Моммсена не утверждало. Менее всего оно защищало римское государство, менее всего оно обвиняло христиан, что они вызывали гонения. Трагизм этой истории заключается в том, что христианство явилось в мір, как царство не от міра сего, т. е. как церковь”. Но “*ekklesia* – юридически определенное понятие. Христианство как таковое не может существовать отдельными верующими; они должны собираться вместе; собрания верующих в церкви необходимы. Таким образом с точки зрения римского правительства христианская церковь было *collegium* или *licitum*, или *illicitum*. Под последнего рода коллегиями (*illicita*) разумевались тайные скопища, преследующие противогосударственные цели”. Получается, что в принимаемом христианами римском порядке как раз им то, с юридической точки зрения, и не было места. “Вы не имеете права существовать” (*non licet vos esse*) – таков был приговор римского правительства. В глазах христиан христианство и государство были понятиями несовместимыми, отчего проистекало полнейшее равнодушие к политике и общественным интересам. Они даже не высказывались в пользу того или иного из претендентов на престол. Даже сие им вменялось в вину, т. к. они, по взгляду римлянина, оказывались позорно равнодушными к политическому добрю и злу. В общем христиане казались язычникам неким третьим родом (*genus tertium*). “Христианство, действительно, было царством не от міра

сего, – до такой степени оно отличалось от господствовавшего тогда духа культурного міра. Если образованный культурный человек изверился во всем, если у него не было религии, остались обломки ее, все-таки он верил твердо в римскую культуру, в могущество Рима, в высокое значение его для міра, для цивилизации. Даже многие принявшие христианство были настолько проникнуты этой идеей, что известное место из послания к Солунянам (2 Сол. 2, 6) объясняли таким образом, что антихрист не может прийти, пока существует Рим... Христиане отрицали римскую культуру суммарно. Эти отрицатели римской культуры не уходят в пустыни, живут в обществе, воспитывают детей в ненависти к римской культуре. Ставился вопрос: чем грозит христианство будущему культуры? Приведенному стиху Горация христиане противопоставляли свое: “да приидет царствие Твое”, т. е. да прекратится Рим со всею его культурой. Слишком немногие могли понять, что христианство в этом отношении враждебно не одному Риму, а всему языческому міру. Нужно признаться, что тогдашние христиане не были осторожны. Сплошь и рядом среди христиан возникали толки, что кончина наступит скоро; некоторые христиане со злорадством говорили, что скоро рухнет весь Рим с его культурой и страшные ужасы постигнут его обитателей – этих людей просвещенных. Если, таким образом, христианство угрожало будущему культуры, то и в настоящем христиане иногда допускали выходки, по-добные указанной Кельсом, возмущавшие язычников. Таким образом, с одной стороны – сильное желание, чтобы Рим с его культурой существовал вечно, а с другой – ожидание нового царства, для открытия которого существование Рима было только помехой. На христиан смотрели поэтому как на врагов культуры и политической жизни”.

И все же христианская историософия связала Христианство и Рим особой связью избранничества Рима, его положительного значения для Церкви, даже когда государство ее гнало. “Имя римского прокуратора Понтия Пилата вошло в

христианский Символ Веры: “распятаго же за ны при Понтийstem Пилате”. Конечно, остаться в памяти как распинатель Христа – страшная честь. Но даже это лишний раз напоминало, что земная, государственная рамка для вселенской священной истории – священная римская держава. Только она хотя бы отчасти соответствует по масштабу. Трагическая ирония сюжета Страстей Христовых с полной необходимостью предполагает абсолютно серьезное отношение к мірскому авторитету римского закона (о чем особо говорит Апостол Павел), как и к сакральному авторитету погубивших Христа иудейских первосвященников (которые и в греческом, и в славянском текстах Евангелий, и в византийской литературе, и в русском фольклоре называются тем же словом, что и христианские архиереи). “Несть власть ни же от Бога” – иначе Голгофа была бы просто несчастным случаем, не вызывающим ничего, кроме жалости. Участие римского чиновника и римских воинов в казни Христа никак не может быть доводом против избранничества Рима в міровой истории; их соучастники – иудеи, избранный народ в священной истории, специально первосвященник Кайафа, сан которого до того свят, что дает ему, согласно Евангелию от Иоанна (11, 51) способность пророчествовать, Иуда Искариот, лично избранный Христом в число двенадцати апостолов, – все избранники. Рим для христианского сознания – тот самый мір, который состоит под владычеством “князя міра сего”, т. е. диавола, но который должен быть спасен и освящен. Объединив все земли средиземноморской цивилизации, Римская империя и впрямь была в некотором смысле міром. Римские власти долго преследовали раннехристианских проповедников, но расходились эти проповедники по всему свету дорогами, проложенными римскими солдатами. Даже в те времена, когда христиан бросали на съедение львам, христиане верили, что римский порядок – заградительная стена против прихода антихриста”. Достаточно выяснив христианское отношение к римскому правопорядку, рассмотрим теперь христианское отношение к римской форме власти, т. е. монархизму.

Римское государство представляло собой интересный феномен: как раз почти одновременно с Боговоплощением Христа власть в Риме берет Август, устанавливая более четко монархию, т. е. царство. Но римское государство так до самого конца не перестает быть республикой в прямом значении слова: *res publica* – общее дело. Хотя демократия в ней сменился авторитарией (т. е. служебный чин императора приобретет значение почти царя), единовластие правителя останется в прямой зависимости от римских граждан. “А когда наконец римский император Константин принял христианскую веру под свое покровительство, был пережит опыт, который никогда не повторялся впоследствии, но который властно определил средневековое сознание, вообще и навсегда сформировал византийское сознание. Географическая зона действия римских законов, распространения греко-римской культуры и свободного исповедания христианской веры была одна и та же. Все высшие духовные ценности, как религиозные, так и светские – Библия, преподаваемая Церковью и Гомер, преподаваемый школой, римское право и проч. – какие только знал человек христианского ареала, содержались в границах одного и того же государства, в его рамках, в его лоне. За его пределами мір одновременно неверный (иноверный), ино-культурный (варварский) и к тому же беззаконный, как бы и не мір, не космос, а хаос, “тьма внешняя”. Двуединство Римской империи и христианской Церкви само по себе мір”.

Все попытки отыскать некое вразумительное “учение Св. Отцев о монархической власти” в абсолютном смысле не увенчались успехом, т. к. византийские Отцы пользовались готовым римским правом в применении к симфонизму, и все соборные акты имели общеимперское значение лишь после утверждения их Самодержцем, причем многие из них, например св. Юстиниан I, сами серьезно занимались церковно-политической каноникой. Именно в контексте вышесказанного следует рассматривать православное учение о “симфонизме” между Церковью и государством, изложенное в 6-й

новелле имп. Юстиниана I Великого и включенное в наш Но-
моканон: “Всевышняя благость сообщила человечеству два
величайших дара – священство и царство; то заботится об
угождении Богу, а сие о прочих предметах человеческих; оба
же, исходя из одного и того же источника, составляют ук-
рашение человеческой жизни. Посему нет важнейшей задачи
для государства, как благоустройство священства, кое со сво-
ей стороны служит ему молитвою к Богу. Когда Церковь со
всех сторон благоустроена – и государственное управление
держится твердо путем законов, направляет жизнь народа к
истинному благу, то возникает доброе и благотворное созву-
чие (симфония), столь вожделенное для человечества”. Интересны терминологические нюансы сей новеллы: священство и царство – в греч. тексте ясно обозначены как *ierosine kai basileia*, но в латинском значатся как *sacerdotium et imperium*. Представляется, что употребление неравнозначных терми-
нов *basileia* и *imperium* сделано умышленно. Дело в том, что *imperium* практически нельзя перевести как царство, т.е. *basileia*. Известно, что официальный титул императора был Василевс, но такой термин иногда употреблялся для обозна-
чения некоторых варварских христианских властителей, т. е. теоретически смутно предполагалось, что могут существо-
вать некие христианские царства. Но термин *imperium* озна-
чает только одно – власть, и как мы теперь понимаем – ис-
ключительную, единственную и уникальную в своем проис-
хождении. Греческий аналог слову *imperator* – есть *autokrator*,
т. е. самодержец, и именно такой термин обозначал римских
и византийских властителей.

Главным объектом римского принципа власти являлся Ав-
тократор – ограниченный римским правом от собственного
произвола (в отличие от деспотов абсолютизма) и свободный
от охлократических тенденций парламентов (в отличие от
конституционной монархии и, тем более, современных ли-
беральных демократий). “Строго централизованное государ-
ство, чья территория стала более компактной после арабских

завоеваний VII века, но все еще простирающаяся от оз. Ван до Южной Италии, – это образец власти, совершенно недостижимый для раннефеодальной Европы. Но самое главное – это государство, по критериям собственного самосознания (внутри это самосознание достаточно логично, связно и убедительно), не то что первое в міре, а единственное в міре. Оно, как скажет Метохит, ни с чем не сравнимо. Критерии всего три: во-первых, это правильно-православно-исповедуемая христианская вера; во-вторых, это высококвалифицированный стиль государственной и дипломатической практики, дополненный литературой и философской культурой античного типа; в-третьих, это законное преемство по отношению к христианско-имперскому Риму Константина Великого. Первый критерий полностью отводит восточных соперников: азиатские державы от Халифата до Поднебесной империи, сопоставимые с Византией по типу государственности и уровню урбанизации, – не христианские. Он отчасти отводит и западных соперников; окончательное разделение церквей стало фактом церковной истории в 1054 г., а фактом народного сознания – к XIII веку, особенно после разгрома Константинополя в 1204 г. рыцарями IV крестового похода, но сомнения в ортодоксальности западного христианства нарастили и энергично выражены уже патриархом Фотием в 60-е годы IX века. Второй критерий полностью отводит западных соперников; даже империя Карла Великого на рубеже VIII и IX веков была лишь недолговечной попыткой повторить римско-византийский образец эфемерным конгломератом неупорядоченных территорий. Он отчасти действует и против восточных соперников; при всем своем блеске восточные цивилизации не соответствуют античной норме, а потому остаются варварскими. Наконец, третий критерий сам по себе совершенно достаточен, чтобы исключить вообще всякую возможность соперничества с какой бы то ни было стороны”.

Также весьма важен вопрос соотнесения римского права с варварским. При великом переселении народов, варвары сокращали свой уклад жизни, хотя обширно включали в свои Правды (Кодексы) и чисто римские законы. Все христианские варварские царьки обязательно получали свою власть от Автократора римеев! Еще кельтские князьки, после ухода римских легионов из Британии, оставались не просто представителя Рима в качестве союзников, – они были носителями римской власти и исполнителями ее мощи. Св. Хлодвиг, король Франков, получил титул консула и магистра. А магистр Теодорих Амалунг (будущий остготский король) сменил несговорчивого магистра Руга Одоакра; последние были арианами, но и они (даже вандальские короли – оголтелые ариане) всегда признавали за Царьградом право жаловать римские установления. Многим почему-то не приходит в голову, что варварские королевства располагались на западной половине Римской империи, отчего варварские царьки были в большей части исполнителями и распорядителями римской власти, исходящей из Константинополя, нежели самостоятельными законотворцами. Св. Вел. Князь Владимир при женитьбе на царевне Анне получил титул кесаря (!), чего не имел ни один правитель на Западе, ибо “императорское” достоинство каролингов весьма оспаривалось в Константинополе.

Интересно, что Византия очень долго не знала принципа легитимности в занятии трона. Напротив, требовалось избрание императора сенатом, войском и народом, даже если у умершего имелись ближайшие родственники. Наследование римской государственности не тотчас перешло к Третьему Риму после падения Константинополя. Забывается, что после 1453 г. еще более 20 лет существовала т. н. Трапезундская империя, а позже Готское государство Феодоро в Крыму, чьи властители (состоявшие в родстве, видимо, со всеми византийскими династиями) носили, помимо иных, также титул Автократора! Третий Рим – уже строго-династического правления. “... И ромейская, и московская государственности от-

крыты для тех, кто примет их веру. Оборотная сторона такого универсализма – слабое развитие мотива природной связи между этносом и его государством; основание в обоих случаях не природное, а скорее сверхприродное. А говоря о вещах простых и даже грубых – во времена того же Ивана Грозного быть на Руси крещеным ордынцем было не в пример лучше, чем быть коренным русским, скажем, новгородского происхождения. Но и византийские греки отреклись от своего этнического самосознания, променяв имя народа на имя принятой из чужих рук вселенской государственности. Все это черты глубокого сходства между религиозным пониманием государственности в Византии и на Руси. Нельзя не отметить, однако, и важного различия. Византийский монархический строй был унаследован от Римской империи. Из этого вытекало два очень существенных обстоятельства. Во-первых, Римская империя генетически восходит не к архаической патриархальности, а к режиму личной власти полководцев в роду Суллы и Цезаря, созревшему в очень цивилизованный век, после столетий республиканского строя. Недолговечные династии могут приходить и уходить, но династический принцип как факт морального сознания отсутствует. Очень слабо также и представление о долге личной преданности особе императора: и в Риме, и в Византии монархов легко свергали, умерщвляли, порой публично, при участии глумящейся толпы. Это не значит, что для византийца не было ничего святого; самым святым на земле для него являлась сама империя, совмещающая в себе, как мы видим, самодостаточную полноту политico-юридических, культурных и религиозных ценностей. Поэтому в Византии едва ли был возможен такой персонаж, как Курбский: перебежчик, уходя к варварам, как бы переходил в небытие, его никто не стал бы слушать и никто не стал бы ему возражать. Да, империя очень свята и свят императорский сан; но самом этим должен быть облечен самый способный и самый удачливый, а если это и узурпатор, пожалуй, тем очевиднее его способность и его удачливость.

(Удачливость вождя, военачальника, политика воспринималась не как внешнее по отношению к нему самому стечеие обстоятельств, а как имманентное свойство его личности, его мірская “харизма”, Такое представление всерьез обсуждалось еще Цицероном.) Феномен самозванства, в столь высокой степени характерный для истории русского, а затем и российского самодержавия, нехарактерен для истории самодержавия византийского: зачем трудиться принимать чужое имя, когда успех сам по себе достаточен для оправдания любой узурпации? Как бы ни обстояло дело с материями духовными, требующими чисто приватного покаяния, византиец считал, что в политике Бог – за победителей (если, конечно, победитель не еретик). Своей державе византиец верен во веки веков, но своему государю – лишь до тех пор, пока уверен, что особы этого государя pragmatically соответствует величию державы. Гибель государя от руки убийцы, порой всенародная, снова и снова с безстрастием изображается на страницах византийских исторических сочинений; это один из тривиальных несчастных случаев, необходимо предполагаемых самим существованием политики. Такой несчастный случай не отягощает народной совести... Пока отметим простой исторический факт: важно было, что русские великие князья представляли собой единый род, а Константинопольский престол был открыт любому авантюристу, пришедшему ниоткуда. Важно было, что монархия на Руси не сложилась как pragmaticallyый выход из положения, но выросла из патриархальных отношений”. Хотя Третий Рим (Московское Царство и Российская Империя) представлял собой законного наследника Ветхого и Нового Рима, однако имел, даже в до-петровскую эпоху, форму государственности более примитивную, нежели у своих предшественников. В каком-то смысле здесь была деградация римского порядка, кой достиг своего наивысшего апогея в Царыграде.

Чтобы выявить библейские основы (а отсюда и догматическое содержание) царской власти, рассмотрим, как описа-

но ее появление в Ветхом Завете. Итак, недовольный плохим управлением Иоиля и Авии, сыновей Самуила, и боясь аммонитского царя Нааса, народ стал просить у пророка Самуила себе царя (евр. мелех) (1 Цар. 8, 5; 12, 12), Их просьба была неугодна Богу, т. к. сим израильяне изменнически и мятежно отказались от Его непосредственного управления (1 Цар. 8, 7). Несмотря на сие, Бог дал им царя. В Законе такой случай был предвиден (Втор. 17, 14 и дал.); в нем указывалось на то, что царь должен изучать Закон Господень и поступать по нему, чтобы в будущем для Израиля остались в силе слова: “Господь – судья наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш” (Ис. 33, 22); свобода царя была ограничена законом: он не имел права быть иностранцем, ему запрещалось заводить для себя множество коней, иметь много жен и умножать себе сребра и золота (Втор. 17). Страх Божий должен быть его основным законом, следовательно, идолопоклонство было государственной изменой. Пророк или первосвященник Божий помазывал царя, возлагал венец на его голову и давал ему скипетр в руки (1 Цар. 10, 1; 12, 12 и дал.; 3 Цар. 1, 39, 45; 4 Цар. 9, 1 и дал.; 11, 12; Пс. 20, 4). Итак, мы видим, что библейские основания считать христианскую автократию наполненной доктринальным содержанием имеются.

Рассмотрим еще одну форму правления, имевшую корреляцию с библейским и римским порядком и неоднократно употреблявшуюся христианами. Я имею в виду иерократию, т. е. власть церковной иерархии (ни в коем случае не путать с теократией, т. е. непосредственным правлением от Бога!). Как будто самым известным примером такого правления является политическая власть римских архиереев. Но с ними не все так просто. Развивая свою власть патриарха в пределах намеченной территории, римские епископы не сходили с пути общего историко-канонического развития. Другой природы были их стремления к образованию папства. Патриаршая власть поконится на естественном тяготении периферий к своему центру. Власть папы, как *episcopus universalis* (при-

чем, прочие епископы становились в положение делегатов), держится на предположении существования особых, дарованных преемникам Петровым, полномочий. Патриархат говорит о себе только, что он есть; папство полагает, что оно должно быть. Патриархат – есть факт, папство – уже догмат. Но если отбросить все папистские ереси и рассматривать события исторически, то мы будем иметь следующее. “С IV века положение папской власти начинает изменяться параллельно с изменением политического положения Рима. В начале этого века резиденция римского императора переносится с запада на восток – в Константинополь; с разделением империи на восточную и западную императоры западной империи проживают то в Галлии, то в Милане и Равенне. Изменение политического положения Рима сослужило немаловажную службу римскому епископу: папа остался единственным представителем высшей власти в Риме. Но в этом была и опасная сторона. В глазах истых римлян Рим возвышался над всеми городами мира, и понятие вселенной – *orbis* отождествлялось с понятием Рима – *urbis*; и когда при нашествии готов пал *urbis* Рома, то говорили, что скоро должен пасть и *orbis*. Что Рим перестал быть центром жизни древнего мира, еще ясно не осознавалось, но инстинктивное чувство заставляло пап применяться к своему новому положению”. “Пока Римская Церковь входила в состав византийской империи, отношения ее к государству были те же самые, в каких находилась и Восточная Церковь. Но с конца V-го века, со времени падения западной римской империи, начинается на Западе развитие папства в средневековом смысле этого слова. Германские народы, покорившие империю, принесли с собой новый могущественный принцип цивилизации – национальный принцип личных прав и автономия общин. Покоренные римляне оставлены жить по своему собственному, т. е. римскому праву. И Церковь, вследствие этого, получила полную самостоятельность. Такое положение Церкви дает знать о себе в живой жизни уже через несколько лет после

покорения Италии остготами. Римский Собор 502 г. постановил, что “не следует, чтобы мірянин (чит. король Одоакр), помимо римского папы, распоряжался чем-либо в Церкви: ему остается здесь лишь повиноваться, а не властно повелевать”. Это отношение не изменилось и после того, как Рим, при Юстиниане I, снова вошел в состав империи. Природный характер римских пап и беспорядочное положение дел в Италии, слабости императорской власти здесь сделали то, что папы приняли широкое участие в делах гражданского управления уже с половины V-го века. Во время нашествия на Италию бродивших народов, папы выступали защитниками населения от варварского разграбления – как это сделал Лев I при нашествии Атиллы, и водворяли в нем порядок, так как оно часто оставалось без власти. Таким образом, папы сделались ближайшими представителями *populi romani*, и получили не только высокий духовный авторитет, но и политическую власть. Продолжительное же отсутствие в Италии царской и королевской власти неизбежно привело к тому, что папы явились уже носителями *imperii romani*. Религиозные задачи, духовные стремления переплелись с политическими интересами, имевшими для себя твердое основание в действительной жизни”. Было бы неправильно утверждать, что с раннего средневековья иерократическая форма присуща только политической власти пап. Кроме них по всей территории бывшей Западной Римской Империи такую же власть (только, конечно, в разном объеме) имели многие другие архиереи, кои также оставались носителями римского порядка среди пришлых варваров. В будущем из сего вырастет так называемая “феодальная власть” епископов. Но сие будет гораздо позже. Обратимся к более раннему периоду и рассмотрим церковную власть в государственном управлении Вестготской Испании.

Значительное влияние на политическую жизнь вестготского королевства оказывали Толедские Соборы. В исторической литературе давалась различная оценка характеру дея-

тельности сих Соборов. Р. Дан видел в них яркое проявление “теократической” (= иерократической!) природы вестготской монархии. Он считал Соборы орудием господствующего в ней епископата. Православные архиереи занимали также важное место в городском управлении еще при господстве арианства. А после принятия православия готским королем Рикаредом участие Церкви в деятельности государственного управления еще более расширилось. На епископов был возложен контроль за судьями (L Vis III, 30): *De data episcopus portstadem distringendis iudi ces nequites iudi cantes; Conc. Toled. IV can. 32.* Особо важную роль играли общеиспанские Толедские Соборы. Если ознакомиться с правилами созыва и порядком их заседаний, не вникая в самый характер деятельности, то могло показаться, что они были лишь совещательным органом, находившимся в полной зависимости от короля. В самом деле: Соборы созывались в основном по его инициативе, присутствовали на их заседаниях архиереи и настоятели некоторых монастырей, а начиная с VI Собора (638 г.) – представители светской служилой знати (палатины) по назначению короля. Король оказывал влияние на определенный круг вопросов, обсуждавшихся на Соборах, внося свои предложения на сей счет. Силу закона решения Соборов приобретали по утверждении их королем. Но каноны Соборов касаются самых разнообразных политических проблем: аннулирование недоимок, накопившихся по государственным налогам (Conc. Toled. XIII can. 3), предоставление права давать показания тем, кто ранее был лишен его за дезертирство и уклонение от военной службы (Conc. Toled. XII can. 7), меры наказания евреев, отказывавшихся перейти в Христианство и пр. (Conc. Toled. XVII can. 8)... Соборы определяли порядок престолонаследия, правила проведения королевских выборов. Значительное внимание уделялось судьбе королевских дарений, предназначавшихся светским магнатам и Церкви. Именно решения указанных вопросов обнаруживают, что Соборы далеко не всегда являлись послушным орудием ко-

ролей; нередко они занимали самостоятельную позицию и их каноны ограничивают королевскую власть. Так Соборы настаивали на том, чтобы при смене государей не отбиралось то имущество, кое было ранее пожаловано верным и церквам (Conc. Toled. V can. 6; VI can. 14); имущество, законно конфискованное королями у частных лиц, не должно было переходить в его наследственную собственность, такие владения надлежало жаловать палатинам (Conc. Toled. VIII: *Decretum iudicij universalis editum in nomine principis*). Собор напоминает королям, что они должны заботиться о приумножении славы королевства и накопленное добро оставлять государству. Соборы в некоторых случаях старались подчеркнуть свое участие в управлении государством рядом с королем. Так XIV Толедский Собор в одном из своих правил упоминал о “соправлении” короля и собора (Conc. Toled. XIV can. 12). Вестготские короли должны были в VII в. перед занятием трона приносить присягу в верности подданным. В общем можно констатировать, что собрание палатинов и архиереев, а также Толедские Соборы выступали в Готской Испании в качестве органической политической власти.

Эманципация же римских архиереев от византийского правительства в первую очередь имела религиозный характер и была связана с монофелитством и особенно иконоборчеством последнего. Папе Григорию II (715-731) приписывается (пусть неподлинное) письмо к императору Льву Исавру, весьма верно рисующее политические обстоятельства и церковные события того времени. Запрещение Львом поклоняться иконам вызвало восстание в Италии. Народ хотел избрать другого императора и идти с ним против царьградского, чтобы свергнуть его, как ересиарха. Только папе Григорию удалось успокоить народ обещаниями вразумить императора. На внушение папы по поводу ереси Лев отвечал, что се есть дело Вселенского Собора. “Мы не имеем православного императора, – возражал пала, – коий по древнему обычаю принял бы участие в сем Соборе. Ты угрожаешь мне смертию, но знай,

что римские епископы поставлены как бы разделительной стеной, как бы посредниками и судьями между Востоком и Западом. Взоры всего Запада обращены на нас. Все западные государства почитают ап. Петра как земного бога. Весь запад готов убедить тебя в сем”. Папа, не дождавшись покаяния императора, отлучил его и всех иконоборцев от Церкви. Император послал флот – доставить папу скованным в Константинополь. Около Равенны флот был разбит бурей, а спасшиеся византийцы перебиты жителями.

Разорвав с императорами, папы увидели необходимость искать могущественных защитников веры и Церкви среди других владетельных лиц. Взоры их обратились на франкских королей. Еще папа Григорий III (731-741) приветствовал Карла Мартелла как победителя. Посредником в сем деле был известный миссионер Бонифаций. По совету папы Захария, франкский мажордом Пипин Короткий после захвата власти принял в 752 г. титул короля и был в Суассоне помазан на царство Бонифацием, тогда уже митр. Майнцким. Когда лангобарды заняли равеннский экзархат, принадлежащий Византии, угрожая Риму, тогдашний папа Стефан призвал на помочь Пипина, коий в два похода (754-755) принудил лангобардов оставить все их завоевания. Города равеннского экзархата так и не были возвращены Византии. Пипин заявил, что отнял сии земли для св. ап. Петра. Он подписал дарственную грамату, коей все отнятые у лангобардов земли представлялись во владение римской церкви. Грамата была положена на гроб св. ап. Петра. Папа был государем их, а Пипин удовольствовался покровительством ему и званием римского патриция. Византийский император Константин Копроним тщетно требовал возвращения своих земель и не имел сил отнять их, занятый борьбой с арабами и своими православными подданными. Таким образом, подарком Пипина в 755 г. было положено начало светской власти пап. Повсюду же на западе светская власть архиереев складывалась, как мы видим, из двух источников: удержание древней римской власти

на местах и прямая передача им нередко целых областей на тех же основаниях, на каких светские владетели раздавали земли своим сподвижникам. Постепенно то и другое смешалось и епископы почти все вступили в вассальные отношения с светскими владетелями, кои были (каждый на своей территории) представителями мірян, откуда и происходило избрание архиереев. Позже все вышеуказанное выродилось в средневековую борьбу за инвеституру со всеми чудовищными преступлениями.

Чтобы меня не упрекали в предвзятости и в том, что иерократия – явление, характерное только для Запада, приведу несколько примеров на Востоке. Самым ярким будет власть новгородского Архиепископа. Почему-то с давних пор выражение “новгородская вольница” воспринималась как отъявленная анархия, а “вече” – как сборище горлопанов. Собственно новгородское государство, как некогда Древний Рим, было республикой в прямом смысле слова (очень прагматической по существу), вече же являлось паритетным представительством бояр, житых, купцов, черных людей. Кроме вече, в управлении новгородской республикой участвовал совет господ (правительственный совет), в состав коего, начиная с XIII в. входили посадник, тысяцкий, сотские, кончанские старосты. Председателем правительенного совета до 1136 г. был князь, но после изгнания князя Всеволода Мстиславича положение дел изменилось. Именно в 1136 г. была проведена церковная реформа св. Нифонта, в результате коей новгородцы стали избирать епископа на общегородском вече, в то время как ранее он был назначаем из Киева. После 1136 г. князь в Новгороде был низведен до положения чиновника, не имевшего права принимать серьезные решения и распоряжаться землей без санкции вече. По меткому выражению В. О. Ключевского, новгородский князь стал “наемным сторожем” города и его торговли. “Начальником бояр” стал новгородский Архиепископ, к коему перешли права и земельные владения князя, а также представительство Новгорода во внешних

сношениях (князь оставался военачальником города). Стоит напомнить, что вече являлось высшим законодательным учреждением, собиравшимся нерегулярно, по мере надобности, а порою и в исключительных случаях. Исполнительная же власть принадлежала в Новгороде Совету господ. Председательствовал на нем никто иной как настоятель Софийского кафедрального собора (патрональной святыни Новгорода) Архиепископ Новгородский. “В руки епископа переходит Софийская казна; он ведает внешними сношениями Новгорода; он приобретает право суда, право наблюдения над торговыми мерами и т. д. Нигде в других городах и княжествах Древней Руси Церковь не была так тесно связана с государственной жизнью как в Новгороде”. “Положение Новгородского Владыки было совершенно исключительно: как епископ он стоял во главе Новгородской Церкви; как председатель Совета господ – во главе управления; избранный вече, и к тому же по-жизненно, он являлся совершенно независимым, но, будучи избранниками народа, все новгородские владыки проявляли неизменно выдающийся патриотизм... Среди новгородских владык – длинный ряд талантливых людей и выдающихся не только церковных, но и государственных деятелей”.

Также на Востоке мы неоднократно видим архиереев, как правителей, в виде регентов при малолетних или неспособных монархах. Сколько бы не выдумывали небылиц о Патриархе Михаиле Керулларии, он, конечно, не был ни “восточным папой”, ни “папоцезаристом”, но простейшим регентом при престоле, ведшим активную политическую деятельность. На Руси наиболее яркой, наверно, была государственная деятельность свт. Алексия митр. Московского и Патр. Филарета (Романова). А в конце XVII в., избрав на Соборе в Цетинье (1696 г.) своим митрополитом Даниила Петровича Негоша, черногорцы под его предводительством одержали верх над турками и сделались совершенно независимыми. С того времени Черногорией управляли митрополиты, соединяя духовную и гражданскую власти. Племянник же митр.

Петра Петровича (1830-1851), Даниил Петрович, избранный его преемником, получил от народного собрания согласие на такое отделение и был провозглашен князем Черногории под именем Даниила I.

Чтобы выявить библейские основы (а отсюда и догматическое содержание) гражданской власти архиерея, посмотрим, как описано ее существование в Ветхом Завете. Первое место среди израильского священства принадлежало первосвященнику (евр. коген-гадол). Сие наименование мы встречаем впервые в Лев. 21, 10, т. е. великий священник или первосвященник (Числ. 35, 25 и дал.). Кроме чисто богослужебных обязанностей, а также в великий день очищения чисто первосвященнического входления в Святое Святых для кропления кровью жертвы и сжигания курения (Лев. 16) и в более важных делах испрашивания воли Божией посредством уrima и туммимa (Числ. 27, 21; 30, 7 и дал.), он должен был начальствовать во время судебных дел, кои решались священниками (Втор. 17, 8 и дал.; 19, 17; 21, 5; 33, 8, 10; Иез. 44, 24; 2 Пар. 19, 10), отчего он в позднейшие времена и был председателем синедриона. Первосвященник пользовался величайшим уважением народа, по крайней мере, в древние времена. Случалось даже, что первосвященники женились на царских дочерях. Иногда первосвященники брали на себя руководство государственными делами, например, Содай, Хелкия, Иисус, Ония I и даже управляли страной, как Илий. Во времена Маккавеев первосвященнический сан и царское достоинство соединились в одно и таким образом на протяжении 80 лет в Израиле форма правления была непрерывно иерократическая. Итак, мы видим, что библейские основания считать христианскую иерократию наполненной догматическим содержанием имеются.

Перейдем теперь к разсмотрению наилучшей – как говорит Библия – форме правления, коя когда-либо существовала у народа Божия. Я имею в виду собственно теократию, т. е. власть Бога через тех или иных лиц. Так как сия форма

правления была наиболее развита в Древнем Израиле, т. е. ее основание чисто-бблейское, постараемся ее описать как можно подробнее.

Наблюдающим за правосудием, наказывающим за преступки всюду в Свящ. Писании выступает Сам Яхве; посему правосудие оправдывалось Его именем. Искать правосудия значит “просить суда у Бога” (Исх. 18, 15); стоять перед судом – то же самое, что стоять перед Богом (Втор. 19, 17); в качестве представителей Бога судьи названы богами (Исх. 21, 6); ибо суд – дело Божие (Втор. 1, 17). Посему и говорится в Законе о праведном суде (Втор. 1, 16 и дал.; 17, 11; 19, 18; 2 Цар. 23, 3; 2 Пар. 19, 6 и дал.). Св. Писание осуждает неправедных судей (I Цар. 8, 3; 3 Цар. 21, 8 и дал.; Ис. 1, 23; 10, 1; Мих. 3, 11; 7, 3). Судопроизводство в древние времена было очень несложным. Глава дома являлся также судьей и суд его был короток (Быт. 38, 24). Когда семейства разрослись и образовались племена, тогда старейшина (евр. зкеним) или начальник племени стал отправлять правосудие. Звание старейшины у евреев было обычным должностным и почетным званием и обозначало должности разного рода (2 Пар. 12, 17; Иез. 27, 9; Быт. 50, 7; Числ. 22, 7); где образ правления – патриархальный, там старейшина являлся представителем племени или народа, и таковыми они часто упоминаются вместо самого народа (Ис. Нав. 24, 1 и дал.; 1 Цар. 8, 4 и дал.). Их власть распространялась на все, что относилось к общему благу. Со временем стали отличать особым названием тех, кои были народными представителями, областеначальниками (Втор. 31, 28; 2 Пар. 19, 11) или служили как начальствующие лица, отправляющие правосудие в провинциальных городах (Втор. 19, 12; Руф. 4, 9 и дал.; 3 Цар. 21, 8). Во всей территории Израиля говорится о старейшинах как о судебной власти, а во времена царей – как о народном представительстве (Руф. 4, 2; 3 Цар. 8, 1; 20, 7; 4 Цар. 23, 1; Иер. 29, 1; Иез. 14, 1 и дал.; 20, 1 и дал.). Они удержали свое положение при всех политических переворотах: во время судий (Суд. 2, 7; 1 Цар. 4, 3),

царей (2 Цар. 17, 4), плена (Иер. 29, 1; Иез. 8, 1), после плена (Езд. 3, 5; 6, 7; 10, 8), во время Маккавеев (I Мак. 7, 33; 12, 6; 2 Мак. 1, 10), а также в евангельское время (Лук. 22, 66; Деян. 22, 5)! В пустыне Моисей сам был судьёю своего народа до тех пор, пока по совету своего тестя Иофара (Исх. 18, 13 и дал.), не учредил системы судопроизводства и не выбрал из всего Израиля разбирающихся способных людей, коих поставил начальниками народа – тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками, десятиначальниками. Они и судили народ во всякое время: маловажные дела они решали самостоятельно, а о важных доносили Моисею, кой относительно их часто испрашивал особого Божьего изволения (Лев. 24, 12). Сии судьи (евр. шорег), по-видимому, были князьями, родоначальниками и начальниками племен, о коих мы читаем впоследствии (Чис. 27, 2). После вступления израильтян в Ханаан в городах и селениях были поставлены разные начальствующие лица, для совместной работы со священством, также находящимся под властью Яхве, Верховного Судьи Израиля (Втор. 16, 18; 19, 17; 21, 1 и дал.). Местные суды состояли из судий и надзирателей. Кроме того, в каждом городе на страже закона стоял совет старейшин, в обязанность коего входило наказание виновных и искоренение зла (Втор. 19, 12; 21, 19; 22, 15; 25, 7 и дал.). Суд и совет старейшин во многих случаях сотрудничали (Втор. 21, 2). Также и местный суд называется в Матф. 5, 21 “судом”; в отдельных случаях он мог выносить смертный приговор. Для более важных дел был установлен особый верховный суд, имевший свое местопребывание при святилище и состоявший из священников и мужей из народа (Втор. 17, 8 и дал.; 19, 16 и дал.). Иосафат подтвердил права сего суда и дал строгое предписание (2 Пар. 19, 5 и дал.), а дальнейшим его развитием стал синедрион (Матф. 5, 22).

Судьи известны также в значении вождей и свободителей, кои в беспокойные времена, после смерти Иисуса Навина до периода царей, время от времени воздвигались Господом

для управления и помохи народу, страдавшему от руки врагов. Безпорядок и нужда во время судий и их деятельность кратко описаны в Суд. 2, 10 и дал. Когда Иисус Навин и его сподвижники и современники умерли и подросло новое поколение, кое не знало Господа и Его дел для Израиля, сыны Израилевы оставили Господа и стали служить Баалу и Астарте, тогда “воспылал гнев Господа на Израиля”, и Он предал их в руки грабителей и врагов, окружавших их; “и им было весьма тесно. И воздвигал им Господь судий, которые спасали их от рук грабителей”, ибо умилосердился над ними Бог и помогал им при жизни судий. Когда же судьи умирали, народ возвращался к прежнему идолопоклонству, и даже еще худшему отцов своих в злых делах своих; и воспылал гнев Господа на Израиля снова. Необузданность и беспорядок того времени очень метко выражены в нескольких словах: “В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым” (Суд. 17, 6; 18, 1; 19, 1; 21, 25). Судьи не имели власти царя, Авимелех был исключением (Суд. 9); они не имели никакой власти над землей и народом и не передавали своего звания по наследству (Суд. 8, 22 и дал.). Как лично призванные Яхве – Истинным Царем Израиля, – они применяли свою власть в то время и в том месте, кои Он указывал. Сия власть заключалась отчасти в отправлении правосудия, т. е. деятельности судий в буквальном значении сего слова (Суд. 4, 4 и дал.; 1 Цар. 7, 15 и дал.; 8, 1 и дал.), частью в исполнении обязанностей правителя (Суд. 10, 2 и дал.; 12, 8 и дал.). Деятельность судьи обыкновенно начиналась с выступления во главе войска на врагов, кои в то время беспокоили землю. Победивши врагов, судья управлял страной до своей смерти (Суд. 10, 8, 18; 11, 32; 12, 7). Далее надо заметить, что большая часть судей управляла только известными частями страны; колена Израилевы в то время еще не сплотились настолько, чтобы представлять один народ. Иеффай был воождем жителей Галаадских и, победив аммонитян, вступил в кровавое сражение с коленом Ефремовым (Суд. 12, 1 и дал.).

За Деворой и Вараком на войну последовала только часть колен Израилевых; Рувим, Гад, Дан и Ассир осуждаются за то, что не приняли участия в войне (Суд. 5, 14 и дал.). Гедеон не признавался Ефремлянами (Суд. 8, 1) и т. д. В конце периода судий их деятельность ограничивалась управлением гражданскими делами, сами они не принимали участия в войнах, как, например, Илий и Самуил. Положение израильских судий и их титул (евр. *шофет*) сравнивали с положением и титулом карфагенских “суффитов” – чиновников, власть коих идентична власти консулов в Риме, и коих историк Тит Ливий называет судьями. Всего судий было 14 (или 15, если считать и Семегара, не названного судьей: Суд. 3, 31; 5, 6) и правили они 450 лет (Деян. 13, 20).

Обратимся к новозаветному времени. Существовал ли подобный феномен в Христианстве? Начнем с того, что понятие судья хорошо известен в Церкви. “Еще ал. Павел, узнав с негодованием о том, что коринфские христиане решаются судиться у языческих правителей, писал им: “Неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы разсудить между братьями своими?” (1 Кор. 4, 5). Древняя церковь оказалась верна призыву апостола: христиане, стараясь решать дела на почве римского права, вместо того, чтобы обращаться к государственным судьям, обращались к суду третейскому. Обязательность приговора этого суда была нравственная, да и вообще по закону третейский судья постановлял лишь *arbitrum*, а не *judicium*. Весьма непросто было привести решение третейского суда в исполнение. Если дело велось судебным порядком, то *executio*, т. е. исполнительный лист, можно было получить весьма легко. При третейском же суде тяжущиеся стороны должны были заключить наперед *stipulatio*, т. е. договор о последствиях решения, а потом уже, на основании этого договора, требовать исполнения приговора у власти. Искони держалось в римском обществе воззрение, что решение третейского суда безусловно свято. Следовательно, раз состоялось постановление третейского суда, то всякий

judex должен был стоять на приговоре (*sentencia arbitri*) этого последнего, не позволяя себе пересмотра дела, будь оно право или нет. Таким образом, с третейским приговором тесно связан окончательный характер – апеллировать не приходилось: если истец делался жертвою неправильного постановления, то он, по взгляду римского права, должен был винить самого себя. На почве этих третейских приговоров римское государство и могло урегулировать права епископов, как судей. В 321 г. при Константине В. епископам было предоставлено право быть третейскими судьями, решения их также считались окончательными и безапелляционными. Это было повторением лишь общего положения. Привилегия же состояла в том, что Константин позволил перенесение дела гражданского ведомства на третейский суд епископа: когда обе тяжущиеся стороны убеждались, что их дело легче может быть решено на третейском суде, то обращались к суду епископа. В высшей степени важно в данном случае одно обстоятельство. Формы епископского суда были значительно упрощенные, обряд судоговорения был прост, *litis denuntiatio* отменялось. Формальное судопроизводство было для тяжущихся истинным капканом: стоило только пропустить срок – и лицо теряло право на ведение дела. Епископский суд был сравнительно скор²¹. Впрочем, нужно сказать, что если епископ в третейском суде был наделен такой компетенцией, то римское государство во все не сходило с общей почвы римского права. Оно возвышало авторитет епископа в глазах общества. Само стремление обращаться к суду епископа показывало, насколько сия мера целесообразна. Римское судопроизводство было страшно запутано множеством формальностей, в коих не умели разобраться не только простые лица, но и плохие, малосведущие и легкомысленные адвокаты. Сие вело к тому, что правая сторона часто проигрывала процесс по вине своих поверенных. В противоположность гражданскому суду архиерейский суд, в коем формальности были сведены до минимума, являлся настоящим благодеянием для народа.

Более архаическое понятие судьи как старца – также хорошо известно в Церкви с самого начала, в какой роли мы находим пресвитеров (Деян. 11, 30; 21, 18; 14, 23; 15, 2), причем первоначально особого различия между пастырем (священником) и блюстителем (епископом) не делалось.

Надо заметить, что судьи (вожди) – собственно не названные своим именем пророки (евр. наваим, греч. профитис, что одинаково означает вестника или просто оратора, но не прорицателя). Они воздвигались Богом в мрачные для Народа Божия времена и были орудием Божиим, причем Бог избирал их из любых слоев общества, независимо даже от пола! Так, мы видим, что первосвященники Авиуд и Илий были одновременно и судьями (вождями). Судья Самуил прямо назван пророком, впрочем, как и царь Давыд, коего, следовательно, надо понимать более чем просто царя. Девора судила израильтян под пальмою (Суд. 4, 6), что само по себе удивительно, т. к. женщины к судебному исполнению не допускались, – следовательно, и она была пророчицей. Таким образом, выходит, что строго формального критерия для обозначения судьи-вождя нет. Однако, попытаемся обнаружить достаточно объективные явления подобного рода в новозаветном обществе.

Как мы понимаем, у такого вождя должны быть две вещи – данная Богом ему особая харизма (необязательно священническая некая духовная власть) и делегированная верными неразделяемая власть политическая, военная и судебная. Да, таких людей мы находим. Чтобы описание их деятельности было более ясным, приведу некоторые сравнения. Так, например, св. император Маркиян – настоящий вождь, а при всем обаянии св. император Юстиниан I – всего лишь царь. Св. царь Феодор Иоаннович (называемый даже московским чудотворцем!) – при всей своей тиходомии – вождь, а убитый террористами любимец народа царь-Освободитель Александр II – опять-таки всего лишь царь. Примеров таких вождей достаточно: Сивард ярл Глостера, после разгрома

от Вильгельма Завоевателя выведший в 1075 г. православных англо-данов в Константинополь; Минин и Пожарский, прекратившие беззаконное Смутное время; Ипекский патр. Арсений Черноевич, выведший в Австрию 37 тысяч сербов и т. д. Даже в новейшее время мы видим таких вождей. Несомненно, им был последний российский император Николай II – св. царь-мученик. Интересно, что в религиозном отношении он стоял гораздо выше не только высшего общества, весьма развращенного, но и т. н. церковного, – т. е. собственно подавляющего большинства архиереев. Посему неудивительно, что его глубокая религиозность и мистическая настроенность (вовсе не беспочвенная, если учесть его знакомство со всеми страшными пророчествами, касающимися его лично и России) вызывали у окружающих лишь насмешки и издевательства. Николай II и сам воспринимал себя не совсем как царя, точнее ему хотелось быть монархом постпетровской эпохи. Именно с сим связано его серьезное желание (причем, так до конца не измененное) отказаться от светской власти, принять иночество и, возстановив патриаршество (против чего был почти весь епископат!), стать самому Патриархом. Уже стало общепринятым аксиомой широко распространенное мнение о якобы слабоволии Николая II и т. п., что совершенство не соответствует и прямо противоречит истине. Однако, если сопоставить все общеизвестные факты (а не домыслы) из его частной жизни и общественных событий, то можно увидеть, что пройти свой тягостный жизненный путь с таким достоинством и смирением мог лишь человек, обладавший не только исключительно сильной волей, но и несравненно более ценным Божиим даром – необыкновенной духовной силой, возвысившейся до святости. Конечно, есть одно обстоятельство, кое многие пытаются перетолковывать: Николай II был добрым человеком, не хамом, и его не боялись. А последнее условие для абсолютистских монархий является необходимостью. Видимо, осознание себя не столько царем, сколько вождем у Николая II окончательно сформировалось

во время I Мировой войны. Недаром, став 23 августа 1915 г. Верховным Главнокомандующим, он в своих Указах иногда называет себя вождем.

Во время же Гражданской войны мы уже видим много людей, кого называют вождями, но из коих по праву таковыми можно именовать лишь некоторых. Интересно, что Белое движение в целом не было монархическим. Исключение здесь составляют лишь отдельные армии, как то: Северная Армия ген. Ф. А. графа Келлера и Дальневосточная ген. М. К. Дитерихса. Однако общий белогвардейский не монархизм не был однородным: кроме известной части либералов-республиканцев, желавших “учредилку” и т. п., большинство, не до конца формулируя свою мысль и презирая либеральные потуги, желало иной – немонархической формы правления. Посему вовсе неудивительно появление Верховного Правителя А. В. Колчака, безоговорочно воспринятого как Вождя. То было действительно время вождей (и судий!). К таковым можно отнести и ген. М. Г. Дроздовского, и ген. В. О. Каппеля. С еще большим основанием истинным вождем следует считать ген. П. Н. барона Врангеля, не только воевавшего с большевиками, но и выведшего людей за границу. После разселения беженцев и войск в турецких пределах, ген. Врангель уже не имел бесспорных юридических прав принуждения. Подчинение стало добровольным. Совершилось так называемое “русское национальное чудо” – армия, одухотворенная и блестяще дисциплинированная, отказавшаяся от личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена, где солдаты и офицеры работали, спали и ели рядом, буквально из одного котла. “Таким путем закладывался фундамент морального воспитания и обновления духа большой группы русских людей, пронесшей на своих плечах всю тяжесть междуусобной войны, испытавшей конечное поражение и изгнание, но не растерявшей духа, оставшейся морально целой, не сломленной несчастиями”.

Также необходимо указать еще одного вождя-судью – митр. Антония (Храповицкого) (1863-1936). Он – лицо совершенно выдающееся в новейшей церковной истории. Он и богослов, и ревнитель благочестия, и любитель старины, и великий миссионер, и возродитель иночества и ученого монашества, – словом человек, в Синодальной Церкви воспринимавшийся как возмутитель спокойствия, например, своей борьбой против папистско-протестантского церковного образования, или за возрождение патриаршества. Он из поколения Николая II, и в чем-то они схожи между собой, особенно в своих духовных устремлениях, весьма ненавистных их современникам. Сам кандидат в патриархи (набравший наибольшее количество голосов) митр. Антоний вместе с паствой выехал на чужбину. Судя по всему, он вполне осознавал себя вождем, но весьма сим тяготился (впрочем, как подобно ему, и ген. Врангель), отчего постоянно будировал тему реставрации монархии, что сразу нашло отражение на I Всезарубежном (Карловацком) Соборе в 1921 г.

В апреле 1926 г. был созван надпартийный Зарубежный Съезд (своего рода эмигрантский Земский Собор), где попытались объединиться вокруг Великого Князя Николая Николаевича (1856-1929) как вокруг вождя, а не как претендента на Престол, т. е. – “как символа национальной России”. Однако ни принадлежность к Династии (дядя Императора), ни популярность среди военных (бывший Верховный Главнокомандующий) не помогли ему, – он был ничтожен и никогда не смог стать настоящим вождем. Стоит заметить, что нет ничего более ошибочного, чем общепринятая оценка Вел. Кн. Николая Николаевича как “сильного человека”, а Императора Николая II – как “человека слабого”. В действительности сии стороны их духовного облика были совершенно противоположны – в обратном смысле. Вел. Кн. Николай Николаевич обладал декоративной воинственной внешностью, действовавшей на воображение, гигантским ростом и громким голосом, и любил грубо “распекать” высших начальников перед

строем войск, чтобы создать себе популярность в солдатской массе. Но на самом деле он был человеком малорелигиозным, малодушным, нерешительным, недальновидным, не умевшим владеть собой и легко поддававшимся постороннему влиянию. После смерти Вел. Кн. Николая Николаевича митр. Антоний признал по принципу первородства носителем царской власти Вел. Кн. Кирилла Владимировича, но последний был уже настолько всем антипатичен, что стать вождем ему было просто не суждено. Также и в последующие годы практически никто из Дома Романовых не только не стал вождем, но большинство представителей царской династии растратили последнее к себе расположение и перестали рассматриваться как потенциальные монархи.

II Мировая война вновь предъявила новых вождей. Таковыми несомненно были проявившиеся гораздо ранее ген. П. Н. Краснов и ген. А. В. Туркул. Красного генерала А. А. Власова, возглавившего РОА и объявившего себя вождем освободительного движения, уже никак нельзя признать за истинного вождя. Он был своего рода лжепророк, лишь погубивший множество людей. (В контексте вышесказанного занимательно, что и Краснов, и Туркул находились в конфликте с Власовым.) К истинным вождям вполне можно отнести и предводителя югославских “четников” Драго Михайловича. А одним из самых долговременных вождей православного русского разсения следует считать Первоиерарха РПЦЗ митр. Анастасия (Грибановского) (1873-1964), со смертью коего мы, безусловно, лишились последнего человека, коего возможно было назвать вождем-судьей.

Итак, приведя столь много примеров из христианской истории и, тем более, из самой Библии, мы видим, что библейские основания считать теократию наполненной догматическим содержанием имеются также.

Современность поставила для православного сознания проблему: как относиться к той или иной власти? В качестве примера рассмотрим американскую модель демократии. Не

секрет, что первые полтора века существования американской нации пуритане все свои силы клади на создание “истинно-христианского общества”, и вообще структурно-гибкие протестанты всегда сохраняли и сохраняют жесткую нравственную основу. Именно такая религиозная позиция позволяла им рассматривать либеральную демократию и рыночную экономику лишь как форму общественной организации, в наибольшей степени соответствующую их вере. Если, в отличие от западно-либерального представления о государстве как механизме, римский принцип нес в себе представление о государстве как организме, то социализм строил государство по иным критериям – как сверхорганизм. В реалии подобным сверхорганизмом можно назвать только одно – Церковь. Видимо, сверхорганизм социализма следует рассматривать как тоталитарную лжецерковь теомизийной социалистической религии. Сие определение я ввожу для осознания глубины случившейся катастрофы, принесшей для россиян смерть. Совдепия убила абсолютно всё: от ненавистной ей религии до естественной экономики. Люди, утратив классовые, национальные, профессиональные признаки, были задавлены как личности. Произошла всеобщая люмпенизация общества. Сталинский псевдо-руссизм мог порождать только латентную русофобию и разрушение в прах последних обломков имперского наследия в памяти населения. Посему безумно выискивать в социалистических речениях что-либо жизнетворческое, например, для русской нации. Следует раз и навсегда, отнесясь ко всему реально-критически, отбросить обольстительную ложь – искание положительного опыта в существовании СССР. Нельзя найти положительное в смерти, ее опыт всегда отрицателен и ирреален для жизни. Однако уже в 1920-е гг. у части православных мы к удивлению обнаруживаем не просто благожелательное отношение к большевицкой диктатуре, но признание ее власти – Богоустановленной! Такое мнение, до сего дня удерживаемое не только Московской Патриархией, но и другими деноминациями,

является несомненной экклезиологической ересью, называемой сергианством (по имени своего основателя митр. Сергия Страгородского) и осужденной (анафематованной) еще в 1928 г. на так называемом “Кочующем” Соборе Катакомбной Церкви Истинных Православных Христиан.“Многие либеральные критики РПЦ часто пишут, что сергианская идеология и практика явились прямым продолжением традиций синодального периода. Действительно, идеология “патриотического служения” имеет глубокие корни в прошлом православной Церкви. Но вместе с тем эта идеология представляет собой нечто принципиально новое, ибо это – “патриотическое служение” атеистическому государству. В истории христианского мира (и восточного, и западного) достаточно примеров государственной церкви, послушной, даже раболепной перед властью. Но властью христианской... Диктат светской власти был своего рода участием мірян в жизни Церкви. РПЦ же патриотически служила антихристианскому государству, в котором ей позволили найти свою “экологическую нишу”...”. Т. е., следуя всей патристической традиции, необходимо отвергать сергианское понимание власти, ибо власть для христиан может быть только римского права и отнюдь не безбожной. Посему христиане отдают “Кесарю – кесарево” (ибо Кесарь только в Риме), а не “фараону – фараоново” (“фараон хочет взять душу” – Исх. 2, 15), “генеральному секретарю – генеральносекретарево”, “народному президенту – народно-президентово”. Иногда из любви к замученному Императору (или же при политической ангажированности) у людей появляется странное упование возвращения дореволюционного государственного строя. Хорошо известно, что ныне идеи монархизма стали весьма модны и часто бывают слышны. Такой пост-монархизм дает ложное решение вопроса, ибо он основан на чисто эмоциональных оценках (или тайных злоумышлении), а не на библейском историософском видении, кое ясно различает конец римского принципа, никогда более в будущем не реанимируемого.

Следуя древне-христианскому пониманию, власть в государстве бывает двух видов: “*legalis*” и “*illegalis*”, причем священный порядок происходит из естественного права, освященного Церковью. Сии виды власти всегда находятся в ряду точного правопреемства (понятие “*legitimus*”), хотя “незаконные” власти и государства могут являться “терпимыми” и “нeterпимыми”. Т. е., если совершенно “законное” государство и власть вдруг юридически или фактически притесняют Церковь, то здесь колеблется лишь понятие “*legitimus*”, но если государство и власть отпадает от Церкви в смысле ереси или раскола, то может считаться еще “терпимым”. Но государство не находящееся в ряду священного правопорядка и утверждающее безбожие (или зловерие) всегда будет “нeterпимым” для Церкви, как, впрочем, и все правопреемники такого государства и власти. Все сие – не от Бога.

Мы знаем, что Третий Рим – последний, на нем римский принцип власти в истории человечества кончается навсегда. Николай II, вполне осознававший свое положение Царя и Вождя, отрекался от Престола оттого, что видел царившие повсюду “измену, трусость и обман”. Он не хотел быть царем предательского народа и не мог поступить иначе по отношению к своим подданным, посему и исполнил их безумную волю, свободно выраженную через делегатов. Воля народа была исполнена до конца, выявив весьма прискорбное духовно-психологическое его состояние. Языческая мудрость, что “*vox populi – vox dei*” – еще раз доказала свою ложность. С отречением царя, истребованным подданными, начинается особый отсчет событий, вызванных вольно принятым народом безумием.

Но стоит еще раз возвратиться к самому факту отречения Государя от Престола и, как следствие, прекращения римского принципа государственности. Для осмысления сего факта надо обратиться к христианскому пониманию времени. Если грубо объяснить схематическое представление времени, нужно вспомнить, как оно виделось ветхозаветным ев-

реям и как античной философии. В Ветхом Израиле время мыслилось отрезками (обетованиями), отчего оно линейно; в античном понимании оно – утомительный цикл постоянно повторяющихся событий (в Ветхом Завете сие уловлено только Экклесиастом. – Эккл. 1, 5-10). Христианское сознание совмещает и линейное и циклическое время, различая их (модель: стержень и вокруг него спираль). Т. н. “линейное” время пронизано вечностью тварной, называемой эоном (aion), о котором пишет св. преп. Максим Исповедник: “эон – это неподвижное время, тогда как время – это эон, измеряемый движением”. Т. н. “циклическое” время – хронос, постоянно меняющееся, различимо с временем вообще, понимаемым как поток (kairos). Итак, поняв различие между сими категориями, можно утверждать, что в момент отречения от Престола Великого Князя Михаила Александровича окончился эон римского принципа, завершилась эпоха Российской Империи сего наследования и наступила смерть, предвещанная ранее Св. Писанием. (Здесь стоит углубить экскурс в понятие Империи вообще и библейской историософии, – т.е. все три Рима просуществовали каждый в районе 1000 лет (даже незаконная “Священная Римская Империя Германской Нации” Карла Великого: с 800 по 1800 гг., позже известная под названием Австро-Венгрии), что имеет четкое библейское определение (Пс. 89, 5; 104, 4) и является в текстуальном смысле аллегорией определенной полноты (pleroma) срока времени.)

Конечно, имеется вопрос самозванства, т. е. некие общности претендуют на принадлежность к римскому принципу власти. Естественно, всякая претензия папства на обладание римско-имперским достоинством совершенно беспочвена, но с вышеупомянутой “Священной Римской Империей Германской Нации” не все так просто. Дело в том, что всё возвышение Каролингов напрямую связано с чудовищными нарушениями права. В 496 г. был крещен св. Хлодвиг король Франков, получивший от Рима именование “Novus Constantinus” и ставший юридически-признанным правите-

лем Галлии, причем между ним и Римской Церковью был заключен своеобразный пакт, по коему за Меровингами признавался особый статус и привилегии. Таким образом, последующие взаимоотношения Византийской Империи с Каролингами были лишь началом общего беззакония. По всей вселенной мечтали о римских инсигниях и смотрели на Константинополь, не смея заниматься самозванством. “Со временем они предприняли попытки присвоить себе эту легитимность. Карл Великий, король Франков, был коронован на Рождество 800 г. в городе Риме от руки римского епископа как римский император; ему и в голову не приходило провозгласить себя, скажем, франкским или германским императором. Конечно, в Константинополе императорский титул Карла и всех его наследников воспринимался как вопиющая узурпация. Болгарские и Сербские цари, вступившие в открытую борьбу с Новым Римом, делали это отнюдь не во имя несравненно позднейшей идеи самоопределения, но притязая заново возсоздать под своей собственной властью все ту же единую и единственную православную державу, рядом с которой не может быть никакой иной. Едва ли не поэтому воины против них велись с особенной ожесточенностью – они были для византийцев не воюющей стороной, а самозванцами, крамольниками”.

Так, существующие государства и власти мы вполне можем дифференцировать со строго-христианской точки зрения. Все социалистические, пост-советские (т. е. юридически и фактически правопреемники бывшего коммунистического СССР), мусульманские государства, а также такие страны как Франция и Португалия, начало существования коих было положено безбожной властью, никак не могут быть признанными Христианской Церковью, ибо являются образованиями “незаконными” и “нетерпимыми”. Практически все остальные являются “незаконными”, но “терпимыми” или “терпимыми отчасти”.

Шведская монархия, как установление беззаконного Наполеона I, также “незаконна”. Более-менее твердым “законным” основанием обладают: Великобритания (и страны Содружества), Дания, Норвегия, Исландия, Лихтенштайн, Бенилюкс, Сан-марино, Андорра, Монако, Швейцария, – ибо все выше-перечисленные через династическое или юридическое посредство восходят (и сохраняют хотя бы отчасти) к римскому священному порядку.

Мысль, выраженная архиеп. Серафимом (Соболевым) о том, что “истинной русской идеологией, которая есть не что иное, как православная вера и основанная на ней русская жизнь во всех ее областях, начиная с личной и кончая государственной, почему русское государство и должно возглавляться царской самодержавной властью”, и что “для государственного правления Св. Писание признает только одну форму – самодержавную власть царя – Помазанника Божия, то ни о какой другой власти, как не основанной на Божественном Откровении, мы не должны думать” – в применении к возможному государственному устройству будущей России – не просто неточна, но является ересью. Раннехристианские Отцы и др. святые на протяжении всей истории указывают на римский принцип как на оптимальный вариант, но не более, ибо по их мысли, после прекращения непрерывного наследования ему, появляется некая новая форма. Богоустановленность царской власти в абсолютном смысле не имеет под собой никакой библейской почвы, ибо первое установление преемственности царской власти (в лице царя Саула, помазанного прор. Самуилом. – 1 Цар. 10, 1) – есть падение Израиля, коий требовал себя царя, как у других народов (1 Цар. 8, 5) (–языческих!) взамен власти пророков-судий (вождей) – теократии, требующей личного религиозного подвига.

Судя по всему, царей у христиан более не будет; возможно, на весьма краткий срок возникнет иерократия. Наиболее же приемлемая форма власти для христиан в настоящее время – только теократия, т. е. власть через пророков-судий-вождей.

Стоит ли говорить, что цезарепапизм и папоцезаризм – явления суть неправославные; в православной среде папоцезаризм известен только в лице патр. Никона (и как явное папистское влияние), а цезаропапизм пост-петровской эпохи наоборот – продукт протестантизма. Сим ересям не место в теократическом обществе. Наименьшее, что уже в начале XX в. приходило на ум православным мыслителям, – восприятие духовной власти (с развитием ее в судебную и политическую) старцами, т. е. нравственно-авторитетными лицами, – по сути – возрождение архаических старейшин. Но полнотой власти должен обладать вождь (судия). Даже у монархистски мыслящих людей (например, проф. И. А. Ильина) монархия представляла собой нечто неслыханное. По их схеме, первоначально властью должен был обладать Верховный Правитель (т. е. диктатор), коий позже передавал бы ее монарху. (Такой опыт уже известен – Испания; печальный результат известен также.) Уже во время Гражданской войны наиболее прозорливые из христиан увидели, что будущему государственному устройству необходимо возглавление именно вождем. “Нужна власть очень простая, но твердая и определенная; нужна власть, которая в себе носила бы нравственное право напоминать другим, что мир общественный основывается только на исполнении самых простых заповедей: “не укради” и “не пожелай дому ближнего твоего... ни воля его, ни осла его...” ...Где же это спасение народа нашего? Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем себе на помощь св. Библию. Там – в истории еврейского народа, среди которого и в библейские времена находилось достаточно количество революционеров духа, – в Библии мы находим время, очень похожее на время, переживаемое нами. Это эпоха Судей Израилевых. Время от времени народ Израильский переживал тяжкие политические потрясения и подпадал под чужеземное иго. Но после покаяния и молитв грешного народа Бог посыпал ему избавление от врагов и мир. Народ спасали от беззакония так называемые Судьи. Судьи – вот великие герои

Израиля, великие воплотители народных чаяний и народного духа! В тяжелые времена жизни своего народа они вели его на путь духовного обновления и национального возрождения. И народ, чувствуя нравственное превосходство своих вождей над собою, – уверенно и радостно шел за своими любимыми руководителями. Имя каждого из них уже вполне говорило за то, что они никогда не окажутся одинокими. Судья Израильский – он носитель народных идеалов, он – воплощение народного духа, – он был спасителем для своего страждущего народа, – грешного, но кающегося, слабого собственными силами, но сильного верою в помощь Божию. Полная аналогия – с русским народом и его нынешним положением! И если мы способны учиться на уроках истории, то должны использовать это указание истории: нам нужно сейчас для отечества не анонимное общество, тем более не новый ряд псевдонимов, а одно честное, прекрасное, патриотическое имя, нужен верховный вождь, сильный делом и словом своим. Это имя мы все должны вымолить, выпросить у Господа, и я верю: Господь даст нам это имя, пошлет вождя к нашему обновлению. Это имя будет символом нашего национального знамени; наше знамя: вера, свобода и патриотизм. Такого знамени у нас сейчас нет, как нет и национального гимна. Теперь наш гимн один: “На реках Вавилонских, – тамо седохом и плачахом”. Но проходит это страшное время! Нам нужно имя и нужно национальное знамя, – чистое и незапятнанное никакою житейскою скверною”.

Вышеприведенные слова принадлежат св. муч. Андрею Уфимскому – человеку, наиболее полно развивавшему сии взгляды в теории и практике. Как человек рубежа XIX-XX вв. он весьма увлекался словом “социализм”, по сути вкладывая в него совершенно иной смысл, чем классические теоретики социалистических доктрин. Оттого он часто свой “социализм” называл – духовным, народным, истинным и т. п. “Единственное средство, единственный выход, какой я знаю, – это образовать православные приходы, устроить пра-

вильную церковную жизнь. По своей сущности приход более социалистичен, чем сам социализм... Церковная жизнь есть осуществление самого глубокого, самого народного социализма, – это истинный социализм духа. – И вот об этом социализме, которым была полна древне-русская жизнь, и приходится вспоминать на развалинах нашей государственности в настоящее тяжелое время... Жизнь во св. Церкви – повторяю – социализм духа, истинное христианство. В своей полноте Церковь захватывает все области человеческого духа. Так и жила Церковь в Древней Руси; поэтому и была сильна Русь своим несокрушимым духом... Приход – свободно-народная социалистическая единица – вот наше спасение". Углубляясь в теоретические разсуждения о сущности государственного устройства, он утверждает, что "народною власть может называться тогда, когда она полезна для народа". Находящиеся у власти "лучшие люди" должны давать счастье народной массе. "Нужны народные Советы, но переустроенные на новых началах и... нужна какая-то другая власть, очень сильная, которой сейчас нет, которая имела бы целью спасти эти народные Советы и весь русский народ". Интересен взгляд архиеп. Андрея на прежние власти: "Царская власть глубоко оскорблена и поругана в глазах народа; власть буржуазную, нравственно безпринципную, ни во что не верующую, народ презирал и нисколько ей не верил". Собственно главный критерий – церковность и нравственность, только так народ обретет свободу – политическую. "Народ русский через церковно-приходские Советы становится настоящим хозяином своей жизни... Русский народ сам своими руками без всякой посторонней помощи, может устроить свое счастье, и не на основании каких-нибудь буржуазных предписаний, а по заповеди Божией – в любви взаимной – в своих собственных церковно-приходских советах... Спасение русского народа в его духовном оздоровлении, а это оздоровление возможно только при церковно-приходских советах. Если будут эти приходские советы, то не нужно следить, какая власть

будет стоять над нами: царская или иная, лишь бы только она не мешала народной жизни, не вмешивалась бы в церковно-народное самоуправление. – Народ при всяком условии должен быть хозяином своей жизни, – вот что главное... Чтобы буржуазия не имела влияния на жизнь народную. Так это и будет, если во главе народной жизни будут стоять церковно-приходские советы, а в них, как на прочном, церковном, благословенном от Господа фундаменте будет устраиваться вся наша жизнь – и общественная, и государственная”. Как уже указывалось выше, архиеп. Андрей считал необходимым возрождение института старейшин, причем низший суд должен был совершаться на приходском уровне, епископское же участие выражалось бы и как высшая инстанция, и нечто вроде прокурорского надзора. Интересно, что некоторые свои выводы он сформулировал в “Общих принципах православной церковной жизни”: “1. Общий труд на общую пользу (литургия – республика), 2. Экономика есть этика, т. е. должна быть проникнута этическими началами (учение прор. Исаии о торговле – 23, 8)... 4. Цель общественной государственной жизни должна заключаться не во всестороннем развитии и воспитании личности, а в праве (совести) и красоте (образ Божий)...”.

Какие же мы можем сделать выводы, рассматривая современное положение христиан в мире? –

1. Государство христиан, в своей положительной миссии, должно заботиться об улучшении материальных условий жизни людей и об утверждении в людях правды (совести) и красоты (образа Божия);

2. Государство христиан подразумевает общий труд на общую пользу, при преобладании духовного начала как действительного преодоления всех форм современного поклонения материи (коммунизм и капитализм);

3. Экономика должна быть проникнута этическими началами, где эксплуатация недопустима и всем должен быть обеспечен некоторый минимум материальных благ, что не означает необходимости их равного распределения;

4. Христианская правда есть правда социальная, недопускающая расовой и классовой розни;

5. Христианская этика – основа правосознания; право, основанное на Библии и св. Канонах, есть функция долга;

6. Низшая государственная структура – церковно-приходской совет, обладающий низшими судебными функциями посредством старейшин (ими могут быть и клирики, и миряне);

7. Система деления государства соответствует церковному; епископ имеет высший суд и надзор над низшим;

8. Государство христиан беспартийно; критерий принадлежности – только вера и нравственность;

9. Вся высшая политическая, судебная и военная власти сконцентрированы в руках одного Вождя (=Судии), через кого говорит Сам Бог.

По сути, все должно вести к “гармоничному претворению Государства в Церковь для достижения высших и вечных целей”. В наше время после конца Константинопольской эпохи истории человечества, когда почти повсюду в мире произошло отделение Церкви от государства, для влияния на общественные дела (и попыток получить власть) нет другого пути, как создание отдельных христианских корпораций и проникновение христиан во всякие другие неконфессиональные и нейтральные в отношении веры организации. Мы знаем, что Церковь не от мира сего и всегда была “государством в государстве”, посему христиане должны добиваться своих целей всеми возможными (кроме греха) способами. Такое политическое движение и общественная форма называются корпоративизм, где совмещаются и жесткая автократия, и полная демократия. Христианское корпоративистское общество всегда авторитарно, ибо основано на высших авторитетах. Совершенно не исключено, что христианское общество, являясь “*statu in stati*” может быть и государством без территории, что нисколько не закрывает возможности брать под свой контроль ту или иную страну.

Хотя в свое время митр. Анастасий (Грибановский) предупреждал, что “ни в коем случае нельзя догматизировать от имени Церкви ту или иную форму правления”, подспудно его слова означали лишь одно: не надо тех или иных мнений, если Вождь-Судья вами управляет. Однако мы помним слова Господа: “Господь – судья наш, Господь – законодатель наш. Господь – царь наш” (Ис. 33, 22), – т. е. теократия, иерократия и автократия установлены (по нисходящей) Самим Богом и несомненно имеют догматическое значение для правоверных христиан.

Сформулируем, основываясь на библейских основаниях автократии, иерократии и теократии православный догмат о Священной Власти для христиан, кою можно считать Богоустановленной: **БОГ УСТАНАВЛИВАЕТ ДЛЯ ХРИСТИАН СВЯЩЕННУЮ ВЛАСТЬ НА ЗЕМЛЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЧРЕЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ПОМОЩИ ИМ В СПАСЕНИИ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ВЕРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.** Царство и Священство – два Божественных дара, но первый уже окончательно отнялся. Не исключено, что теперь возможен иерократический период, обязательно недолговечный, ибо иерократия есть переходный (компромиссный) вариант между автократией и теократией. Когда отнимется Священство (из-за его поголовного истребления или отступления), будет время почти при конце мира. Можно смело утверждать, что когда христианская общность ослабевает духовно и физически со стороны клира, – Бог посыпает автократию; когда ослабевает народ – то иерократию, а когда все целиком христиане впали в полное ничтожество, – тогда Бог возводит некоего Вождя, чрез которого управляет Сам. Но общества автократические и иерократические есть человеческие установления (1 Пет. 2, 13), а теократическое – Богочеловеческое, ибо оно есть Церковь. Безбожные государства и власти – суть установления демонские, хотя и при попущении Божиим, оттого христиане должны быть с ними в перманентной борьбе: духовной, политической и военной.

Катакомбная Церковь ИПХ, живя под безбожной властью, является онтологическим ее врагом и следует корпоративистским установкам. По толкованию Св. Отцев, а позже свв. Новомучеников, “Жена, облеченнная в солнце и бегущая в пустыню, где Ей уготовано место от Бога” (Апок. 12, 6 и дал.) – и есть гонимая от антихриста истинная православная Церковь. По толкованию свв. новомуч. архиеп. Андрея Уфимского, Максима еп. Серпуховского и еще ряда катакомбных Отцев – рождаемый Ею в муках Младенец, Коему надлежит пасти народы “жезлом железным” – и есть столь ожидаемый Вождь-Судья христиан последнего времени.

**(Сей текст составлен вл. А. в 1997 г.,
но нимало не потерял ни в своей значимости,
ни в актуальности.**

См. подр.: [https://russianorthodox.narod.ru/rusorth/
archiv/6-dogm.html](https://russianorthodox.narod.ru/rusorth/archiv/6-dogm.html))

Фил Фотоф

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ТРЕТЬЕМ РАЙХЕ

I. Введение: религиозность в Третьем Райхе.

Вопрос религии в возрождённой Германии всегда представлял большой интерес: ещё современники эпохи великих изменений, как за пределами, так и внутри Третьего Рейха, горячо спорили об отношении НСДАП, а затем и национального правительства к вероисповеданию в целом и конкретным религиям. Вечно гоняющиеся за сенсацией журналисты по сей день штампуют статьи с заголовками в духе «Гитлер запретил язычество», а следом же «немецкий диктатор преследует христиан», «оккультизм в нацистской Германии» и т.п. — в данной публикации мы рассмотрим каждую из несурзностей в деталях.

Проблема тем более стала волнующей в полном кризисов міре победителей; обыватели начинают оглядываться на задавленного ложью проигравшего “монстра”, а уже пробудившиеся всё более утверждаются в открывшейся им правде — такое положение дел сильные міра сего, разумеется, терпеть не могут.

Методы «разделяй и властвуй» стали разнообразнее. Пока блуждающим в потёмках представляют ещё более фантасмагорические “преступления нацистов”, каким вымыслам мог бы позавидовать даже изощрённый ум Герберта Уэллса, искренние сердца подвергаются более коварной атаке, когда в не до конца посвящённые умы сеются лживые измышления. Как возможно догадался читатель, и вопрос религии не ускользнул от софизма победителей. Именно о таком и против такого безчестного приёма написана данная работа.

Но прежде, не вдаваясь в излишние подробности, отметим, что автор данной публикации, человек глубоко верующий и почитающий Божественное, не является привержен-

цем ни Христианства, ни какого либо из племенных культов (т.н. “язычество” - малограмотно используемый сегодня термин) — это довольно-таки важно, учитывая деликатность обсуждаемой темы. Прежде всего эта работа имеет претензии называться научным исследованием, посему лишена апологий каких бы то ни было конфессий/религий и основывается исключительно на подкреплённых ссылками первоисточниках (архивные документы, свидетельства различных СМИ, мемуары, интервью и т.п.).

Успех результатов исследования зависит от верно поставленных вопросов. Попробуем сформулировать их по порядку: официальная политика правящей НСДАП к вероисповеданию, а также религии/церкви? действительно ли существовали “фаворные” религии? на самом ли деле в Третьем Рейхе царил “дух оккультизма” («SS», «Ahnenerbe» и пр.)? религия в жизни обычных людей?

Вероятно, по ходу исследования будут косвенно разрешены и другие вопросы, которые автор мог посчитать незначительными или банально запамятовать.

Как уже отмечалось, данная публикация опирается на уникальные документы, которые невозможно было бы собрать без дотошной работы авторов следующих Телеграм-каналов: «Blood and Honor», «Nqatz Supremacy», «Христианский национал-социализм», «Weißes Vaterland», «Neues Europa», а также сообществ «Volksgemeinschaft» и «Reichsfoto».

Выражаем искреннюю благодарность и рекомендуем читателю изучить данные ресурсы. Теперь же перейдём к делу.

II. Незыблемость Божественного как официальная позиция НС к верованию.

Приход к власти большевицкого режима, во время которого офицерам гвоздями прибивали погоны к плечам, а церковнослужители сбрасывались с колоколен, контрастирует с путём НСДАП, для лидеров которой в почёте были и воля

нации, и офицерство, и, конечно, верование (а, значит, и религии - об этом дальше).

P.S. Более того, НС-правительство допускало активную религиозную жизнь иностранцев! — об этом более подробно в главе «VI. Свобода вероисповедания».

Несколько забегая вперёд: верование не просто почиталось — на нём основано буквально всё учение Национал-социализма (далее просто «НС»). Достаточно бросить взгляд на любую сферу деятельности национального правительства, как можно заметить явное почитание Божественного.

Так, в одном из своих выступлений руководитель Управления расовой политики доктор Вальтер Гросс сказал: «Да, мы видим нечто священное и божественное в фактах и законах расы, но не потому, что хотим возвеличить себя с их помощью, а потому, что честнее, чем наши враги, мы признаем и исповедуем власть Творца даже там, где это было неудобно для политических систем власти прошлого. Если мы стремимся сохранить различия и особые ценности рас, которые создало само Небо, то мы служим Творцу и Его законам <...> кровь, дарованная нам Божеством, священна для нас» [1].

Ему вторит педагог Гельмут Стеллрихт в своей книге «Вера и Действие — для Гитлерюгенда» (1938), объясняя молодёжи, что «ваша кровь священна, ибо в ней живет воля Творения» [2]. Заканчивая рассуждение о молодёжи, важно привести слова Адольфа Гитлера о том, что всё хорошо, что приближает молодых «к Божеству, и всё плохо, что стоит между ними и Божеством» [3].

Иными словами, расовые законы, являющиеся основой и «высшей целью действительно Народного Государства» [1], диктуются божественным Пророчеством; генерал Ваффен-СС Карл Вольф лапидарно заключил, что НС-учение являлось «светом во тьме, панацеей от болезней этого мира, предвестником Божьей воли и грядущего Царства» [4].

Отметим, что НСДАП открыто позиционировала себя в качестве апологета вероисповедания. Весьма кстати напом-

нить, что в те годы существовала серьёзная опасность прихода к власти очевидных или замаскированных большевицких партий «КПГ», «СДПГ» и пр. группировок. Верующие люди прекрасно это понимали и помнили в последующем, о чём, например, свидетельствует следующая выдержка из газеты «Der Umbruch» в 1942 году: «только благодаря Фюреру и Национал-социализму европейская и христианская культура, наши церкви и все мы были спасены от большевистских палачей! Это и есть Христианство в действии!» [50].

Однако недобросовестные “эксперты” не успокаиваются и нервно распространяют клевету, что национальное правительство только “мимикрировало” под ревностных сторонников веры, а в дальнейшем же не только воздерживалось от возведения новых церквей, но даже активно сокращало имеющиеся. Такое представление является, мягко выражаясь, не соответствующим действительности. Более того, НС-правительство выделило церкви даже большее финансирование, чем оно получало до 1933 года.

Обратимся к конкретным цифрам. Существует уникальный документ — речь Адольфа Гитлера перед «первым Великогерманским Рейхстагом» от 30 января 1939 года [22], в которой Фюрер лично опровергнул все обвинения в преследовании каких бы то ни было религий и даже привёл конкретные данные о содержании церквей: в 1933 году на содержание храмов было выделено 130 миллионов РМ, а уже в 1939 году эта цифра составила порядка 500 миллионов РМ — прирост в несколько раз! И это ещё не всё: «Помимо этого, церкви являются крупнейшими землевладельцами после государства. Стоимость их сельскохозяйственных и лесных земель превышает около 10 миллиардов РМ. Доходы от этой собственности оцениваются более чем в 300 миллионов ежегодно» — заявляет Фюрер.

Что же касается самого Гитлера, то в декабре 1935 года в вюртембергском Оберланде землетрясением были повреждены несколько католических церквей. Узнав об этом, Адольф

Гитлер лично распорядился выделить 15,000 РМ на восстановительные работы [23].

И, однако, религиозные тартюфы действительно существовали — ими являлись оппоненты НСДАП, а именно Партия Центра (нем. «Deutsche Zentrumspartei»). Адольф Гитлер открыто упрекал таких политиков в использовании религии в качестве орудия политических достижений: «Если в Германии уже до войны в религиозной сфере были довольно неприятные симптомы, то это приходится приписать тем злоупотреблениям, какие позволяла себе так называемая «христианская» партия. Разве это не безстыдство — построить всю свою позицию на отождествлении католической веры с одной определённой политической партией?» [42].

Учитывая, что, как было сказано выше, в некоторых государствах храмы буквально взрывали, едва ли НС-политику можно назвать “тиранической”.

III. Религиозная политика Третьего Рейха; установление религиозной терпимости.

На некоторое время обратимся к «корню всех зол».

На данный момент в среде «правых» европейцев обострилась проблема разобщённости, подпитываемая абсолютно искусственно созданным «катализатором» — религией. «Язычники» нападают на христиан и наоборот: христиане высмеивают «поклоняющихся идолам». А на деле же — белые люди грызутся с другими белыми людьми; сколько европейцев сегодня впадают в пароксизм ярости, когда их собрата всего-то лишь воспевают Божественное по-своему!

Однако такая «проблема», созданная хитроумными коллективами, не является камнем преткновения нашего столетия: благодаря этому существовали ужасные «20-е годы» [5], называемые софистами «золотыми»; благодаря этому появились и национальные герои, которые более не могли терпеть подобное издевательство. Заключённый в тюрьму Адольф Гитлер печально констатировал: «католики и протестанты

дерутся друг с другом в своё удовольствие, а смертельные враги арийского человечества и всего христианского міра могут потирать руки от удовольствия и смеяться себе в бороду» [42]. НСДАП хорошо помнила о посевенных зёрнах раздора и после прихода к власти: «Совершенно нелепо утверждать, что мы хотим ввести через партию так называемое «новое язычество». Подобные утверждения, вероятно, можно рассматривать лишь как прикрытие для противодействия политике Национал-социалистического міровоззрения» — объявил руководитель СА Виктор Лютце, пресекая потуги провокаторов [6].

Всобще известно, что когда в Германии только установилось национальное правительство, функционеры столкнулись с ужасающей атомизацией немецкого общества: люди ненавидели друг друга не только по классовому признаку и политической ориентации, но готовы были растерзать друг друга из-за принадлежности к конфессии, не говоря уже об исповедовании иной религии.

Чтобы преодолеть кризис, обрести политическую самостоятельность, необходимо было незамедлительно ликвидировать данную проблему. Разумеется, в тяжелейших условиях национальное правительство действовало крайне сурово. Чтобы нивелировать «религиозный вопрос» (и многие другие — экономический, социальный и др. [7]), были задействованы всевозможные инструменты.

На удивление, сохранилось достаточное количество документов, большинство из которых носят официальный характер, что позволяет дать недвусмысленную оценку НС-правительству.

В своей прокламации на партийном съезде Адольф Гитлер заявил: «Партия ни в прошлом, ни сейчас не имеет намерения вести в Германии какую-либо борьбу против Христианства. Напротив, она пыталась путем объединения разрозненных протестантских государственных церквей создать большую евангелическую церковь <...> Национал-

социалистическое государство ни при каких обстоятельствах не потерпит, чтобы политизация конфессий продолжалась или даже возобновлялась» [8].

В этом же году несколькими месяцами ранее состоялось упомянутое выступление видного деятеля НСДАП Виктора Лютце, который весьма чётко высказывался от имени партии (!): «Наши задачи лежат в политической, национальной и культурной сферах. У нас нет не только времени, но и возможности выступать в роли религиозных или церковных реформаторов» [6].

Наконец, в том же духе выражается одна из самых значимых фигур НС-движения — Рудольф Гесс (к слову, в октябре 1933 года им же издаётся декрет, гарантирующий свободу вероисповедания), цитируем: «мы не намерены основывать новые церкви, например, Национал-социалистические церкви. Мы уважаем церковь, но требуем для нашего государства того, что принадлежит ему» [31].

Косвенным подтверждением борьбы НС-правительства с конфессиональной разобщённостью может служить факт прекращения Гитлером отношений с людьми, поведение которых так или иначе препятствовало будущей миссии национального правительства — искоренение социальной атомизации.

В этой связи весьма примечательна состоявшаяся летом 1936 года беседа Гитлера с кардиналом Михаэлем фон Фаульхабером в ставке «Бергхоф». Помимо всего, Адольф Гитлер сказал: «Я разорвал отношения с Людендорфом, потому что его жена считала, что Национал-социализм должен основать новую религию [сам Людендорф был ярым противником Христианства]. Я всегда говорил своим партийным руководителям, что не хочу быть религиозным реформатором. Я не собираюсь этого делать и не буду. По этой же причине я разорвал отношения с Артуром Динтером [вынашивал идею создания «народной церкви» (нем. «Deutsche Volkskirche») — Динтер ещё будет упомянут в нашей статье — Ф.Ф.]» [9].

В переписке с другим клириком, Гитлер вновь объясняет, что НС-правительство «не желает конфликтов с обеими церквями в Германии, а искреннего сотрудничества на благо государства и церквей» [10].

Особую ценность представляет меморандум Генриха Гиммлера (о личном отношении Рейхсфюрера к религии мы поговорим далее) к руководителям СС от 28 июня 1937 года, где вполне ясно сказано: «В идеологическом обучении я запрещаю всякие нападки направленные против Христа, начиная с таких нападок или оскорблений, что Христос был евреем, являющихся недостойными для нас и конечно исторически неверными <...> Любая отрицательная критика, выходящая за рамки исторических фактов, вредна, как и всякий негатив» [11].

«Я также запрещаю членам СС преследовать, оскорблять или высмеивать кого-либо из-за его религиозных убеждений».

Ещё двумя годами ранее Гиммлер активно рассыпал похожие по смыслу приказы: «Я строго запрещаю любые нарушения порядка или отсутствие такта на религиозных мероприятиях всех конфессий <...> я также запрещаю членам СС преследовать, оскорблять или высмеивать кого-либо из-за его религиозных убеждений. Немцы считают религиозные убеждения и взгляды своих соседей священными и неприкосновенными. Члены СС, нарушающие эти принципы, будут исключены из СС, как только мне станет об этом известно» [12]; «НС-правительство защищает религию от вмешательства государства и признаёт принцип личной свободы в вопросах веры. Необходимо избежать при всех обстоятельствах того, чтобы даже один человек подвергался принуждению в каком-либо направлении <...> Я изгоню руководителей любого ранга, нарушающих данный приказ» [13].

Тем не менее, полные энергией ограниченные круги лиц не вняли предупреждениям и декларировали свои начинания от НС-имени, за что были сурово предупреждены: «последо-

ватели нео-языческого «Glaubensbewegung» [частное общество, не имевшее отношения к НСДАП или правительству – Ф.Ф.] пытались обосновать свои религиозные взгляды, ссылаясь на Национал-социализм. Наш Фюрер, Адольф Гитлер, в своей книге «Mein Kampf», среди прочего, заявил: «Политические партии не должны иметь ничего общего с религиозными вопросами», и далее: «Политическому лидеру следует всегда считать религиозные учения и институты своего народа неприкосновенными; иначе он не должен быть политиком, а должен стать реформатором, если способен на это. Иное отношение, особенно в Германии, приведёт к катастрофе». Так же, как всем ветвям движения запрещено высказываться по вопросам религии, последователи «Glaubensbewegung» не имеют права ссылаться на Национал-социализм в поддержку своих религиозных убеждений. Те, кто не учтёт это, могут ожидать полицейских мер» [14]. Этот документ в особенности интересен тем, что, помимо рассматриваемой проблемы, демонстрирует факт свободы вероисповедания в Третьем Рейхе, которая, однако, не должна иметь отношения к политической сфере и оскорблять иные религии.

Иными словами, НСДАП и лично Фюрер прилагали все усилия, чтобы избежать религиозной разобщённости общества. Исключений для оступившихся не было — каждый должен нести ответственность за свои поступки; карались даже члены известного ордена СС, позволившие себе оскорбительное поведение по отношению к человеку, исповедовавшую другую религию.

Определённая группа “исследователей” выдумала тему “личностной проблемы” Гитлера с церковью, которой, однако, не существовало в том виде, который подают эти агитаторы. Известно, что Гитлер считал вопрос религии и Веры крайне интимным, и едва ли он стал бы выносить данный вопрос на всеобщее обозрение. Речь же, как мы отмечали в начале статьи, шла исключительно о политических интригах, которые, потерпев сокрушительное поражение на выбо-

рах (!), коварно пытались вернуться на политическую арену через церковь.

Именно последними плутами слагалась ложь о “притеснении” церкви НС-правительством (многие из них впоследствии являлись беглыми “вдохновителями” для вражеских Германии СМИ, о чём мы поговорим далее).

Об этом, например, ясно сказал видный НС-деятель Вильгельм Фрик: «Никто в Германском Рейхе не подвергался преследованию или беспокойству из-за своих католических убеждений или принадлежности к католической церкви. Однако, к сожалению, политическая партия Центра даже после запрета партий пыталась вновь обрести политическое влияние через католические объединения и другие организации. Этого мы никогда не допустим» [15].

Ни много ни мало лично Рейхсминистр науки, воспитания и народного образования Бернгард Руст выразил похожую мысль: «если в некоторых кругах полагают, что необходимо продолжать спор о церковных вопросах, то пусть он ведётся там, где для этого есть место. Мы хотим, чтобы крест оставался на церквях, но мы хотим, чтобы свастика сияла на местах сборов и спортивных аренах [речь о “кресте и свастике”] ещё пойдёт дальше – Ф.Ф.]. Мы никому не мешаем и требуем, чтобы и нам не мешали решать все проблемы, которые мы не взяли на себя добровольно, а которые судьба возложила на наши плечи» [16]; «Мы сражались не для того, чтобы строить языческие храмы, а чтобы навеки объединить немецкий народ <...> мы не хотим, чтобы этот народ был разделён на конфессии, а стремимся к тому, чтобы он сплотился» [45].

Напоследок стоит привести выдержку из неоднократно цитируемой речи Виктора Лютце: «церкви представлена неограниченная свобода действий в религиозной сфере. И мы считаем, что церкви, если она действует исключительно в этой сфере, есть чем заняться» [6].

Наконец, лично Гитлер перед собранием в Рейхстаге заявил: «В Германии никто до сих пор [речь произнесена в 1939

году, т.е. спустя 6 лет с прихода к власти – Ф.Ф.] не подвергался преследованиям за свои религиозные взгляды, и никто не будет подвергаться им по этой причине! <...> это – дерзость, когда особенно зарубежные политики позволяют себе говорить о враждебности к религии в Третьем Рейхе» [22].

Предметом спекуляций стал и символа Филфота, более известный под названием Свастики. Удивляет, что подобные дискуссии уцелели до сих пор, ведь сохранился официальный документ, который невозможно опровергнуть, истолковать иначе или подвергнуть какому бы то ни было виду софизма, — личное (!) объяснение автора Свастики, лидера НСДАП и в будущем Фюрера Адольфа Гитлера. Цитируем дословно, без изменений: «этот знак никак не направлен против христианского креста, напротив, это политическое следствие того, что христианство на самом деле хочет и должно хотеть <...> Безусловно, наш христианский крест должен быть самым высоким символом борьбы с еврейско-марксистско-большевистским духом» [24].

Поставим точку над данным вопросом и более не будем к нему возвращаться.

Удивительно, как многие исследователи тратят время на пропагандистские книжонки, пропуская подлинно ценные документы.

Одним из таких является воззвание архитектора восточной политики Альфреда Розенберга к русскому народу от мая 1941 года [39]. Нас интересует следующая его часть: «Самой первой мерой новой германской администрации станет восстановление свободы религиозных убеждений. У нас, у немцев, всё иначе [нежели у большевиков]. В Германии царит полная веротерпимость и свобода религиозных воззрений. Мы вновь разрешим вам создавать религиозные общины. И для каждого человека будет свободен путь к своему Богу».

Как известно, Розенберг не соврал ни на счёт религиозной свободы в Третьем Рейхе, ни о восстановлении религиозной жизни на (де)оккупированных территориях.

Так, например, существовала «Народная социалистическая партия Викинг» Константина Воскобойника — бургомистра русского Локотского самоуправление (в котором, кстати, были восстановлены церковные службы — как на всех подконтрольных Третьем Рейху территориях, впрочем). В конце ноября 1941 года был даже опубликован манифест партии: «наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени» [40].

К слову о религиозной жизни на восточных территориях. Существует любопытный эпизод, раскрывающий уникальное явление: религиозное взаимодействие Европейской армии и местного населения. А именно воспоминания Леона Дегреля о встречи Рождества на фронте: «На Рождество мы были приглашены на ночную мессу в церковь, освященную нашим капелланом. Русский хор пел проникновенными, трогающими сердце голосами. За окнами крупными хлопьями валил снег. Несколько наших солдат лежали за пулемётами на боевых постах по всем четырём углам здания» [51].

Существует и другое, не менее важное обращение. Накануне Восточной кампании к польскому народу обратился генерал-губернатор Ганс Франк со следующими словами: «Граждане и гражданки Генерал-губернаторства! По приказу вождя Великогерманского Рейха, германский Вермахт сегодня взял на себя активную защиту христианской Европы от заклятого врага христианства и западной культуры» [46].

Иными словами, жители неподконтрольных большевикам территорий могли снова вести (и, как мы знаем, вели) бурную религиозную жизнь. 27 ноября 1942 года в Риге состоялось торжественное возвращение русской Православной церкви 1026 богослужебных книг XVI—XVII веков.

Рассмотренного с избытком достаточно, чтобы убедиться в глубоком почитании НС-правительства Божественных законов и гарантировании неприкосновенности, интимности веры каждого отдельного человека.

Однако, это не до конца проясняет отношение к конкретной религии — Христианству или племенным культурам.

NB! Дабы избежать путаницы, определимся с терминами. Как уже было отмечено в начале, автор не является приверженцем рассматриваемых религий. Посему христианское “язычество” заменено эвфемизмом «племенной культ» — строго научным термином.

IV. Христианство и племенной культ.

Наконец, перейдём к проблеме Христианства и племенной религии. Всякому честному, беспристрастному исследователю, рассматривая положение религий в Третьем Рейхе, приходится очень тяжело: слишком много инфернальной лжи было посеяно пропагандистами — это их бесконечные эшелоны по защите своего анти-европейского режима.

Несколько редуцируя, скажем, что в глазах среднестатистического читателя тема представляется в двух образах: приверженцы Христианства убеждены, что НСДАП и лично Адольф Гитлер неутомимо «искоренял язычество»; другие же, «язычники», любят неуместно приводить деятельность «Аненербе», тем самым доказывая «возрождение истоков» и «изкоренение европейской веры».

20 июля 1933 года в Риме между Германией и Святым Престолом был подписан Рейхсконкордат (нем. нем. «Reichskonkordat»), впервые в истории регулирующий отношения между Католической церковью и государством на всей территории Германского Рейха. Подписание было осуществлено вице-канцлером Францем фон Папеном от имени Германии и кардиналом государственным секретарем Эудженио Пачелли от имени Святого Престола.

Итак, сперва необходимо сказать, что НСДАП, а в дальнейшем национальное правительство, основывалась, как выразились сами представители партии, на позитивном Христианстве, не привязывая себя к определённой конфессии — это совершенно неопровергимо (см. [22], [21], [20], [19], [18],

[17], [6] и др.). Однако читатель, ознакомившийся с предыдущей главой, может догадаться, что Христианство отнюдь не являлось «главной», «одной-единственной» религией. И будет прав.

Разумеется, фотографии атрибутов культов германских племён (их ведь было много) отнюдь не случайны. Как известно, национальное правительство занималось не только политикой, но культурой и историей своего народа (уважение к собственной истории вполне естественно, но только лишь для национального (!) правительства...).

За последнее же отвечала известная организация «Ahnenerbe», которая так и переводится — «Наследие предков» (полное же название «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков»). Впоследствии победители обвинили несчастную группу преданных делу учёных в «сатанизме», «оккультизме» (об этом — отдельная глава) и пр. нелепостях. Само же название стало ассоциироваться с чем-то «тайным» и «сверхъестественным»...

Однако всё гораздо прозаичнее. «Ahnenerbe» занималось, как уже было сказано, исключительно научной деятельностью, о чём прекрасно высказался упомянутый ранее генерал СС: ««Ahnenerbe» было не чем иным, как организацией, похожей на музей. Участники посвящали себя изучению германской истории и истории происхождения нашего народа. Учёным из «Ahnenerbe» предстояло изучить весь мир, рассмотреть каждую идею и теорию. Раса была в центре внимания при изучении наших ранних предков и того, где они жили» [4].

Членам ордена СС действительно отправляли известные «Йольские фонарики», а некоторые писали тематические книги, где рассматривалась древнегерманская традиция — одной из таких была публикация видного деятеля СС Фрица Вайтцеля «Проведение годовых праздников в Семье» [25] (в которой автор, кстати, ни разу не высказался даже иронично в сторону Христианства).

Однако заинтересованность и почитание собственной истории, научная деятельность пытливых энтузиастов представили обывателю в качестве нечто “зловещего”. Впрочем, удивительно ли? Ведь интернационалист не способен понять трепетные чувства любящего свой народ человека.

И, конечно, как и многие другие, эта тема не могла не стать плодотворной почвой для различных спекуляций, в т.ч. о “зарождении нео-язычества” и “преследовании Христианства”.

Говорить о зарождении “нео-язычества” или отвлечённой “новой религии” неразумно потому, что говорить здесь не о чем: в предыдущих главах читателю было предоставлено достаточное количество документов, чтобы сформировать вполне грамотное представление о царящей в религиозном институте атмосфере.

Однако, к сожалению, нельзя оставить без внимания упомянутые в самом начале “сенсации” міровых СМИ о “преследовании” верующих людей.

Газетные вырезки рассматриваемых СМИ следует воспринимать ровно так же, как и геополитические обзоры газеты «Правда». Говоря откровенно, автор и не думал обращать внимание на подобные перлы, но случайно была прослежена любопытная тенденция: бульварные заголовки находят отклик у лиц (не будем конкретизировать), позиционирующих себя не только “знатоками” в теме, но и “борцами за правду”, и часто используются не столько в качестве исторических документов, сколько в виде... “аргумента” в споре с религиозным оппонентом.

Вот, например, один из таких “аргументов” — выпуск... лондонского «Sunday Mail» от... апреля 1941 года (дата придаёт большей пикантности...) [32]. В небольшой колонке о “зверствах нацистов” по отношению к церкви отсутствуют даже (хотя бы ради приличия) какие-либо ссылки (см. источник). Хотя, стоит ли всерьёз рассматривать это в качестве исторического документа?..

Допустим, что газетная колонка Англии против Германии (напоминаем, что страны находятся в состоянии жестокой войны...) имеет какой-то вес. Но как же быть с другими заголовками мировых СМИ, где речь идёт о совершенно противоположном: защите Христианства.

Так, в выпуске «The New York Times» от июля 1937 года лично Альфред Розенберг в ответ на ложные обвинения заявляет, что «не призывал к уничтожению христианской церкви в Германии и замене ее нео-язычеством <...> Доктор Розенберг заявил, что не ассоциирует себя с текущими церковными разногласиями и не поддерживает ни «German Christians», ни движение «German Faith Movement» профессора Якоба Вильгельма Хауэра и других. По мнению доктора Розенберга, в центре конфликта между Национал-социализмом и ортодоксальными церквями лежат не религиозные идеалы, а политический вопрос о государственной власти. Он выразил глубокое сожаление по поводу нынешних разногласий и заявил, что приветствовал бы создание единой национальной церкви» [33].

Ещё более забавляют агрессивные исступления “знатоков”, которые сперва ссылаются на газетные вырезки, а затем, если оные не отвечают их запросам или противоречат иллюзиям, горячо их “опровергают”.

Так, например, случилось с осенней публикацией 1935 года той же «The New York Times», чей заголовок гласил: «Гитлер отвергает нео-язычество Рейха и поддерживает Христианство; Фюрер поведёт партию по пути позитивной веры» [34]. Такие выпуски уже не отвечают причудам некоторых кругов и потому моментально отвергаются...

Подобные выдержки правильнее назвать пошлой диффамацией, нежели полноценным журналистским репортажем, и уж тем более рассматривать в качестве документа. Стоит вспомнить похожие по своей ценности (в смысле её отсутствия) выпады в виде карикатур.

Про НСДАП и деятелей партии часто изображали инсинации в образе “давящего Христианство маргинала”. Официальные органы национального правительства неоднократно реагировали на подобные перлы решительным образом. Не остались без внимания и карикатуры. В брошюре «*Unser Aller Hitler*» от 1940 года приложена фотография молящегося Гитлера под протестантский гимн «*Wir treten zum Beten vor Gott den Gerechten*» во время митинга в Вене после празднования аншлюса Австрии [36]. Ещё больший интерес представляет контекст фотографии: она сделана во время церемонии возвращения императорских клейнодов Священной Римской империи. «В этом великом миге мы предстоим перед Богом в смиренной благодарности» — сказал Гитлер [37].

Среди регалий можно заметить: Имперскую корону, державу, копье Лонгина, а также легендарный меч святого Маврикия с надписью «Христос побеждает — Христос правит — Христос повелевает».

В общем и целом, апелляции рассмотренных корифеев истории к газетным вырезкам и карикатурам СМИ (к тому же вражеским!) представляют собой не более чем диктуемый агрессивным невежеством прозелитизм; НС-правительство же во всём следовало древнему принципу «*Suum cuique*» (по-немецки звучит как «*Jedem das Seine*»).

И если уж в первой рассмотренной нами английской газете была затронута тема Христианства в образовании, вновь остановимся на ней.

Сейчас, наконец, обратимся к стоящему внимания документу — официальному заявлению основателя «Национал-социалистического союза учителей» (нем. «*NSLB*») и Рейхсминистра образования и культуры Баварии Ганса Шемма от марта 1933 года [35]. Т.к. речь достаточно объёмная, приведём лишь наиболее важные для нас выдержки: «Наши школы, так же как и наше государство, основаны на национальных и христианских принципах <...> Цель Министерства образования также заключается в том, чтобы каждый ребёнок в баварских

школах был ознакомлен с принципами христианского и национального государства. Оно поэтому обращается с серьёзным призывом ко всем родителям и воспитателям нашей страны помочь в скорейшем достижении этой цели: «Ни одного ребёнка в Баварии без национального и христианского воспитания». Бавария! Отвернись от свободомыслия обратись к христианству <...> Во всех учебных заведениях Баварии учебный день должен начинаться и заканчиваться молитвой <...> 9. В учебно-воспитательной работе должно быть уделено должное внимание высокому значению двух христианских конфессий, их роли в прошлом, настоящем и будущем культурной и религиозной жизни Баварии и Германии. 10. В соответствии с нашим девизом: «Наша религия Христос, наша политика Германия», обе христианские конфессии в духе христианства протягивают друг другу руку для совместной культурной созидательной работы и служения на благо общества, Бога и народа, а также в борьбе против разрушительного для народа и Бога марксизма и большевизма. Христианство и германство высшие законы всякого обучения».

Отдельным событием является выпуск книги «Позитивное Христианство в Третьем Рейхе» профессора Д. Кайуса Фабрициуса в 1937 году [49]. Данная публикация в буквальном смысле является фундаментальным ответом на грязные измышления и откровенную ложь о положении религий в возрождённой Германии. Если читателю интересно повествование интеллектуального «свидетеля» той эпохи — рекомендуем изучить. Для остальных же приводим лишь небольшую выдержку из предисловия к книге: «Сегодня в мире существует много заблуждений относительно положения Христианства в Третьем Рейхе, распространено мнение, что в Германии на данный момент преобладают антихристианские настроения или язычество. Именно эти соображения побудили меня выпустить английское издание моей книги: «Позитивное Христианства в Новом государстве» <...> точка зрения, изложенная в этой небольшой книге, принадлежит не только мне, её

разделяют миллионы немцев, которые являются настоящими христианами и в то же время добрыми Национал Социалистами, непоколебимо преданными своему Фюреру Адольфу Гитлеру. Немецкое издание этой книги было опубликовано в 1935 году. С тех пор ситуация в Германии, основополагающие принципы Национал-Социалистического государства и отношение Фюрера к христианству остались неизменными. За несколько дней до написания этих строк Фюрер в своей речи в Рейхстаге 30 января сказал, что со всем смириением благодарит Всемогущего Бога за Его милость, проявленную в воззвании немецкого народа».

Подчеркнём, что впервые книга была выпущена в 1935 году на немецком языке, то есть для граждан Третьего Рейха, а затем уже спустя 2 года на английском языке для зарубежного читателя — этот факт ясно свидетельствует о том, что национальное правительство и цензорский орган не имели претензий к автору.

Не одному богослову досадили обвинения в “преследовании религии”. Однажды лично Адольф Гитлер на заседании НСДАП 29 февраля 1928 года в Мюнхене разразился речью, в которой опроверг все упрёки противников и решительно отказывается от принадлежности партии к древним племенным культурам: «Мы, Национал-социалисты, с самого начала подчёркивали, что не имеем к этому никакого отношения. Абсолютно никакого отношения к старым народным представлениям, с их бородами и длинными волосами» [38].

В дальнейшем о том же сказал и Рейхсюндфюрер (обратим внимание читателя, что многие “знатоки” толкуют об “особенном воспитании молодёжи” — что же, послушаем лидера этой молодёжи!) Бальдур фон Ширах: «В последнее время о нас говорят, что мы являемся антихристианским движением. Говорят даже, что я откровенный язычник, которого лучше всего похоронить в чистилище <...> Я торжественно заявляю перед немецкой общественностью, что стою на христианских позициях, но столь же торжественно

заявляю, что буду самым строгим образом подавлять любую попытку внести конфессиональные противоречия в наши ряды» [47].

В конце концов, с трудном можно утверждать о каких-либо “гонениях” в государстве, лидер которого произносил следующее: НСДАП «копирается на слова, которые когда-то произнес наш величайший Арийский Вождь, Христос: «Если же какой-то член тела тебя соблазняет, вырви его и брось в огонь», то есть отсеки всё гнилое» [43] и «в Христианстве появилась первая сознательно ощущаемая и подчеркиваемая общность в противовес исключительно разрозненным тенденциям отдельных племён. Оно обеспечило возможную религиозно-мировоззренческую основу для создания государственной организации, которая не была и не могла быть однородной по племенному признаку» [44].

На этом, полагаем, дискуссию о Христианстве и религиях племенных культов можно закончить.

V. Оккультизм и Инициация — что важно знать?

Весьма забавно, что мистификации на тему «оккультизма в Третьем Рейхе» рождаются в полном тайных обществ міре, в котором обычатель не замечает фокусов изворотливых хитрецов.

На первый взгляд тема “нацистского оккультизма” может даже показаться несравненно более сложной “религиозного вопроса”. Однако, как будет в деталях продемонстрировано далее, и эта “проблема” является банальным злословием: зачастую неустойчивые люди, не без сторонней, конечно же, помощи, воспринимают оккультные ритуалы и обряды Инициации паритетными. Остановимся на последнем более подробно.

Существование обрядов инициации (от лат. «*initiatio*») наблюдается на протяжении тысячелетий; буквально все цивилизации и расы, представители обоих полов, практиковали то, что иногда принято называть «посвящением».

Благодаря литературе и кинематографу, наверняка каждому известно такое романтическое явление, как посвящение в рыцари. И этому торжественному мероприятию присуще название — Акколада (от фр. «accolade», т.е. «объятие»), одна из форм воинской инициации. Экскурс в историю инициации, в т.ч. рыцарской, связан с тем, что в глазах обывателя “оккультным” и “сатанинским” является, прежде всего, орден СС и связанная с ним атрибутика: череп и кости, руны и, наконец, Акколада. В связи с чем остановимся на вопросе более подробно.

Автор старался не останавливаться на личном отношении к религии того или иного деятеля, ибо, прежде всего, вопрос Веры является крайне интимным (как и подтверждается множественными фактами выше), а, во-вторых, обсуждаемые люди чётко разделяли личную жизнь и службу функционера; увы, в сегодняшнем міре эти понятия слились воедино, и личные интересы политиков диктуют волю всему государству. Однако вернёмся к теме.

Наиболее точно личное отношения Рейхсфюруера СС к религии описал историк Д. Жуков в своей книге «“Оккультный Рейх” Главный миф XX века». Оттуда и приведём выдержку.

«...дневник юного Генриха полон записей о регулярных посещениях церковных церемоний, причем воскресная месса была для него не внешним ритуалом, а внутренней потребностью. Британский исследователь Питер Пэдфилд подчеркивает, что «Генрих всегда был серьёзным ребенком и глубоко верил в Бога». Его духовный мір складывался под влиянием германского романтизма и католицизма (узнав, что его возлюбленная причащается каждый день, Гиммлер записал в своем дневнике: «Это было самое радостное известие, которое я получил за последние восемь дней»). В мировоззрении юного Генриха переплелись истории о крестоносных рыцарях, эпические сказания о нордических воинах, героические мотивы творчества Рихарда Вагнера <...>

Гиммлер вообще интересовался различными проявлениями элиты у различных народов. Он восхищался не только древнеиндийскими кшатриями, но и японскими самураями, а также римскими преторианскими гвардейцами <...> При всем этом Генрих оставался благочестивым католиком, глубоко верующим молодым человеком, регулярно посещавшим церковь <...> Во время рождественских каникул Генрих проявлял христианскую добродетельность: пёк пирожки для старушек, читал книги слепым, играл на самодеятельных представлениях для бедных детей <...> Таким образом, к моменту вступления Гиммлера в НСДАП (август 1923 года) в нём сочетались христианская вера и интерес к древнейшей германо-скандинавской нордической традиции. Для многих будущих подчинённых Гиммлера, таких как Унтершарфюрер СС Otto Ран и президент общества «Наследие предков» («Ahnenerbe») Герман Вирт, подобное сочетание было совершенно естественным. По их мнению, христианство является частью общей Белой Традиции, в нем отражены формы индоевропейских верований и культуры».

Изложенное выше подтверждается и более поздним, представляющим крайне высокую ценность документом — статьёй «Die SS» за авторством Генриха Гиммлера от 20 декабря 1942 года [52]. Приведём оттуда выдержку.

«В книге «50 вопросов и ответов для мужчин СС» первый вопрос звучит так:

“Как звучит твоя клятва?” В ответе на него говорится: “Мы клянемся в верности и отваге тебе, Адольф Гитлер, Фюрер и канцлер Германского Рейха, и назначенным тобой начальникам. Мы клянемся тебе в послушании до самой смерти, да поможет нам Бог!”

Второй вопрос: “Веришь ли ты в Бога?” Ответ: “Да, я верю в Господа.”

Третий вопрос: “Что ты думаешь о человеке, который не верит в Бога?” Ответ: “Я считаю его поверхностным, стра-

дающим манией величия и глупым. Он ни при каких обстоятельствах не является нашим человеком.”

Я хочу этими тремя вопросами и ответами раз и навсегда прояснить наше отношение к религии. Вы можете быть уверены, что мы не могли бы быть сплочённой общностью в самых сложных обстоятельствах, если бы думали иначе о вере и о Боге, Который стоит над нами, Который создал нас, нашу Родину, наш народ и нашу землю и послал нам Вождя <...> мы решительно отвергаем утверждение, что нас можно назвать “язычниками” лишь потому, что мы не придерживаемся никакой религии и не требуем этого от наших людей. Это наше право и наша свобода строго отделять церковную деятельность от политического служения солдата. Мы отвергаем любые преувеличения и учим наших людей уважать и почитать всё, что свято для наших сограждан, и не оскорблять это ни словами, ни поступками».

Как можно понять, образ Гиммлера отнюдь не соответствовал “оккультному”. Почему же, несмотря на это, люди всё равно впадают в заблуждение о “нацистском оккультизме”? Можно предположить, что разработанный на протяжении десятилетий победителями монструозный образ, который так или иначе остаётся в подсознании, а так же природная склонность большинства людей к мистицизму и составляют благоприятную почву для пропагандистской деятельности.

Вызывает неподдельное удивление сама возможность спекуляций на тему этого самого “мистицизма”, ведь в абсолютно свободном доступе имеются первоисточники (особенно же всех (!) органов СС — деятельность этой организации совершенно прозрачна), среди которых не один десяток документов с приказами первых лиц Третьего Рейха о борьбе с различного рода “оккультными сообществами”. Мы приведём лишь некоторые, наиболее важные из них.

Стоит начать с важной директивы Группенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха, составленной на основе личных указаний Адольфа Гитлера, об искоренении “оккультно-эзотерических

учений” в июне 1941 года [26]. Документ направлялся высшим функционерам Третьего Рейха, в т.ч. руководителям СС и персонально Генриху Гиммлеру. Итак, её текст гласит: «В нынешней судьбоносной борьбе немецкого народа необходимо сохранять здоровыми и устойчивыми не только физические, но и духовные силы как каждого отдельного человека, так и всего народа. Оккультные учения, утверждающие, что действия человека зависят от таинственных магических сил, не могут продолжать воздействовать на немецкий народ. Поэтому против этих учений и наук необходимо принять самые строгие меры. Окончательная законодательная регуляция уже находится в стадии подготовки <...> Акция должна быть проведена 9 июня 1941 года на всей территории Рейха [т.е. на всех (!) подконтрольных территориях, не только германских – Ф.Ф.].» Если верить документу, по итогам операции были разогнаны многие оккультные сообщества и задержаны сотни шарлатанов.

Характерно, что в практически те же дни (4 июня 1941 года) идентичный приказ в сфере пропаганды издал доктор Геббельс: «Запрещено проводить на публичных мероприятиях оккультные, спиритические, ясновидческие, телепатические, астрологические и подобные представления, а также гипнотические эксперименты» [30]. Следы борьбы с оккультизмом видны и в штабе Розенберга. Так, имеется запись в то же самое время, когда начались правительственные акции по уничтожению оккультных сообществ: «...этот факт проявился, не в последнюю очередь, в ходе мер, начатых в начале 1940 года, по полному запрету астрологической и оккультной литературы на основании распоряжения Рейхсминистра доктора Геббельса» [41].

Вероятно, предпосылкой к непосредственной акции являлась майское сообщение Бормана начальнику безопасности, в которой содержалось следующее: «Фюрер желает, чтобы против оккультистов, астрологов, шарлатанов и тому подобных, которые вводят народ в заблуждение и суеверие,

принимались самые жёсткие меры. Прошу вас как можно скорее представить необходимые, по вашему мнению, меры Фюреру» [27].

Сам же Гитлер относился к обсуждаемым субъектам крайне негативно. Например, во время 10-го съезда НСДАП 6 сентября 1938 года Гитлер сказал следующее: «Национал-социализм – это холодное учение реальности, основанное на самых точных научных знаниях и их интеллектуальном выражении. Открывая и продолжая открывать сердце нашего народа для этого учения, мы не стремимся наполнить его мистицизмом, который не имеет отношения к его целям и задачам. Прежде всего, Национал-социализм является народным движением в своей организации, но ни при каких обстоятельствах не является культовым явлением <...> Национал-социализм не является культовым движением, он представляет собой народно-политическую доктрину, основанную исключительно на расовых знаниях. В его учении нет мистического культа, а есть забота и руководство народом, определяемым и обусловленным кровью. Поэтому у нас нет культовых помещений, а лишь народные залы; нет культовых площадок, а есть места для собраний и маршей. У нас нет священных рощ, а есть спортивные арены и игровые площадки. Характерной чертой наших собраний является не мистическая тьма культового места, а свет и яркость прекрасного и функционального зала или помещения. Поэтому в них нет никаких культовых действий, а лишь народные собрания в том духе, в котором мы научились этому в ходе долгих сражений, к которому мы привыкли и который хотим сохранить» [28].

Особый интерес всегда представляют внутренние, т.е. исключительно “рабочие” документы. Таковыми являются и учебные пособия для НС-пропагандистов. Примечательно их содержание: сотрудникам поручается «борьба с китчем [нем. «Kitsch», что переводится как халтурка, безвкусица, «дешёвка»; кричащее и очень низкопробное искусство], за-

щита Национал-Социалистической чистоты в церемониях, предотвращение мистического и псевдорелигиозного извращения міровоззрения через творчество чудаков» [48]. Учитывая изложенное выше, вполне понятно, о каких «чудаках» идёт речь...

Вероятно, следующий документ может разочаровать людей, находящих утешение в “эзотерическом” эскапизме. Это опубликованный официальным печатным органом НСДАП «*Völkischer Beobachter*» отчёт о работе учёного Адольфа Штадтхагена, обличающий «оккультные» методы. Итог же звучит следующим образом: «обман сверхъестественных наук обошёлся немецкому народу в миллионы, и если кто-то до сих пор считает возможным определять свою судьбу по линиям на руке, картам или звёздам, то это лишь доказывает, что он не имеет права называться культурным человеком и, по сути, связан с тёмными духами Средневековья» [29]. Печально, что сегодня от многих ускользнула эта простая истина...

Итак, рассмотренные выше первоисточники позволяют увидеть яростную борьбу национального правительства с «мистическими» и «оккультными» обществами. После этого едва ли имеет смысл продолжать дискуссию о каком бы то ни было «мистицизме» в Третьем Рейхе. Гораздо интереснее перейти к другому предмету обсуждения, который столь логически выливается из всего вышеизложенного — свобода Вероисповедания в Третьем Рейхе.

VI. Свобода вероисповедания.

В новой Германии царила религиозная свобода: в случае, если религиозные взгляды/общества не противоречили Закону (тайные общества, разжигание религиозной/конфессиональный вражды, политические интриги и т.п.), они не только существовали без какого-либо препятствия со стороны государства — таким организациям/отдельным людям гарантировалась полная защита и неприкосновенность. В этой

связи рассмотрим мельком упомянутые ранее общества, подтверждающие данный тезис.

Прежде всего хочется поговорить об интереснейшей личности Артура Динтера, с которым Адольф Гитлер, по собственному признанию, был вынужден порвать всякие контакты во благо национальной стабильности.

Динтер имел весьма насыщенную биографию: успел поработать учителем и директором школы (а затем и театра!), по-пробовал себя в качестве писателя и активно вёл религиозно-политическую деятельность. Иными словами, талантливая личность с многогранными интересами не могла не попытать счастье и в роли реформатора (тем более в столь насыщенном 20-м веке!). А поскольку Динтеру были интересны вопросы религии, своей миссией он видел кардинальное изменение церкви, создав, как было сказано ранее, «Народную церковь» (нем. «Deutsche Volkskirche»).

Целью нашего исследования не стоит изучение аспектов тех или иных религиозно-философских учений, посему мы затронем иную сторону вопроса — последствия лично для Динтера и его «Народной церкви» в ходе такой деятельности. Как известно, национальное правительство не выделяло «религиозных фаворов» и строго придерживалась нейтралитета по этому вопросу, поэтому все предложения Артура Динтера к государству о воссозданию «новой церкви» были отвергнуты. Однако многие исследователи путают воздержание государства от вмешательства в какие бы то ни было дела и препятствию их деятельности; многие ошибочно полагают, что НС-правительство запретило деятельность Динтера, что не соответствует действительности.

Так, 13 ноября 1933 года в берлинском Дворце спорта состоялся немалых размеров митинг последователей «Народной церкви»; в 1935 году в Берлине была проведена первая свадебная церемония по ритуалу церкви Динтера. Вероятно, некоторые будут удивлены, но детище Динтера просуществовало вплоть до окончания войны! В дальнейшем же религи-

озная организация на территории оккупированной Германии была запрещена «Союзниками», а всю литературу «Народной церкви» предали сожжению.

Параллельно «Народной церкви» существовало движение приверженцев германских племенных культов — общество «Движение веры» (нем. «Glaubensbewegung»). Это сообщество, как мы убедились ранее, никак не относилось к национальному правительству и не отражало официальной политики государства в области религии. Как и «Народная церковь», последователи «Движения веры» имели собственного лидера (Якоба Вильгельма Хауэра), внутреннюю структуру и печатный орган. Более того: в 1935 году, то есть спустя два года после митинга «Народной церкви», в том же Дворце спорта состоялся митинг «Движения веры» — полное равноправие!

В начале исследования мы отметили, что национальное правительство допускало активную религию жизнь и иностранцев — рассмотрим же этот аспект религиозной жизни в Третьем Рейхе несколько подробнее.

Речь, конечно же, пойдёт о русских эмигрантах [53] — данная информация представляет двойную ценность: отвечает сути исследования и развивает миф о «неприязни» НС к русскому народу.

Вынужденные покинуть Отечество, русские люди могли безпрепятственно посещать православные храмы (один из них — Берлинская и Германская епархия) и проводить различные процесии на территории Рейха.

Так, воскресным утром 14 ноября 1937 года «состоялось торжественное открытие сооружённого русской эмигрантской колонией Берлина памятника русским воинам, павшим в боях Мировой и Гражданской войны» — свидетельствовала берлинская газета. Что же это за памятник?

Русские люди не забывали своих героев, даже будучи за пределами Родины. Осенью 1937 года, посреди небольшой лужайки русского кладбища берлинского предместья Тегель, был открыт монумент — глыба гранита, какая несёт

на себе тяжкий крест. На лицевой стороне — надпись: «Верным сынам Великой России», а на обратной стороне даты: «1914–1917; 1917–1920–19..»; последние две цифры нарочно пропущены: как писали в «Часовом» (ежемесячном журнале русской военной эмиграции во Франции), «Они будут дописаны в год освобождения России». Увы...

Главным инициатором сбора средств на монумент стал знаменитый белый генерал, верный соратник Врангеля и один из организаторов «РОВС» Алексей Александрович фон Лампе, заручившейся поддержкой «Свято-Князь-Владимирского братства» (в 1945 году разграблено большевицкой «РПЦ-МП»), которому и принадлежало кладбище (Братство отдавало последние копейки, спасая многие семьи русских эмигрантов от голодной смерти; с 1938 года Братство входит в состав Германской епархии).

Важное событие прокомментировало и национальное правительство Германии: «многочисленные венки, увитые национальными, георгиевскими и полковыми лентами. И впервые на чужой земле развивающиеся национальные флаги» — отмечалось в официальной газете русской эмиграции «Новое слово» (контролировалась и финансировалась НСДАП, издавалась русскими эмигрантами с 1933 по 1944 годы). Чуть позже, в декабре того же года, написали о памятнике и в «Часовом», в котором была опубликована фотография церемонии открытия.

Дальше — интереснее. Кроме русских, церемонию также посетили русский комитет Красного Креста, Организация защиты интересов русских беженцев в Германии, штурмовики SA (на фото отчётливо видны повязки с Филфотом), ветераны «Baltisches Landeswehr» и многие другие неравнодушные люди. Можно заметить настоятеля кладбищенской церкви Леонида Розанова и гражданских лиц; генерал А.А. фон Лампе произносит речь. Видны венки, «увитые национальными, георгиевскими и полковыми лентами». Праздник завершился поминальным молебном в кладбищенском храме.

Памятник стоит по сей день, молчаливо напоминая о забытой и безпрецедентно оболганной истории русских. Монумент уцелел чудом: находился в бывшем секторе французской оккупации, а окажись он в большевицкой — не дожил бы...

Таким образом, мы наблюдаем уникальное явление, противоречащее лживым вымыслам о “преследованиях” веры или религиозных групп.

VII. Подведение итогов.

Наконец, проделанное исследование даёт право на резюме. С успехом не только удалось разгромить лживые химеры, но и ответить на все поставленные в начале работы вопросы. Удалось выяснить, что в Германии, которая, отметим, являлась государством-базисом потерпевшей поражение «альтернативной» Европы, гражданам гарантировали свободу и интимность (!) вероисповедания, избавление от разного рода шарлатанов и, что более важно, предотвращало атомизацию общества по столь абсурдному признаку, как религия/конфессия; НС-правительство неумолимо преследовало провокаторов, и даже принадлежность к элитарному ордену или высокое положение не спасали преступника от закона.

Сегодня, находящаяся на краю гибели, Европейская цивилизация не может позволить себе терпимое отношение к подстрекателям, раскалывающим наше общество и тем самым способствующим его кончине. Едва ли можно найти большего мерзавца, чем подрывающего изнутри устои нации: язык, религия, а, значит, культура — неприкасаемые, естественно формирующиеся и меняющиеся на протяжении столетий вещи. В спокойные времена такая глупость наказуема, в тёмные же является преступлением и сурово карается.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА.

Используемые архивы:

BArch R 58/6197 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/bac9b250-d6f7-4ac0-8e8a-13528ae9fc01/>

BArch NS 19/3902 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/36622e53-c0cc-4201-af44-8c3560318949/>

BArch NS 15/559 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/67be0afd-fa20-48dd-b5d1-e9b401d41eb7/>

BArch NS 6/334 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/722412b2-e32c-45d2-bacd-0d527aff6642/>

BArch NS 8/185 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/c6397bd8-629c-4c95-b5cd-3032bcd3a0f/>

BArch NS 26/95 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/ddbe8625-ee6e-4cd8-954f-bdc7b9c2b523/>

BArch NS 19/1454 — <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/80f5ef47-cf57-40f7-928a-3e459c936286/>

Источники:

[1] — радиовыступление Вальтера Гросса от 7 сентября 1935 года в программе «Час молодой нации» (см. здесь и далее — в указанном в конце источнике на тг-канале «Фил-фот»);

[2] — «Вера и Действие — для Гитлерюгенда» (1938), Гельмут Стеллрихт;

[3] — «Hitler - Memoirs Of A Confidant» (1985), Otto Багенер;

[4] — интервью Карла Фридриха Otto Вольфа 1984 года;

[5] — авторская статья «Золотые двадцатые», Филфот;

[6] — «Reden an die SA. Der politische Katholizismus» (1935), Viktor Lutze;

[7] — статья «Основы национал-социалистической экономической политики» (1932), Готфрид Федер;

[8] — «Der Parteitag der Freiheit» (1935), прокламация Адольф Гитлера (стр. 31);

[9] — «Akten Kardinal Michael von Faulbabers 1917-1945, Bd. 2, 1935-1945», Dok. 572. (стр. 192);

[10] — «Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945», Serie C: 1933-1937. Band I,1. Dok. Nr. 196;

[11] — «BArch NS 19/3902» (стр. 344);

- [12] — там же (стр. 58);
- [13] — там же (стр. 62);
- [14] — газета «Der Katholik», выпуск от 12.08.34;
- [15] — газета «Postzeitung Ausburg», выпуск от 12.06.35;
- [16] — «BArch NS 15/559» (стр. 313), речь Бернарда Руста на Кёльнском культурном съезде 6 апреля 1935 года;
- [17] — речь в Мюнхене 24 февраля 1939 года;
- [18] — «Dokumente zur Kirchenpolitik des Dritten Reiches», Band. 1(стр. 28-29);
- [19] — «Программа и міровоззрение НСДАП» (1927), Готфрид Федер;
- [20] — «Малая азбука национал-социалиста» (1929), Йозеф Геббельс;
- [21] — речь в Кобленце 26 августа 1934 года;
- [22] — «BArch NS 15/559», речь Гитлера перед «Велико-германским Рейхстагом» 30 января 1939 года;
- [23] — газета «Liechtensteiner Heimatdienst», выпуск от 21.12.35;
- [24] — речь Гитлера в Мюнхене 25 октября 1930 года;
- [25] — «Проведение годовых праздников» (1939), Фриц Вайтцель;
- [26] — директива Рейнхарда Гейдриха, составленная на основе указания Адольфа Гитлера, 4 июня 1941 года об искоренении оккультно-эзотерических учений из жизни Третьего Рейха;
- [27] — «BArch R 58/6197» (стр. 22);
- [28] — речь Гитлера на 10-м съезде НСДАП 6 сентября 1938 года;
- [29] — газета «Völkischer Beobachter», выпуск от 23.04.43;
- [30] — «BArch NS6/334» (стр. 245);
- [31] — речь Рудольфа Гесса перед офицерами национал-политического учебного курса Вермахта 16 января 1937 года;
- [32] — газета «Sunday Mail», выпуск от 06.04.41;
- [33] — газета «The New York Times», выпуск от 26.07.37;

- [34] — там же, выпуск от 29.10.35;
- [35] — объявление Ганса Шемма о религиозной и национальной позиции педагогов в баварских школах 28 марта 1933;
- [36] — брошюра «Unser Aller Hitler» от 1941 года;
- [37] — репортаж возвращения Имперских клейнодов в 1938 году;
- [38] — речь Гитлера на заседании НСДАП 29 февраля 1928 года;
- [39] — воззвание Альфреда Розенберга к русскому народу от мая 1941 года;
- [40] — манифест Народной социалистической партии «Викинг» от ноября 1941 года;
- [41] — «BArch NS 8/185» (стр. 66);
- [42] — «Mein Kampf» (1925), Адольф Гитлер;
- [43] — «BArch NS 26/95», речь Адольфа Гитлера в Мюнхене 26 апреля 1922 года;
- [44] — «BArch NS 26/95», речь Адольфа Гитлера на 7-м съезде НСДАП 17 сентября 1935 года;
- [45] — «BArch NS 15/559» (стр. 309), речь Бернарда Руста 24 июня 1934 года;
- [46] — «Plak 003-034-053», воззвание Ганса Франка к польскому народу от июня 1941 года;
- [47] — «BArch NS 15/559» (стр. 309), речь Бальдур фон Шираха в Брауншвейге 7 декабря 1933 года;
- [48] — «Справочник Нац.-Соц. Пропагандиста»;
- [49] — «Позитивное Христианство в Третьем Рейхе» (1937), Каюс Фабрициус;
- [50] — газета «Der Umbruch», выпуск от 07.02.42;
- [51] — «Эсэсовский легион Гитлера» (1949), Леон Дегрель;
- [52] — «BArch NS 19/1454» (стр. 10), статья Генриха Гиммлера «Die SS» от 20 декабря 1942 года;
- [53] — авторская статья «Верным сынам Великой России», Филфот; см. источник.
- (Источник: <https://telegra.ph/Religioznost-v-Tretem-Rejhe-3-01-17>)

Приложение: Из речи в Гляйвице вице-канцлера Франца фон Папена от 15 января 1934, опубликованной в газете *Hannoverscher Anzeiger* под заголовком «Nationalsozialismus und Katholizismus».

«В начале своей речи он [фон Папен] назвал Верхнюю Силезию, землю под Крестом, истинной немецкой и верной католической землей, которая, как никакая другая, была затронута Версальским договором в своей сути и поставлена под угрозу существования. Будучи неделимым целым, землей с тем самым населением, убеждениями, культурой и историей, которые идентифицируют её как часть Германии, она была разорвана и разделена наперекор явной воле своего населения. Но она стойко прошла через все испытания и не поколебалась в своём немецком духе и благой приверженности к Райху. Фюрер неоднократно провозглашал недоверчивому и враждебному миру миролюбивость немецкой нации и требовал для нас не больше, нежели полного равенства с другими. Однако этого равенства мы требуем всерьёз и не устанем провозглашать миру о совершённой несправедливости, пока не будет восстановлено наше право. Третий Райх сможет справедливо учесть особое положение Верхней Силезии и превратить её в особый бастион германства. Очевидно, что разобщённость нашего общественного устройства, вызванная дегенерацией капитализма, классовое расслоение и борьба всех против всех, особенно заострились в экономически сложных регионах. Мы, католики, постоянно стремились смягчить это напряжение и изыскать средства для их преодоления. Однако эпоха ярко выраженного индивидуализма и подчёркнутого материализма сводила на нуль наши наилучшие усилия... Потом фон Папен, ссылаясь на энциклопедию папы Пия XI «Quadragesimo anno», разсмотрел, в какой мере структура Третьего Райха отвечает ея указаниям и католической социальной доктрине. Это соответствие, по его словам, проявляется в словах и действиях Фюрера по вопросам капитала и труда, а также в процессе депролетаризации

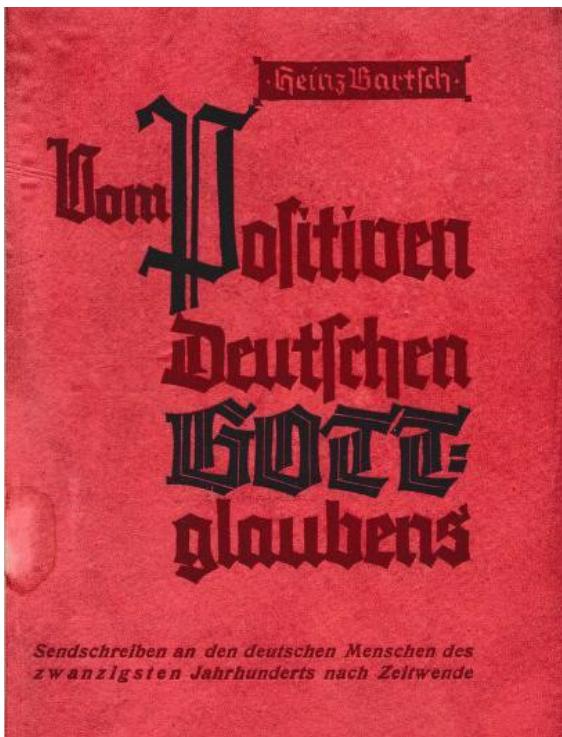
пролетариата для создания истинного немецкого народного сообщества. Самая важная глава папского наказа, под названием «*Socientaris ordo Instaurandus*», касается нового общественного порядка, из коей фон Папен цитировал основные положения о необходимом сотрудничестве сословий, которые не должны определяться принадлежностями к той или другой трудовой партии, а исходя из разных общественных функций индивидов. Также большая, всеобъемлющая и радостная акция «Зимняя помощь», по его словам, последует старой католической традиции, а аграрные реформы национал-социалистического государства, направленные на возвращение народа к истокам крови и почвы, во многом отвечают католическим представлениям. Папа в своей энциклике также громко предостерегает от марксизма и коммунизма. Кто спас Христианский Запад от этого жуткого бича большевизма? Будущие страницы истории приадут национал-социализму такое же значение, как и героической борьбе немцев за сохранение христианской культуры против нашествия ислама. Также, Святой Отец З в своей энциклике касается проблемы безработицы. Здесь, и именно здесь, правительство Гитлера может с гордостью сказать, что в прошлом году оно сделало всё возможное, дабы отвести сей страшный бич от Германии. Куда бы мы не посмотрели, везде мы видим благую гармонию и полное соответствие национал-социалистической политике. Можно справедливо утверждать, что Третий Райх под руководством Адольфа Гитлера является первым государством в мире, где высокие принципы Папского учения не только признаны, но и, что намного ценнее, реализованы на практике. Райхсконкордат был заключён немецким правительством, поскольку оно убеждено, что возрождение Райха возможно лишь в «синергии» с энергиями Христианства, укоренённого в немецком народе, и невозможно вопреки ему. Существует покамест неразрешённый вопрос <конфессиональных> ассоциаций. Для него необходимо будет найти решение. Понятно, что церковь никогда не откажется от конфессионального вос-

питания и заботы о молодёжи. Однако для этого не нужны спортивные и гимнастические клубы. Одно не исключает другого, они лишь дополняют друг друга. Эти мелкие проблемы, к сожалению, часто дают повод зарубежным странам утверждать, что отношения между церковью и Райхом двигаются к разрыву. Ничто не может быть более ошибочным. 12 ноября [проведение референдума о выборах] и искреннее изъявление почти всего немецкого Католичества в поддержку Гитлера, его правительства и национал-социализма доказывают, насколько сей католический народ надеется на успешное завершение начатого дела и ощущает связь со своим Вождём». После того, как вице-канцлер резко высказался против пастырского послания австрийских епископов, он завершил свою речь словами: «Мы, немецкие католики, хотим с открытой душой и глубоким убеждением поддерживать Адольфа Гитлера и его правительство. Мы восхищаемся его любовью к Родине, его энергией и его государственным умом. Немецкий Католицизм в этот исторический момент должен выйти из состояния фрондирования, выйти из гетто, он должен принимать активное участие в строительстве Третьего Райха, потому что только при полной самоотдаче великому делу мы будем иметь право требовать то, что нам представляется необходимым в свете католического мировоззрения».

Перевод – Роман Раскольников

Хайнц Бартш

ПОЗИТИВНАЯ НЕМЕЦКАЯ ВЕРА В БОГА

Письма к немецкому народу XX века
после поворота времени

Жить необходимо
Не прекращать жизнь
Навсегда впustую! За дело!
И поверни свой разум
Отдай себя заповедям
В свободе.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Труд Vom Positiven Deutschen Gottgläubens, автор Хайнц Барч. Трактат о взглядах против авраамической религии в годы Национал-Социалистической Германии. Перевод выполнен Независимым Сообществом «Нац.-Соц. Рутенгия» 2025 год. Это приблизительный перевод, призванный послужить отправной точкой для тех, кто хочет понять это направление англоязычной аудитории, известное как «позитивный деизм», в контексте современной эпохи. В наш век массовой истерии у меня нет ни ресурсов, ни общественной поддержки, чтобы опубликовать профессионально выполненный перевод. Именно поэтому, применительно к законам об авторском праве США, их территорий и соответствующих стран, я предоставил этому переводу основополагающей книги Хайнца Бартиша лицензию CC-BY-SA 4.0. Я не претендую на оригинальную работу и призываю всех желающих создать свои собственные более чёткие переводы этого редкого тома, раскрывающие некоторые тонкости языка, которые, как я уверен, мне не удалось рассмотреть. Пока такие переводы не станут общедоступными, распространяйте этот.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повсюду в Германии и в других странах люди спрашивают о «позитивной» немецкой вере в Бога. Потому что эта вера в Бога больше не отрицает и не игнорирует себя.

При таком вопросе возникает желание усомниться в этой «позитивности» среди христианской стороны, даже отрицать ее - или усомниться среди тех, кто готов и открыт к немецкой вере в Бога, [или, как вы, американцы и британцы, могли бы назвать, позитивному деизму].

Этот документ призван служить и тому, и другому: разводу против веры в других и против других, и окончательному решению верить по-своему.

Магический яд вливался в европейские расы на протяжении двадцати веков, десять веков они отдавали свою веру иностранному управлению. Теперь они привыкли к дозе, или они окончательно пробудились от своего паралича, потому что остались достаточно здоровы, чтобы и пробудить целый мір.

Необходимы завершение и устранение, разъяснение и объяснение.

«Познай себя в своей вере!» и реши, согласно Хирну, что это не только требование времени, но необходимо от вечности, если вообще воплощается истина и тем самым человеческое становление.

- Как вы себе представляете эту веру?

Я хочу узнать у вас. Посмотрите, не есть ли это то, что вы всегда носили в себе, четко или неотчетливо, неравномерно или непредсказуемо, и подтвердите, что именно это сделало вас неутомимыми существами христианства.

И поймите: в конце концов, люди должны выходить только с самими собой. Но тот, кто чужд своей собственной вере, кто не имеет полного общения с самим собой в такой форме, не может в конечном итоге иметь его со своим народом, который такого же рода, как и он.

Человек не без народа.

Но без народа, без его правильного основания в бытии, народ - ничто.

О Боге, Вере, Жизни.

«Позитив» в «Позитивной вере в Бога» - это Бог. Только Бог. Тот, кто отрицает это, отрицает Бога. Те, кто не видит этого, слепы к существованию Бога.

Позитив жизни - это вера. Вера в одного лишь Бога. Из которого исходит все. Если вы не нашли ее, вы никогда понастоящему не жили.

Если все делать правильно, то вера будет служить Богу в жизни. То, что в христианстве Бог и жизнь служат вере, в церквях делает эту веру безбожной и безжизненной.

Позитив веры в Бога! В чем положительная сторона веры в Бога?

В том, что вы не можете пройти мимо него. Что вы не можете пройти мимо него самого. Что без него ничто не может закончиться. Да будет так.

Как мы должны это понимать?

Жизнь - это реальность, которая навязывается каждому: в его опыте.

А переживаем мы так много, что в основном все выходит за пределы наших человеческих возможностей. Становится человеческим, потому что оно сверхчеловеческое. И все же этот опыт также простирается в нас, находится в нас, является целым опытом в нас, но никогда не становится полным знанием.

И этот бесконечный, сверхчеловек в каждом своем переживании говорит: Бог! И в то же время позволяет нам осознать сейф в конечности нашего знания.

Потому что только в разуме, в знании, у нас есть фиксированные границы, приблизительные границы в каждом случае; мы также обретаем уверенность в себе.

Напротив, в переживании мы охватываем весь мир, мы живем в нем, и мы ни за что не хватаемся. В переживании мы не знаем ничего общего с бесконечным, неограниченным, оно давит, подавляет нас, потому что непостижимо для нас; Но чью мы можем делать это по-другому, мы должны позволить ему позаботиться о нас. Мы обретаем покой перед Ним, только когда слышим Его зов: Господи! Услышали и послушались его. Так бывает только в акте поиска, который сам по себе является беспокойством, и никогда не бывает вечным.

Непостижимый, бесконечный говорит: Бог! Это не Бог. Бог непостижим.

Непостижимое - это непостижимая реальность. В ее переживании, в переживании всего сущего, в котором она вырывается наружу и держит середину, нас как бы захватывает сила, которая вырастает из нее и которую мы называем Богом, чтобы сделать это происходящее отрывочным, ощутимым.

Итак, мы узнаем о Боге через событие. Через событие в нас, которому мы вынуждены уступить и которое мы называем Богом.

Мы знаем о Боге через побуждение к переживанию в нас желания быть готовыми к безконечному всей своей жизненной силой. Что безконечное внутри нас вступает в брак с конечным. Время от времени. Потому что вечного брака не существует. Одно должно раствориться в другом, как в смерти. Только вечное направление - это истина.

Порыв - это безконечное в нас, сила и стремление - конечное в нас. Порыв исходит из безконечного, сила устремлена в него.

Непостижимое говорит: Бог! Это означает: Мы осознаем свое направление через Бога, но не направление Бога.

Мы знаем Бога. Но ничего от Бога. Только мы сами через него. Через его реальность, его непостижимую работу в опыте, которая указывает нам направление и делает нас сознательными.

Говоря за Бога «все» (пантеизм) или, «ничего» (материализм), «определенное» в нас (мистицизм) или вне нас (теизм), «плохое» в нас и вне нас (сила в натурализме; дух в идеализме), если мы пытаемся сделать его убедительно осозаемым, мы добавляем людей.

Бог растет в мірі - Бог живет в природе - Бог форміруется в жизни - это должны быть только образы для нашей жизни в Боге, но не постыдные описания Бога. Потому что тогда мір, природа, жизнь принимаются за свою сущность, и человек следует жестким и быстрым законам, которые, как ему кажется, он признает в них, но которые в основном имеют материальное назначение, кажутся умными правилами, и больше не дает жизни своего собственного направления: ответственности, которая рождается в опыте Бога.

Человек вычеркивает Бога из жизни.

Давайте оставим Бога непостижимым. Чем более непостижим он для нас, тем сильнее он нас захватывает.

Бог неопровергим в нас. Через наш опыт. Бог проявляется через нас. Через нашу жизнь.

Вера - это дар мира, это жизнь, осознанная в Боге. Вера - это переживание в Боге и жизнь от Бога.

Верующий не хочет видеть, как и почему возникла жизнь. Ученый спрашивает. Верующий переживает Бога и знает от него, как и почему его жизнь становится ежедневной, упорной. Ему не нужно больше ничего, чтобы верить.

Почему мы спрашиваем только о Творце, когда в теле и душе есть стремление и сила созидания, которая должна поддерживать и охранять поклонение.

Почему мы спрашиваем о бытии Бога только тогда, когда Бог в нас? Опыт в Боге. Чтить и повиноваться поклонению. Настоящее поклонение.

Потому что все, что вызывает сомнение, может стать сомнительным. Только опыт Бога не вызывает сомнений. Если мы сами захотим и поверим в это.

Опыт Бога? Является ли Бог опытом?

Бог - это не опыт. Бог находится в опыте. В каждом опыте. Через нашу силу опыта, которая срабатывает в опыте. Неопределенное «что» (бытие) и «как» (становление), и все же определяющее (бытие) в человеке (становление). Бог «есть» в порыве, а мы «становимся» в нашей силе, хотим быть достаточными для порыва. Если бы мы не имели Бога естественно в нашей силе опыта, мы бы не нашли Бога в опыте. Тогда у нас не было бы опыта.

В нашем опыте есть Бог, и мы переживаем все в Боге. Мы переживаем прекрасное, уродливое, радостное, темное в Боге. И только в Боге мы переживаем что-то такое красивое, уродливое, веселое и темное.

В своем опыте она переживает нас от Бога, а мы переживаем ее к Богу. Душа, захваченная Богом, есть в то же время душа, постигающая Бога.

Без человека Бог - не Бог.

Мы не понимаем своего последнего непонимания и готовы к Богу в этом непонимании.

Как сила порождения принадлежит человеку без того, чтобы он мог или не мог создать себя, так и опыт Бога принадлежит человеку без того, чтобы он мог или не мог сделать это.

В нашем опыте Бог подобен жизни в теле. Он не прилипает ни к одной части тела, его можно найти ни ножом, ни микроскопом - и все же он есть!

Ничто само по себе, не будучи ничем самим по себе. Непостижимо!

Мы никогда неходим за пределы этого.

Мы переживаем себя в Боге. И живем в Боге в нашей вере. Что такое вера? Что такое религия?

То, что исходит от Бога и направлено на Бога. То, как это происходит, решает вопрос веры или религии - решает тип и раса общества.

Как вера или религия становится Богом в христианстве?

По благодати Божьей в Иисусе Христе. В том, что Бог видимым образом проявляется в человеке и доказывает свою божественность как сверхъестественное существование в чудесах (исцелениях, предсказаниях, воскрешении).

Как вера или религия приводит к Богу в христианстве?

По благодати Божьей в Иисусе Христе. Человек, следовательно, следует за Христом через чистую неестественность, пытаясь убедить Бога в своей правильной вере и жизни. В смирении всего, поскольку это дар Божий, он больше не подчиняется законам жизни, потому что жизнь сама по себе кажется плохой и порочной.

Только противоестественное близко к Богу. Поэтому христианство имеет свои идеалы в милосердии к заблудшим, в монашестве и в интернационализме.

Естественно, человек ничего не знает о Боге. Бог каеется за грешника больше, чем за праведника. Самый успешный человек ближе всего к Богу, потому что он наиболее раскаивается в осознании своих грехов и одновременно наиболее верующий. А кто не хотел бы быть самым набожным?

Как это слово о кающемся грешнике, который дороже Богу, чем праведник, испортило душу нашего народа. Пусть ослабела его воля к спасению, святая, и разрослась его готовность к бедствиям, нечестивая. Что наш народ был почти испорчен. Потому что это и есть христианское спасение: только то, что собственная душа вопреки тому, что имеет «нечестивую» природу.

Сверхъестественная и неестественная природа этого Бога делает его явление самым безстыдно неестественным, делает его явление самым сияющим в самых безстыдно неестественных людях. Поэтому спасение приходит от евреев.

Уникальное явление этого Бога и постоянная связь с ним, невидимым и удаленным от человека, требует уникального, вечного института, который Бог представляет в видимом и человеческом, и в который входит человек: священническая церковь.

Церковь соединяется с Богом на основе определенных обязательств. Эта связь (религия), ее обработка и достижение, и есть христианство. Именно религия, а не вера!

Как вера или религия становится Богом в немецкой культуре?

Через жизненную силу Бога в человеческом опыте. Как вера или религия приводит к Богу в немецкой культуре?

Через жизнь Бога в событиях человеческого бытия.

Через живого Бога. Живым в природе. Пережитое из внутренних законов наследования, прожитое во внешних законах природы. Так что наше наследство естественным образом сохраняется в творении культуры, то есть в свободных человеческих творениях, а не изымается из жизни.

В Германии наша культура переживается от Бога и живет к Богу. Это означает жизнь, которая питает свой свет из тьмы и поэтому является настоящим светом.

Искусство в немецкой культуре погружено в жизнь и является обязательным, прожитым долгом. Это ограждает реаль-

ность, которая переживается и формируется, своеобразная и уникальная, одновременно.

Не двусторонний разрыв между жизнью и опытом, природой и Богом делает веру, а двойственность жизни и опыта. Наша последняя непостижимость - в Боге и в единой вере. Потому что солидарность с Богом - это вера. А не религия. Религия - это связь с Богом через посредника.

Жизнь может быть и без переживания, и может поддерживать себя в порядке даже без переживания, как это доказывает нечеловеческая природа. Но переживание не может быть без Бога и веры, иначе жизнь становится неупорядоченной.

Невежественная природа неизбежно выбирает правильное в инстинкте животного и растения. Знающая природа, в лице человека, приходит к ситуациям с необоснованными выводами и поэтому может забыться. Это происходит, когда знания становятся слишком большими и обременительными. Когда знание становится далеким от жизни. Когда знания становятся враждебными ей.

Временами человек «забывает», как так красиво говорит наш глубокомысленный немецкий язык, он может «забыть друг друга». Он часто делает что-то, чтобы «забыть», то есть восстановить инстинктивную связь с жизнью. Потому что реальной жизни почти никогда не угрожает сознание.

Со знанием всегда есть забывание. Если мы когда-то были без знания, то знали все, как природа вне нас.

Теперь мы пытаемся ее познать. Распознать. Потому что всякое знание - это узнавание. Язык уже говорит об этом.

И потому все знания черпаются из души, которая знает все в своей непостижимости.

Разум проникает в одно, но никогда - в первопричину, потому что она - его собственное состояние.

Ум видит только то, что вырывается из души. Просто посмотрите, как что-то вырывается наружу. Он бросает свет на душу и затаивается, выходят ли вещи из души под прямым

углом, прямо, без теней и плавающих линий. Это и есть знание! Затем он называет это своим знанием.

Душа нужна міру. Духовное принуждение міра. Устроить себя так, чтобы душа была отвлечена от самой насущной нужды.

Дух, воля в душе.

Воля, душа в духовном.

И все же тьма вечна! И все же нужда вечна!

Потому что без тьмы Бог не растет к человеку. А без нужды человек не растет к Богу.

Человеческие страдания - результат любой веры и религии. Человек не находит свой путь в бесконечности, он должен позволить направить себя из самого себя. Только тогда его потребность будет только внешней.

Необходимость - результат любого стремления к Богу. Религия, однако, оставляет человека меньше, чем его потребность, и обращает его к Богу лишь за его милостивой помощью.

Но вера являет Бога в душе и делает человека больше, чем его нужда, которая, будучи страданием, не должна быть и оставаться страданием. Это делает его победителем, побеждающим свою нужду. Религия обезценивает. Вера улучшает.

Вера укрепляет жизнь, делает ее правильной, сильной, ясной, осмысленной, увеличивает ее. Через постоянную борьбу.

Религия находит ее неправильной, слабой, неясной, безсмысленной в самой себе даже после всех человеческих усилий, преувеличивает ее лучшей жизнью, которая не является жизнью и которая не лучше.

Немецкая вера в Бога тоже стремится преодолеть жизнь в обычном смысле. Но чтобы увеличить ее. Не убить его.

Даже немецкая вера в Бога имеет смысл не для того, чтобы цепляться за жизненные блага. Но их свободное использование и приумножение для людей и родов.

Душа - это не Бог даже в немецкой вере в Бога. Но и Бог - это не душа, а дух.

Душа также часто является противником немецкой веры в Бога. Когда она удаляется от жизни и окончательно отрицает себя, как в христианской философии идеализма и материализма. Или когда занимает место непостижимого в своей первой самоуверенности и считает все узнаваемым и познаваемым, как в модерне.

Но душа - это не солнце, которое поддерживает жизнь на темной земле. Он - луна, отражающая ее, освещая ночь; никогда не позволяющая дневному видению прийти после ночи и быть до нее.

Жизни нужно солнце, нужен дух, способный расти. И нуждается в просветленном спокойствии ночи, которое дает дух.

Поэтому в душе всегда есть рост: естественная, специфическая для данной страны вера, которая обретает свою жизненную полноту из потребности ландшафта. Кто в этом ландшафте настоящий, истинный, прекрасный. Только в этом единственном ландшафте души.

В этой вере человек находит жизнь и опыт, как бы находясь между двумя скалами.

Когда он посыпает свой зов в жизнь, он возвращается из опыта как эхо. Как бы он ни поворачивался, перед ним всегда жизнь, а внутри него - эхо опыта. Его действие здимо решает перед ним жизнь. В своем опыте он невидимо решает о них.

Он никогда не увидит эту опытную силу решения в своих глазах. И все же она есть и никогда не теряет себя из обратного чувства.

Люди часто хотят отгородиться от себя, но не могут. Ему придется отключить себя, если он хочет отключить ее. И защищать от него эту силу, если она еще может быть силой, если в человеке еще есть сила.

Мы не можем избавиться от Бога. Что говорит эхо о природе Бога?

Ничего! Только то, что Бог есть! О том, что в конце концов где-то в нашей силе зарождается сила, которую мы не давим всеми своими жизненными эмоциями и вопреки им. Которая является голосом всей жизни.

Что эхо говорит о людях?

Все! Как его эхо, человек стоит в жизни, так его жизнь стоит за его опыт в Боге.

Если вера и жизнь могут бороться друг с другом, тогда сильное, чистое эхо наполняет и несет человека. Тогда часть жизни исполняется. Тогда человек больше не беспомощен и не безсилен в своих движениях, внутренних и внешних. Он стоит, имеет свое постоянное место в мире, его несет эхо, и в то же время его лучший судья исполняется и приносит исполнение с собой. Не ищите ее нигде, Айз. Снаружи. В ве-щах. В людях.

Он всегда ищет чистые и сильные отголоски в своей жизни. Всегда борется с внешним и своей внутренней природой. Потому что только в борьбе возникает звон, который звучит.

То, что необходимо, вечно, создано как вечное эхо в человеке: вот его вера!

Народ и все в нем растет в этом эхе. Все живое уравновешивается в этом эхе, все живое стремится сгуститься в этом эхе.

Только если все индивиды встанут на правильный и равный путь к жизни, позовут в жизнь в едином ритме, единое, сильное и чистое эхо заполнит долину жизни, духовное пространство народа. Жизнь народа будет наполнена и поддержаняна Вечным.

Как определенное душевное пространство в роду, в расе требовалось жизни, так и реверберация будет удерживать только что-то определенное. Поэтому Бог жив.

Потому что Бог - это одна и та же первозданная сила везде, во все времена и у всех народов. Только вера или религия везде, во все времена и у всех народов делает из порыва и силы через Бога нечто иное. То, что можно сделать только из человека: портрет своего рода.

В соответствии с тем, каким образом жизнь в земном пространстве может быть только овеществлена, возник род, раса. Согласно этому необходимому для жизни виду, в отголоске

души утверждаются необходимые для жизни саможизненные убеждения и уверенности, которые являются основными законами вида, то есть веры.

Они являются основными прозрениями, вытекающими из основных намерений. И наоборот. Вера - это осознание вида в знании и желании.

Искусство - это проявление внутреннего міра человека в его вере. Вера, а не некая сертификация внешних и внутренних физических характеристик, делает расу.

Если у народа есть вера, значит, у него есть и закрытая природа. Если у человека есть часть этой веры, он может в ней участвовать, значит, он принадлежит к этому типу.

Так что же вы можете увидеть?

Не бога! Но, безусловно, его веру в Бога!

Человек не должен признавать Бога в своей вере или даже хотеть признать его, но только хотеть признать и признать свою веру от Бога. Потому что это разделяет христианство и германизм до самого жуткого предела. Есть вера в Бога, вера слышащего человека в давно открывшегося Бога. То есть религия. А здесь - вера от Бога, от реального, действующего опыта Бога. Просто верьте.

Нужно ли признавать веру?

Не говорите, что безконечность: Бог! немедленно к жизни? Так сказано: Бог! И так будет сказано снова: Бог!

Но и по сей день идол и истукан стоят среди нас и заставляют нас ломать их основание, чтобы мы могли достичь нашей земной веры в свободу и достичь нашей земной веры в свободу и совершенство. Для чего необходима воля к движению.

Наша вера тоже жила под этим холодным, мраморным основанием. В глубине земли. Теперь он должен освободиться и, как единое целое, заметно вырасти вверх, к свету, к жизни. То, что необходимо для выживания душ, сокровенная эмоция сердец, которую каждый должен освободить в себе и выпустить наружу в полной мере.

Это убеждение жило в глубине, подобно кристаллу, которому отягощающая сила препятствует полному, свободному развитию его сущности, но в возможной форме все же является чистым существом, предназначенным для полной формы, всегда готовым стать ею. Потускневший и неотчетливый снаружи из-за добавлений глубины и отложений тяжелой основы. Во-первых, ему нужна поддержка. Знание сверстников о нем. О том, что он падает с глаз, как чешуя. И признание его товарищей перед ним. Что он растрянулся полностью.

Говоря иначе, почему знание веры необходимо, даже если от нас будет удалено принудительное влияние души и исторически обязательное создание церкви: Для того чтобы легко ходить, человеку не нужно было даже слово, обозначающее то, что мы сейчас называем ногой. Однако для того, чтобы вновь обрести способность ходить после длительного исследования, необходимо не только узнать ногу в теле в целом, но и ее внутренний образ, а также законы природы, влияющие на нее саму. Это звено стало здоровым благодаря знанию своего Порядка и теперь должно всегда оставаться здоровым.

Мы все потеряли естественность нашей веры через христианство. Мы больны верой. Или все еще слабы, как выздоравливающие.

Каждый немец считает себя больным человеком. Да, весь немецкий народ и все нордические народы должны признать себя в этой болезни; немецкий народ вопреки своей святой воле к здоровью.

Чтобы иметь возможность исцелить себя, в нашей вере мы должны признать образ закона нашего рода и нашей веры. То, к чему стремятся два великих движения современности, косвенно, политически и непосредственно психологически.

Необходимо полностью признать образ и законы веры, чтобы найти и заново открыть в себе то, что было утрачено в сознании. Что старый нордический человек - это новый.

Новый брак. Новый немецкий человек изображает свое переживание Бога уже не с богами и богинями, перепутавши-

мися с людьми, он переживает уже не мифически, а по закону жизни. Та самая первоначальная наивность веры окончательно утрачена; она стоила ему слишком много горького опыта. Может быть, христианство все-таки было необходимо?

Или мы сами сделали его необходимым.

Новый немецкий человек пережил слишком много безсмыс-
лии и безвластия в своем народе, чтобы выпустить силу сво-
ей веры из души даже в картинах, чтобы наивно предаваться
живописи міра. Он по-прежнему вооружен в міре, готов к
удару и контрудару. Спит с опоясанным мечом. Имеет боевые
правила («Feldlagerordnung») души.

Вот почему необходимо знание веры: чтобы сначала взгля-
нуть на себя в полной форме, а затем узнать, как держать
себя в порядке, свободном от всех слабостей, смятения и от-
чаяния, которые христианство порождает в изобилии. Через
веру человек приходит к себе в Боге.

Научившись доверять себе вопреки самому себе, позволяя
своему чувству подниматься безсознательно и ощущая лишь
чистый звук.

Вновь ища Бога там, где он находит себя: в своей соб-
ственной душе. Поклоняясь Богу там, где он читит себя: в сво-
ей собственной жизни.

Так что вера возможна! Сегодня и среди немцев! Благодаря
простому жизненному опыту и жизненному разводу в
опыте Бога.

Чтобы люди жили ответственно. Что Бог через нас в вере -
это внутренний закон нашего міра, который должен соответ-
ствовать внешнему. Наш мір интуиции, наше міровоззрение.

Познание внешнего міра остается делом науки. Наука - это
вера в одной из многочисленных форм жизни.

Согласование веры и науки - вопрос философии. Она не
должна заменять веру и не должна быть частью веры.

Философия имела свою собственную міровую проблему
лишь до тех пор, пока мір представлялся проблематичным
в своей божественности. А мір оказался проблематичным в

своей божественности. И она по-прежнему остается арийской вспомогательной наукой иудейской религии. Настоящей философией может быть только эпистемология, которая служит философии жизни, которая, в свою очередь, знает, что ее несет вера.

Потому что фундаментальные идеи не составляют немецкую веру в Бога. Скорее, немецкая вера в Бога несет в себе все живые идеи в немецком ареале. Он первый и последний через Бога.

Вера необходима для того, чтобы род и его живая форма жили самостоятельно в обществе. Ни народ, ни государство не могут взять на себя ответственность за происходящее, за веру в людей. И даже если все, что исходит от народа, государства, семьи, в блаженном ощущении того же внутреннего роста, почти призывает вас отказаться от собственной ответственности за происходящее.

Поскольку от целого к нам должно было подойти только разрешение, которое не было готово в нас самих, которое не хотело иметь свою точку перехода к форме в міре, заложенной в нас природой, - мы исключили себя из живого сообщества видов. Стали ли мы машинами, нуждающимися во внешних приводах?

Неужели мы больше не являемся живыми членами, которые сами заботятся о себе? Даже самое жизнелюбивое сородичество должно в конце концов зачахнуть.

Никто не может заглянуть в душу и достучаться до нее. Если нет ответственности за свой вид, то он ничего не стоит и представляет опасность для живого сообщества.

Жизнеспособность и сила народа - вот мерило нашей жизни, нашей работы. Но не наш опыт. Он лежит исключительно в божественном отголоске души искусства.

Вера - это порыв и сила.

Политика - это стремление и сила.

Дальновидность - это план и порядок. А если путь и план, то воля и порядок.

И если путь и план, воля и порядок хотят быть немецкими, то это также порыв и сила, тогда это также должна быть вера.

В этом и заключается победоносность немецкой веры в Бога в немецком мировоззрении и политике. Укоренить мировоззрение - значит обнаружить его корни в созидающей вере и освободить эту веру. Тот, кто не продумал, не про-чувствовал, сознательно или безсознательно не довел свое мировоззрение до корня своих убеждений, не имеет ни этого мировоззрения, ни этой веры в себе.

Вера - это порыв и сила, благодаря которым вид проявляется в своей индивидуальной особенности, реализуется в ней и остается живым в этой реализации.

А как насчет безопасности веры?

Давайте не будем говорить на нашем немецком языке: Я верю, что... и не имеем ли мы в виду неопределенность?

Даже если мы не употребляем эти слова легкомысленно, они позволяют неуверенности резонировать, поскольку неуверенность всегда заключается в чисто кровавом убеждении, которое еще не развилось в реальность, которая всегда хочет быть реализованной.

Так что это плодотворная, творческая, жаждущая неуверенность, которая присуща настоящему убеждению. То, что не позволяет себе быть удовлетворенным и пресыщенным, что сохраняет жизнь в трагикомедийном смысле. Которая не толкает на миссионерство неверующих; которые не знают, если только они не принадлежат к другому типу, куда им следует отнести свою веру. Это не оставляет места для догм.

Вера не имеет границ?

Да, вера не имеет границ, она безгранична. Потому что только так можно иметь веру. Является ли вера неопределенной?

Нет! Вера можно определить, но нельзя доказать. Вера - это уверенность, а не безопасность. Уверенность от того, чем мы хотим обезопасить свою жизнь: от нашей совести.

То, в чем мы уверены, - это великие основные прозрения и основные намерения нашего рода, от которых мы отрекаемся в жизни, только обоснованно отрекаемся. Нужно возрождать уверенность в Боге, а не идеи о Боге, которые нужно создавать.

Переживание Бога без совести - это мистицизм. Настроение, а не решимость. Он возобладал, когда благочестивому опыту и совести не дали разделиться.

Без Бога в опыте нет совести.

Там, где человек говорит о совести, Бог также говорит об этом через него.

Там, где есть человек, есть и неуверенность в жизни, безопасность настоятельно ищется и наконец обретается только из определенных прозрений и намерений, которые открывает совесть и которые уже заложены в человеке, и которые он хранит в своей вере.

Душевно, физически и психически здоровый человек по природе своей верующий, верующий в Бога.

Вера - это уверенность живой души, переживаемая в настоящей совести с необходимостью расы и природы.

Ни научная истина (объективность), ни философская вероятность (умозрительность), ни историческая определенность (конкретность) не могут и не должны стоять за этим. Наука должна применяться ко всем народам, философия всегда остается при своих интересах, а история всегда устарела.

Только живая совесть, искусственно связанныя и, тем не менее, обязательная, всегда действует.

Даже если человек принимает неверные решения. Потому что тогда род становится на ложный путь в реальности и будет исправлен им плохо в порыве полной неуверенности в жизни.

Индивидуальные утверждения совести не обязательно правильны. Тогда бы не было людей. Но именно спасительные, жизнеутверждающие и жизнеукрепляющие утверждения доказывает сама жизнь.

Действительно, определенность веры заключается в том, что она становится из противоречия определенности, переживаемой в совести, посвященной Богу, с необходимостью национального существования, которая столь же определенно переживалась через историческую судьбу. Определенность и необходимость - это вообще одно и то же.

Там, где совесть дает сбой в личном или этническом плане, ее может выпрямить и подтянуть только сама реальность. Когда душа уже не способна к переживанию и не может в конце концов руководствоваться самообладанием, никакие силы внешнего мира не в состоянии этого сделать.

И как это бывает в национальной жизни, так не иначе и в личной. Наконец, через болезненные удары и пустоту жизни человек обретает ощущение реальной необходимости и остается зажатым между сопротивлением и признанием.

Сомнение - это не признак безбожия, это признак веры, которая взвешивает переживания в эхе души и принимает решения.

Так что это означает веру из крови: веру из души. Верьте в Бога.

Бог дает внутреннее развитие через побуждение. Значит, душа имеет внутреннее развитие в порыве.

Кровь и душа по своей природе не остаются прежними, они развиваются клубок наследственности, который связываетя с жизненным законом и хочет его разрешить. Новое в каждом человеке. Человек по своей природе не является строгим законом. У него не было бы души. Ее никогда нет. Но он стремится к этому.

В душе, которая была бы пуста без цветов, как кровь без души без плотной, свойства могут атрофироваться и разворачиваться. Потому что внешнее принуждение и внутреннее побуждение, которые формировали душу в противоречии, все еще формируют ее, хотят придать силе окончательную форму реальности.

Такое развитие начинается в душе, высвобождает поддерживающий дух и заканчивается снова в душе, как и всякое развитие.

Так что не знание имеет решающее значение для веры и жизни, для веры в жизнь, а только совесть имеет решающее значение!

Ни священник, ни книга не могут научить человека тому, чего не испытала или не может испытать его совесть, исходящая из его души. И если он обрел этот опыт, ему уже не нужно, чтобы за него говорил какой-то приз или книга!

Если бы вы захотели снова спасти нашу немецкую веру в Бога в книге, теперь уже в вашей немецкой Библии, которая опирается на свидетельства нашего великого прошлого, это означало бы толкование и преподавание, догму и обучение, а мы сами от этого гораздо больше сужаемся. Мы также знаем, что это означает для истории, независимо от того, идет ли речь о товарах третьих лиц или о собственных товарах.

Вера живет только в совести. И если мы с любовью обращаемся к свидетельствам нашего прошлого, то эти знания оказывают лишь пассивное, а не активное поддерживающее воздействие.

Совесть существует для того, чтобы дать установку, а не для того, чтобы искать остановку в поиске.

Тот, кто ищет в міре последнюю истину, не нашел ее в Боге. Даже ученому отказано в этом тщетном и желанном вопросе, если он верит. Ведь ум может познать только причину вещей, но никогда - саму первооснову. Тогда он должен быть в состоянии вырасти за пределы самого себя.

Бог - это первичная вещь для переживания. Это означает все, поскольку охватывает все в нем.

Совесть - это первичная часть веры, решение в Бога. Суждение о внутренней природе, нравственности человека.

Разум - первичная часть сознания. Решение в Боге. Суждение о внешней природе человеческого міра.

Нематериальное всегда выходит за пределы материального, сознание всегда должно выходить за пределы знания. Иначе знание становится безцельным, безжизненным, мертвым.

Знание и совесть, знание и вера не дополняют друг друга, а находятся друг в друге. Где нет сознания, там не может быть и совести, а где нет совести, там нет ни правильного сознания, ни правильного знания.

Так что же такое вера?

Первостепенная часть личной жизни. Определяющая для жизни, определяющая для жизни.

Так что же такое Бог?

Первоначальная вещь в личной жизни. Определение опыта, определение жизни.

Бог - это основанная на опыте реальность и міровое действие в человеке, а не основанная на опыте реальность (Назарянин) и основанное на опыте действие (откровение, чудо).

Неуверенность в самом глубоком, стремление к безопасности, естественное для веры.

Неуверенность в великих основных прозрениях и основных намерениях рода происходит только от тысячелетнего уродования немецкой души, немецкой совести. От ее подавления в своей природе и принудительного повиновения в своем языке. Через столетия ненужного бездействия и недостатка силы духа. Это должно быть преодолено в настоящем.

Единственная причина, по которой такой народ, как германцы, мог стать чуждым в своих убеждениях, заключается в том, что он мог стать чуждым в своей политике и міровоззрении. Потому что там, где путь и план стали чужими, вера в род остается без видимой клятвы и может быть заменена в видимом другой верой, которая калечит обратно душу.

А народ мог быть отчужден, потому что вера во власть сверху пришла через чужое политическое руководство (Хлодвиг, Карл дер Франке и др.), а снизу через чужое умственное

руководство (Ульфилас, Бонифаций и др.) от широких слоев населения. Жизнь была оборвана; но решающее значение имела лишь политическая воля сверху, потому что погибших, не отнятых у своих убеждений, среди нордических народов внизу было совсем немного.

В политическом плане чужеземная вера обретала больше власти, чем народ, имевший родовые корни, скрывавший их в себе; с чужеземными верованиями власть над душами могла быть обеспечена не только одному, но и собственному народу.

И так продолжалось до того дня, когда народ возомнил о себе и захотел победить и владеть собой. Тогда путь и план снова стали искать по совести, из уверенности в роде, тогда вера снова ожила.

Христианство, казалось, жило для немцев тремя основными доктринаами, жило в стеснении исторического доказательства Бога, но так, чтобы это не было открытым изнасилованием: справедливый Бог и любящий отец означал необходимость в судьбе и целительное всемогущество Природы, милосердие - национальный долг, а вечная жизнь в будущем - вечность жизни *par excellence*. Так христианство германизировалось до тех пор, пока справедливость, любовь и бессмертие также не стали сомнительными, пока германизм не стал настолько сильным, что его уже нельзя христианизировать в настоящем.

Где же позитив немецкой веры в Бога?

В Боге. И через Бога в немецком народе. И через немецкую совесть в немецкой действительности.

Не спрашивайте, каковы писаные законы немецкой веры в Бога. Если вы так спрашиваете, значит, вы еще не нашли себя в них. Потому что законы немецкой веры в Бога не написаны, а вписаны в вашу кровь, в вашу душу. Храбрость, честь, верность, эти основные добродетели всех искусственных рас, имеют свой особый цвет и живость в вере и создаются или нет.

Позитивная немецкая вера в Бога заключается в том, что нечто невыразимое, которое вы, тем не менее, называете Богом, побуждает вас в вашей душе подчиниться этим законам, сделать их видимыми в міре ваших замыслов, выполняя необходимые условия вашего существования.

Позитивная немецкая вера в Бога заключается в том, что Бог создает нечто позитивное в міре через человека.

Успех усилий не является выражением божественного избрания по кальвинистской модели. Скорее, строгое следование видам, неустанное достижение собственного успеха - это признаки реальности Бога в нас. Это в конечном итоге и окажется успехом. Потому что физически, психически и ментально здоровый человек сбивается с пути. Для этого у него слишком много воздуха для стремления и слишком мало воздуха для беззаботного счастья.

Что-то в нашей жизни заставляет нас верить. И эта вера побуждает нас, в своем совершенстве заставляет нас позволить какому-то озарению и намерению в нас стать внутренней и внешней реальностью. И из этого мы заставляем жизнь, как она побеждает нас в ней.

Озарение приходит из жизни и в то же время является намерением в вере, которая приходит в жизнь.

Почему бы позитивному не быть внутри нас, ведь оно должно исходить от нас? Если бы оно исходило откуда-то извне, мы бы все еще были там! И тогда стоило бы жить! Тогда стоили ли все эти усилия сами по себе?

У нас нет и не должно быть вероучения, но только такое вероучение, которое хочет и может действовать. Тогда поступок - это наше исповедание. Только поступок.

Мы ищем знания в вере и исповедания в жизни. Жизненный опыт и жизненное решение являются средством для этого.

В открытом, здоровом смысле реальность имеет внутреннее Заявление о том, как должна быть сформирована жизнь, чтобы найти свой путь в себе, быть с собой.

Необходимо только вставить себя в целое. Только это и есть нравственность. В целостности нашей собственной души, души людей и мировой души, которой мы сами являемся в трех кругах опыта. Неправильный путь - это всегда что-то половинчатое, а не целое.

По сути, это внутреннее самоутверждение. А не внешнее, как это стало основным принципом многих людей, принесших свою душу в жертву богу живота, похотливому телу.

Верьте в необходимость этого. Нравственность необходима сама по себе.

Жизнь всегда таит в себе трудности. И нравственным может быть только то, что обращается к своей потребности. Поворот вовнутрь. Первый и последний. Только между ними - поступок.

Внешние трудности давят на нас. Внутренняя необходимость побуждает нас. Растворение их друг в друге - величайшая необходимость и величайшее счастье человеческого существования.

Это спасение, которое мы ищем в лучшем случае; которое в то же время было решением. В удаче, которую мы знаем. В порыве мы хотели этого.

Сначала мы создаем чрезвычайную необходимость.

Почему один человек вытеснен из Бога больше, чем другой, и обладает большей силой, доступной для порыва, - исключительно из-за его расы. Сила восстания и преодоления берется из недр, о законах которых мы даже не подозреваем, но которые включают в себя расу и вид. Потому что раса и вид, как и все живые существа, в конечном счете бесконечны.

В ней нет ни добра, ни зла, в ней христианский бог должен обладать мелочной чувствительностью, а есть только сила или неэффективность. Как две стороны жизни, в зависимости от вида и часа.

Сила должна быть такой, чтобы слабость обнаруживалась и превращалась в силу. А слабость, между нуждой и необходимостью, - вот то напряжение, которое присуще немецкой

вере в Бога. То, что освобождает в любом реальном решении, не угасает, не разгораясь вновь и вновь.

В этой борьбе хорошо быть или стать вполне уверенным в основных несомненных основаниях своей веры в различные аспекты жизни. Наш глубокий немецкий язык, в котором Слово является смыслом - нужно только правильно вслушаться в слово, чтобы узнать его значение, - станет для нас первым помощником.

От Судьбы.

Судьба - это то, что возникает из нас, а не то, что к нам приближается. Мы должны добавить ее. Не навязывайте ему нас.

Дух означает спасение. Судьба - это жизнь, которая посыпает в нас исцеление, исцеляющую, святую жизнь. Жизнь, которую мы освоили и поэтому сохранили в себе.

Провидение, то, что предвидит Бог, то, что предвидят священники, - это и есть христианство. Немцы используют это слово только для дешевых умствований. Судьба стала более тонкой, угрожающей, жестокой, непреодолимой.

То, как что-то возникает из человека, зависит от его внутреннего сейфа. От его основных представлений и основных жизненных намерений.

Судьба - это чистая внутренняя необходимость. Жизнь дает нам возможности, которые, благодаря нашему внутреннему пониманию, становятся внешней необходимостью. Но возможность через нас - это только возможность, а в остальном она невидима, мертва.

Не жизнь - судьба, а то, как она есть.

Жизнь - это, так сказать, только призыв к отношению, потому что она хочет подготовить свою судьбу на пути.

Знание судьбы всегда дает безопасность или неуверенность, в зависимости от того, могли ли уверенности вида дать безопасность или нет. Покой в беспокойстве или беспокойство в отречении - в зависимости от того, как распорядится жизнь.

Нордический человек, в частности, обладает глубоким непокорным покоем, который изобретательный жреческий дух наших предков превратил в греховность. Но это боевое міролюбие, которое достигло величайших достижений в міре.

В Германии, в частности, простые природные братства встречаются реже, чем где бы то ни было. Немецкие люди созерцательны, часто тонко чувствующие. Поэтому другие народы сидят у границ Германии как испуганные цыплята. Никогда не знаешь, что может внезапно выбить немцев из колеи.

Немецкий народ знает о том тяжелом и мрачном, что есть и в жизни. Ему часто приходится нелегко. Но и ее он умеет принимать. Не в отречении или недальновидном бунте, а в созидающем смысле.

Жизнь можно преодолеть только жизнью. Он это знает. С новой, более яркой силой.

Жизнь имеет свой смысл в судьбе. Жизнь приходит к нам в безформенном виде и проходит через нас в форменном виде. Любой другой смысл, который человек придает жизни, не наполняет ее.

Вопрос о смысле жизни в міре всегда будет напрасным. *Mir* не отвечает.

Мы должны ответить сами. Мы должны найти ответ в самих себе. Мы должны установить тот смысл, который мы хотим видеть в качестве содержания міра. Он имеет смысл, только если он наш.

Если судьба - не воля Божья, ей не обязательно быть безсмысленной, бесполезной, жестокой.

Старые люди так не думали. Это тоже христианское мышление. Если нет ничего вне природы, если природа должна сама себя поддерживать, то не должна ли она быть «безцельной», «бессмысленной», «да» жестокой»?

Смысл и цель есть только в одном Большом. Так и наша личная жизнь во всеобъемлющем существовании. Но не само существование.

Давайте посмотрим, какая необходимость стоит за жестокостью. Как устроена жизнь, она должна быть «жестокой», чтобы существовать сама по себе. Так что просто ненужное было бы безмысленным и бесполезным.

Все это - христианское негодование, перенесенное на природу. Отказ от жизни и милосердие - это одно и то же, рожденное христианством. Только безмыслица не в неестественно изогнутом смысле.

Мы должны быть не отказными и милосердными, когда речь идет о жизни, а ненасытными и неумолимыми.

Живой человек, творящий в единстве с природой, знает только покой на обочине и милосердие ночи.

От чувства вины.

Речь идет не о том, чтобы предотвратить грехи, отказавшись от жизни, и искупить их милосердием. Вечную вину за жизнь, которая не является виной самой по себе, но виной нашей жизни во всем бытии, важно чувствовать и изживать.

Свет Божий сияет в нас и становится тенью прозрений и намерений в нас, потому что в нас тоже темно. Мы видим тьму только потому, что в нас живет свет.

Даже в самом светлом поступке, в этой тени, если человек стал виновным, все равно остается немного вины в жизни. Потому что он - не вся жизнь. Потому что он не может отменить себя одним поступком.

Мы никогда не будем без теней. Но тень может полностью отступить в нас через акт поиска Бога, о котором мы знаем только сами. Что в жизни мы окружены светом, незаимствованным, настоящим светом.

Тень - это не терновый венец на голове человека. Она может быть королевской короной, если только является знаком света в нас.

Ужас охватывает наши сердца, когда в старых сказках наступает конец германской судьбы. Но нигде так не силен свет души, как там.

Вот почему немец не является человеком противоположностей. Свет и тень - это противоположности только для глаза. Он человек в совершенно всеобъемлющем смысле: человек всех высот и глубин. Именно поэтому он является творцом великой истории и культуры.

В моральном смысле вся жизнь по природе своей невинна. Но не без морального Обязательства, то есть в политическом смысле.

Для Бога и человека нет оправдания, а есть только серьезное, серьезное облегчение от самой жизни, в самой жизни.

И последнее, но не менее важное: вина указывает на недостатки, которые удручают, но это недостаток, который необходимо устраниить. Это была работа священника - превратить это политическое чувство вины перед немцами в моральное чувство греха.

Чувство вины может быть тяжелым, оно может сделать вас глубоко несчастным. Но оно также несет в себе освобождающий, боевой смысл.

Обязательство воли.

Грех может быть только там, где есть свободная воля, должна быть. Потому что то, что человек делает, должен делать без всякой причины, и есть грех.

Без свободы воли не было бы первородного греха и не требовалось бы милосердия. Как предприимчиво старый еврейский бог Иегова запустил в людях этот механизм. Товар

всегда придется возвращать ему, который имеет все права на его изготовление, а значит, и на его реализацию. Плохо только то, что он позволил так сильно развиться духу в людях, чтобы товар мог спросить себя, не мог ли производитель работать лучше и откуда у него взялась смелость считать его ответственным за свои ошибки.

Там, где жизнь готовит свою судьбу, где действуют расовые законы, не может быть свободы воли. Даже за нерешительностью и раздумьями, которые могут предшествовать

принятию решения, скрывается полноценное существо, не что иное, как определенное бытие человека. И точно так же за самим решением.

Воля человека связана по роду своему. Она исходит из пути, связана с природой.

Вид свободен в воле. По крайней мере, может быть. Поэтому что в ней есть все для ее цели.

Мы говорим: Наша воля связана с видом, наша правая воля свободна. Свободная воля - это чистый воздух в грехе.

Безответственность на Страшном суде человека с Богом.

Воля быть, то есть ответственность и освобождение человека в одном лице.

Из Вечного.

Там, где начало и конец жизни являются лишь точками перехода существования в человеческом существе, где они не теряются в загробном міре, они также означают ответственность за жизнь.

Рождение указывает на жизнь. Смерть указывает на жизнь. Этую жизнь можно найти в людях и углубиться в себя, чтобы узнать о тысяче живых произведений.

Только сама жизнь обладает вечностью. Человек - это восходящая и заходящая фигура в ней. Подобно тому, как море проясняется в одной волне в миллионах волн, но возвращается назад, чтобы появиться в миллионах других.

Человек участвует в вечности жизни только до тех пор, пока он жив. Это снова глубокий, серьезный и освобождающий, активный смысл германской уверенности в жизни.

Только пока человек живет, он также вечен. Только до тех пор, пока он продолжает жить в живом человеке. Рождение - это не начало греха, а смерть - не конец суда.

Но рождение - это направление, а смерть - направление. Давайте же убедимся, что мы достигли смерти. С нами.

Ваш новый эгоизм не должен быть продолжением жизни в делах или в детях и детях детей вместо личного безсмертия.

Вам принадлежит свободная, полная преданность жизни и, наконец, сама жизнь.

Особая жадность к заработку в этом мире. Только в этом вечность дает о себе знать.

Там, где смерть не освобождает, потому что она не является точкой, стоящей за предложением последнего вздоха, там, где ее нельзя пережить и полюбить, как крестную смерть и друга Смерть, которая берет большую усталость из жизни там, где она есть. Если дыхание обрывается неровно или его вообще нет, это не должно заставлять жизнь казаться сомнительной и горькой, а скорее направлять вас к неоспоримой, великой загадке жизни и заставлять молчать в ней.

Человек желает только тогда, когда у него нет ответа. А ответ на смерть - это жизнь. Осмысленная жизнь.

Не бывает смерти без интеллектуальной, духовной или физической потребности. Смерть - это тоже жизнь. Событие жизни. Только мы любим, чтобы старение нас мягко трогало. Но унылый отступ за молодой жизнью говорит и о наглом, освобождающем законе необходимости.

Если не было нужды, выходящей за рамки твоей ответственности и твоих возможностей, то в будущем включай только себя, и не говори об ошибочном стечении обстоятельств. Вы просто сошли с ума.

Случайность - это только внешняя сторона события, внутренняя же всегда необходима, потому что она захватила людей.

Совпадение» Бога и «совпадение» жизни на самом деле не прощают ни Бога, ни жизни. И то, и другое вечно учитывается человеком, и на протяжении всей его жизни это не решается. Поэтому он не прощает себя ни Богу, ни жизни. Он изменяет и тому, и другому.

И не ищите утешения и освобождения в Боге, любя друг друга. Любовь - это дар души, ею нельзя повелевать. Но долг восстает в вас и дает вам утешение и освобождение. Будьте необходимы и правдивы друг с другом. В Боге.

Будьте призваны из смерти человеческого существа еще глубже погрузиться в закон жизни. И вы сделали эту смерть плодотворной, лишили ее горечи.

Жизнь проходит через вас. Она не стала больше, чем вы отдали, она не уменьшается, когда забирает вас. Лишь на мгновение кажется, что она стала менее мощной по форме, но не по созидательной силе.

Вы сами не являетесь ни настоящим началом, ни настоящим концом. Вы вечны в Боге, когда вы прожили Бога. Поэтому что Бог вечно растет во всем опыте.

Видите, немцы, это ваша вера! Видите, Он есть! Где вы могли бы противостоять ему? Сделайте его живым в вас во всей его сущности!

А ваше неверие! Это христианство! Только христианство! Только до тех пор, пока христианство было религией в Германии, которая не была вашей, среди вас были неверующие. Которые хотели быть неверующими, потому что были слишком свободолюбивы и сильны духом для этой веры, которая в самые горькие времена не могла и не хотела превратиться в горькую нужду.

Там в вас зародилась вера, которую вы называете новой, но которая стара, как ваше существо. Теперь вам предстоит признать и исповедовать ее.

Речь идет не об уходе из сообщества христиан, а о том, чтобы научиться смеяться над злым грехом и лишь чувствовать вину, которую вы возлагаете на все общество. Этот уход - следствие этого.

Потому что чувство греха - это действительно корень христианства.

Каста священников может сказать на все сомнения: Вся мудрость! Всем отчаявшимся: добро, любовь! АУ-мудрость, всеблагость, «вселюбовь», которые настолько велики, что их уже не понять. Поэтому они от Бога.

Только истинное отношение к жизни невозможно опровергнуть и исказить.

Поэтому живите по-язычески и в день, и в вечность. Это значит жить без ограничений, потому что все, что приходит, приходит по закону вашего рода.

Пусть жизнь бурлит: свежая, веселая, кипучая, угрожающая, жестокая, темная и ясная. Такой, какая она есть, и такой, какая становится необходимой.

Будь живуч в Боге через свою веру! Будьте солью земли и собирайте урожай в своем плодородии!

Знайте: Вера стоит столько, сколько она способна поддерживать жизнь, не принуждая к ней.

Именно в решающей трудности немецкой ситуации народ должен признать, что его сущность всегда жила в этой вере, живет только через эту веру. Что эта вера, следовательно, вообще является верой. Что это убеждение должно быть сначала навязано христианству, в общем сознании, прежде чем оно получит полные и открытые права на родину. Прежде чем люди их рода действительно станут, т. е. смогут стать вполне сознательными. Вы можете исполнить и сохранить исполнение.

События наших дней оказывают на него сильнейшее влияние; довести его до последней глубины - значит прийти к Богу в растущей немецкой вере в Бога, - но для этого необходимо и такое движение, в котором верующие уже имеют надежное и твердое представительство в своих убеждениях.

В том и состоит решающая трудность этого движения, которое является внутренним течением политического движения, которое также движет им и живет в нем, что оно существует в своей миссии к народу. Миссия транслировать его от рода, который живет в Боге, к человеку, который хочет жить в Боге.

Неуверенность и неопределенность - вот в чем вся проблема немецкой веры в Бога. И то и другое можно вытравить только из захваченной души. Понять это - первый и главный дар и задача этих движений.

Нравственность - это решение в людях. Политические решения - между ними. Вера несет в себе и то, и другое. И работает и с тем, и с другим. Она имеет дело с людьми, в первую и последнюю очередь с теми, кто и в ком принимаются все решения.

Только когда это будет понято, немецкая вера в Бога распространится, как огонь, будет переходить от человека к человеку среди людей и раздувать пламя жизни, чтобы мы все вместе служили ему.

Позитив Жизни - это Вера.

Позитив Веры - это Бог.

Позитив Бога - это Жизнь.

Дональд Дж. Дитрих

КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ И ВЫЗОВ НАЦИЗМА

Основополагающим документом II Ватиканского собора был *Lumen Gentium*. Это описание роли Церкви было основано на библейской и исторической экклезиологии, а также на субъективной антропологии, основанной на опыте. Это заявление помогло взрастить нападение Церкви на антисемитизм в *Nostra Aetate* и поддержало её участие в современном диалоге по правам человека. Основы теологических и моральных инициатив, которые привели к обновлению, характерному для II Ватиканского собора, были частично заложены в период войны в Германии. В этой метаморфозе немецкие теологи вместе со своими современниками во Франции сыграли ведущую роль, поскольку они начали размышлять о католической экклезиологии и антропологии, которые предложили воображаемую «модель» Церкви, которая оказалась полезной для того, чтобы помочь верующим вовлечься в политическую и интеллектуальную культуру последних семи десятилетий.

В 1927 году Отто Дибелиус, известный протестантский теолог, предсказал, что двадцатый век станет «веком Церкви». Трактаты о Церкви время от времени появлялись с четырнадцатого века, но экклезиология не спешила занимать центральное положение в католической теологии, которое она занимала с девятнадцатого века. Тюбингенская школа девятнадцатого века, то есть Дрей, Мёлер, Штауденмайер и Кун, начала формулировать органическую и историческую модель Церкви как общества, которая рассматривалась как способ понимания отношений между Церковью и ее традицией.¹ Эта «живая» модель исторически меняющейся традиции и Церкви встроилась в дискурс двадцатого века, поскольку тео-

логи все больше подвергались давлению, чтобы вовлекаться в светскую культуру. Теологи из Германии, а также Франции посвятили теологию динамичной и исторически обусловленной экклезиологической парадигме. Их вклады были взращены немецким реформаторским католицизмом и французской заботой об органическом развитии католической традиции. Эта культура помогла поддержать парадигматические изменения в церковной экклезиологии в *Lumen Gentium*.

До II Ватиканского собора доминирующие неохоластические руководства по экклезиологии взяли свою идею из более старых работ неохоластической модели, которая утверждала, что Церковь Христа, которая определялась как легалистическое и юридическое общество, по сути, составляла Царство Божье в его нынешнем виде. Эта Церковь была с самого начала, утверждали неохоласты, иерархическим обществом, а не демократическим или партиципативным. Основа этого подхода была основана на убеждении, что исторически Петр получил от Христа первенство, которое включало юрисдикцию. Папа рассматривался как преемник Петра, а Римско-католическая церковь по сути рассматривалась как истинная и законная Церковь Иисуса. В целом, традиционные латинские неохоластические руководства демонстрировали склонность к юридическим и абстрактным категориям с небольшой возможностью для развития, которое резонировало бы с историческими движениями. Христос рассматривался как основатель Церкви, «совершенного общества», в котором должностные лица имели юрисдикцию над членами. Папа изображался как правитель этого общества. Епископы получали свою юрисдикцию от папы, а функциональные атрибуты Церкви изучались под эгидой властей порядка и юрисдикции. Но перспективы, как показывает взгляд на теологическую культуру той эпохи, менялись.

В 1941 году Шарль Журне изложил нисходящую экклезиологию, которая была основана на утверждениях догматов, а не на опытных данных, и которая была разработана по тра-

диционным линиям, опирающимся на дедуктивную, а не индуктивную методологию. Однако, в отличие от мануалистов, Журне предварительно ввел органическую структуру, чтобы противостоять строгому юридическому подходу. По его мнению, Церковь должна была рассматриваться как организм любви, имеющий милосердие в качестве своей «с сотворённой души». С его точки зрения, сама Церковь была безгрешной, поскольку грех рассматривался как то, что отделяет члена от тела. Среди слабостей, заложенных в эклезиологии Журне, было его отсутствие сочувствия к эмпирическим и историческим данным. Он почти не использовал библейские тексты, за исключением «текстов-доказательств», и он не позволял истории говорить самой за себя. В его пользу, по крайней мере с современных точек зрения, говорит тот факт, что он развил некоторые провокационные экуменические размышления, считая, что христиане-диссиденты, искренне верующие, способны быть связанными с «Церковью» различными способами.³

В 1940-х годах католические теологи во Франции, которые были чувствительны к историцистской культуре двадцатого века, создали заметные исследования, взращённые эклезиологией Отцов. Тесно связанным с этим возвращением к патристическим источникам было возрождение теологии Мистического Тела. Исторические исследования Эмиля Мерша, например, способствовали этому развитию. Неудивительно схоластической тенденцией исследовать отношения Христа с Церковью в философских терминах главной и инструментальной причинности, Мерш более интенсивно сосредоточился на восточной патристической традиции, которая подчёркивала органический союз между главой и членами тела. С этой точки зрения живую Церковь можно было рассматривать как продолжение Христа, который постоянно действовал на неё изнутри как оживляющая сила, а не как внешняя действующая причина. Размышления о Церкви как мистическом теле позволили Пию XII выпустить свою энци-

клику 1943 года, наиболее полное официальное католическое заявление о Церкви до II Ватиканского собора, однако оно ослабило любой реальный экуменический дух. Опираясь на первую схему I Ватиканского собора и на взгляды Льва XIII, эта энциклика не отвергала предыдущие учения Церкви, а скорее пыталась выйти за рамки юридических экклезиологий, столь заметных в неохоластических руководствах, и извлечь выгоду из богатства идей, исходящих от учёных-патристов. Пий XII указал, что союз между Христом и Церковью, хотя и более чем моральный или юридический, не устраниет различия между Христом и членами Тела; мистический не означает невидимый. Церковь как тело была видимой, концепция, которая противостояла как Мершу, так и Фоме Аквинскому.⁴

Для многих *Mystici Corporis* было важным утверждением сущности Церкви, поскольку Папа учил, что Мистическое Тело физически идентично Римско-католической церкви; впоследствии он подтвердил это утверждение против инакомыслящих в *Humani Generis* (1950). Согласно позиции Пия XII, только те, кто находится в Римско-католической церкви, могут считаться полноправными членами мистического тела. Христиане, не объединённые с видимой структурой Римско-католической церкви узами исповедуемой веры, таинств и послушания, не могли полностью находиться в общении со Христом. Тем не менее, для некатолических христиан было возможно быть объединёнными в ограниченной степени с Телом. Если они жили в благодати и были добросовестно связаны со Христом, даже если и ошибались, они могли быть присоединены к нему не подозревая через свое желание и решимость исполнять волю Божию в отношении Мистического Тела. Неудивительно, что такая концептуальная точка зрения вызвала интенсивную дискуссию в католических теологических кругах. Не выражая явного несогласия, многие теологи были по понятым причинам недовольны сосредоточением спасения исключительно на Католической церкви. Результатом беседы между канонистами, экуменистами и теологами

в конечном итоге станет то, что кардинал Августин Беа на кануне II Ватиканского собора предложил доктрину христианского членства в сообществе Бога, которая расходилась с *Mystici Corporis*.⁵ Однако о нехристианах до II Ватиканского собора практически ничего не говорилось.

Дискуссии, которые происходили до и после обнародования *Mystici Corporis* в 1943 году, инициировали формирование экклезиологии, которая могла бы более агрессивно реагировать на нужды Церкви. Ив Конгар, например, отклонил эту энциклику и благосклонно отозвался о критике Эриха Прживары, немецкого теолога, «тенденции к определённому смутному романтизму, тенденции понимать Мистическое Тело просто как область благодати, тенденции видеть последующую aberrацию воображения постоянного физического присутствия Христа в каждом христианине». Несмотря на такую критику, Прживара также писал, что энциклика, по крайней мере, избежала двух крайностей: Церкви как мистической среды и Церкви как рационального или правового института. Подлинная Церковь, как считали многие, должна была искать в диалектике истории способность преодолеть как однобокость Церкви имманентной жизни, так и Церкви, сформированной исключительно законом и властью. Эта предполагаемая новая модель Церкви должна была иметь четыре модальности: (1) коллективная личность, принимающая присутствие Троицы; (2) тело Христа; (3) организация видимых служб; и (4) христианское духовное общество индивидуальных членов, «которые сформированы церковью и входят в мір, церковь посланных мірян, церковь людей и міра».⁶ Возврат к источникам, который привел к возникновению теологии Мистического Тела, содержал динамизм, который также раскрыл разнообразие исторических образов, которые имели решающее значение для обновлённой экклезиологии, которая послужила оживлению военного и послевоенного католического богословия и привела ко Второму Ватиканскому собору. Например, теологи начали более внимательно изучать патристическое понятие «Народа Божьего».⁷

В годы между *Mystici Corporis* и II Ватиканским собором Ив Конгар, чьи основополагающие идеи уже присутствовали в его работе 1937 года «Разделённое христианство: католическое исследование проблем воссоединения», был одним из самых влиятельных экклезиологов в Церкви. Его описание «католического единства» в этом томе создало подлинное пространство для творческого вклада различных культур и было пророческим предвосхищением учения Ватикана II. Конгар вставил эти основополагающие идеи в свои более поздние работы. Через корпус его работ проходит последовательная тема Церкви, по сути созданной Христом, основателем. По его мнению, Христос по-прежнему оживляет Церковь и свободно действует через неё. Однако снизу институциональная Церковь должна была рассматриваться как созданная ошибающимися и грешными людьми и поэтому всегда нуждающаяся в реформировании. 8 Конгар и другие переняли для экклезиологии опыт Отцов и других в первом тысячелетии, когда Церковь ещё не могла осуществлять свое полное господство. Особенно в доконстантиновской Церкви Конгар и его современники начали раскапывать интенсивную духовность, молитвенное слушание Иисуса и открытость к обращению и реформам. В Церкви второго тысячелетия Конгар различил сдвиг, который имел глубокое влияние, поскольку Церковь начала неуклонно фокусироваться на власти и господстве. Он признал, что этот сдвиг был понятной реакцией на ряд угроз, включая протестантскую Реформацию и рост секуляристских государств. В своём исследовании метафоры Павла о теле Христовом Конгар обнаружил, что центральное значение Церкви заключается не просто в её видимости как органического существа, но и в её единстве, охватывающем множественность, подобно тому, как ранняя Церковь обращалась к разнообразному населению Римской империи. Церковь стала для них «живой» общиной в духе, экклезиологией, которая подчеркивала *communio*. Наряду с этим фокусом на «народе Божьем» также сформировалась более коллегиаль-

ная модель, связывающая епископов с вселенской Церковью. Папство должно было быть переосмыслено как министерство служения, а не господства, встроенное в Епископальную коллегию. Полномочия епископов как пастырей были связаны не столько напрямую с каноническими обязанностями Папы, сколько непосредственно с харизмой, дарованной при рукоположении. Даже міряне воспринимались как имеющие призвание к апостольству, которое было укоренено в вере, через таинства, а не связано в первую очередь с мандатом от иерархии. Эти прозрения напомнили многим теологам этого поколения, что христиане и сама институциональная Церковь все еще блуждали во тьме истории. Их усилия в конечном итоге привели к более скромной экклезиологии, которая могла бы поощрять постоянную критическую позицию по отношению к действиям институциональной Церкви по мере её развития. С исторической точки зрения, прерванная работа Первого Ватиканского собора теперь находилась в процессе завершения.⁹

Это «переломное изменение» в экклезиологии было всесторонне сформулировано Конгаром и поддержано немецкими теологами этой эпохи, которые способствовали перестройке ранее доминирующей неохоластической среды в ту, которая более прочно резонировала с современными потребностями. С девятнадцатого века Тюбингенская школа помогала питать католическую традицию в Германии, которая была более чувствительна к библейским и историческим исследованиям, и, учитывая стрессы и напряжение жизни в жестокой среде Третьего рейха, теологи размышляли об идентичности своей Церкви, то есть её экклезиологии. Они начали преобразовывать способ, которым институт будет реагировать на исторические вопросы. Такие теологи, как Гроше и Костер, хотя и не такие известные, как Конгар, оказали влияние на развивающуюся немецкую традицию, которая помогла изменить экклезиологическую среду вселенской Церкви. В темные дни войны они боролись за то, чтобы переместить

Церковь в публичную сферу, где она могла бы более осмысленно отвечать на вызовы эпохи. Эти теологи не смогли ответить на яростный антисемитизм нацистских лидеров, но они критиковали психологические проблемы категоризации и маргинализации в их церковном и, как следствие, политическом сообществе, что помогло проложить путь для более экуменической теологии. Они критиковали эксклюзивистскую динамику, которая сделала возможным католический и нацистский антисемитизм, а также структурные причины аномии, испытываемой в современных обществах.

Когда Гитлер пришел к власти в 1933 году, Роберт Гроше изложил свои взгляды, набросав, как может произойти католическо-национал-социалистическое примирение. Он теологически организовал свои размышления вокруг концепции *Reichstheologie*, которая была исторически полезна для слияния консервативного, если не реакционного, христианства со светским порядком. В 1933–34 годах он опубликовал несколько статей, посвященных теме создания фундамента для христианской политики, который могли бы использовать немецкие католики в Третьем рейхе. Его взгляды на адаптацию можно критиковать, но с другой точки зрения их также можно рассматривать как утверждение, что церковь играла необходимую общественную роль.

Гроше принял антилиберальную традицию, процветающую в консервативной Европе, которая утверждала, что Проект Просвещения потерпел неудачу, поскольку он пытался организовать европейские государства и общества таким образом, чтобы игнорировать исторические традиции,ственные европейским народам и культурам. Католицизм, утверждал он, был главным сторонником antimoderнистской традиции, которая черпала своё питание из исторически сформированной концепции *Reich Gottes*, концептуальной модели, разработанной в Средние века, но идеологически разрушенной модернизирующими государствами после 1789 года. *Reich Gottes* (Царство Божье), утверждал он, из-

начально и теологически был христианским эсхатологическим термином и одним из центральных стержней, организовавших христианскую традицию. По сути, этот Рейх был исторической, а также эсхатологической целью, которая рассматривалась как постоянное исполнение Божьего плана. Со светской точки зрения Рейх должен был соединить Карла Великого, Священную Римскую империю, Бисмарка, а теперь и Гитлера. Гроше, конечно, предварительно задался вопросом, может ли нацистское государство действительно считаться следующим шагом к реализации теологической концепции Рейха, но осторожно предложил утвердительный ответ на этот вопрос. Он сформулировал свой аргумент вокруг воплощённой теологии. Здесь Иисус Христос был провозглашён как одна личность с божественной и человеческой природой, которые не были ни полностью разделены, ни полностью смешаны. Гроше объединил это учение о двух природах Христа с теологией истории, в которой человечество имело начало и двигалось к концу. Гроше пришёл к выводу, что духовные импульсы всегда должны предшествовать и предвосхищать светские события. Поэтому казалось необходимым более подробно поразмышлять над церковной историей, чтобы понять случайные события его эпохи. Христианская история, как он чувствовал, двигалась к своему назначенному концу с установлением Третьего Рейха. Он утверждал, что принцип власти как в Церкви, так и в государстве должен преобладать над любой свободой слова и голосования, то есть либеральной демократией, которая разделит людей в обществе, а не поможет им сформировать органическое единство.¹¹

Гроше утверждал, что нашёл необходимые доказательства того, что эсхатологический *«Reich»* христианства возник в Германии через нацистское движение. Основа этого политического Рейха, по-видимому, была воплощена в *Führerprinzip* (национал-социалистическом принципе руководства), органической немецкой общине и появлении реализованной корпоративной политической теории, которая отражала средне-

вековый идеал. Он убедительно писал, что если когда-либо и должен был возникнуть подлинный христианский Рейх, то он мог существовать только под властью Германии, единственного государства, которое уже продемонстрировало свою существенную историческую идентичность с теологически концептуальным Рейхом, который помогал управлять европейской политической историей со времён Средневековья. Он чувствовал, что Третий Рейх мог стать воплощённым духовным Рейхом, но что он должен был быть благословлён Церковью. Поэтому задача католиков состояла в том, чтобы продвигать реализацию духовного Рейха посредством своей помощи нацистским лидерам. Только в своей связи с христианской концепцией Рейха нацистское государство могло стать истинно христианским и таким образом исполнить Божий план.¹² По сути, и Церковь, и государство должны были сотрудничать для того, чтобы появилось Царство Божье. Когда нацисты показали своё истинное лицо, он увидел, что эта попытка метаморфозы провалилась, и поэтому противостоял этому разочарованию, разработав экклезиологию, не зависящую от *Reichstheologie*.

Попытка адаптировать христианство к нацистскому мировоззрению может рассматриваться задним числом как опасный шаг, поскольку он благоприятствовал тем решениям, которые в конечном итоге могли бы ввести коварную коррупцию, которая свела бы христианскую веру к роли, поддерживающей расизм. Католические теологи, такие как Гроше, изначально пытались примирить нацистскую идеологию, хотя и псевдорелигию, со своей христианской верой.¹³ Натурализовав теологическую доктрину, они надеялись достичь политического соглашения с новым режимом, но Гроше видел, что он поставил под угрозу трансцендентную основу, а также историческое развитие своей веры.¹⁴ Как и многие другие теологи, Гроше стал менее восторженным, когда нацисты начали «координировать» немецкое общество. Отойдя от политики, Гроше счёл более полезным обратиться

к теологическому вопросу перестройки явно устаревшей неосхоластической экклезиологии, которая не могла адекватно вовлечь его культуру.

Гроше создал свою работу о «пилигримской церкви» в начале войны. Исследование смело включило идеи, оживляющие его культуру, которые могли оказаться полезными как для нацистских идеологов, так и для католических теологов. Его ранняя католическая теология и нацистская идеология отражали доминирующие романтические и антимодернистские тенденции той эпохи, но, по-видимому, им не хватало столь необходимого критического измерения. И Гроше, и его современник Карл Адам не смогли увидеть опасности, присущие нацистской перспективе, которая питалась в современной немецкой культуре, исторически пронизанной романтическими и органическими интеллектуальными мотивами. Оба теолога внесли значительный вклад в католическое богословие, и оба иллюстрируют ловушки, в которые теологи могут попасть, если критические меры предосторожности не будут встроены в теологические систематизации. Именно во второй попытке сформулировать релевантную экклезиологию Гроше отказался от своей ранней стратегии адаптации.¹⁵

Вклад Гроше в развитие более жизнеспособной экклезиологии соответствовал современным потребностям, которые он наблюдал. Следуя по стопам своих предшественников в Тюбингенской школе, он начал с атаки на абстрактный концептуализм Просвещения, который для многих заменил живого Бога христианства. В ответ на Просвещение тюбингенские теологи девятнадцатого века настаивали на том, что идеи, взращённые в исторических культурах, формируют действия, и они осуждали абстрактный разум Просвещения, который, казалось, игнорировал органические, живые культуры и традиции. История для тюбингенских теологов была дисциплиной, ответственной за изложение поступательного движения идеи, которая должна была эсхатологически выполнить миссию человечества. Гроше также перенял акцент

Хайдеггера на экзистенциальной историчности, который также повлиял на Романо Гуардини. История была полем битвы, где несвободная природа освобождалась по мере развития человечества, где правила свободная воля и где настоящее существует не как целостность, а скорее как процесс, укоренённый в прошлом и живущий в направлении будущего.¹⁶

По мнению Гроше, Церковь успешно сохранила надлежащее значение откровения Божьего посредством своей исторической и продолжающейся традиций и таинств, которые передавали благодать мужчинам и женщинам на протяжении всей истории. Поэтому позитивное богословие Церкви должно было быть связано с воплощённым и историческим Иисусом. Гроше очень тщательно связал историческую личность Христа с живым откровением, которое постоянно восстанавливалось в органическом сообществе Церкви.¹⁷ Сущность христианства была основана на исторических деяниях Иисуса на кресте и воскресении из мёртвых. Акцент Гроше на историчности и развитии подготовил почву для его теологического анализа «пилигримской» Церкви, экклезиологии, которая могла бы лучше ответить на потребности Церкви в эту тёмную эпоху, чем адаптация стольких немецких епископов и благоразумие Пия XII.

Для Гроше религиозная задача, стоящая перед христианами в то время, заключалась в том, чтобы понять сущность и реальность Церкви, рассматриваемой как культурная и контркультурная сила. Он представлял себе Церковь как институт, который должен был направлять трансцендентное откровение Бога мужчинам и женщинам, живущим в истории. Приступая к своему анализу, Гроше отдал дань уважения реформаторскому католицизму Германа Шелла, который тесно связывал Церковь как историческое явление и трансцендентную христианскую веру, все ещё развивающуюся. Для Гроше понять христианство означало связать Церковь, её традиции и ее развитие. Теологи, особенно во Франции и Германии к 1930-м и 40-м годам, разработали протокол противостояния

посттридентским, полемическим и юридическим концепциям Церкви, которые исторически были сформулированы как реакция на концепцию невидимой Церкви реформаторов. Гроше и другие представители его поколения набросали экклезиологию, которая была тщательно пропитана изначальным христианским опытом и его продолжающимся значением. Эту более эмпирическую концепцию Церкви в работе Гроше можно отнести к более ранним работам Иоганна Адама Мёлера и Маттиаса Йозефа Шебена.¹⁸ Гроше жил в то время, когда новое видение Церкви было крайне необходимо, и он начал организовывать более ранние «части экклезиологии» в систему, которая отвечала его собственным воспринимаемым потребностям.

Для Мёлера Эйхейта Церковь была воплощением духа Христа, а иерархия черпала свою силу из души общины. Соответственно, каноническое право должно было пониматься как юридически воплощённая любовь общины. Шебен интересовался сверхъестественной жизнью Церкви, где институт рассматривался скорее как тайна. Из такого вывода он связал сакраментальные и юрисдикционные обязанности Церкви. Несмотря на то, что епископы на I Ватиканском соборе организовали конституцию Церкви вокруг эксклюзивистской экклезиологии, они перестали подчеркивать пост-Тридентскую юридическую концепцию, которая предполагала Церковь исключительно как институт. К сожалению, из-за Франко-пруссской войны на I Ватикане была утверждена только схема непогрешимости с её юридическим компонентом, и поэтому казалось, что католическая доктрина проистекает из папской власти, воплощённой в Петровом служении. Уже подготовленная и более широко инклузивная экклезиологическая схема, никогда не обсуждавшаяся, приглушила бы такую жёсткую и бесплодную иерархическую позицию. Защитная позиция Церкви после Первого Ватиканского собора упекала из виду тот факт, что папская непогрешимость, призванная защищать Церковь от внешних угроз, могла бы быть

по-настоящему оценена и признана полезной только в том случае, если бы она была укоренена во внутренней жизни Церкви, которая, как некоторым казалось, была запечатлена в модели «мистического тела Христа», но также могла быть восстановлена в исторически и органически обоснованной модели.¹⁹

Эту мистическую модель тела Христа, согласно Гроше, можно найти в её зачаточной форме у Святого Павла, ранних Отцов Церкви и главных схоластических теологов. Гроше напомнил своим читателям, что сама Церковь никогда официально не останавливалась на одной определённой идентичности для себя, но в целом предпочитала гибкость, которая могла бы отвечать церковным потребностям. По крайней мере, вплоть до Средних веков, центральное положение институциональной Церкви в христианской жизни, по сути, казалось, устранило необходимость в какой-либо экклезиологии, которая была бы теологически определена. Церковь должна была подготовить *das Reich Gottes* и имела свои собственные институциональные обязанности. Павел, однако, писал о новом Адаме как о Христе, как о главе Церкви (Еф. 5:23). Эта органическая концепция Павла, как чувствовал Гроше, была наиболее желанной после кошмара бесплодного индивидуализма, который, казалось, был сутью проекта Просвещения. По мнению Гроше, Карл Адам, находящийся в романтической традиции, общей как для нацизма, так и для католицизма, очень правильно построил экклезиологическую модель, которая утверждала, что тайна воплощения предписывала, что Церковь должна рассматриваться как органическое сообщество. Адаптационный подход Адама, конечно, имел свои проблемы, поскольку он стимулировал его к позитивному взаимодействию с нацизмом.²⁰

В органической и исторически развивающейся модели Гроше институциональная Церковь не стоит между Богом и человечеством. Она не является институционализированным абсолютом, поскольку сама причина её существования связа-

на с Христом и христианами в живом сообществе. Церковь существует через Христа и во Христе. Эту Церковь нельзя понять эмпирически через социологию, но ее можно постичь только христологически. Как сообщество (*Gemeinschaft*), эта Церковь основана на Христе и реализуется сакраментально через свои дела. Христос, в котором обитает полнота святости, является главой этой Церкви, и воплощение как объективное вхождение Иисуса в историю отвергает, например, раннего Мёлера, чей романтический идеализм имел тенденцию ценить субъективные импульсы, а не Писание и традицию, которые могли бы служить более объективным основанием. Видимость Церкви основана на историческом воплощении.²¹

Поскольку Церковь исторически функционирует в міре и пытается христианизировать мір, ее нельзя изучать неисторически. Мір истории не может быть подчинен абстрактной и юридической экклезиологии. В патристический период была сформулирована позиция, что Церковь и Кесарю присущи свои собственные обязанности. Христос, а не Церковь, правит как Церковью, так и светским міром, и процесс соотнесения обеих сфер оживляет историю. Предположительно, міряне в своей работе должны морально обуславливать своё окружение, что, конечно, означает, что они не могут быть полностью подчинены Церкви или государству. Воплощение также защищает временный мір и придает ему уникальное достоинство. ²² Гроше расчищал путь в дисциплину политической теологии, которой позже более ревностно следовали такие теологи, как Иоганнес Метц.

Гроше настаивал на единстве Церкви, которая должна была включать папу, епископов с их обязанностями как преемников апостолов, священников и мірян. Такое единство не было задумано для того, чтобы уничтожить множественность народов, но должно было служить напоминанием о том, что существует одна человеческая раса, к которой принадлежат все исторические народы. Благодать — и здесь он

предупреждал, что это понятие может быть неправильно использовано, как это было сделано теологами, надеющимися положительно связать нацизм и католицизм — не разрушает природу, но предполагает ее как часть эсхатологической цели Бога. Поэтому ни одна этническая или расовая группа не могла обоснованно претендовать на превосходство в Церкви. Все в Церкви равны по духу. Все они должны иметь равное место в глазах институциональных лидеров, особенно Наместника Христа. 23 Реальность Церкви обнаруживается в её историческом ответе на человеческие вопросы. Эта Церковь представляет собой постоянное провозглашение Царства Божьего и, вероятно, не должна рассматриваться как Церковь воскресшего Христа (тип завершения), а скорее должна восприниматься как невеста Христа, которая сейчас и в будущем ожидает возвращения своего жениха. Последний образ лучше бы поддерживал продолжающийся процесс.

В своей работе Гроше пришлось иметь дело с теологией *Reich Gottes*, которая ранее оказала на него влияние и которая была так популярна в то время. С пролептической точки зрения Гроше настаивал на том, что Церковь ещё не является Царством Божиим. По мнению Гроше, Царство Божие «вторглось» в этот мир через Иисуса Христа. Это царство находится здесь, на земле, в Церкви, но оно скрыто, как Христос до своего воскресения. Церковь несёт ответственность за установление пути, который приведёт к царству. Таким образом, Царство Божие было пролептической тайной (Мк. 4:11) и было, как сказал Иисус, горчичным семенем, которое должно было созреть. Концептуально Царство Божие можно рассматривать как благодать и как живущее в прошлом, в настоящем и в будущем. Вечное Царство Божие теперь существует в Церкви, которая находится в пути, но ещё не достигла Бога как *«ecclesia gloria»*. Эта Церковь на земле — Церковь грешников, и ее члены ежедневно нуждаются в прощении. Эта Церковь — «Церковь пилигримов», народ Божий, блуждающий во тьме, но ведомый светом веры. На

этой земле Церковь не воплощает славу, а скорее крест, когда христиане движутся к своим целям. 24 Гроше предложил экклезиологию, направляющую исторические события, и такую, в которой христиане могли свободно определять, как будет существовать Церковь, поскольку она упорно выполняет свою миссию. Эта Церковь — народ Божий, работающий в конкретной истории, и она греховна, даже нуждается в реформировании. Гроше, конечно, был не одинок в своих размышлениях о Церкви и её значении.

В 1940 году, менее адаптивный по духу, чем Гроше, Доминик Костер опубликовал «Развитие экклезиологии», результат двенадцати лет различия значения Церкви как института в современном мире. Костер рассматривал Церковь как *Volk Gottes*, народ Божий, непрерывно обретающий духовное сознание через своё собственное самопонимание. Такую Церковь можно было бы также рассматривать как органическую сущность, отражающую ценности его современной политической и биологической культуры, но также как институт, который необходимо было критически оценить, чтобы избежать тактики маргинализации. Как сообщество может быть органическим и не маргинализироваться? В свете нацистской расовой политики это был важный вопрос, с которым Костер не справился должным образом. Такой органический подход также мог бы сублимировать Христа как Бога в Церковь по мере её изменения в истории, и поэтому также мог бы внести потенциальные проблемы. Однако работа Костера укрепила восприятие того, что органическое церковное сообщество непрерывно исторически формировалось. Модель *communitio*, по мнению Костера, могла бы противостоять инструменталистским практикам самой Церкви. 25 Таким образом, его проект заключался в разработке теологии, которая уравновешивала бы личность и сообщество в рамках теологии, которая подчёркивала бы христологию и экклезиологию.

Костер не мог поддержать экклезиологию, которая взяла «тело Христово» в качестве своей модели, поскольку такой

шаг означал бы использование только частичного богословского понимания, которое не было основано на Писании. Подлинная экклезиология должна была отражать, что Церковь была не просто собранием отдельных людей, принадлежащих к определённой категории, но действительно была органическим целым, в рамках которого люди могли духовно процветать. Такая действительная экклезиология должна была предлагать инклузивное мировоззрение, в которое Церковь и мир могли бы вписаться. Метафора «тело Христа» была бы недостаточной, потому что она была лишь метафорическим описанием инструменталистского института и не раскрывала его сущность как продолжающееся историческое послание Иисуса и христианской общины миру. 26 Метафора была слишком статичной и сама по себе затушёвывала некоторые реальные проблемы маргинализации.

Костер признавал, что любая яркая теологическая перспектива должна быть укоренена в среде веры конкретного исторического периода, к которому она принадлежала. Живя в определённой культуре, люди задают вопросы, которые имеют для них смысл, и могут сформулировать решения для проблем, которые вызывают беспокойство. Церковь должна уважать этот нормальный человеческий способ работы. Теологи обязаны, утверждал он, формулировать осмыслиенные теологии. Поэтому каждое поколение должно заново размышлять о том, что значит говорить о Церкви как о живом сообществе. Из оживлённой веры сообщества *sensus fidei* (чувство веры) затем должно очертить экклезиологию, которая отвечает тому, что II Ватиканский Собор позже назовёт «знамениями времени». 27

Костер считал «тело Христа» слишком сверхъестественной сущностью, которая не могла быть основополагающей основой для экклезиологии, взаимодействующей с исторической средой. Живая Церковь должна быть предметом экклезиологии каждого поколения, и значение Церкви можно было понять только через её конкретные исторические уч-

ния, которые не могли быть адекватно полностью охвачены какой-то абстрактной концепцией. Тот факт, что Павлу и Августину нравилась метафора тела Христа, не означал, утверждал он, что экклезиологический вопрос был решен навсегда, поскольку у каждого из этих людей были свои собственные причины использовать то, что для них было очень утешительной метафорой. Павел обсуждал вопрос о том, как евреи и христиане были связаны в его культуре. Евреи, конечно, исторически настаивали на том, что они были народом Божиим. Павел хотел связать эту точку зрения, сказал Костер, с христианским настойчивым требованием спасения через Иисуса. Поэтому Павел подчёркивал коллективный *Volk*. Павел выбрал свою точку отсчета в соответствии со своей программой, согласно которой человеческий род, даже до воплощения, всегда был каким-то образом связан со Христом. Именно новый *Volk Gottes* теперь должен был рассматриваться как истинный Израиль. В этом контексте Павел говорил о Церкви как о теле Христа, объединяющем евреев и язычников. К сожалению, Павел продвигал суперсессионистскую теологию, чтобы иметь дело со своими христианскими современниками, и думал в терминах коллективистского понятия спасения, столь живого в еврейской Библии, которое он видел завершённым в Новом Завете. Таким образом, Павел настаивает на том, что Бог провозгласил «народ Божий» таким образом, что он мог охватить индивидуума как личность до и после воскресения Иисуса. Костер также указал, что Августин и Фома использовали метафору тела для решения своих теологических проблем, ни одна из которых,казалось, не давала устойчивой и удовлетворительной экклезиологии, которая могла бы реагировать на исторические изменения и удовлетворять потребности людей во все времена и в любом месте.²⁸

Костер настаивал, что теологи должны отвечать на обоснованные вопросы своих эпох, но они также должны размышлять как часть традиции своей Церкви. Переосмысливая

прошлые точки зрения, теологи обязаны отвечать на вызовы настоящего. Поэтому каждый теолог должен быть чувствителен к развертыванию веры-жизни внутри Церкви и к вкладу каждой эпохи во всю живую Церковь. Эта развертывающаяся жизнь Церкви выражает то, что вера означает для христиан на протяжении веков. Костер был убеждён, что живая вера, питающая Церковь, постоянно формируется, поскольку христиане в каждой эпохе ежедневно вовлекаются в свою культуру. Осознание этой веры предоставит незаменимый обзор того, как прошлые христиане решали свои проблемы. Сообщество Церкви, несомненно, присутствует в каждом поколении экзистенциально, но также постоянно перестраивается заново. Оно свежее и полностью переживается и ценится, особенно когда оно находится под угрозой. Живя в нацистской Германии с ее иррациональным язычеством идеологии, Костер осознавал угрозу своей духовной общине. Каким-то образом христиане должны были ответить на эту новую угрозу с точки зрения Бонхёйера, впоследствии развитой как «мір, достигший совершеннолетия». 29 Теологи в каждую эпоху несут ответственность, утверждал Костер, за то, чтобы очертить отношения отдельного человека, принадлежащего к живой Церкви, и осознать, что между общиной и отдельным человеком постоянно существует напряжение как в Церкви, так и в светской культуре. **Как можно опосредовать такое напряжение?**

In this section of the pastoral letter, the bishops bargain with the

National Socialist regime. In return for the Church's commitment to fight tirelessly against Bolshevism, the bishops expected the National Socialist state to stop its persecution of the Church, its institutions, and associations.²⁷ The bishops' pastoral letter revealed how they had adopted a one-sided interpretation of the events in Spain with one significant difference: they had replaced Nazism, as the strongest opponent of Bolshevism, with Catholic belief. This was the equivalent of waving a red shirt in front of a bull since Hitler truly believed that he, not the Catholic

Church, was the leader in the fight against Bolshevism. Natively, the

bishops thought that their support in the fight against Bolshevism would

result in a lessening of state persecution of the Church. This maneuver

did not pay off. As Gerhard Besier concluded, “Neither its loyalty to the

state nor its support for anti-Bolshevism could persuade the Nazi state to

accept protest or criticism of its own actions.”²⁸ As a result of the incor-

poration of a fairly poorly worded protest of state mistreatment of Cath-

olic interests, the state forbade the publication of the pastoral letter.²⁹

2 556 / 5 000

По мнению Костера, членство во Христе как воплощённом слове следует отличать от членства в Церкви. Все члены Церкви привязаны к Христу, но обратное не обязательно. Верные Богу не ограничиваются явным или неявным членством в Католической Церкви. Для Костера самопонимание Церкви можно было бы правильно выразить в понятии «народ Божий». Этот образ со всеми его разнообразными коннотациями был укоренён в эпоху отцов церкви. Более того, модель «народа Божьего» предполагает, что включение было обусловлено Богом, а не институциональным членством. Впоследствии это оказалось бы плодотворным способом взглянуть на Церковь. Понятие *Volk Gottes* также могло бы использовать понятие *Gemeinschaft*, столь популярное в немецком богословии на протяжении почти полутора столетий. В этой модели Церковь институционально и в качестве одной из своих функций могла бы упорядочивать действия людей в каждой местной общине. Но модель *Gemeinschaft* имеет экуменические обертоны, которые оказались важными в раз-

мышлениях, привёдших ко Второму Ватиканскому собору. Такой подход укоренил бы Церковь в библейских традициях, берущих начало в Израиле и продолжающихся через Христа. Она не брала бы свои формы и функции из истории институциональной религии, социологии и политики. Модель «народа Божьего» сформировала бы предпосылку, основу, структуру и норму для понимания всех духовных и временных действий активной жизни Бога с его народом во всем его многообразии. «Народ Божий» — это способ представить живого Бога, действующего среди мужчин и женщин. Бог, взаимодействующий с *Volk Gottes*, существует исторически, то есть феноменологически. Костер сосредоточился на экклезиологии, подходящей для его Церкви, но как только был сделан скачок от доминирующего, юридического, иерархического института к более плодотворной метафоре «народа Божьего», подтекст для духовной жизни оказался новаторским, как показал Второй Ватиканский собор. Он использовал модель *comitio* для описания Церкви, но его последователи могли расширить инклузивность модели, поскольку они более чётко различали её последствия в свете утверждений Книги Бытия относительно людей как образов Бога. В качестве предостережения следует помнить, что Костер не использовал свою метафору «народ Божий» в усиленной манере тех отцов на Втором Ватиканском соборе. Он не был явно обеспокоен разнообразием народов, культур и религий. Но он создал возможность изменить более эксклюзивную католическую среду.³⁰

Это сообщество — союз, который является чем-то большим, чем просто биологическим в нацистском смысле. Члены Церкви, в широком смысле, стоят со Христом в тесном живом сообществе. Эта Церковь — не просто юридическое тело, а скорее сообщество, в рамках которого люди направляют сверхъестественную жизнь Бога в мирскую культуру. Церковь — это не живое тело, объединенное как живое сообщество со Христом таким же образом, как наше тело с нашей

душой, а скорее существует как весь человек (тело и душа), поскольку он оживлён Божиим словом. Существует различие между Христом и его Церковью. Эти два понятия не идентичны, и поэтому Костер дал возможность для более экуменического богословия и менее доминирующей институциональной структуры. В этом контексте описание Церкви как невесты Христа снова может быть более точным, поскольку в этих отношениях будет понятие личного различия и одновременно связности. 31 Такой подход также позволит теологам продолжать раскрывать значение продуктивного напряжения, существующего между личностью и сообществом. Сообщество не может поглотить и тем самым отрицать уникальность личности.

Церковь, таким образом, можно рассматривать как расширенный и продолжающийся спасительный акт Бога, точно так же, как превращение Израиля в народ Божий было первоначальной спасительной деятельностью Яхве. Костер подчеркнул, что у христиан есть постоянная задача понимания отношений Бога и человека. В заключение он напомнил своим читателям, что надлежащей отправной точкой для экклезиологии Церкви было объективное обоснование понятия Народа Божьего, взращённого через Писание и литургию. Костер надеялся, что его исторически настроенная экклезиология станет приемлемой теологической моделью для Церкви, поскольку его концепция была способна реформироваться в свете вызовов каждой эпохи. 32 Он закончил свою работу утверждением, что социальная и правовая философия должна быть включена в любую культурно чувствительную экклезиологию, но не должна быть в ней центральной. Появление этой экклезиологии «народа Божьего» было своевременным, поскольку она подчёркивала изначальную потребность в иудейском и христианском Писании как источнике живой общины, то есть Церкви, которая могла бы непрерывно помогать нам понимать человеческое состояние, рассматриваемое в отношениях Бога с мужчинами и женщинами. По мере того,

как эти экклезиологические размышления обретали форму, Карл Ранер начинал свою карьеру как систематический теолог, который сосредоточился на антропологии, которая могла бы укрепить формирующуюся творческую экклезиологию.

В 1941 году Карл Ранер опубликовал книгу «Слушатели слова: закладывая фундамент философии религии», в которой он надеялся посредством диалога привлечь современную философию, теологию и светские дисциплины в целом. Ещё в «Слушателях слова» Ранер изложил базовый антропологический подход, который будет лежать в основе его будущей работы. Для него реальность и действительность христианского откровения предполагаются, и с этой точки зрения Ранер задаётся вопросом о субъективных, антропологических и религиозно-философских условиях, которые могут рассказать нам, почему человек, как знающий и свободно действующий, способен иметь что-то общее с «откровением». Такой способ мышления можно рассматривать как «трансцендентальную» и экзистенциальную субъективность, которая предполагает фактичность исторической реальности и одновременно проводит исследование перед судом разума в отношении основания легитимности каждого конкретного духовного существа. Философской отправной точкой Ранера была интерсубъективность; Каждый человек существует с Богом. Для Ранера люди воплощают определённое состояние, которое включает благодать и природу. Как люди могут прийти к пониманию Бога и самих себя? Предложенное Ранером решение этого вопроса об условиях, необходимых для возможности понимания откровения, основано на его понимании трансцендентальной ориентации человеческого духа.

Книга «Слушатели Слова» положила начало теологической карьере Ранера в 1941 году. В «Слушателях Слова» он попытался показать, как каждый человек может слушать слово Святого Духа, который вошел в историю. Ранер начал свои теологические рассуждения с индуктивного угла, укоренённого в самосознании и естественном знании, а не в

сверхъестественной теологии. Наша способность слышать откровение Бога делает из нас полностью актуализированных людей. Само откровение - это исторический процесс, активируемый человеком в конкретном міре, когда он или она ищет Бога. То, как это происходит и что сообщается, строго зависит от уникального сочетания личностей и исторических событий, в которых работа Бога подлинно говорит с человечеством. Как дух и природа, человеческая личность является историческим существом. Как биологически, так и духовно, люди имеют историю развития. Таким образом, ясно, что самооткровение Бога - это больше, чем просто объективация того, что является субъективным состоянием человечества. 33 Здесь Ранер противостоял немецкому идеализму, который так доминировал в немецкой культуре девятнадцатого века, и либеральному протестантизму, который организовал немецкое протестантское богословие от Канта до Ритчля. Для Ранера личность как тайна необходима для объяснения трансцендентного откровения.

С точки зрения Ранера, мужчины и женщины должны слушать историю, чтобы различать слово Божье. Быть человеком означает быть абсолютно открытым для всего существа. Быть человеком означает быть духом, то есть жить, непрестанно стремясь к абсолютному бытию. По мнению Ранера, в нашу фундаментальную человеческую сущность изначально заложена связь с трансцендентным. Человечество открыто для любого вида знания и не должно ограничивать рамки любого возможного откровения. Человеческий дух следует рассматривать как динамическое движение к Богу, безконечному существу. Понимая нашу собственную конечность, как часть нашего когнитивного процесса, мы можем найти доступ к истинной безконечности Бога. Центральная мысль Ранера заключается в том, что как духи, знающие Бога, мы стоим перед Богом как свободно общающиеся личности. Бог как личность связан с нами как личностями в процессе самораскрытия. Люди всегда стоят перед Богом, поскольку откро-

вение созревает в истории. 34 Эта созревающая человеческая трансцендентность становится все более понятной и происходит из-за нашей открытости по отношению к Богу, который действует свободно по отношению к нам таким образом, который мы не можем открыть сами по себе. Быть человеком по сути всегда значит быть тем, кто слушает потенциальное откровение Бога.

Человеческая личность связана с трансцендентностью Бога, то есть с воплощённым, нормативным существом, которое есть Бог. Быть человеком означает стоять в свободной любви перед Богом всех возможных откровений. Мы можем слышать слово Бога, утверждает Ранер, пока мы не служим общий горизонт нашей открытости к историческому и трансцендентному бытию как таковому. 35 Кроме того, Бог также определяет, каким образом он хочет встретиться с нами, и поэтому мы должны быть чувствительны ко всем путям, которые могут дать такое знание. Откровение - это историческое событие, а не заключённое в абстрактной теологии. Обращение к нашей истории - это динамический, внутренний момент для каждой духовной натуры. Откровение Бога и наша открытость ко всему бытию обязательно находятся в человеческой истории, в которой мы развиваемся. 36 Мы историчны, утверждает Ранер, поскольку мы являемся теми, кто действует свободно, даже в присутствии трансцендентного Бога. Люди несут ответственность за свободную реализацию себя через множественность своего личного опыта. Человек как личность также открывает трансцендентного Бога для других. Такое глубокое понимание придаёт достоинство каждому человеку и возникает в то время в культуре самого Ранера, когда такая перспектива была крайне необходима.

Как непрерывный процесс, откровение начинается и продолжается в человеческой истории. Люди должны прислушиваться, утверждает Ранер, к своему собственному опыту, чтобы услышать Бога. Человеческая личность как конечный дух свободно стоит перед Богом откровения. Но как конкрет-

ный исторический опыт отдельного человека проникает в историческое, но трансцендентное событие откровения? Религиозно настроенные люди не понимают своего прошлого так, как могли бы это сделать профессиональные историки. Верующие люди постигают прошлое через свою традицию живой веры, в которой прошлое и настоящее текут непрерывным потоком и помогают им понять раскрывающийся смысл Бога. 37 Ранер в этой ранней работе лишь кратко обсуждает этот процесс развития, но его акцент в «Слушателях Слова» на истории, свободе и откровении заложил руководящие принципы для его будущей работы, поскольку он лихорадочно занимался калейдоскопической культурой, в которой он жил. Ранер считал, что история неразрывно раскрывает Божье предложение спасения, и история может закончиться только тогда, когда Бог эсхатологически раскроет ее предпоследние значения. До конца история останется открытой и в движении. Для Ранера такой взгляд был особенно полезен в двадцатом веке, когда теологи и другие целенаправленно связывали свои прозрения с культурой, сформированной экзистенциализмом, феноменологией, персонализмом и трансцендентным Богом, который свободно раскрывался.

18 января 1943 года Конрад Грёбер, архиепископ Фрайбурга, написал письмо на двадцати одной странице немецкому епископату. Кардинал Инницер попросил Ранера ответить. В своём «Венском меморандуме» 1943 года Ранер писал, что прошлое поколение стало свидетелем периода необычайных политических, социальных и культурных потрясений. 38 Грёбер яростно жаловался на нововведения, предлагаемые в католической теологии и в литургии. Размышления Ранера охватывают конкретные проблемы. Какова роль теологии в революционную эпоху, в которую он жил? Как можно осмысленно решать вопросы, поднятые нацистами и другими представителями его поколения? Как сохранить традицию Церкви, несмотря на новые философские и теологические подходы? Ранер указал на важность светских споров, поскольку

теологи пытались прояснить и усилить слова Бога для людей, и он признал, насколько фатальным может быть ожесточённое молчание, когда он анализировал состояние теологии в Германии и Франции. Попутно он призвал Священную канцелярию не просто издавать запреты и предупреждения, но и признать, что даже работы, включённые в Индекс, подлинно затрагивают состояние человека. 39

Ещё в «Венской записке» Ранер, по-видимому, осознавал, что размышления о необходимых политических, социальных и культурных изменениях были источником большого беспокойства для многих. Как могла вера, которая, казалось, опиралась на доктринальную преемственность, охватить возможности разрыва и обратиться к современности? Он предположил, что требовалось уважение к прошлому, а также осторожное, осторожное и открытое для компромисса отношение к современным импульсам. Он поставил перед собой эту задачу. Хотя он не отрицал, что подготовка к будущему неизбежно вызовет определённые напряжения в Церкви, он предположил, что взаимная любовь может уменьшить тревожный путь, навязанный переменами, а также может обезпечить доктринальную достоверность. В контексте меняющихся времён он утверждал, что главными врагами, которые могут поставить под угрозу Церковь, будут недостаток мужества и недостаток благородства. Короче говоря, он не поддержал тех в своей Церкви, кто считал упадок «христианского Запада» катастрофой, поскольку вера имела силу, позволяющую мужчинам и женщинам адаптироваться к истории. «Живая» Церковь должна была руководствоваться своей почти двухтысячелетней традицией. 40 Ранер подчеркнул несколько тем, которые помогли бы определить католическое богословие на протяжении всей его карьеры как главного теолога в Католической Церкви. Никогда, утверждал он, Церковь не содержала в себе полноту истины, поэтому концепция постоянного повторного присвоения прошлых теологических идей имеет такую решающую силу. Ни одна эпоха в Церкви

никогда не могла рассматриваться как нормативная. Наконец, Церковь должна была действовать как проводник, чтобы воплощённый Иисус мог влиять на мир. 41 Эти темы положили начало его карьере как систематического теолога.

В работах Ранера в 1940-х годах начала появляться убеждённость в том, что эффективность Церкви в современном обществе, а также её способность проповедовать и воплощать слово Божие способами, которые двадцатый век не счёл бы отчуждающими, зависят от её готовности внести существенные изменения в свою теологическую антропологию. Светский мир больше не мог рассматриваться только как враждебное место, и Церковь больше не должна была занимать непоколебимую оборонительную позицию или, наоборот, как в случае Карла Адама, так легко принимать позицию адаптации к нацистской идеологии. Нужны были новая открытость, готовность участвовать и готовность идти на риск при внесении изменений, даже когда нельзя было с уверенностью сказать, полностью ли такие изменения согласуются с традицией. 42 Теория Ранера о развитии догмы с её акцентом на изменении идентичности, а не идентичности, подчёркивала, что преемственность и прерывность могут быть примирены. Изменение подразумевало рост понимания новых формулировок для каждой новой эпохи. Импульс к этому изменению исходил из собственного существования каждого человека и Церкви в истории. Риски должны были быть приняты, и Церковь должна была видеть себя «вечно реформирующей».

Размышления о меняющихся вызовах Церкви в современном мире также доминировали в экулезиологических идеях Ранера, никогда не систематизированных, в годы после Второй мировой войны. В ответ на социально-политические сдвиги в своём мире Ранер стремился как выявить ресурсы, которые позволили бы Церкви адаптироваться к быстро развивающимся проблемам послевоенной Европы, а также самого мира, так и рассмотреть, как применение теологических ресурсов может изменить лицо, которое представляла сама

Церковь. Ранер был убеждён, что текущая история Церкви не может считаться завершённой в каком-либо конкретном проявлении института и что конечная стадия развития міра и Церкви ещё не достигнута. Короче говоря, Ранер был привержен идее, что Церковь является «открытым проектом», направляемым Духом. 43 По мнению Ранера, без духа самокритики существовала бы постоянная опасность того, что Церковь поддастся искушению институционализации и будет рассматриваться своими лидерами как самоцель. Если бы это произошло, Церковь перестала бы меняться, потеряла бы связь с окружающими социальными реалиями и стала бы консервативной силой, нацеленной на сохранение, а не на изменение и участие.

В своей послевоенной карьере Карл Ранер много писал о «трансцендентальном экзистенциализме» и «теологической антропологии», предполагая, что человеческий опыт, хотя и конечный и ограниченный во многих отношениях, тем не менее может быть открыт для всей реальности просто потому, что мы не можем говорить о Боге, кроме как о людях. Ранер положил в основу своей теологии основное человеческое стремление превзойти физические ограничения человеческой природы. Люди осознают, что созданы для большего, чем они есть сейчас, или даже большего, чем они когда-либо могут надеяться достичь своими собственными способностями. Христианское откровение предоставляет это «большее», на которое указывает человеческий опыт. 44 В конечном счете, пожизненная забота Ранера заключалась в том, чтобы ясно показать, что, хотя мы ограничены и конечны, мы обладаем сильным чувством чего-то трансцендентного — чего-то, что превосходит наши личные и ситуативные ограничения. Для Ранера это осознание имело значительное теологическое значение и потенциал, поскольку в конечном итоге привело к осознанию того, что христианская концепция Бога должна быть связана с нашим пониманием человеческой ситуации. Таким образом, Ранер делает свою антропологию фундамен-

тально важной и устанавливает обсуждение человеческой природы, включая человеческое осознание трансцендентного стремления, в самой основе своей работы. Человеческий поиск высшего смысла поднимает вопрос о Боге и удовлетворяется только тогда, когда этот Бог найден. Отправная точка Ранера антропоцентрична, но его намерение теоцентрично. Мужчины и женщины, как они конкретно существуют в истории, постоянно ищут Бога. Поэтому понимание историчности имеет решающее значение для Ранера и тех, на кого он оказал влияние.

С точки зрения Ранера, человеческие личности как духовные существа конституируются их основным и непрерывным трансцендентальным опытом Бога. Они неустанно интерпретируют и выражают этот опыт в историческом языке и действиях. Следовательно, возникает и развивается историческая и категориальная объективация этого трансцендентального опыта. Эта объективация происходит в человеческой истории и культуре и через них, а не наряду с историей и независимо от культуры. Когда эта объективация в истории и культуре влечет за собой явно религиозную интерпретацию этого трансцендентального откровенного опыта, это становится тем, что Ранер называет «категорическим откровением».⁴⁵

Во время Третьего рейха не было разработано основополагающей теологии сопротивления нацистской жестокости. В те годы не было формализованного теологического импульса, на котором католическая теория сопротивления действительно могла бы быть построена, хотя личный опыт, исторически чувствительные экклезиологии, которые развивались, и антропология Ранера в конечном итоге послужили для того, чтобы помочь последующим католическим теологам и мірянам более энергично размышлять о взаимоотношениях теологии и политики. Теологи и другие начали искать ресурсы за пределами неосхоластики для интимных и исторически обусловленных связей, которые должны существовать между

людьми и их сообществом. Контуры такой теологии исторического взаимодействия и, как следствие, сопротивления, только постепенно проявились в ответ на разворачивающуюся природу гитлеровского режима и основные течения самой современности, хотя и слишком поздно, чтобы повлиять на режим. 46 Среди римско-католических теологов в Германии после Второй мировой войны Иоганнес Метц, один из самых блестящих учеников Карла Ранера, был первым, кто открыто выделил политическое измерение христианской веры и теологии.

Важно осознать, что неудачи в теологии и типичные социально-политические реакции на расистский антисемитизм и политическое угнетение во время нацистского режима были признаны несколькими немецкими теологами, и их размышления в конечном итоге стали влиятельными далеко за пределами Германии в общем дискурсе, вызванном в Католической церкви, ведущем к Второму Ватиканскому собору и далее. Такие теологи, как Гроше, Костер и Ранер, размышляли о своём опыте Третьего Рейха и реформаторских движениях, зарождавшихся в самой Католической церкви. Действия безчисленного множества других христиан, чьё понимание смысла христианской веры и чьи акты сопротивления помогли смоделировать и открыть для теологов новые пути того, как теологическая рефлексия может быть связана с христианской практикой, проложили путь для политической теологии, которая сделала исторические события основой для создания соответствующей теологии. 47

Нацистский опыт преподал христианским теологам и церковным лидерам несколько ценных уроков. Духовное (пневматологическое) понимание христианской веры, казалось, не могло обезпечить институциональную платформу, необходимую для идентификации и сопротивления репрессивным политическим структурам и действиям. Равным образом, преимущественно институциональное и юридическое

или юридическое понимание христианской веры в духе того, что использовалось в определённой степени Пием XII и, в большей степени, его предшественниками, исторически не могло высвободить духовную энергию, необходимую отдельным христианам для того, чтобы предпринять для себя ответственную оценку как своей веры, так и политического контекста, в котором их вера могла бы поддержать спонсируемые акты физического и/или морального сопротивления. Третьему рейху и коммунизму не могла противостоять абстрактная неосхоластическая теология. Институциональный христианский опыт с 1933 года также научил нас, что светская и концептуализированная религиозная идеология может подавлять человеческую свободу. Единственной корректикой для абстракций, которые были типичны для более ранних теологических систем, кажется открытость смыслу исторических событий. 48

Католицизм не был умирающим во время Третьего Рейха, но содержал семена реформ, которые привели бы к обновлению во Втором Ватиканском соборе и далее. Карл Ранер убедительно выразил то, что культивировалось в немецких и французских кругах, когда он утверждал, что то, что было проявлено и официально получено на Втором Ватиканском соборе, уже присутствовало в Католической церкви в межвоенный и послевоенный период. Пршивара также утверждал, что глубочайшие реальности католицизма были на самом деле подлинным осуществлением современной субъективности и истории.49 Постепенно группа немецких католических теологов стала чувствительна к понятиям исторического развития, которые привели к экклезиологии, подчёркивающей «живую Церковь», а также антропологии, в которой человеческий опыт мог помочь привести к познанию Бога. Такая исторически чувствительная теология была необходима, прежде чем католики смогли теологически заняться своей культурой и её міром «марширующих солдат».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Avery Dulles, “A Half Century of Ecclesiology,” *Theological Studies* 50 (1989): 419–42; Otto Dibelius, *Das Jahrhundert der Kirche* (Berlin: Furche, 1927); Donald Dietrich, *The Goethezeit and the Metamorphosis of Catholic Theology in the Age of Idealism* (Bern: Peter Lang, 1979); Donald Dietrich and Michael Himes, eds., *The Legacy of the Tübingen School: The Relevance of Nineteenth Century Theology for the Twenty-First Century* (New York: Crossroad, 1997); Thomas O’Meara, *Church and Culture: German Catholic Theology, 1860–1914* (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1991).
2. Timoteo Zopelena, *De Ecclesia: Pars Apologetica* (Rome: Gregorian University, 1950); Dulles, “Ecclesiology,” 420; Francis Sullivan, *De ecclesia: Tracatatus Apologeticus* (Rome: Gregorian University, 1961).
3. Charles Journet, *L’Eglise du Verbe incarné*, 3 vols. (Bruges: Desclée De Brouwer, 1941, 1951, 1969).
4. Dulles, “Ecclesiology,” 421–22; Emile Mersch, *Le Corps mystique du Christ: Etudes de théologie historique* (Paris: Desclée De Brouwer, 1933; *Acta Apostolicae Sedis* 35 (July 20, 1943), 193–248; Albert Mitterer, *Geheimnisvoller Leib Christi nach Thomas von Aquin und nach Papst Pius XII* (Vienna: Herold, 1950); Felix Malmburg, *Ein Leib-ein Geist: Vom Mysterium der Kirche* (Freiburg: Herder, 1960).
5. J. Robert Dionne, *The Papacy and Church* (New York: Philosophical Library, 1987), 195–236; Augustine Bea, *The Unity of Christians* (New York: Herder and Herder), 32–34.
6. Thomas F. O’Meara, *Erich Przywara, SJ: His Theology and His World* (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 2002), 165–66.
7. Thomas Ruster, *Die verlorene Nützlichkeit der Religion: Katholizismus und Moderne in der Weimarer Republik* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1994), 104–106 for material on Grosche’s adaptation techniques; Robert Grosche, *Pilgernde Kirche*

(Freiburg: Herder, 1938); Mannes Dominkus Koster, *Ekklesiologie im Werden* (Paderborn: Bonifacius, Verlag der Bonifacius-Druckerei, 1940); Ludwig won Hertling, *Communio: Church and Papacy in Early Christianity*, trans. Jared Wickes (Chicago: Loyola University Press, 1972).

8. Yves Congar, *Chétiens désunis: Principes d'un 'oecumenisme' catholique* (Paris: Cerf, 1937); Dulles, "Ecclesiology," 424–29; see also, Dennis Doyle, "Journet, Congar, and the Roots of Communion Ecclesiology," *Theological Studies* 58 (1997): 461–79; Timothy MacDonald, *The Ecclesiology of Yves Congar: Theology in the Service of God's People* (Chicago: Priory, 1968).

9. Dulles, "Ecclesiology," 425–27; Karl Rahner, "Notes on the Lay Apostolate," *Theological Investigations* 2 (1963): 319–52; Hans Urs von Balthasar, *Der Laie und der Ordenstand* (Einsiedeln; Johannes, 1948); Otto Semmelroth, *Die Kirche als Ursakrament* (Freiburg: Herder, 1960); Rudolf Schnackenburg, *Gottes Herrschaft und Reich* (Freiburg: Herder, 1959).

10. Klaus Breuning, *Die Vision des Reiches. Deutscher Katholizismus zwischen Demokratie und Diktatur* (1929–1934) (Munich: Max Heuber Verlag, 1969), 238–52; Thomas Ruster, "Roman Catholic Theologians and National Socialism: Adaptation to Nazi Ideology," in *Christian Responses to the Holocaust: Moral and Ethical Issues*, ed. Donald Dietrich (Syracuse: Syracuse University Press, 2003), 19–21; Robert Grosche, "Die Grundlagen einer Christlichen Politik der deutschen Katholiken," *Schildgenossen* 13 (1933): 46–52; Robert Grosche, "Der Kampf um den Reichsgedanken im politisch-sozialen Leben der Gegenwart," *Deutsches Volk* 1 (1933): 91–99; Robert Grosche, "Reich, Staat und Kirche," in *Die Kirche im deutschen Aufbruch*, ed. F. J. Wothe (Bergisch-Gladbach: Heider, 1934), 26–49.

11. Grosche, "Grundlagen," 48; Oded Heilbronner, "The Place of Catholic Historians and Catholic Historiography in Nazi Germany," *History* 88 (2003): 280–92.

12. Grosche, "Kampf," 99.

13. Gary Lease, “Odd Fellows” in the Politics of Religion: Modernism, National Socialism, and German Judaism (New York: de Gruyter, 1995).
14. Thomas Ruster, *Der verwechselbare Gott. Theologie nach Entflechtung von Christentum und Religion* (Freiburg: Herder, 2000).
15. Richard Goritzka, *Der Seelsorger Robert Grosche (1888–1967): Dialogische Pastoral zwischen Ersten Weltkrieg und Zweitem Vatikanischem Konzil* (Würzburg: Echter, 1999).
16. Grosche, *Pilgernde Kirche*, 4, 6.
17. Ibid., 16, 17.
18. Ibid., 23, 24.
19. Ibid., 25–26.
20. Ibid., 26–27, 29; Karl Adam, *Das Wesen des Katholizismus* (Düsseldorf: Patmos, 1934), 49; Robert Krieg, Karl Adam: Catholicism in German Culture (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1992); Lucia Scherzberg, Kirchenreform mit Hilfe des Nationalsozialismus: Karl Adam als Kontextueller Theologe (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001).
21. Grosche, *Pilgernde Kirche*, 29–36.
22. Ibid., 36–38.
23. Ibid., 38–41.
24. Ibid., 42, 44, 45, 53, 62, 65–70.
25. O’Meara, Przywara, 165–72; Mannes Dominikus Koster, *Ekklesiologie im Werden* (Paderborn: Verlag der Bonifacius-Druckerei, 1940), 7, 12–13; for an excellent analysis of “models” of the church, see Avery Dulles, *Models of the Church* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1974).
26. Koster, 14–15, 17, 20.
27. Ibid., 23–24.
28. Ibid., 35–40.
29. Ibid., 89–92.
30. Ibid., 93, 145–47.
31. Ibid., 150–51.

32. *Ibid.*, 151, 154, 156, 158.
33. James Livingston and Francis Schüssler Fiorenza, *Modern Christian Thought*, vol. 2: *The Twentieth Century* (Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2000), 207–208; Karl Rahner, *Foundations of Christian Faith: An Introduction to the Idea of Christianity* (New York: Crossroad, 1982); Karl Rahner, *The Content of Faith: The Best of Karl Rahner's Theological Writings*, ed. Karl Lehman and Albert Raffelt (New York: Crossroad, 1992). Karl Rahner, *Hearer of the Word: Laying the Foundation for a Philosophy of Religion*, trans. Joseph Donceel (New York Continuum, 1994), 6, 7, 19; for the original text see Karl Rahner, *Sämtliche Werke*, vol. 4: *Hörer des Wortes. Schriften zur Religionsphilosophie und zur Grundlegung der Theologie*, ed. Albert Raffelt (Freiburg: Herder, 1997).
34. Rahner, *Hearer*, 21, 41, 53–55, 61–62, 67–71.
35. *Ibid.*, 84, 88.
36. *Ibid.*, 95.
37. *Ibid.*, 136–37, 141–43.
38. Richard Lennan, *The Eclesiology of Karl Rahner* (Oxford: Clarendon Press, 1995), 117; for the Vienna Memo, see Karl Rahner, *Theologische und philosophische Zeitfragen im katholischen deutschen Raum* (1943), ed. Hubert Wolf (Ostfildern: Schwabenverlag, 1994); for further background information, see Theodor Maas-Ewerd, “Odo Casel OSB und Karl Rahner SJ: Disput über das Wieren Memorandum, ‘Theologische und philosophisches Zeitfragen im katholischen deutschen Raum,’ ” *Archiv für Liturgiewissenschaft* 28 (1986): 193–234.
39. Herbert Vorgrimmler, *Understanding Karl Rahner: An Introduction to his Life and Thought* (New York: Crossroad, 1986), 48–69.
40. Lennan, 126–27.
41. Rahner, *Zeitfragen*, 87, 136.
42. Lennan, 135, 139.
43. *Ibid.*, 213, 218.

44. Alister McGrath, *Historical Theology: An Introduction to the History of Christian Thought* (Oxford: Blackwell, 1998), 336–37.

45. Livingston, 209–10; Rahner, *Foundations*, 62, 68, 153; Karl Rahner, “Concerning the Relationship between Nature and Grace,” *Theological Investigations*, vol. 1 (Baltimore: Helicon, 1961), 309–17.

46. Werner G. Jeanrod, “From Resistance to Liberation Theology: German Theologians and the Non/Resistance to the National Socialist Regime,” in *Resistance against the Third Reich, 1993–1990*, ed. Michael Geyer and John Boyer (Chicago: University of Chicago Press, 1992), 295.

47. Jürgen Habermas, “Israel oder Athen: Wem gehört anamnetische Vernunft? Johann Baptist Metz zur Einheit in der multikulturellen Vielfalt,” in *Diagnosen der Zeit*, ed. Johann Baptist Metz et al. (Düsseldorf: Patmos, 1994), 51–64; Jeanrond, in Geyer and Boyer, 310–11.

48. Walter Kasper, *Theology and Church*, trans. M. Kohl (New York: Crossword, 1989), 65.

49. O’Meara, Przywara, 182–83; Kurt Wolf, “Die katholische Kirche-eine *societas perfecta*?” *Theologische Quartalschrift* 157 (1977): 107–18.

Donald J. Dietrich. Catholic Theology and the Challenge of Nazism
Перевод - Райан Гиггс

Роберт А. Криг

НЕМЕЦКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИИСУСА И ИУДАИЗМ, 1918–1945 ГГ.

Второй Ватиканский собор одобрил изменение в самопонимании Католической церкви и ее позиции по отношению к миру и другим религиям. Когда Папа Иоанн XXIII созвал собор 25 декабря 1961 года, он открыл путь как к концу гегемонии понятия Церкви как «совершенного общества», то есть как самодостаточного, юридического института, так и к концу негативного отношения Церкви к современности и нехристианским верованиям. Затем Собор перешёл в *Lumen Gentium*, Конституцию о Церкви, чтобы объявить, что Церковь является «тайством — знаком и инструментом, то есть общения с Богом и единства всего человеческого рода». 1 Он также объяснил, что Церковь — это народ Божий и только во вторую очередь институт. Более того, собор занял конструктивную позицию по отношению к миру, особенно потому, что он признал достоинства современного общества, а также его дилеммы в *Gaudium et Spes*, Пастырской конституции о Церкви в современном мире. Кроме того, он выразил уважение к другим религиям в *Nostra Aetate*, Декларации об отношении Церкви к нехристианским религиям. Собор постановил: «Пусть христиане, свидетельствуя о своей вере и образе жизни, признают, сохраняют и поощряют духовные и нравственные истины, встречающиеся среди нехристиан, вместе с их общественной жизнью и культурой». 2 Он добавил, что Церковь «осуждает всякую ненависть, преследования, проявления антисемитизма, направленные когда-либо и откуда-либо против евреев». 3 Когда Папа Павел VI закрыл собор 7 декабря 1965 года, он представил себе Церковь, свидетельствующую о грядущем царствовании Бога и работающую с другими религиями для «прогресса народов». 4 Второй Вати-

канский собор, несомненно, стал необычайным поворотным моментом в жизни Католической Церкви.

После Второго Ватиканского собора Католическая церковь проявила новое уважение к иудаизму. 5 Во время своего долгого понтификата Папа Иоанн Павел II вел значимый диалог с еврейским народом: посетил Освенцим в 1979 году, помолился в главной синагоге Рима в 1986 году, встретился с еврейскими лидерами из Польши и Соединённых Штатов в 1987 году, одобрил «Основное соглашение» между Ватиканом и Израилем в 1994 году и посетил Израиль в 2000 году. Тем не менее, до-Ватиканское отношение к евреям и иудаизму все еще существует среди католиков, даже среди церковных чиновников. Их влияние на людей стало очевидным в 2003 году, когда некоторые католики безоговорочно похвалили фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы». Если бы зрители фильма полностью поняли и приняли соборное и по-слесоборное учение Церкви против антисемитизма, они бы возразили против неявно негативного изображения в фильме евреев и иудаизма. 6 К сожалению, дособорные идеи и предубеждения сохранились, часто на бессознательном уровне. Поэтому необходимо приложить усилия для раскрытия и искоренения антисемитизма в католицизме не только ради евреев, но и ради благополучия католиков. 7

Это эссе призвано внести вклад в реализацию видения Второго Ватиканского собора, подчеркивая религиозный антисемитизм, также называемый антииудаизмом, содержащийся в немецких католических книгах об Иисусе,

которые появились между двумя мировыми войнами.⁸ Начиная с 1918 года, католицизм процветал в Германии, поскольку люди искали исцеления от опустошения Великой войны и укрепления моральной и духовной основы своей жизни во все более светском немецком обществе. На фоне этого религиозного пробуждения некоторые католические теологи решили поразмышлять о содержании христианской веры, используя современную мысль о личном существова-

нии (экзистенциализм) и новый интерес католиков к Библии. Работая отдельно от неосхоластики, которая доминировала в католической теологии, некоторые новаторские ученые подчеркнули «сущность» христианской веры, написав книги о послании и служении Иисуса Христа. В рамках этого начинания Бернхард Бартманн, Карл Адам и Романо Гуардини размышляли в своих книгах о жизни, смерти и воскресении Иисуса, как они изложены в Евангелиях. Поскольку они апеллировали к смыслу жизни Иисуса, как она изложена в Евангелиях, они передавали понимание Иисуса как личности и таким образом направляли внимание на живую, трансцендентную реальность в сердце или «сущности» христианской веры. Этим достижением Бартманн, Адам и Гуардини внесли вклад в возрождение католицизма. Однако в то же время эти теологи навредили католицизму, потому что в своих интерпретациях Евангелий они повторяли и даже усиливали антиеврейские предубеждения Евангелий. Другими словами, эти относительно прогрессивные теологи подпитывали религиозный антисемитизм в то самое время, когда Адольф Гитлер проповедовал расовый антисемитизм.

Немецкая католическая теология, 1918–1945 гг.

Неосхоластика подразумевала возвращение с 1860-х по 1960-е годы философии и теологии, возникших в средневековых и барочных университетах Европы. В ответ на акцент Просвещения на автономном человеческом разуме и его подозрение к гражданскому и религиозному авторитету, а также к традиции, католические учёные с середины девятнадцатого века до середины двадцатого века пытались повторить мудрость Ансельма, Бонавентуры, Фомы Аквинского, Дунса Скота, Каэтана и Франиско Суареса, и в этом стремлении они опирались на дедуктивный теологический метод, разработанный Мельхиором Кано и Дионисием Петавиусом. Они предполагали, что единственными обоснованными религиозными вопросами были классические вопросы, рассмотрен-

ные средневековыми и барочными теологами. Поэтому они не рассматривали напрямую вопросы, возникающие в жизни Церкви, например, вопросы, касающиеся взаимоотношений Иисуса Христа и иудаизма, а также Иисуса Христа и достоинства каждого человека.

Неосхоластика доминировала в католической философии и теологии в течение столетия отчасти потому, что она обеспечивала технический язык, точные определения ключевых понятий и связный корпус мысли, а также потому, что она стала официальной формой мысли Церкви, поддержанной папской властью. Действительно, во время понтификата папы Пия X Священная канцелярия Ватикана с готовностью отлучала философов и теологов, которые отбрасывали неосхоластику и переформулировали истины христианской веры в категориях современной философии, такой как немецкий идеализм. Кроме того, Священная канцелярия поместила труды этих учёных в Индекс запрещённых книг. Юридическое навязывание Ватиканом неосхоластики католической философии и теологии продолжалось во время папства Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII, хотя оно применялось менее строго, чем при папе Пии X.

Немецкие католические теологи с середины 1800-х до середины 1900-х годов обучались в неосхоластике. Поскольку все католические теологи были священниками, Ватикан требовал от них изучать в семинарии неосхоластические теологические руководства, написанные такими учеными, как Кристиан Пеш и Герман Дикман. В то же время, однако, поскольку многие католические теологи стали профессорами в немецких университетах, у них была академическая свобода читать растущее число критических исследований по истории западной мысли, особенно по развитию христианской доктрины. В свете этого нового исторического сознания немецкие католические теологи все больше осознавали неспособность неосхоластики распознать человеческую историчность, и некоторые из них осмелились работать вне неосхоластики.

ластики, особенно после Первой мировой войны, когда католицизм процветал в Германии. 11 Когда немецкие католики впервые испытали демократию в Веймарской республике, они также приняли участие в литургическом обновлении своих приходов, расцвете молодежных объединений, появления групп по изучению Библии и работе, которую проводило Общество Колпинга среди бедных, бездомных и безработных. Отмечая эту новую жизненную силу среди католиков, Романо Гуардини заметил в 1922 году: «Начался религиозный динамизм неизмеримой важности: Церковь пробуждается в душах людей». 12 Одно из конкретных проявлений этой духовной и интеллектуальной жизненной силы произошло в христологии. Богословы создали новую литературу — помимо неосхоластических категорий — о жизни и миссии Иисуса Христа. При этом на них повлияли по крайней мере три религиозных фактора. 13

Во-первых, Папа Пий XI дал новый импульс христологии, выпустив две энциклики, касающиеся Церкви в отношении Иисуса Христа. В день своей папской коронации 12 февраля 1922 года он взял в качестве своего девиза «Мир Христа в Царстве Христа», тем самым передавая, что Церковь должна работать в мире, чтобы установить *pax Christi*. Десять месяцев спустя, 23 декабря 1922 года, он выпустил свою энциклику *Ubi Arcano Dei*, в которой призывал всех христиан — как мирян, так и духовенство — посвятить себя принесению Христа в мир. Этим посланием он предоставил церковную основу для «мирского апостольства», продвигаемого Джозефом Кардином и движением «Католическое действие». Будучи убеждённым, что величайшими угрозами Христу в мире являются секуляризм и коммунизм, Пий XI установил праздник Христа Царя, выпустив свою энциклику *Quas Primas* 11 декабря 1925 года. Этот праздник был призван предвосхитить день, когда все народы признают Иисуса Христа как божественного суверена, которому все нации и их правительства должны поклоняться и подчиняться. Повторяющийся акцент папы на

отношениях Церкви с Иисусом Христом напомнил католикам в целом и теологам в частности о центральной роли Иисуса Христа в христианской вере.

Во-вторых, библейское движение начала 1900-х годов оказало сильное влияние на немецкий католицизм, который ранее связывал чтение Библии с Мартином Лютером и протестантизмом. После Первой мировой войны католики приобрели карманные Библии, написанные на немецком языке, и читали эти Библии на мессе, пока священник у алтаря молча читал библейские тексты на латыни. Кроме того, в поисках божественных слов утешения и надежды люди делали то, что они ранее связывали с протестантизмом: они собирались в своих приходах и молодёжных группах, чтобы обсуждать Библию, особенно Новый Завет. Они хотели узнать живого Христа. Они получали наставления по Библии от пасторов, которые опирались на католические библейские комментарии, которые начали появляться в Германии на рубеже веков. Эти комментарии были плодом библейских исследований, которые были стимулированы энцикликой папы Льва XIII *Providentissimus Deus*, которая призывала католических учёных проводить новые исследования Библии и древнего мира. Хотя такие учёные, как Пьер Лагранж, О. П., Жозеф Зикенбергер и Дж. Б. Геттсбергер, были затруднены осуждением «модернизма» Папой Пием X в 1907 году, они тихо продолжали свою экзегетическую работу, и в конечном итоге они испытали небольшое ослабление цензуры при Папах Бенедикте XV, Пии XI и Пии XII. Тем не менее, католическим библейистам, в отличие от их протестантских коллег, не разрешалось в полной мере использовать криминальные методы критики источника и критики формы. Поскольку католическим библейистам не разрешалось изучать и оценивать идеи о Библии, полученные этими критическими методами, ни они, ни католические теологи не смогли включить многие из этих библейских идей в свои размышления об Иисусе Христе. Другими словами, все ещё полагаясь на преимущественно

докритический подход к Библии, большинство католических учёных продолжали читать Евангелия как буквальные описания слов и действий Иисуса.

Третьим фактором, повлиявшим на немецких католических теологов в период между войнами, был конфликт внутри протестантизма между «либеральной теологией» и «диалектической теологией». В 1906 году, с публикацией книги «Поиски исторического Иисуса», Альберт Швейцер бросил вызов обоснованности и религиозной значимости попыток использования критической историографии для построения биографии Иисуса из Назарета. Это опровержение «оригинальных» или «либеральных» поисков исторического Иисуса подготовило почву в протестантизме для появления «неоортодоксальной» теологии. В 1919 году Карл Барт опубликовал свое исследование «Послание к Римлянам», в котором подчеркивается свидетельство Святого Павла о живом Слове Божьем. Возник конфликт между сторонниками «Иисуса истории» и сторонниками «Христа веры». Этот спор проявился в 1920-х годах в бурном обмене письмами между старшим теологом-историком Адольфом фон Гарнаком и молодым теологом Карлом Бартом.

Немецкие католические теологи следили за протестантскими спорами относительно Иисуса истории и Христа веры. Большинство из них разделяли скептицизм Швейцера и Барта относительно теологической ценности историко-критических исследований Библии. Они также знали, что Святейшая канцелярия Ватикана не терпела ничего, напоминающего либеральные поиски Иисуса. Они знали историю Йозефа Виттига, профессора католической теологии в Университете Бреслау. В 1922 году Виттиг опубликовал в журнале *Hochland* эссе под названием «Испущенные», в котором он дал историко-критическую реконструкцию жизни и послания Иисуса. 14 Эссе сразу же подверглось резкой критике со стороны должностных лиц Ватикана, немецких епископов и уважаемых теологов, таких как Энгельберт Кребс. 29 июля

1925 года Священная канцелярия поместила эссе Виттига в Индекс запрещённых книг, а год спустя отлучила Виттига от церкви. Уволенный с должности профессора в Университете Бреслау, Виттиг расширил «Искупленных» в своей книге «Жизнь Иисуса в Палестине». Благодаря усилиям жены Виттига, Анки Виттиг, теолог был вновь принят в Католическую церковь в 1945 году, и он умер четыре года спустя. В свете того, что случилось с Виттигом, немецкие католические теологи не использовали явно ни историко-критические методы, ни результаты этих методов в своей работе, даже в своих книгах об Иисусе.

Эти три аспекта теологии в 1920-е и 1930-е годы важны, поскольку, как мы увидим, они способствовали или, по крайней мере, не препятствовали религиозному антисемитизму в трудах теологов об Иисусе Христе. Мы вернемся к этим элементам после анализа работ Бернхарда Бартмана Иисус Христос, наш Спаситель и Царь (1929), Карла Адама «Сын Божий» (1933) и Романо Гуардини «Господь» (1937).

Бернхард Бартманн об Иисусе Христе как Царе

Бернхард Бартманн был профессором католической докторантской теологии в теологической высшей школе Падерборна, die Bischöfliche Akademie, с 1898 года до своей смерти в 1938 году.¹⁵ После завершения в 1897 году своей монографии о понятии оправдания в учении святых Павла и святого Иакова, Бартманн написал около восемнадцати книг, которые объединили изучение Библии и докторантскую теологию. В 1911 году он опубликовал свой двухтомный «Руководство по докторантской теологии», который был наиболее используемым текстом в католической докторантской теологии в немецких семинариях в начале 1900-х годов.¹⁶ В этой работе Бартманн слегка изменил неосхоластиическую форму, рассматривая, как доктрина возникла в Библии и в истории теологии. «Руководство по докторантскому богословию» появилось в своём восьмом и последнем издании в 1932 году и пользовалось

валось уважением не только у католических учёных, но и у протестантских богословов, таких как Карл Барт, которые считали его представителем католического богословия.¹⁷

Бернхард Бартманн перешел от своего систематического теологического обзора христианской веры, *Manual of Dogmatic Theology*, к своим глубоким размышлениям о тайне Иисуса Христа в 1929 году, когда он опубликовал книгу «Иисус Христос, наш Спаситель и Царь».¹⁸ Как Бартманн объясняет в предисловии к книге, он намеревался этим исследованием Христа усилить послание энциклики *Quas Primas* Папы Пия XI о всеобщем царстве Христа. Учитывая свою цель, он завершил книгу своими размышлениями об Иисусе Христе как о *Rex gloriae*, царе славы. Поскольку монархии управляли немецкими государствами с их зарождения до 8 ноября 1918 года, Бартманн смог закрепить свои мысли о Христе как о царе в своей собственной жизни, длившейся пятьдесят девять лет в немецкой монархии. В «Иисусе Христе» он передал позитивный взгляд на монархическое правление, возможно, потому, что он написал эту книгу, когда немцы находили свой первый опыт демократии в Веймарской республике бурным.

Как гласит название книги, Бартманн представил Иисуса Христа как личность, которая с самого начала своей жизни была спасителем и царем мира. Царственная идентичность Христа угрожала царю Ироду Великому, который пытался убить Иисуса в Вифлееме. После смерти самого Ирода родители Иисуса жили в Назарете, где Иисус вырос. В своем общественном служении Иисус проявил себя как исключительная фигура, действительно царственная фигура, но не соответствовавшая тому, чего еврейский народ ожидал от по-мазанника, Мессии. В своих проповедях и своими действиями Иисус свидетельствовал о пришествии трансцендентного царства, божественного устройства не от мира сего. Папа Пий XI справедливо признал, что Иисус Христос является царем всего творения, Тем, кому должны подчиняться все власти. Благодаря своей духовности и преданности христиане Герма-

нии обогатили понимание Христа как царя, подчеркнув, что Христос правит с креста. «Страдающий Христос превосходит торжествующего Христа. . . . Бог правит из дерева креста.» 19 Такое понимание Иисуса Христа имеет прямое отношение к христианской жизни. «Католические христиане решают все вопросы в начале, в середине и в конце своей жизни в свете страдающего Христа и торжествующего Христа.» 20

Иисус Христос был новаторским произведением для своего времени, потому что он не следовал общепринятой форме богословских руководств, даже собственного Руководства по доктринальному богословию Бартмана. Книга Бартмана «Иисус» не содержит предложений или утверждений доктринальных истин относительно Иисуса Христа. Скорее, это повествование. В то время как предложения неявно передают понимание Иисуса Христа как идеи или абстрактного принципа, повествование представляет Иисуса Христа как личность, уникальную личность в истории. Более того, в отличие от богословского руководства, в котором библейские слова или фразы функционируют как тексты-доказательства, Иисус Христос подробно цитирует библейские отрывки, следуя истории Иисуса, рассказанной в Евангелиях. Вспоминая высказывания Иисуса и его притчи, он передаёт голос Иисуса. Подводя итог, учитывая его повествовательную форму и опору на библейские свидетельства, книга Бартмана передаёт ощущение Иисуса Христа как личности и тем самым способствует обновлению католической христологии.

Однако труд *Иисус Христос* также оказал негативное влияние на католическую мысль, потому что она проявляет антиеврейскую предвзятость. Бартманн напомнил, что еврейские пророки, такие как Иеремия, Иезекииль и Малахия, критиковали религиозные власти Израиля и их злоупотребление ритуалами и законами. «Пророки являются резкими критиками еврейской практики [Моисеева] Закона, а не самого Закона. Их критика была усиlena Иоанном Крестителем, Иисусом и Павлом, которые заявили, что весь Закон был отменен при-

шествием Христа». 21 По словам Бартманна, еврейский народ стал все более жёстким в своих религиозных обрядах после вавилонского плена и, как следствие, дистанцировался от Бога:

Старый пророческий дух не нашёл пристанища в новом Израиле, который затем стал известен как еврейский народ. И Яхве больше не посыпал новых пророков своему народу. Теперь евреи с энтузиазмом преданы толкованию и применению Закона. Благодаря деятельности раввинских учеников и их учителей сфера Закона стала ещё шире, а его правовая основа — более сложной и трудной. Никто больше не принимал во внимание саму Тору, потому что она стояла за толстым барьераом [правил], который должен был защищать подлинную Тору. Истинный учитель закона должен был знать, как различать и оценивать не менее 613 больших и малых правил. В изучении Закона раввинские ученики были под руководством своих учителей, некоторые из которых пользовались большим уважением. Синагоги, которые возникли по всей стране после вавилонского плена, были особыми местами, в которых Закон находил своё развитие. Синагоги затмили сияние Храма.22

Бартманн утверждал, что еврейское развитие монотеизма подготовило путь для пришествия Мессии, и что сам Иисус предполагал еврейский монотеизм в своем служении. Но еврейская вера в единого Бога была затмеваема акцентом фарисеев на индивидуальном благочестии, доминирующей властью саддукеев, материалистическим осуществлением народом религиозных верований (например, в торговле, связанной с жертвоприношениями в храме Иерусалима) и ожиданием политического мессии. 23 Учитывая это размывание монотеизма, Иисус все больше отделялся от иудаизма своего времени. Он подчёркивал, что истинное поклонение зависит не от его места, такого как Иерусалим, а от того, совершается

ли оно «в духе и истине» (Иоанна 4:23). Иисус изначально считал, что «спасение от иудеев» (Иоанна 4:22).²⁴ Но после трех лет служения, «когда Иисус оглянулся на свои путешествия и подумал о результатах своей работы, он увидел, что его успех был постыдно мал».²⁵ Еврейские власти сопротивлялись Иисусу и его посланию и в конечном итоге отвергли его. Кроме того, простые люди, которым он служил, были «изменчивыми, легкомысленными и тупыми». Иисус призывал к покаянию, и «Израиль ответил нет».²⁶ Когда Иисус понял ситуацию, он «вынес определённый и резкий приговор нежеланию иудеев. Он учил, что их нежелание стало неспособностью. Иерусалим не хотел спасения, и он больше не мог его получить. Израиль теперь лишился благодати Божьей, ибо Бог больше не давал её Израилю. Иисус заявил, что никто не может прийти к нему, если Отец не привлечёт человека к Иисусу (Иоанна 9:44), и Бог прекратил попытки привлечь еврейский народ к Иисусу. Святой Августин позже заметил: «Рессатум роена рессати»; неправильное использование благодати наказывается лишением благодати. ²⁷ Так было и с евреями: поскольку они отвергли Иисуса, они больше не пользовались благосклонностью Бога. В целом, согласно Бартманну, завет Израиля с Богом подошёл к концу. Это утверждение проявляет религиозный антисемитизм труда *Иисус Христос*.

После написания книги «Иисус Христос» Бернхард Бартманн опубликовал книги о чистилище, божественном пророчестве и искуплении во Иисусе Христе. Он также написал две короткие книги, в которых он выступал за примирение христианской веры и национал-социализма. В «Позитивном христианстве в католическом представлении», которое появилось в декабре 1934 года, Бартманн исправил нацистские искажения христианской веры и поддержал основные принципы христианской веры, все из которых противостояли нацистскому неоязычеству. В то же время он также дистан-

цировал христианскую веру от её иудейских истоков. Например, он утверждал:

*Ветхий завет является дохристианским и основан на меньшем виде божественного откровения. Он имел ценность и значение только в дохристианскую эпоху, но он отказался от них с пришествием Христа. Все великие тайны нашей священной религии раскрыты в Новом Завете. . . . Весь Ветхий завет обладал только подготовительным и, таким образом, временным значением и достиг своего окончательного конца с откровением Иисуса Христа и установлением Церкви Христом.*²⁸

В январе 1938 года Бартманн повторил свою антиеврейскую позицию в своей книге «Противостояние веры между иудаизмом и христианством», которую он написал в ответ на немецких еврейских учёных, таких как Мартин Бубер, Ганс Иоахим Шёпс и Людвиг Элиас Зайдеманн, чьи книги подчеркивали семейное сходство между еврейской верой и христианской верой. По мнению Бартманна, еврейская и христианская вера полностью различны. Снова отвергая священный характер еврейских Писаний, он утверждал, что Ветхий Завет передаёт божественное «вдохновение», но не божественное «откровение». По его мнению, сам Иисус утратил уважение к еврейским Писаниям. «С Христом Ветхий Завет достиг своей полноты и достиг своего конца... В своих действиях, как и в своём учении, Иисус постепенно дистанцировался от Ветхого Завета».²⁹

Карл Адам об Иисусе Христе как Сыне Божьем

Карл Адам был профессором католической доктрины в Тюбингенском университете с 1919 по 1947 год, когда он вышел на пенсию в качестве профессора-эмерита. Одной из победных черт Адама была его человечность: он включал юмор в свои лекции, а также в свои обычные разговоры, и, хотя немецкие учёные считали всех баварцев крестьянами, Адам сохранял свой баварский акцент, даже в

своих публичных выступлениях. Кроме того, Адам обладал даром объяснять сложные идеи ясными, увлекательными словами. Опираясь на этот талант, он переложил церковные учения на современный язык, который опирался на романтизм Гете, Ницше и Рильке, а также на *Lebensphilosophie* (экзистенциализм), который оказал влияние на немецкую культуру в начале 1900-х годов. В 1923 году Карл Адам внес большой вклад в самопонимание Церкви, опубликовав свою книгу «Дух католицизма», которая, вдохновленная трудами Иоганна Адама Мёлера, представляет Церковь в первую очередь как мистическое сообщество, как тело Христа (1 Кор 12:27), и только во вторую очередь как *societas perfecta*. Такое представление Церкви сразу же понравилось католикам по всему миру, и «Дух католицизма» в конечном итоге был переведён по меньшей мере на двенадцать языков, включая китайский и японский. Эта книга способствовала обновлению католической экклезиологии и, таким образом, помогла подготовить путь для Второго Ватиканского собора.

Однако акцент Карла Адама на понятии общности привел его к поиску компромисса между католической церковью и правительством Гитлера. С одной стороны, он выступал против нацистского движения, даже отказываясь давать нацистское приветствие. Однако, с другой стороны, Адам призывал к сотрудничеству между католической церковью и нацистским государством летом 1933 года после того, как немецкие епископы сняли запреты на членство католиков в национал-социалистической партии. Учитывая эту публичную позицию, он стоял среди католических «строителей мостов» 1933 года. Но в январе 1934 года Адам выступил с публичной речью на католическом молодежном митинге в Штутгарте, в которой резко критиковал нацистское неоязычество. В результате нацистские чиновники запретили ему преподавать в Тюбингенском университете, пока он не пообещал воздержаться от комментариев по поводу национал-социализма и Третьего рейха.

В своей книге «Сын Божий», которая появилась в 1933 году, Адам представил Иисуса как нового Адама, Богочеловека, который основал новое человеческое сообщество, живущее в единении с Богом. Евангелия свидетельствуют, Адам сказал, что Бог вошел в сердце человеческой жизни через самоопустошение божественного слова в Иисусе Христе (Фил. 2:6–11). По словам Адама, «великое чудо» христианского послания касается «не только возвышения человечества до высот божественной реальности... но, прежде всего, нисхождение божественности, божественного слова в состояние раба, в простую человечность». 32 В отличие от первого Адама, Иисус Христос жил в полном послушании Отцу и через свою жизнь, смерть и воскресение создал «нового человека». 33 Теперь, через Святого Духа и Церковь, Бог приглашает всех людей принять участие в новом человечестве Христа, чтобы они могли стать сыновьями и дочерьми Бога.

Более того, «Сын Божий» несовершенен в своём представлении евреев и иудаизма. По словам Адама, иудейские власти и простые евреи первого века ценили «внешнюю сторону» своей религии. Они придерживались «холодной жёсткой веры» в закон Талона. 36 Иисус вступил в «борьбу с фарисеями, этими «окрашенными гробами», представителями поддельного, вычурного, чисто внешнего и узкого в религии и жизни». 37 Иисус увидел, что фарисеи и саддукеи упустили из виду подлинную религиозную веру: они хотели увеличить своё богатство, сформировать еврейскую нацию и построить своё собственное эго. По словам Адама:

В большинстве фарисеев и саддукеев, этих типичных представителей правящих классов, владеющих собственностью, Иисус столкнулся с разрушительными последствиями служения маммоне в ужасной форме. То, что отдало их от него и от Царства Божьего, было их жёсткое своекорыстие и высокомерие, которые даже их самое ценное достояние, первородное право израильтянина быть причисленным к народу Завета и семени Авраама, поставили на службу их

националистическому эгоизму и фанатизму, и которые тысячу созданных человеком правил и запретов сделали религию настолько внешней и такой трудной для следования (ср. Матфея 23:4), что она стала делом только богатых, а всякая мелочь и бедняки, у которых не было денег и времени, чтобы выполнить все возложенные на них обязательства, были вкратце дискредитированы как отъявленные грешники.³⁸

Следуя примеру своих официальных лидеров, простые евреи придерживались «материалистического взгляда» на Царство Божье. Ссылаясь на Иисуса, Адам утверждал, что «его евангелие царства несёт на себе полностью этическую и религиозную печать, резко контрастирующую с концепцией Царства Божьего, распространённой тогда среди евреев, которые, говоря о нем, наслаждались представлением о чувственных благах и блаженствах этого царства». ³⁹ Кроме того, еврейский народ представлял себе Мессию, приносящего «восстановление славы царства Давида». ⁴⁰ По этой причине разговор Иисуса о Царстве Божьем «находится в самом прямом контрасте с тем, во что евреи его времени, подстёгиваемые своими эгоистичными националистическими инстинктами, верили и надеялись относительно своего ожидаемого Мессии». ⁴¹ Учитывая его рассказ об иудаизме в первом веке, Адам задавался вопросом, как еврейский народ мог родить Иисуса. «Опять же, как могла возникнуть из мира, который распадался на руины, — мира окостеневшей веры в букву, узколобого кастового духа и материалистического благочестия, мира скептицизма, сомнений и либертарианства, — человеческая природа, столь несравненно чистая, столь единая с Богом, святая и благодатная, столь внутренне отрешённая, свободная и подлинная, как его?»⁴²

Теолог признал, что евреи подготовили путь для пришествия Мессии, правильно развивая свой монотеизм с его надеждой на грядущего Мессию. «Ясно, что этот вопрос и эта возможность могут вырасти только из монотеистической по-

чвы, то есть только из еврейских представлений». 43 Также верно, что Иисус явно стоял в русле пророков Ветхого Завета. 44 Подобно им, он резко критиковал иудейские власти. «Что касается полемики против книжников и фарисеев, против правящей касты, против учителей Израиля и вынесенных им приговоров, то [притчи] прямо-таки лихорадочны в своём пламенном негодовании». 45 В то же время Иисус соблюдал иудейские законы. Действительно, он «принял старые Моисеевы установления и правила: храм, богослужения в синагоге, пост, обрезание и все остальное». 46 Более того, Иисус «знает, что новый человек, которого он собирается создать, что «новый завет в его крови», будет и должен создать для себя особый вид корпоративного тела. Поэтому он говорит о Церкви, которую в будущем он построит на камне Петра (Матфея 16:18). ... Ничто не было дальше от его мыслей, чем жёсткая, безжизненная форма общественного поклонения, нагруженная правилами». 47 В свете его акцента на внутреннем характере религиозной веры Иисус «очищает учение Ветхого Завета от всего внешнего, формального, законнического, в особенности от тех церемониальных несущественных вещей». 48 Подводя итог, по Адаму, в то время как иудаизм подчёркивает внешний аспект религиозной веры, христианство подчёркивает внутренний характер отношения к Богу.

«Сын Божий» Карла Адама выделяется в истории католической теологии. С одной стороны, эта книга примечательна тем, что в ней делается акцент на Иисусе Христе как на полноценном человеке. С другой стороны, она также заслуживает критики из-за своего религиозного антисемитизма. Однако эта книга была не единственной публикацией Адама с предубеждением против евреев и иудаизма. В 1943 году, то есть через десять лет после появления «Сына Божьего», Адам выразил свой антииудаизм в своём эссе «Иисус, Христос и мы, немцы». Все ещё стремясь построить мост между католической церковью и Третьим рейхом, теолог утверждал, что немцы могут достичь своего полного роста, только если

они и их правительство примут христианскую веру. Эта национальная приверженность Иисусу Христу потребует, настаивал Адам, глубокого уважения к еврейским Писаниям и еврейской вере. Однако это не повлечёт за собой принятия «отрицательных черт», которыми обладают евреи, поскольку сам Иисус не обладал этими личными характеристиками. Доктрина Католической церкви о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, то есть учение о том, что Мария была зачата без первородного греха, конкретно означает, что Мария родилась без первородного греха и, следовательно, без неприятных качеств евреев.⁴⁹

Неясно, осознавал ли Карл Адам когда-либо свой религиозный антисемитизм или даже признавал свою ошибку, пытаясь примириться с католической церковью и нацистским государством. После поражения Третьего рейха и разоблачения гитлеровских лагерей смерти теолог не делал никаких публичных комментариев о двенадцати годах правления фюрера. В 1946 году он стал активным участником экуменического движения *Una Sancta*, которое процветало в послевоенной Германии, а в 1947 году он вышел на пенсию в качестве почётного профессора Тюбингенского университета. В течение следующих семи лет он оформил свои лекции по христологии в свою книгу «Христос веры», которая даёт чёткий синтез учений Церкви об Иисусе Христе, начиная с Нового Завета и заканчивая теологией его времени. В этой книге опущено описание евреев и иудаизма, которое содержится в «Сыне Божьем». Когда здоровье Адама ухудшилось, он отошёл от общественной жизни и умер в возрасте восьмидесяти лет.

Романо Гуардини об Иисусе Христе как Господе

Романо Гуардини был профессором «философии религии и католического мировоззрения» в Берлинском университете, когда Гитлер стал канцлером Германии 30 января 1933 года. Приняв должность преподавателя в 1923 году, он стал ши-

роко уважаемым лектором в университете. Среди студентов, на которых глубоко повлияли берлинские лекции Гуардини, были философ Ханна Арендт и теолог Ганс фон Бальтазар. Гуардини был христианским гуманистом, мыслителем эпохи Возрождения. Родившийся в Вероне и выросший в Майнце, он ценил европейскую литературу мірового класса, такую как труды Данте, Гельдерлина и Рильке. Кроме того, он сознательно работал в интеллектуальной ориентации неоплатонизма и немецкой феноменологии, особенно мысли Макса Шелера, и с этой точки зрения он был намерен пролить свет на основные структуры и динамику человеческой жизни. Придерживаясь феноменологического или описательно-аналитического подхода к поклонению, Гуардини опубликовал свою книгу «Дух литургии» в 1919 году и сразу же получил международное признание, включая похвалу от Мартина Бубера. На протяжении 1920-х и в 1930-е годы Гуардини писал книги и статьи о литературных шедеврах Данте, Достоевского и Рильке, а также о церковном поклонении, молитвах и богослужении. Ненавидя национал-социализм, Гуардини избегал политических тем после прихода Гитлера к власти. Тем не менее, в 1935 году он опубликовал эссе «Спаситель», неявно осуждая национал-социализм как форму идолопоклонства. Снова опираясь на феноменологический метод, он утверждал, что всякий раз, когда люди считали своего национального лидера божественной фигурой, они навлекали на себя зло. Гуардини настаивал на том, что только вера в Иисуса Христа, истинного спасителя, может освободить людей как личностей и как нацию для достижения своего благополучия. Политическая критика эссе не ускользнула от внимания нацистских лидеров, и в 1939 году министр образования Рейха уволил Гуардини с должности профессора.⁵¹

После написания «Спасителя» и до своего увольнения Гуардини отправился помочь немцам распознавать своего подлинного спасителя. В течение двух лет он прочитал серию проповедей о личности и деяниях Иисуса Христа, как

они изложены в Евангелиях, особенно в Евангелии от Иоанна, и в 1937 году опубликовал их в книге «Господь». По словам Гуардини, Иисус Христос — это «слово, ставшее плотью» (Ин. 1:14). Он — божественный Логос, вошедший в историю и открывший, кто есть Бог и что Бог задумал для людей. Претерпев отвержение и смерть на кресте, Христос вернулся во славе к Отцу (Ин. 17:5). Теперь воскресший Христос современен каждому веку; в каждую эпоху и на каждой земле Христос стоит перед всеми людьми и просит решения. «Принимаем ли мы его раз и навсегда как наш высший авторитет во всем или полагаемся исключительно на собственное суждение?»⁵² Если мы полагаемся на себя, то в конечном итоге отдадим себя в руки личности или силы, которая поработит нас. Если мы признаем живого Христа, то будем двигаться к личной индивидуализации и подлинной свободе.

Вдохновленный и направляемый Евангелием от Иоанна, Господь передаёт христологию «свыше». ⁵³ Она находится в теологической траектории, связанной с учёными древней Александрии, такими как Кирилл Александрийский. Подчёркивая, что Иисус Христос является воплощением Сына Божьего, Господь выражаетalexандрийский акцент на Логосе как объединяющем личностном центре Иисуса Христа. Учитывая эту точку зрения на Христа, Господь обладает достоинством подчёркивания абсолютной уникальности Иисуса Христа. В отличие от кого-либо ещё в истории, Иисус Христос как воплощённое божественное слово достоин нашего абсолютного доверия, которое поэтому мы не должны оказывать никакой человеческой власти, независимо от гражданской, церковной или институциональной должности человека. Однако это подчёркивает божественную уникальность Иисуса Христа, Господь теряет из виду человечность Иисуса. Иисус Христос — тот, кто не похож на нас; он тот, кто «свыше», кто призывает нас из этого мира. Наряду с этим недостатком книга обладает и другим: религиозным антисемитизмом.

В произведении Гуардини «Господь» прослеживается антиеврейская предвзятость. Хотя в нем утверждается, что Бог избрал евреев или евреев, начиная с Авраама и Сарры, чтобы они играли особую роль в мировой истории, в нем также говорится, что этот избранный народ не оправдал Божьего призыва. Бог послал Моисея, чтобы установить завет Моисея между Богом и Израилем, чтобы евреи стали людьми, готовыми принять полноту откровения Бога в Мессии, Христе. Сделав это, они отменили бы то, что произошло, когда Адам и Ева отвернулись от Бога на заре времен. Но, как свидетельствуют Евангелия, народ Израиля не смог приветствовать Мессию. По словам Гуардини: «Неспособность еврейского народа принять Христа была вторым падением, значение которого можно полностью понять только в связи с первым». 54 Еврейский народ был настолько занят подробностями Закона Моисея, что он больше не был восприимчив к истине. 55 «Именно посредством Закона Израиль занял уникальное место в истории; но именно Закон настолько ожесточил его, что когда, наконец, тот, кого он, как его учили, ожидал, пришёл, он отверг его». 56 Говоря о евреях времён Иисуса, Гуардини пишет:

Они ожесточили свои сердца против Бога; потеряли интерес к старому стремлению слышать и повиноваться Его голосу. . . . Храмовые обряды отделяли человека для Бога. Процесс был формально предписан, регламентирован вплоть до мельчайших деталей. Результатом стала путаница правил и обрядов, выражавших глубокую мудрость и понимание человеческой природы, . . . Однако, когда мы осознаем, что не только общее благополучие, но и вечное спасение зависело от строгого соблюдения, что неисполнение Закона означало изгнание из общества и гнев Божий, кровьстынет в жилах, когда читаешь безконечный список заповедей. 57

Далее, Господь возлагает ответственность за распятие Иисуса на еврейский народ. Он настаивает на том, что страдания и смерть Иисуса не произошли бы, если бы еврейские

современники Иисуса уверовали в Иисуса и его послание. «Иудейский кризис» произошёл, когда Иисус принёс своё послание в Иерусалим (Ин. 7) во время Праздника Кущей. 58 «Но еврейский народ не поверил. Они не изменили своих сердец, поэтому Царство не пришло так, как должно было прийти». 59 Повторяя этот момент, Гуардини пишет, что ближе к концу его жизни «слова Иисуса стали все более серьезными, но они не были приняты. Очевидно, что ответственные группы не только отвергли их, но и хотели уничтожить Иисуса. Это [отвержение было] преступлением человечества (второе падение на попытии истории, поскольку первое было прелюдией к истории), которое любовь Христа должна была преобразовать в совершенную жертву, которая гарантировала спасение." 60 Отвержение Иисуса евреями «является вторым великим испытанием и неудачей человечества — вызванным определенным народом в определённое время, но из-за нашей солидарности со всем человеческим существованием, также к нашему горю." 61 В результате отказа евреев принять Иисуса как Мессию, Бог увидел, что спасение мира в Иисусе Христе может произойти только насильственным образом. «Основное решение уже принято. Спасение теперь должно быть реализовано по-другому; больше не через встречу Евангелия и веры, безграничной божественной щедрости с чистым человеческим принятием; больше не через очевидное пришествие царства и обновление истории; теперь воля Отца требует окончательной жертвы его Сына." 62 Поскольку еврейский народ никогда не принимал Иисуса как Мессию, он расстроил первоначальный план Бога и привёл к смерти Сына Божьего. Именно через свои страдания, смерть и воскресение Иисус Христос основал новый избранный народ, новый Израиль.63

По словам Гуардини, отвержение евреями Иисуса как Мессии привело не только к смерти Иисуса, но и к опустошению смысла и ценности Закона Моисея. Подготовка Богом еврейского народа к Мессии через завет Моисея закончилась «не-

удачей». Гуардини спрашивает: «Итак, Закон исчез? Старый Закон, безусловно. С пришествием Христа весь его смысл был утерян, и Святой Павел позаботился о том, чтобы он был искоренён из христианского сознания. . . . История Закона Моисея является ужасным предупреждением. То, что пришло, святое, от Бога, было превращено в орудие катастрофы. В тот момент, когда верят в определенное откровение, в позитивное упорядочение бытия Богом, эта возможность представляется сама собой. Верующему полезно знать это, чтобы, как члену второго завета, ему избежать участи первого». 64 Если христиане хотят избежать Божьего гнева, они должны помнить, как Бог наказал еврейский народ:

Моисею пришлось нести на своих плечах всю нацию. Он был, по необходимости, самым терпеливым из людей. Иногда ему как будто приходится нести дополнительную тяжесть Божьего гнева; когда, например, Всемогущий теряет терпение и говорит Моисею: Дай мне уничтожить их! Но лидер этого слепого, неуправляемого народа стоит на своем, даже когда удары сыпятся на него с обеих сторон. . . . Насколько упрямым был этот народ, лучше всего показывает собственная оценка их Богом: ни один из тех, кто покинул Египет взрослым, не был признан достойным увидеть обетованную землю; ни один из них не был признан пригодным для жизни пионера.65

Гуардини утверждает, что когда христиане смотрят на евреев первого века, они должны видеть грешный народ, народ, который отвернулся от Бога и спрятался за своими религиозными законами и институтами. Гуардини пишет:

Еврейский народ, фарисеи, книжники и первосвященники, как они «взрослы»! Все наследие греха с его суровостью и искажением маячит перед нами. Как они стары! Их память уходит более чем на полтора тысячелетия назад, к Аврааму — историческое сознание, которым могут похвастаться не многие народы. Их мудрость — это и божественный дар, и плод долгого человеческого опыта; знания, ум, правильность.

*Они исследуют, взвешивают, различают, сомневаются; и когда Обетованный приходит и пророчество исполняется, их долгая история вот-вот увенчается, они цепляются за прошлое с его человеческими традициями, окапываются за Законом и храмом, хитры, жестоки, слепы — и их великий час проходит мимо них. Мессия Божий должен погибнуть от рук тех, кто «защищает» его закон. Из его крови рождается молодое христианство, а иудаизм остаётся пленником своей надежды на пришествие Того, кто уже пришёл.*⁶⁶

Вскоре после публикации в 1937 году «Господь» стал бестселлером в Германии. Он воспитывал своих читателей, чтобы они сопротивлялись национал-социализму, сосредоточивали свою жизнь на живом Христе, а не на фюрере. Во время войны его относили в бомбоубежища и читали там отдельные лица или небольшие группы, а после войны он стал бестселлером среди христиан по всему миру. Хотя Гуардини никогда не пересматривал книгу, она в конечном итоге принесла ему страдания, поскольку он сам осознал её антиеврейские предубеждения.

После падения Третьего рейха и публичного разоблачения Освенцима Гуардини стремился исправить своё отношение к евреям и иудаизму. Как профессор католической мысли в Тюбингенском университете с 1945 по 1947 год, а затем в Мюнхенском университете с 1947 по 1963 год, Гуардини возобновил чтение лекций и написание статей по широкому кругу светских и религиозных тем. Во всем, что он говорил, он избегал негативных характеристик евреев и иудаизма. Кроме того, он публично поддерживал усилия Конрада Аденауэра в конце 1940-х и начале 1950-х годов по обеспечению того, чтобы Западная Германия предоставила реституцию выжившим евреям. 23 мая 1952 года Гуардини прочитал публичную лекцию в Тюбингенском университете, в которой заявил, что немецкий народ должен взять на себя ответственность за то, что произошло в Освенциме, и искать примирения с еврейским народом. ⁶⁷ Вскоре после прочтения лекции Гуардини

отправил её копию еврейскому философию религии Мартину Буберу в Иерусалим. Гуардини и Бубер обменялись письмами в начале 1920-х годов, когда Бубер проживал во Франкфурте-на-Майне. В то время Бубер инициировал и поддерживал общение между двумя учеными. Во время Третьего рейха Гуардини и Бубер потеряли связь друг с другом. Осенью 1952 года Бубер был глубоко тронут как тем, что Гуардини сказал в своей лекции в Тюбингенском университете, так и инициативой Гуардини отправить ему лекцию. Благодаря жесту Гуардини Бубер почувствовал возобновленную связь с Германией и с тех пор принимал приглашения читать там лекции. Гуардини и Бубер поддерживали связь на протяжении 1950-х годов, и по случаю восьмидесятилетия Бубера 8 февраля 1963 года Гуардини сделал существенное пожертвование Государству Израиль для леса Мартина Бубера.⁶⁸

Теологические факторы, способствующие антисемитизму

Каждая из трёх рассмотренных выше книг продвигала обновление католического богословия, и все же каждая из них также привносила религиозный антисемитизм. Книга Бартмана «Иисус Христос, наш Спаситель и Царь» показала, что доктрина Халкидона относится не к неясному метафизическому принципу, а к реальной личности. Но в то же время она утверждала, что Иисус дистанцировался от еврейских Писаний. Книга Адама «Сын Божий» подчёркивала человечность Иисуса Христа, которая была затмеваема акцентом неосхоластики на божественности Христа. Однако она представляла евреев как материалистичный, самовозвеличивающий народ. Наконец, книга Гуардини «Господь» пролила свет на полную исключительность Иисуса Христа, и все же она заявляла, что евреи оставались закрытыми для откровения Бога и, следовательно, были ответственны за распятие Иисуса.

Как так получилось, что три новаторские теологические книги 1920-х и 1930-х годов были запятнаны антисемитиз-

мом? А точнее, какие теологические факторы подпитывали это предубеждение против евреев и иудаизма, и актуальны ли эти факторы сегодня в католической теологии? Четыре теологических элемента заслуживают рассмотрения: понятие суперсессионизма, опора на докритические толкования Библии, отказ от исторических реконструкций служения Иисуса и еврейского міра и отрицание религиозной свободы. Каждый из этих факторов больше не принимается католической церковью.

Во-первых, суперсессионизм утверждает, что завет Бога в Иисусе Христе заменил более ранние заветы Бога с евреями — заветы с Авраамом, Моисеем и Давидом. Как следствие, Бог отменил более ранние заветы и лишил еврейский народ своей благосклонности. Не имея Божьего благословения, еврейский народ больше не имеет религиозного смысла существования. Однако эта точка зрения больше недействительна. *Nostra Aetate II* Ватиканского собора учит, что, согласно Святому Павлу и, следовательно, Церкви, «евреи остаются весьма дорогими Богу, ради патриархов, поскольку Бог не забирает обратно дары, которые Он даровал, или сделанный Им выбор». В нем добавляется, что «о евреях не следует говорить как об отверженных или проклятых, как будто это следует из Священного Писания». 69 Это признание вечного характера завета Бога с еврейским народом повторяется в Катехизисе Католической церкви, который появился в 1994 году. Относительно «отношений Церкви с еврейским народом» в нем говорится: «Когда она углубляется в свою собственную тайну, Церковь, Народ Божий в Новом Завете, обнаруживает свою связь с еврейским народом, «первым, кто слышит Слово Божье» [согласно молитвам Страстной пятницы в Римском Миссале] ... Иудеям «принадлежат сыновство, слава, заветы, законоположение, богослужение и обетования; им принадлежат патриархи, и от них Христос по плоти» [Рим. 9:4–5], «ибо дары и призвание Божие непреложны» [Рим. 11:29]». 70 Подводя итог, можно сказать, что суперсессионизм боль-

ше не может обоснованно формировать взгляд католического теолога на иудаизм.

Во-вторых, докритический подход к Библии побуждал католических теологов читать каждый текст Священного Писания, не обращая внимания на время и место его составления, происхождение, литературный жанр, скрытые намерения и более поздние фазы редактирования. Поскольку Бартманн, Адам и Гуардини рассматривали Евангелия как свидетельства очевидцев, буквальные отчёты о словах и действиях Иисуса, они не смогли оценить, как Евангелия были литературным продолжением существовавших ранее источников и материалов, которые передавались устно в определённых литературных формах. Кроме того, они упустили из виду тот факт, что каждое Евангелие передает особый литературный портрет Иисуса Христа, определяемый христологией каждого евангелиста. По этой причине литературная и теологическая целостность каждого Евангелия нарушается, когда четыре библейских рассказа объединяются в один, как это произошло в «Страстях Христовых» Мела Гибсона.⁷¹ Наконец, поскольку Бартманн, Адам и Гуардини занимались докритическим чтением Евангелий, они не обнаружили антиеврейских предрасудков евангелистов, особенно Матфея и Иоанна. В результате каждый из теологов включил религиозный антисемитизм ранней Церкви в своё представление взгляда Иисуса на иудаизм первого века.

Сегодня докритическое толкование Библии недействительно в католицизме. Оно было отменено с 30 сентября 1943 года, когда Папа Пий XII издал свою энциклику *Divino Adante Spiritu*, разрешив ограниченное использование историко-критических методов в библейской герменевтике. В 1964 году Папская библейская комиссия выпустила свою инструкцию «Историческая истина Евангелий», в которой признала наличие «трех этапов традиции» в Евангелиях: проповедь и служение Иисуса (около 27–30 гг. н. э.), устная проповедь и учение послепасхальных общин (30–100

гг. н. э.) и редактирование евангелистами традиций, которые они получили в Евангелиях (70–100 гг. н. э.). В апреле 1993 года Папская библейская комиссия одобрила использование историко-критических методов в своей инструкции «Толкование Библии в Церкви», а в мае 2002 года она выпустила свою инструкцию «Еврейский народ и его Священные Писания в христианской Библии» о христианском уважении к еврейскому толкованию Еврейских Писаний.

В-третьих, отвержение Церковью историко-критических реконструкций служения Иисуса и еврейского міра означало, что теологи не могли проверить свои изображения Иисуса и его еврейских современников в отношении религиозно нейтральных исторических исследований. Первоначальный или либеральный поиск исторического Иисуса беспокоил католических чиновников и теологов отчасти потому, что он косвенно был направлен на подрыв христианских доктрин относительно Иисуса Христа, особенно доктрины Халкидона. Когда католические лидеры были вынуждены выбирать между Иисусом истории Гарнака и Христом веры Барта, они выбрали последнего и не увидели или увидели мало или вообще не увидели теологического значения в историко-критических исследованиях относительно Иисуса из Назарета. В результате они не смогли увидеть, что иудаизм первого века был отмечен многообразием и внутренними конфликтами, что саддукеи были группой, которая в первую очередь ответственна за смерть Иисуса, и что Пилат был в конечном итоге виновен в распятии Иисуса, потому что он решил казнить предполагаемого «царя иудейского», чтобы сохранить рах Romana на Святой Земле.

Католические лидеры и теологи сегодня признают теологическую важность историко-критических исследований жизни и времен Иисуса. Они согласны с мнением кардинала Вальтера Каспера о том, что христианская вера и теология «имеют в земном Иисусе, поскольку он стал доступен нам через исторические исследования, относительно автоном-

ный критерий, раз и навсегда установленный критерий, по которому они должны постоянно себя измерять».72 В сентябре 1980 года Международная теологическая комиссия Ватикана заявила: «Великая ценность научных исследований Иисуса истории не вызывает сомнений. Исследования такого рода особенно важны для фундаментальной теологии и в обмене с неверующими». После Второго Ватиканского собора католические библеисты и историки все чаще использовали историко-критические методы, чтобы пролить свет на еврейство Иисуса, а также на иудаизм первого века, и католические теологи позволили результатам этих историко-критических исследований сформировать свои христологии.73

Одно конкретное искажение иудеев и иудаизма заслуживает комментария. Бартманн, Адам и Гуардини преувеличили разницу между законничеством иудаизма первого века, с одной стороны, и оппозицией Иисуса иудейскому законничеству и фарисеям, с другой стороны, отчасти потому, что каждый из них считал, что учения Иисуса не были адекватно переданы в церковном законничестве и бюрократии Католической церкви. 74 На протяжении всего начала двадцатого века относительно прогрессивные богословы оспаривали озабоченность Церкви каноническим правом и юридическими процедурами, сначала набросав неявное сходство между древним иудаизмом и современным католицизмом, а затем изобразив Иисуса Христа как резкого критика религиозного законничества. Резкие слова Бартмана, Адама и Гуардини о фарисеях и их предполагаемой одержимости внешним религиозным соблюдением были на самом деле направлены на Католическую курию. Эти полемики не могли бы возникнуть, если бы теологи были обязаны соответствовать стандартам исторической точности относительно иудаизма первого века. Сегодня наука исправляет ложные представления теологов о фарисеях.75

В-четвёртых, и в-четвёртых, отрицание Католической церковью принципа религиозной свободы в национальном

государстве повлияло на то, как католические теологи 1920-х и 1930-х годов рассматривали ожидания евреев первого века относительно политического Мессии. Начиная с 1800-х годов Церковь учila, что, поскольку «заблуждение не имеет прав», никакая религиозная вера, кроме католицизма, не имеет права на существование. В гражданском плане это неприятие религиозной терпимости означало, что, согласно папскому учению, государство должно предоставлять правовую защиту Католической церкви, но не другим религиозным организациям. В двадцатом веке нетерпимость Церкви к другим религиям проявилась в гражданских законах Италии при Муссолини, Португалии при Салазаре и Испании при Франко. Поскольку церковные должностные лица и католические политические лидеры поддерживали идеал католического национального государства, католические теологи привнесли этот взгляд в свои представления об иудаизме в Римской империи. Бартманн, Адам и Гуардини не выразили никакой симпатии к еврейскому ожиданию первого века, что Мессия принесёт Израилю политическую и религиозную свободу. Косвенно опираясь на понятие суперсессионизма, они рассудили, что с пришествием Иисуса Христа иудаизм утратил своё право на существование в Римской империи, а также своё стремление вернуть себе политическую автономию, достигнутую с царём Давидом.

Одним из самых важных решений Второго Ватиканского собора было принятие 7 декабря 1965 года *Dignitatis Humanae*, Декларации о религиозной свободе. В отмену «Списка ошибок» Папы Пия IX (1864 г.), Собор заявил, что «человеческая личность имеет право на религиозную свободу... Это право человеческой личности на религиозную свободу должно быть признано в конституционном порядке общества, что сделает его гражданским правом».76 В свете этого признания принципа религиозной свободы теологи должны уважать обоснованную беспокойство евреев своими гражданскими правами и гражданской защитой иудаизма. Ученые так-

же должны уважать приверженность иудаизма автономному еврейскому национальному государству, такому как Государство Израиль.

Четыре теологических фактора, которые способствовали антиеврейскому предубеждению в католических взглядах на Иисуса и иудаизм в начале двадцатого века, больше не имеют поддержки официальных учений Церкви. Понятие суперсессионизма, докритическое прочтение Библии, игнорирование историко-критических исследований и отрицание религиозной свободы сегодня не принимаются в основном католицизме. Теологические идеи, которые поддерживали религиозный антисемитизм в девятнадцатом и двадцатом веках, утратили свою легитимность. Тем не менее, как показало позитивное восприятие католиками Страстей Христовых, прогресс в учении Церкви еще не оказал влияния на всех католиков, даже на всех церковных чиновников. Хотя прошло сорок лет с тех пор, как Папа Павел VI закрыл Второй Ватиканский собор, видение собора и теологические изменения все еще ждут своей полной реализации в Церкви. В частности, учитывая влияние, которое фильм Мела Гибсона об Иисусе оказал на воображение и отношение зрителей, лидеры Церкви и теологии должны срочно вновь посвятить себя реализации обновления и реформ, начатых Папой Иоанном XXIII, Папой Павлом VI и Ватиканским II собором, особенно тех учений, которые признают вечный завет Бога с иудаизмом и священное достоинство еврейского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Second Vatican Council, *Lumen Gentium*, ch. 1, art. 1, in *Vatican Council II*, ed. Austin Flannery, O.P. (Northport, N.Y.: Costello, 1996), 1.
2. Second Vatican Council, *Nostra Aetate*, art. 2, in *Vatican Council II*, 571.
3. *Ibid.*, art. 4, p. 573.

4. Paul VI used this phrase at the outset of his encyclical *Populorum Progressio* (1967).

5. On the relationship between Catholicism and Judaism, see Mary C. Boys, *Has God Only One Blessing?* (New York: Paulist, 2000); Avery Dulles and Leon Klenicki, *The Holocaust, Never To Be Forgotten* (New York: Paulist, 2001); Eugene J. Fisher, *Faith without Prejudice*, rev. ed. (New York: Crossroad, 1993); Hans Küng, *Judaism*, trans. John Bowden (New York: Continuum, 1992); Richard P. McBrien, *The Popes and the Jews* (San Francisco: SWIG Judaic Studies Program, University of San Francisco, 2003); John Pawlikowski, “We Remember: Looking Back, Looking Ahead,” *Month* 33 (January 2000): 3–8; idem, *Jesus and the Theology of Israel* (Wilmington, Del.: Michael Glazier, 1989).

6. On antisemitism in *The Passion of the Christ*, see Philip Cunningham, “A Dangerous Fiction: ‘The Passion of the Christ’ and Post-conciliar Catholic Teaching,” *America* 191 (April 5, 2004): 8–11; Eugene J. Fisher, “The Bible, the Jews and the Passion,” *America* 191 (February 16, 2004): 7–9.

7. On antisemitism in pre-conciliar Catholicism, see Olaf Blaschke and Aram Mattioli, eds., *Katholischer Antisemitismus im 19. Jahrhundert* (Zürich: Orell Füssli, 2000).

8. This essay builds on Robert A. Krieg, *Catholic Theologians in Nazi Germany* (New York: Continuum, 2004); Kevin P. Spicer, *Resisting the Third Reich* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004); Donald J. Dietrich, ed., *Christian Responses to the Holocaust* (Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2003); idem, *Catholic Citizens in the Third Reich* (New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1988).

9. This essay evolved out of discussions in 1996 with Susannah Heschel and Michael A. Signer. The author is grateful to these scholars for their questions about pre-conciliar Catholicism as well as for their relevant scholarship, including: Susannah Heschel, *Abraham Geiger and the Jewish Jesus* (Chicago: University of Chicago Press, 1998); Michael A. Signer, ed., *Memory and*

History in Christianity and Judaism (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame, 2001); idem, “The Rift That Binds: Hermeneutical Approaches to the Jewish-Christian Relationship,” in *Ecumenism*, ed. Lawrence S. Cunningham (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1998), 95–115.

10. See Benedict M. Ashley, “Neo-Scholasticism,” in *The HarperCollins Encyclopedia of Catholicism*, ed. Richard P. McBrien (San Francisco: HarperCollins, 1995),

911; Francis Schüssler Fiorenza, “Systematic Theology: Task and Methods,” in *Systematic Theology*, ed. F. S. Fiorenza and John P. Galvin, vol. 1 (Minneapolis: Fortress, 1991), 27–35; Gerald A. McCool, *Catholic Theology in the Nineteenth Century* (New York: Seabury, 1977).

11. See Étienne Fouilloux, “Die Kultur des katholischen Kirche,” in *Erster und Zweiter Krieg: Demokratien und Totalitäre Systeme, 1914–1958*, ed. Kurt Meier (Herder: Freiberg, 1992), 175–215; Erwin Iserloh, “Movements within the Church and Their Spirituality,” in *History of the Church*, vol. 10: *The Church in the Modern Age*, ed. Hubert Jedin et al., trans. Anselm Biggs (New York: Crossroad, 1981), 299–335.

12. Romano Guardini, *Vom Sinn der Kirche*, und *Die Kirche des Herrn* (Mainz: Matthias Grünewald, 1990), 19; idem, *The Church and the Catholic, and The Spirit of the Liturgy*, trans. Ada Lane (New York: Sheed and Ward, 1935), 11.

13. See Leo Schevczyk, “Main Lines of the Development of Theology between World War I and Vatican II,” in *History of the Church*, vol. 10, 260–98; Roger Aubert, “Die Theologie während der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts,” in *Bilanz der Theologie im 20. Jahrhundert*, vol. 2, ed. Herbert Vorgrimler and Robert Vander Gucht (Freiburg: Herder, 1969), 7–70; Adolf Kolping, *Katholische Theologie* (Bremen: Carl Schünemann, 1964), 62–126.

14. Joseph Wittig, “Die Erlösten,” *Hochland* 19, part 2 (1922): 1–24; Wittig, *Leben Jesu in Palästina* (Munich: Kempten, 1925, 1927). See Otto Weiss, *Der Modernismus in Deutschland* (Regensburg: Friedrich Pustet, 1995), 514–26.

15. See *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*, vol. 1, ed. Friedrich Wilhelm Bautz (Hamm: Traugott Bautz, 1975), 397–98; Eduard Stakemeier, “Bernhard Bartmann,” *Theologie und Glaube* 44 (1954): 81–113.
16. Remigius Bäumer, “Bartmann, Bernhard,” in *Lexikon für Theologie und Kirche*, 2nd ed., vol. 2 (Freiburg: Herder, 1958), 16.
17. Gisbert Greshake, “Bartmann, Bernhard,” in *Lexikon für Theologie und Kirche*, 3rd ed., vol. 2 (Freiburg: Herder, 1994), 47.
18. Bernhard Bartmann, *Jesus Christus, unser Heiland und König* (Paderborn: Bonifacius, 1929).
19. *Ibid.*, 645.
20. *Ibid.*, 646.
21. *Ibid.*, 648n24.
22. *Ibid.*, 31.
23. *Ibid.*, 31–33.
24. *Ibid.*, 128–29.
25. *Ibid.*, 465.
26. *Ibid.*, 466.
27. *Ibid.*, 467.
28. Bernhard Bartmann, *Positives Christentum in katholischer Wesensschau* (Paderborn: Bonifacius, 1934), 4–5.
29. Bernhard Bartmann, *Der Glaubensgegensatz zwischen Judentum und Christentum* (Paderborn: Bonifacius, 1938), 71.
30. See Krieg, *Catholic Theologians in Nazi Germany*, 83–106; *idem*, Karl Adam: *Catholicism in German Culture* (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1992), and Lucia Scherzberg, *Kirchenreform mit Hilfe des Nationalsozialismus* (Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001).
31. See Heinz Hürten, *Deutsche Katholiken* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1992), 214–30.
32. Karl Adam, *Jesus Christus*, 2nd ed. (Augsburg: Haas und Grabherr, 1933),

10. See also Adam, *The Son of God*, trans. Philip Hereford (New York: Sheed and Ward, 1940), 1.
33. Adam, *The Son of God*, 118.
34. See Alois Grillmeier, “The Figure of Christ in Catholic Theology Today,” in *Theology Today*, vol. 1: *The Renewal of Dogma*, ed. Johannes Feiner et al., trans. P. White and R. Kelly (Milwaukee: Bruce, 1965), 82n16.
35. See Hans Kreidler, “Karl Adam und Nationalsozialismus,” *Rottenburger Jahrbuch für Kirchengeschichte* 2 (1983): 129–40.
36. Adam, *The Son of God*, 151.
37. Ibid., 97.
38. Ibid., 128–29.
39. Ibid., 159–60.
40. Ibid., 177.
41. Ibid., 178.
42. Ibid., 183.
43. Ibid., 185.
44. Ibid.
45. Ibid., 101.
46. Ibid., 117.
47. Ibid., 118.
48. Ibid., 147.
49. Karl Adam, “Jesus, der Christus, und Wir Deutsche,” Part 3, *Wissenschaft und Weisheit* 11 (1944): 21.
50. See Robert A. Krieg, *Romano Guardini: Spiritual Writings* (Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 2005), 19–46; Krieg, *Catholic Theologians in Nazi Germany*, 107–30; Krieg, *Romano Guardini: A Precursor of Vatican II* (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1997); Josef Kreiml, *Die Selbstverbarung Gottes in Jesus Christus* (Regensburg: S. Roderer, 2001).
51. See Romano Guardini, *Berichte über mein Leben* (Düsseldorf: Patmos, 1984), 52–53.
52. Romano Guardini, *Der Herr* (Mainz: Matthias Grünewald, 1997), 129. See Guardini, *The Lord*, trans. Elinor Castendyk *Briefs* (Chicago: Henry Regnery, 1954), 116.

53. Arno Schilson, *Perspektiven theologischer Erneuerung* (Düsseldorf: Patmos, 1986), 82–157.
54. Guardini, *The Lord*, 98.
55. *Ibid.*, 103.
56. *Ibid.*, 215.
57. *Ibid.*, 166.
58. *Ibid.*, 139.
59. *Ibid.*, 40.
60. *Ibid.*, 150.
61. *Ibid.*, 346.
62. *Ibid.*, 210.
63. *Ibid.*, 241.
64. *Ibid.*, 170.
65. *Ibid.*, 246.
66. *Ibid.*, 268.
67. Romano Guardini, *Verantwortung: Gedanken zur jüdischen Frage* (Munich: Kösel, 1952).
68. See Robert A. Krieg, “To *Nostra Aetate*: Martin Buber and Romano Guardini,” in *Lessons and Legacies*, vol. 4, ed. Larry V. Thompson (Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2003), 81–100; Krieg, “Martin Buber and Romano Guardini,” in *Humanity at the Limits*, ed. Michael A. Signer (Bloomington: Indiana University Press, 2000), 138–47.
69. Second Vatican Council, *Nostra Aetate*, art. 4, p. 573.
70. John Paul II, *Catechism of the Catholic Church* (Liguori, Mo.: Liguori Publications, 1994), #839, 222–23.
71. The selection and arrangement of biblical materials in Gibson’s *The Passion of the Christ* has been influenced by The Dolorous Passion of Our Lord Jesus Christ, which was written by the German mystic Anne Catherine Emmerich in 1833.
72. Walter Kasper, *Jesus the Christ*, trans. V. Green (New York: Paulist, 1976), 35.
73. See Daniel J. Harrington, “The Jewishness of Jesus: Facing Some Problems,” in *Jesus’ Jewishness*, ed. James H. Charlesworth (New York: Crossroad, 1991), 124–36; Monika Hellwig,

“The Re-Emergence of the Human Jesus,” *Theological Studies* 50 (1989): 466–80.

74. The author is grateful to John P. Meier for proposing that pre-conciliar theologians’ criticisms of the Curia and ecclesiastical legalism may have influenced their depictions of the Pharisees and first-century Judaism. For an analysis of how a similar process occurred among Protestant scholars from the late 1800s into the mid-1900s, see Roland Deines, *Die Pharisäer* (Tübingen: Mohr Siebeck, 1997).

75. John P. Meier, *The Marginal Jew*, vol. 3: Companions and Competitors (New York: Doubleday, 2001); Anthony J. Saldañini, *Pharisees, Scribes and Sadducees in Palestinian Society: A Sociological Approach* (Wilmington, Del.: Michael Glazier, 1988).

76. Second Vatican Council, *Dignitatis Humanae*, art. 2, in *Vatican Council II*, 552–53.

Robert A. Krieg. German Catholic Views of Jesus and Judaism, 1918–1945

Перевод - Райан Гиггс

Кевин П. Спайсер

РАБОТА НА ФЮРЕРА: ОТЕЦ ДОКТОР ФИЛИПП ХОЙЗЕР И ТРЕТИЙ РЕЙХ

В декабре 1930 года доктор Филипп Хойзер выступил перед членами Аугсбургской национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) и обратился к ним: «Сегодня национал-социалисты Аугсбурга празднуют Рождество. Это факт. Другой факт: католический священник произносит речь на этом рождественском празднике по особому желанию национал-социалистов. Оба факта чрезвычайно печальны — печальны для самодовольных фарисеев». 1 Так началась борьба отца доктора Филиппа Хойзера, священника епархии Аугсбурга, в частности, за дело Гитлера — дело, которое он будет поддерживать до последнего вздоха. Не чуждый правой политике, Хойзер выступал от имени того, что он называл «Немецким движением» — в широком смысле охватывающим большинство правых и консервативно-националистических движений и политических партий — с конца Первой мировой войны. Однако после его рождественского обращения 1930 года и его последующей публикации в январе 1931 года издательством НСДАП Франца Эхера Хойзер навсегда оказался связан с нацистской партией.

Хойзер был всего лишь одним из небольшой группы священников, численностью около двухсот человек, которые, вопреки желанию местных ординариев, либо присоединились, либо приняли нацистскую партию. 2 Эти коричневые священники — «коричневые» из-за официального цвета нацистской униформы — радикально отличались от остальных священнослужителей, которые изначально разделяли первую волну национального энтузиазма по отношению к Гитлеру, когда он пришёл к власти в качестве рейхсканцлера. Их преданность также выходила далеко за рамки традиционной модели не-

мецкого национализма, которую большинство католических священников продолжали исповедовать на протяжении всего Третьего рейха.

Коричневые священники важны в любом исследовании католического духовенства, потому что порой они, кажется, работали вместе и поддерживали друг друга, чтобы продвигать государственные и партийные цели в своих приходах и министерствах. В отличие от большинства своих коллег-священников и епископов, они не считали, что міровоззрение нацистской партии противоречит католическому учению. Вместо этого они охотно продвигали идеологическую повестку дня партии в своих трудах и проповедях, связывая традиционный католический теологический антисемитизм с крайним национализмом и смертельным антисемитизмом национал-социализма. Таким образом, они создали гибридную католическую теологию — альтернативное вероисповедание — чтобы приспособить своё искажённое міровоззрение.

Происхождение

Филипп Хойзер родился 23 апреля 1876 года в Кемптене, в семье набожных католиков. 4 Его отец, юрист и редактор местной газеты, и его мать, которая происходила из знатной семьи, воспитали Филиппа, его трёх сестёр и брата строго в католической вере. 5 Хойзер исповедовал: «Поскольку я был привязан с самым священным почтением к своим родителям, я также был предан своей католической вере с таким же почтением. Я бы считал неискреннюю принадлежность к католической церкви грехом против четвёртой заповеди, неуважением к моим родителям». 6 Будучи ярким юношей, Филипп посещал гимназию в Кемптене и окончил её в 1895 году. Его ревностное католицизм привело его к вере в то, что он призван стать священником, — решение, как он засвидетельствовал, он принял сам.

В 1899 году Хойзер все еще доверял Католической церкви и своим начальникам достаточно, чтобы следовать своему

призванию к священству и был рукоположен 20 июля 1899 года. 7 Первоначально он служил помощником пастора в Бертольдсхофене; затем он стал преподавателем религии в Королевском педагогическом колледже в Нойбурге и, одновременно, учителем и капелланом для католических студентов в соседней Нойбургской гимназии. 8

Занимаясь в первые годы пастырского служения, Хойзер также продолжал свои теологические исследования самостоятельно. Он погрузился в изучение Послания Варнавы, неканонического произведения конца первого века, написанного неизвестным автором. 9 Он также представил свою работу профессору Георгу Пфайльшифтеру, историку Церкви в Университете Альберта-Людвига во Фрайбурге-им-Брайсгау, который, к удивлению Хойзера, принял работу в качестве диссертации. В июле 1911 года университет присвоил Хойзеру докторскую степень по теологии.

Учитывая его более поздний жизненный выбор, кажется пророческим, что Хойзер выбрал «Письмо Варнавы» в качестве темы для своей первой опубликованной экзегетической работы. «Варнава» — это работа, открыто враждебная иудаизму, написанная в то время, когда ранняя христианская община боролась за свое существование. Из содержания «Письма» можно сделать вывод, что любой экзегет предпочтёл бы обратиться к антиеврейскому элементу работы. Хойзер, однако, тратит чрезмерно много времени на сопоставление представления автора о христианах, которые полностью понимают Божьи обещания, с негативным описанием автором евреев, которые оставались слепыми к замыслам Бога. 10

Очевидно, церковная иерархия, представленная Йозефом Шницем, генеральным викарием епархии Падерборн, 11 в интересах епископа Карла Йозефа Шульте, не нашла ничего противоречащего учению Церкви в толковании Хойзером Послания Варнавы и дала разрешение на его публикацию в 1912 году. Со временем Хойзер продолжил проводить подобные исследования.

В декабре 1910 года, после того как он покинул Нойбург и провел время, работая в бенедиктинском аббатстве в Эттале, епископ Лингг заставил Хойзера принять приходское назначение. Лингг бросил вызов Хойзеру: «Вы были префектом в Нойбурге много лет, а теперь живете в Эттале. Но я рукоположил вас в пастыри!» В ответ Хойзер согласился принять приход, но все же нарушил авторитет своего епископа, оставшись в Эттале до конца зимнего семестра 1911 года.¹² Наконец, 13 марта 1911 года Лингг назначил Хойзера пастором Штрасберга, крошечного рабочего городка примерно в 7,5 милях от Аугсбурга.¹³ В приходе было менее шестисот членов, и Хойзер считал его идеальным, поскольку хотел продолжить свои научные занятия.¹⁴

Во время Первой мировой войны Хойзер оставался в своём приходе и продолжал служить жителям Штрасберга. Как и большинство немцев, Хойзер переживал поражение в Первой мировой войне как опустошение. Однако ещё более разрушительной в сознании Хойзера была демократическая республика, которая пришла на смену империи. Хойзер не-навидел Веймарскую республику и коалицию партий — Социал-демократическую партию, Центристскую партию и Германскую демократическую партию, — которые сформировали первую Веймарскую коалицию. Он считал их всех — включая поддерживаемый католиками Центр — совершенными предателями Германии. В 1919 году он даже написал письмо епископу Линггу, умоляя его никоим образом не оказывать поддержку революции и занять более жесткую позицию в отношении священников, которые поддерживали демократическое движение.¹⁵

По словам Хойзера, он никогда не желал быть активным в политике. Однако он приписывал изменение своего мнения надвигающейся угрозе марксизма, внедрению левой политики в новое правительство и собственному «энтузиазму» по отношению к своему «немецкому отечеству». По этой причине он начал говорить о том, «что было необходимо» для реше-

ния этих предполагаемых проблем, преследующих Германию в «самых маленьких, близких кругах» его прихода. «Постепенно», — засвидетельствовал он, — «меня приглашали к сотрудничеству с различными патриотическими группами». 16 Сначала это привело его к контактам с партиями, выступавшими за монархическую реставрацию, такими как Баварская роялистская партия и Баварский союз дома и короля. После этого Хойзер проявил интерес к Немецкой национальной народной партии — националистической, консервативной партии, которая отвергла Веймарское правительство и защищала юнкерские аграрные интересы — и, наконец, к НСДАП. 17

Хойзер-антисемит

Хойзер опубликовал работу «Еврей и христианин, или кому принадлежит мировое господство?» в декабре 1922 года, а вскоре после этого — сокращенную и слегка измененную статью «Еврейский вопрос с точки зрения церкви», в обеих из которых евреи были конкретно определены как враги Германии. 18 В этих работах Хойзер сообщал своим читателям, что он «сильно националистически ориентирован», старался «быть хорошим патриотом» и, как священник, стоял «решиительно справа». 19 Аналогичным образом Хойзер заверял своих читателей, что он, «в прямой противоположности Ницше», не только проповедовал «крест Христов», но и желал, чтобы человек нес «крест за Господа через жертву самого тяжёлого характера». 20 Для Хойзера эта жертва подразумевала обозначение еврея как врага и в конечном итоге принятие неизбежной критики со стороны «злобных читателей», которые сочтут его работу «безстыдной травлей евреев! Опасностью для Германо-Еврейской Республики!» Однако он заверял, что те, кто «прочитал и спокойно поразмыслил над ней, должны будут сделать вывод: христианский урок». 21

Статьи Хойзера были далеки от христианского урока, за исключением того, чтобы показать миру, насколько испорчена его вера из-за его антисемитизма. В обеих работах Хойзер

переплетал традиционный религиозный антисемитизм с более современными заблуждениями относительно евреев. Например, к началу «Иудея и христианина» он переосмыслил историю о добром самаритянине из Нового Завета. В этой переинтерпретации у евреев даже не было возможности «отвергнуть» Христа, но вместо этого они были «отвергнуты» Христом. По словам Хойзера, Иисус ценил «не только самаритянина выше, чем иудея», но даже язычников. 22 В «Еврейском вопросе» Хойзер усилил отвержение Христом своего собственного народа, изобразив его как агитирующего «против вождей еврейского народа, против книжников, еврейских проповедников, представителей еврейского закона, жителей Иерусалима». 23

Хотя Хойзер принял религиозный антисемитизм, вытекающий из неправильного толкования библейского текста, в начале 1920-х годов он провел черту и отверг *völkisch* изображение Иисуса, когда написал: «То, что Иисус во плоти происходит из еврейского народа, не следует отрицать. Сказка о том, что Иисус был не евреем, а арийцем по происхождению, была придумана в национальных, *völkisch* интересах». 24 На этом этапе теологическая и экзегетическая подготовка Хойзера не позволяла ему рисковать в сфере фантастики. Несмотря на свое нежелание принять *völkisch* теологическую интерпретацию происхождения Иисуса, Хойзер был более чем готов включить в свою аргументацию современный экономический и политически обоснованный антисемитизм. Опять же, он охотно опирался на свои патрологические исследования, чтобы подкрепить свою аргументацию.

Хойзер не ограничивал свои аргументы примерами из міра отцов церкви. Скорее, он специально определил евреев как главную силу революции. В «Еврейском вопросе» он писал:

Революция в значительной степени является делом рук евреев... То, что было разрушено в плане силы и активов народа за последние четыре года после революции, должно быть многократно приписано евреям. Еврей теперь опреде-

лённо хозяин міра. В экономической и политической жизни христианин стал его рабом. Еврей своим умом, своей беспощадностью, своей — почти образцовой — решимостью и упорством связал почти все народы и правительства рабским повиновением. 25

Хойзер присоединился к своим собратьям-антисемитам и обвинил евреев в существовании всего, что он ненавидел: Веймарскую конституцию, демократию, международные конференции, разделение церкви и государства и банковскую индустрию. 26 По иронии судьбы, он считал себя благородным, смелым пророком, сравнивая себя со Стефаном, первым христианским мучеником, который осмелился сказать правду и, следовательно, «должен был заплатить своей жизнью в борьбе с евреями». 27 Хойзер сделал вывод, что он готов принести ту же жертву сегодня.

Хотя Хойзер не считал евреев немцами, он не желал выступать за прямое насилие против них. В сноске в «Евреях и христианах» Хойзер пояснил: «Мы боремся с евреями не для того, чтобы сражаться с ними, а, в конечном счете, потому что мы хотим завоевать евреев для креста». 28 Здесь Хойзер говорил в чисто католических терминах, признавая таинство крещения как осуществление глубокого религиозного категорического изменения в новообращенном. Аналогичным образом, признавая это изменение и рассматривая крещеного человека теперь как христианина, Хойзер показал, что он не принимает расовый антисемитизм, основанный на неизменной крови. В «Еврейском вопросе» он еще больше подчеркнул этот момент и провозгласил: «Евреи также имеют право на жизнь; Наш Господь Бог также является Господом Богом евреев». Тем не менее, Хойзер смягчил свою толерантность, когда написал: «В вопросах национального образования и национального управления, в важных жизненных вопросах человечества последнее слово принадлежит не евреям, а только христианам... Никакого смешения еврейского и христианского духа!»²⁹

Хойзер был не одинок в своих убеждениях, которые он исповедовал в своей работе. Перед публикацией он представил «Ерея и христианина» в канцелярию Регенсбурга, где работа была опубликована и получила одобрение от отца доктора Альфонса Марии Шегльмана, генерального викария Регенсбурга. Кроме того, отец доктор Кифль, настоятель собора Регенсбурга, написал очень положительную рецензию на работу: «Работа является прямым попаданием из-под пера Хойзера. Несомненно, что еврейский вопрос, теперь, когда революция, несомненно, является делом евреев, стал жгучей проблемой. Работа Хойзера не является антисемитским подстрекательским произведением... Автор движется в совершенно новом направлении... «Презентация захватывает». Тем не менее, Кифль признал, что работа противоречива, и признал: «В этой работе смелый и неустранимый автор также столкнётся с протестом со стороны склонных к компромиссам и робких людей».30

Связи с НСДАП

Хойзер не только пропагандировал некоторые ключевые моменты национал-социалистического мировоззрения, но и имел личные связи с ведущими членами НСДАП. Собственные мемуары Хойзера свидетельствуют, что он встречался с Гитлером несколько раз в начале 1920-х годов, когда движение находилось в зачаточном состоянии. Несколько коричневых священников делают похожие заявления. В период становления партии и борьбы за власть Гитлер нередко принимал любую поддержку, которую мог получить, чтобы распространять своё послание. Католический священник, занимавший очень влиятельное положение в приходе и городе, мог легко служить пропагандистским нуждам партии. Естественно, вполне возможно, что Хойзер преувеличивал свою значимость в своих мемуарах, чтобы казаться более важным, чем на самом деле. Тем не менее, в 1939 году он утверждал, что написал свои мемуары, «Моя немецкая борь-

ба и развитие», для Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, как свидетельство его усилий в пользу национал-социализма.³¹ Если Хойзер действительно отправил Гессу копию, он сильно рисковал с возможными наказаниями за фальсификацию правды. Ещё более показательно его письмо Гессу от 17 октября 1933 года в ответ на запрос о совете по назначению католика в Совет управляющих Ассоциации католических медсестёр Германии. Очевидно, Гесс не только был главным контактом Хойзера с высшим эшелоном НСДАП, но и искал совета Хойзера по вопросам, связанным с церковью, — по крайней мере, в первые годы после того, как Гитлер стал рейхсканцлером. В своём ответе Гессу Хойзер искренне рекомендовал своего друга и коллегу-священника Йозефа Рота на эту должность. Тон письма выдает человека, который давно знал нацистское движение. Хойзер писал: «С самого начала национал-социалистического движения [Рот] был его участником и поддерживал его устно и письменно, принося большие личные жертвы. Я могу полностью подтвердить немецкий характер и немецкую преданность этого человека, на которого рейхсминистрство может положиться в любой кризисной ситуации». ³² Аналогичным образом, в марте 1933 года, когда газета партии НСДАП «Illustrierter Beobachter» опубликовала портрет священников, поддерживавших движение, Хойзер был одним из трёх священников, удостоенных этой «чести». 33

Гитлер и Христос-Воин

После того, как Гитлер пришел к власти в конце января 1933 года, Хойзер продолжал читать проповеди и выступать с речами по всей Аугсбургской епархии. Он постепенно «уточнял» свое сравнение Христа и Адольфа Гитлера и подчеркивал связь между работой Церкви и целями национал-социализма. В конце мая 1934 года эти сравнения были совершенно очевидны во время его выступления перед местным отделением Кауфбойренской национал-социалистической женской орга-

низации. Собравшись в городской ратуше, мероприятие началось с того, что член НСДАП Бруно Линденмайер представил Хойзера как «одного из немногих, кто более десяти лет публично боролся против наших величайших врагов — евреев. Таким образом, он боролся с одной из самых спорных проблем и тем самым проложил путь национал-социализму».³⁴

Во время своей речи в Кауфбойрене Хойзер больше походил на запрограммированного оратора-национал-социалиста, чем на католического священника. Вместо того, чтобы рассматривать вопросы, связанные с Церковью, он сосредоточился непосредственно на различных ключевых политических темах для национал-социалистов: Лиге Наций, Версальском договоре и разоружении. Однако вместо того, чтобы поощрять смирение, мир и любовь к ближнему как способ решения этих вопросов, Хойзер выступал за полную противоположность. Например, Хойзер утверждал, что «по отношению к Франции» мы практиковали смирение, «но это смирение не христианское, а скорее трусость рабов! ... поэтому слова Христос и христианство были неправильно использованы, поскольку христианство является основой чести, а не трусости».³⁵ Возвращаясь к своим более ранним речам и трудам, Хойзер здесь вернулся к своей теме торжествующего, воинствующего, мужественного христианства, которое выбрало битву вместо прощения.

В своём выступлении Хойзер также описал христианство как основу не только чести, но и национал-социализма. Он призвал своих слушателей оспорить «необоснованное утверждение», что национал-социализм был «некхристианским». В ответ он утверждал, что следует отметить, что с самого начала национал-социалисты стояли «в отчётиливо христианском движении». Затем Хойзер изобразил Гитлера, лидера этого движения, как выдающегося христианина с богоподобными качествами. Действительно, для Хойзера Гитлер был «великой немецкой душой и сияющей звездой на духовном небе немецкого народа... У немецкого народа было

достаточно поводов многому научиться у Гитлера в вопросах этики. Поэтому, прежде всего, через него говорит моральная сила. И в нем появился сильный христианин, а не еврей!» Затем Хойзер продолжил делать «чудесное сравнение... «между борьбой Христа и борьбой Гитлера». Наконец, возвысив Гитлера до таких моральных высот, Хойзер смело заявил, что любой, кто «отравляет немецкий дух, борясь против Гитлера», в конечном итоге совершает грех против Германии и Бога.³⁶

Освещение речи Хойзера в *Kaufbeurer Nationalzeitung* не включало подробности, касающиеся его сравнения Христа и Гитлера. Возможно, репортёр не включил это сравнение, которое бросало вызов церковной доктрине, в попытке защищить Хойзера от порицания со стороны его церковных начальников. Однако в июле 1936 года в обращении, которое Хойзер дал собранию различных организаций НСДАП в Меммингене, он повторил и, возможно, даже усилил это сравнение. Однако в начале и несколько раз во время своей речи Хойзер оговорился, что он выступает перед закрытым собранием и что его слова никоим образом не должны быть переданы прессе. Согласно письму в Аугсбургскую канцелярию, написанному отцом Йозефом Шмидом, пастором католической церкви в Меммингене, который получил многочисленные сообщения и жалобы на содержание речи, Хойзер заявил:

Христос подчеркивает великий закон жизни (Я хлеб жизни); Он ведёт борьбу против бездействия, против параграфов синагоги — Гитлер делает то же самое сегодня. Его высший закон — жизнь. . . . Никогда не было человека, которому была дана такая великая задача, как Гитлеру. У Христа была великая задача для своего времени, теперь у Гитлера есть не менее сложная задача для настоящего. Прошлые политические битвы все еще мелочь по сравнению с борьбой за мировоззрение, которая начинается сейчас. . . . Христос не смог завершить свою задачу, он был распят. Гитлер доведёт задачу до конца. Борьба была приостановлена на две тысячи лет, теперь её возобновляет кто-то столь же великий, как и

прежний. В религиозных вопросах Гитлер является для меня авторитетом.³⁷

Всего лишь годом ранее Хойзер опубликовал книгу «Иисус-воин: для ищущих и борющихся немцев», в которой он изобразил героического, воинственного, агрессивного Христа, посланного Богом на землю, чтобы основать Церковь, очищенную от еврейских практик и традиций. По словам Хойзера, «Иисус не желал основать новое царство мирным путём, основанное на еврейской традиции». 38 В своём обращении 1936 года Хойзер ещё яснее дал понять, что теперь задача католической церкви — взять на себя миссию Христа-воина и присоединиться к Гитлеру в его битве за избавление Германии от любого еврейского влияния.

Письмо отца Шмита в Аугсбургскую канцелярию заставило епархию отреагировать. Содержание отчёта Шмита было слишком поразительным, чтобы чиновники канцелярии могли легко его отклонить. Однако сначала они хотели убедиться, что его коллега действительно сделал заявления, содержащиеся в письме. Поэтому в своём ответном письме от 22 июля Шмиду они попросили его назвать трёх свидетелей, которые были бы готовы подтвердить точность письма. Кроме того, они сосредоточили своё беспокойство в первую очередь на нескольких предложениях из отчёта, в которых он прямо противоречил церковному учению. А именно, они хотели узнать, сравнивал ли Хойзер Гитлера с Христом и утверждал ли он, что первый был для него «авторитетом» «в религиозных вопросах». Более того, дополнительное предложение, которое ставило под сомнение роль и будущее Церкви в немецком государстве, крайне обеспокоило чиновников канцелярии: «Враг — не коммунизм, не социализм, а духовная сила, которую я не называю и которую я всё-таки назвал». 39 Из содержания отчёта следовало, что Хойзер не только поддерживал Гитлера в его антисемитской политике, но и косвенно обвинял его Церковь в подрыве немецкого государства. Тем не менее, по тону письма канцелярии отцу Шмиду было

ясно, что епархия была не слишком обеспокоена антисемитизмом Хойзера, а больше его заявлениями, которые ставили под сомнение уникальность миссии Христа и действия Церкви в немецком государстве.

В тот же день должностные лица канцелярии написали Хойзеру письмо, похожее на то, которое они написали Шмиду, и потребовали сообщить, делал ли он заявления, которые ему приписывают свидетели. Они также подчеркнули, что содержание речи Хойзера заставило людей усомниться в том, что он действительно был католическим священником. 40 Хойзер немедленно ответил на обвинения, сначала попытавшись дискредитировать свидетелей, оклеветав их. В частности, он напал на правдивость протестантской женщины, которая, как сообщила канцелярия Хойзеру, заявила: «Это показывает полное отсутствие характера, что этот человек все ещё ест хлеб своей Церкви». 41 Не довольствуясь только дискредитацией свидетелей, он попытался заставить канцелярию признать его «достижения», напомнив им, что он «был не политиком, а священником», который помог многим национал-социалистам вернуться к христианству. Если этого было недостаточно, он предложил чиновникам канцелярии опубликовать их письмо, содержащее их обвинения против него, в публичной прессе, чтобы общественность могла «высказать своё мнение об истине». По его словам, он признавал только то, что «Гитлер — совершенно блестящая личность», но в то же время признавал, что «Иисус — религиозный источник. Гитлер — человек, Иисус — Бог. Тем не менее, даже будучи Богом, Он не хотел немедленно завершить борьбу со злом победоносно, просто чтобы дать нам шанс продолжить борьбу. То, что такие истины были полностью искажены, — это не моя вина, а вина лжецов». 42 Интересно, что нигде в своём опровержении Хойзер не опроверг обвинение в том, что он сравнивал Гитлера с Христом. Его комментарии также не отличались от оригинальных слов, приписываемых ему в отчёте отца Шмита. Более того, если сравнить комментарии

Хойзера с его текстом в «Воине Иисусе», то кажется более вероятным, что он действительно проводил прямые сравнения между Иисусом и Гитлером в своей речи в Меммингене в 1936 году. 43

Денацификация

14 мая 1947 года действия Хойзера во время Третьего рейха наконец настигли его. Суд по денацификации в Швабмюнхене объявил его главным преступником и отнёс к группе 1 (преступники) вместе с бывшими агентами гестапо, членами СС и руководящим составом НСДАП. 44 Судьи приговорили его к пяти годам в трудовом лагере Регенсбурга и постановили, что он никогда не будет занимать государственные должности, что он потеряет все законные права на пенсии и что он потеряет право голосовать или участвовать в политике. 45

В своём шестистраничном решении судьи пришли к выводу, что Хойзер «чрезвычайным образом поддерживал национал-социалистическую тиранию посредством пропаганды... [и] оказывал религиозное влияние на Адольфа Гитлера и коричневое движение». Они также усомнились в утверждении Хойзера о том, что «он верил, что Адольф Гитлер хотел сохранить мир». Наконец, суд постановил, что его сочинения, особенно еврейские и христианские, «во многих предложениях содержали основные лозунги для *Der Stürmer* с его смертоносным антисемитизмом. 46

Несмотря на то, что жизнь в трудовом лагере была для Хойзера трудной, он наслаждался возможностями и «льготами», которые он получал во время интернирования. Поскольку суд назначил его главным преступником, Хойзер был заключён в тюрьму со многими бывшими эсэсовцами. 47 По словам Хойзера, эти эсэсовцы были «приятными товарищами». 48 Он даже хвастался: «В моей комнате четыре товарища — все были в СС. Один ушёл из католической церкви. Двое ушли из протестантской церкви. Один — протестант. Но все они относятся ко мне с высочайшим уважением». 49 Похоже, что,

находясь в заключении, Хойзер мог играть роль капеллана для бывших нацистов — ту же роль, которую он, как он утверждал, изначально играл среди национал-социалистов до 1933 года. Например, в августе 1947 года Хойзер написал своему другу Освальду, хвастаясь событиями, связанными с визитом Пауля Альтхауса, протестантского теолога, который сам был крайне националистичным и открытым для национал-социализма в первые годы его правления. По словам Хойзера, Альтхаус пришел «проповедовать Иисуса злым нацистам». Когда аудитория начала «рычать», Хойзер вызвался взять на себя лекцию Альтхауса и обратился к залу, «заполненному заключенными». Хотя он описал свои слова как «эффективные», он заверил своего друга, что «не совершил глупости». Вместо этого он «просто пробудил энтузиазм среди [своих] товарищей». Затем он заключил: «Теперь я еще больше верю в новые задачи для моей жизни». 50 В отдельном письме Хойзер признался, что «будучи снова свободным», он «снова принесёт жертву ради великого религиозного и немецкого дела». 51

К весне 1948 года здоровье Хойзера значительно ухудшилось. Администрация лагеря Регенсбург проявила милосердие к священнику и освободила его досрочно, после того как он отсидел менее года своего первоначального срока.52 В начале 1950 года Апелляционный суд в Мюнхене пересмотрел дело Хойзера о денацификации и постановил, что приговор был слишком суровым. Следовательно, они снизили его категорию до Группы 3, обозначенной как «Меньшие преступники».53 Это изменение статуса часто становилось протоколом после того, как люди отбывали свой тюремный срок.54

Некоторым своим коллегам-священникам и настоятелям после войны казалось, что Хойзер раскаялся. Однако в своей личной переписке, в частности, в двух письмах, адресованных его близкому другу и сочувствуемому Августу Освальду, и в письменной проповеди для небольшой группы сестёр, Хой-

зер раскрыл себя как личность, которая осталась неизменной в своей вере. Он предположил это в сентябре 1958 года, когда написал Освальду: «В немецком энтузиазме я с радостью вспомнил великое немецкое движение под руководством Гитлера и борьбу за Volk против *unvölkisch* порабощения финансовыми мировыми державами. В религиозном энтузиазме я погружался, чтобы учить, все глубже в великое религиозное движение под руководством Иисуса, и в религиозную и духовную борьбу против еврейского и церковного паралича и духовного порабощения.»⁵⁵ Он также предложил это в своей проповеди для сестёр-цистерцианок на Рождество 1958 года, когда он изобразил Хейзера, который никогда не отказывался от своего образа воинствующего Христа, готового к битве против так называемого еврейского мирового влияния. Он проповедовал: «Мирные радости в уединённых яслях в Вифлееме были подготовкой к тяжёлой и кровавой жизненной борьбе Иисуса. Долг и цель воплощения Иисуса были его жизненной борьбой, борьбой за религию духа и истины против паралича еврейской церкви. В этой тяжёлой борьбе Иисус пал на Голгофе». ⁵⁶ Наконец, в письме Освальду от 28 января 1959 года Хойзер провозгласил: «Как бы я хотел ещё говорить, как во времена Гитлера, с большими, образованными и руководящими кругами. Как это волнует меня, когда я вспоминаю это!»⁵⁷

Заключение

Показательно, что Филипп Хойзер является одним из самых ярких примеров того, как «коричневый» католический священник мог стать последователем национал-социализма. Он посвятил всю свою жизнь и служение делу Адольфа Гитлера и НСДАП. Находясь в заключении в Регенсбургском трудовом лагере, Хойзер имел достаточно времени, чтобы поразмыслить о своей деятельности за предыдущие двадцать пять лет. Полностью не раскаявшись в своих преступлениях при национал-социализме, Хойзер обвинил своих епархиаль-

ных начальников в своём аресте и заключении. Озлобленный, он написал своему другу Освальду и спросил: «Почему церковные должностные лица не пришли за мной раньше с каноническими наказаниями?» 58

Хойзер задал совершенно обоснованный вопрос, поскольку ещё в 1940 году четверо его коллег-священников дали ему положительные отзывы в ходе обычной оценки его пастырского служения. Однако они отметили, что его проповедь была «под влиянием идеологии». 59 Год спустя, после досрочного освобождения из тюрьмы, он ответил на свой вопрос в неопубликованном эссе «Церковь и денацификация». 60 В этом пятидесятидвухстраничном эссе Хойзер не только обсудил отрывки из своих сочинений, которые судьи в суде по денацификации использовали против него в своем решении, но и кратко рассмотрел историю своей Церкви и коллег-священников при национал-социализме. С помощью конкретных фактических деталей Хойзер раскрыл соучастие своей Церкви в поддержке и содействии национал-социалистическому движению. В конечном итоге Хойзер спросил: «Я единственный, кто здесь виновен?»

Примечания

Исследование для этого эссе было частично поддержано грантами Американского философского общества, Образовательного фонда Холокоста, Национального фонда гуманитарных наук и колледжа Стоунхилл. Я хотел бы поблагодарить Рейнхольда Ленски, Ютту Блюмель, доктора Франца-Рассо Бёка и Аниту Майр за их доброту и помочь во время моего исследования в Германии. Позвольте мне также поблагодарить Ильзу Эндрюс, мою близкую подругу, за ее щедрую помочь при написании этого эссе.

1. Philipp Haeuser, *Kampfgeist gegen Pharisäertum. Nationalsozialistische Weihnachtsrede eines katholischen Geistlichen* (Munich: Franz Eher, 1931), 5.

2. On the figure of approximately 200 priests who either joined or publicly supported the NSDAP, see Frederic Spotts, *The Churches and Politics in Germany* (Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1973), 109, and Kevin P. Spicer, “Gespaltene Loyalität. ‘Braune Priester’ im Dritten Reich am Beispiel der Diözese Berlin,” *Historisches Jahrbuch* 122 (2002): 287–320.

3. On Schachleiter, see Roman Bleistein, S.J., “Abt Alban Schachlieter, OSB, Zwischen Kirchentreue und Hitlerkult,” *Historisches Jahrbuch* 115 (1995): 170–87, and the National Socialist propaganda biography Gildis Engelhard, *Abt Schachleiter der deutsche Kämpfer* (Munich: n.p., 1941).

4. Philipp Haeuser, *Mein deutsches Ringen und Werden* (manuscript, 1936–39), 1, Stadtarchiv Kempten (StA Kempten), Nachlass Haeuser (NL Haeuser). According to Haeuser, he wrote this “more than 300 page account of [his] political and church difficulties and struggles for Rudolf Hess, deputy to the Führer.” Haeuser to Merkt, November 6, 1939, StA Kempten NL Haeuser.

5. Reinhold Lenski, “Pfarrer Dr. Philipp Haeuser (1876–1960)—ein Kämpfer für den Nationalsozialismus,” 1. Lecture delivered at the 14th Scholarly Meeting of Local Historians in the Administrative District of Schwaben, Irsee, November 29–30, 2002.

6. Haeuser, *Mein deutsches Ringen*, 1.

7. Information Card on Haeuser, Archiv des Bistums Augsburg (ABA), Personalakte (PA) 1410 Haeuser.

8. Haeuser, *Mein deutsches Ringen*, 11.

9. The English text of the Letter of Barnabas may be found in *The Apostolic Fathers*, trans. and ed. Kirsopp Lake (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952), 335–409.

10. Philipp Haeuser, *Der Barnasbrief neu untersucht und neu erklärt* (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1912), see especially 13–16, 27, 91, and 98.

11. In 1930, Paderborn became an archdiocese.

12. Haeuser, *Mein deutsches Ringen*, 29.

13. Information Card on Haeuser, ABA NL Haeuser.
14. In 1933, the parish had 545 members. *Schematismus der Geistlichkeit des Bistums Augsburg für das Jahr 1933*.
15. Haeuser to Lingg, August 5, 1919, ABA PA 1410 Haeuser.
16. Haeuser, *Mein Werden*, 13.
17. For a brief description of the political parties of the Weimar era see Kirk, *The Longman Companion to Nazi Germany*, 16–20. For a discussion on the nature of the DNVP, see Hans Mommsen, *The Rise and Fall of Weimar Democracy*, trans. Elborg Forster and Larry Eugene Jones (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996), 51, 67–68; and John A. Leopold, *Alfred Hugenberg: The Radical Nationalist Campaign against the Weimar Republic* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1979).
18. Philipp Haeuser, *Jud und Christ oder Wem gebührt die Weltherrschaft?* (Regensburg: G. J. Manz, 1923). The publisher released *Jud und Christ* in December 1922, though it carried a 1923 copyright date. On this point, see Haeuser, *Mein Werden*, 17. The condensed and slightly revised article is: Philipp Haeuser, “*Die Judenfrage vom kirchlichen Standpunkt*,” *Das Neue Reich* 5 (1923/1924): 442–46.
19. Haeuser, *Jud und Christ*, 15.
20. *Ibid.*, 5–6.
21. *Ibid.*, 6.
22. *Ibid.*, 18–19.
23. Haeuser, “*Die Judenfrage*,” 443.
24. *Ibid.*
25. *Ibid.*, 442.
26. *Ibid.*, 445.
27. *Ibid.*, 443.
28. Haeuser, *Jud und Christ*, 39.
29. Haeuser, “*Die Judenfrage*,” 445–46.
30. Haeuser, *Mein Werden*, f. 17.
31. Haeuser to Merkt, November 6, 1939, Haueser to Merkt, November 6, 1939,

StA Kempten NL Haeuser.

32. Haeuser to Hess, October 17, 1933, Bundesarchiv-Dahlwitz, ZB 1/1411, f. 790.

33. The article also featured profiles of Abbot Alban Schachleiter, O.S.B., and Father Dr. Lorenz Pieper of the archdiocese of Paderborn. *Illustrierter Beobachter*, March 4, 1933. I would like to thank the late Roman Bleistein, S.J., for providing me with this article. On Pieper see Werner Tröster, “die besondere Eigenart des Herrn Dr. Pieper . . . !” Dr. Lorenz Pieper, Priester der Erzdiözese Paderborn, Mitglied der NSDAP Nr. 9740,” in *Das Erzbistum Paderborn in der Zeit des Nationalsozialismus*.

Beiträge zur regionalen Kirchengeschichte 1933–1945, ed. Ulrich Wagener (Paderborn: Bonifatius, 1993), 45–91.

34. Kaufbeurer Nationalzeitung, May 29, 1934.

35. Ibid.

36. Ibid.

37. Schmid to Augsburg Chancery, July 19, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

38. Father Willibald (Philipp Haeuser), *Der Kämpfer Jesus. Für suchende und ringende deutsche Menschen* (Stuttgart: Wilhelm Schöberl, 1935).

39. Augsburg Chancery to Schmid, July 22, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

40. Augsburg Chancery to Haeuser, July 22, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

41. Augsburg Chancery to Schmid, July 22, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

42. Haeuser to Augsburg Chancery, July 24, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

43. A May 1936 letter from Josefa Boos, an employee of the Landesversicherungsanstalt Schwaben, reported that Haeuser had made similar comments, such as “Adolf Hitler is the light and the life of the world, he is even the greatest soul in the whole world and the best leader of souls,” during a recent state-mandated meet-

ing of employees and civil servants. See Boos to Kumpfmüller, May 5, 1936, ABA PA 1410 Haeuser.

44. On the denazification categories see Ordinance No. 79, Table of Categories, Penalties, and Sanctions, US National Archives and Records Administration, OMGUS RG 260 Box 596.

45. Spruchkammer Schwabmünchen Ruling, May 14, 1947, StA Kempten NL Haeuser.

46. Ibid.

47. Haeuser to Frau Oswald, July 11, 1947, Stadtarchiv Bobingen (StA Bobingen) Haeuser Sammlung.

48. Haeuser to Oswald, July 18, 1947, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

49. Haeuser to Oswald, August 15, 1947, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

50. Haeuser to Oswald, August 29, 1947, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

51. Haeuser to Oswald, June 19, 1947, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

52. Father Johann Stegmann, administrator of Holy Cross Parish, Straßberg, wrote: "Personally, I have gained the impression that the rebellious spirit that possessed him for so long has left him." Stegmann to Augsburg Chancery, November 8, 1948, ABA PA 1410 Haeuser.

53. Haeuser to Merkt, March 5, 1950, StA Kempten NL Haeuser.

54. Ordinance No. 79, Table of Categories, Penalties, and Sanctions, U.S. National Archives and Records Administration, OMGUS RG 260 Box 596.

55. Haeuser to Oswald, September 1, 1958, StA Bobingen, Haeuser Sammlung.

56. "Mein Weihnachtsansprache 1958 in Oberschönenfeld," StA Bobingen Haeuser Sammlung.

57. Haeuser to Oswald, January 28, 1959, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

58. Haeuser to Oswald, December 13, 1947; Haeuser to Oswald, January 28, 1959, StA Bobingen Haeuser Sammlung.

59. Qualification Sheet, 1940, ABA PA 1410 Haeuser.

60. Philipp Haeuser, “Kirche und Entnazifizierung oder War ich Hauptschuldiger?,” StA Kempten NL Haeuser.

Kevin P. Spicer. Working for the Führer: Father Dr. Philipp Haeuser and the Third Reich

Перевод - Райан Гиггс

Уильям Финк

БИБЛЕЙСКАЯ ЗАЩИТА ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА

«Когда Бог Всевышний разделил землю на народы, когда Он дал каждому народу его собственную землю, Он установил границы владений этих народов и создал столько народов, сколько Ангелов».

Предуведомление: Представляем труд, посвящённый защите этнонационализма и концепции нации в Библии. Наша администрация полностью перевела эту книгу, в которой освещается важность нации в библейском контексте, её сохранение и значимость. В ней также содержится критика мультикультурализма, защита частной собственности, идеи экономического национализма, а также осуждение пропозициональной нации и древне-языческого Рима. Этот материал будет особенно полезен для культурных европейцев, отвергающих ложные небиблейские марксистские идеи. Мы надеемся, что этот труд станет значимым вкладом для всех неравнодушных христианских националистов, стремящихся восстановить величие своей нации. (ТГ-канал: Первое слово было Бог)

Этнонационализм — это система верований, которая утверждает традиционное христианское понимание семей, племен и наций. Этнонационализм утверждает, что нации определяются и укоренены в общей наследственности, и что основы нации базируются на общем происхождении, языке, культуре, религии и социальных обычаях.

Каковы основные факторы, которые связывают нацию вместе? Это общее происхождение или общие идеи? В некотором смысле этнонационализм избыточен. Очевидно, что английское слово «nation» (нация) традиционно определялось по

рождению, а не только по географическим или политическим границам. Слово «nation» (нация) в английском языке связано со словом «natal», что означает рождение, как в палате для новорожденных. На Рождество мы празднуем рождение Христово. Вы – уроженец страны, где родились. Но если это так, то зачем вообще говорить об этнонационализме, если это излишне? Почему бы просто не защитить концепцию национализма? Причина в том, что в новейшей истории мы наблюдаем господство концепции пропозиции нации.

Предполагается, что пропозициональная нация представляет собой группу людей, объединенных общей идеологией, а не общей наследственностью, но, как мы увидим, пропозициональная нация представляет собой противоречие в терминах. Вопрос, который мы, как православные христиане, должны задать: как Библия использует термин «нация»? Какую нацию пропагандирует Библия? Поддерживает ли Библия более традиционное определение нации? Или Библия пропагандирует идею пропозициональной нации, где пропозиция — христианская вера? Моя цель — продемонстрировать, что Библия на самом деле пропагандирует традиционную концепцию нации как совокупности людей, имеющих общее происхождение.

Значение и использование слова «нация» в Библии

Библия написана преимущественно на еврейском и греческом языках. Библейское слово, используемое в греческом Новом Завете и переводе Ветхого Завета в Септуагинте, — это слово «ethnos» (этнос).

Это слово близкородственное с нашим английским словом «ethnicity» (этничность) и обозначает людей общего происхождения. Это определение также согласуется с тем, как слово «nation» (нация) используется в Библии. Нации впервые упоминаются в Таблице народов, приведенной в 10-й главе Бытия. Таблица народов классифицирует людей, произошедших от Ноя, после библейского потопа. Эти народы перечис-

лены по наследству, как ветви дерева, у которого Ноев ковчег — это ствол. Нации рассматриваются как продолжение семей (Быт. 10:5, 20, 31-32), и употребление слова «nation» (нация) последовательно на протяжении всей Библии.

После того как прошло несколько поколений после потопа, человек по имени Нимрод попытался построить империю. Его царство называлось Вавилоном, и он объединил несколько различных групп людей благодаря своему харизматичному лидерству. Люди под руководством Нимрода решили построить город и башню как памятник своему стремлению к политическому единству.

Бог обращает внимание на это устройство и провозглашает, что это приведет к тому, что зло станет безудержным (Быт. 11:6). Бог решает смешать язык строителей Вавилона, чтобы отныне люди не могли объединиться в одно политическое тело. Это убедительный отрывок, демонстрирующий, что национальные границы и разделения соразмерны естественному порядку, установленному Богом.

Некоторые могут возразить, что разделение наций было лишь времененным решением проблемы, возникшей несколько столетий назад, и что во Христе эти разделения исцелены. Эти люди, как правило, рассматривают национальные границы или разделение как проблему, которая в конечном итоге будет решена. Этнонационалисты категорически не согласны с такой точкой зрения на телеологию или цель расы и расовых различий.

Этнонационалисты утверждают, что Бог намеревался создать отдельные расы, нации, племена и семьи с самого начала, и что в конечном итоге все люди будут объединены под Христом. Поскольку расовые различия существуют на небесах, ясно, что Бог намеревался, чтобы расовые различия существовали для Его собственной славы. Ничто в Библии не указывает на то, что расовые различия или расовая идентичность являются временным решением временной проблемы. Вместо этого эти различия являются неотъемлемым

элементом нашей идентичности, которая будет существовать вечно (Откр. 5:9, 7:9, 21:24, 22:2). Поскольку мы установили, что на небесах существуют отдельные национальности и что существует множество «спасенных народов», ясно, что раса действительно имеет внутреннее значение. Мы не можем утверждать, что наши воскрешенные тела будут лишены расовой идентичности, как и то, что они лишены гендерной идентичности.

Расовая гордость, преданность и ответственность

Сегодня среди белых христиан распространено мнение, что всякая гордость по признаку расы по своей сути неправильна или зла. Многие христиане выражают убеждение, что мы должны хвалиться только нашей идентичностью во Христе. В этом есть определенная правда. Апостол Павел считал все, что он мог считать своим достоинством, «тщетным» по сравнению с «превосходством познания Христа Иисуса, Господа моего» (Филиппийцам 3:4-8), включая свое собственное происхождение! Чрезвычайно важно отметить, что Павел проводит сравнение посредством гиперболы. Павел говорит, что по сравнению с праведностью Христа все, что мы имеем и чем мы являемся, ничтожно!

Также важно отметить, что Павел сравнивает свою собственную праведность с праведностью Христа. Именно в этом смысле для спасения ничто в нас не имеет значения. Мы спасаемся исключительно благодаря заслугам Христа. Даже Христос требует, чтобы наша верность Себе превышала нашу преданность нашим ближайшим родственникам и супругам (Мф. 19:29, ср. Мар. 10:30). Однако было бы серьезной ошибкой заключить, что такие атрибуты, как происхождение или даже брак, безсмысленны! Действительно, тот же самый апостол Павел, который сказал эти слова Филиппийцам, также сказал, что он «готов быть отлученным от Христа» за своих «братьев, родственников по плоти» (Рим.

9:3). Новая международная версия переводит «родственников по плоти» как «раса». Это ясное и безстыдное выражение расовой гордости и преданности. Павел недвусмысленно выражает солидарность со своим народом, даже несмотря на то, что они сами были неверующими!

Приверженность Павла своей миссионерской работе среди неизраильтян ни в коей мере не конкурировала с его естественной привязанностью к своему народу. Если для Павла было нормально выражать такую приверженность благополучию своих собратьев, то почему считается неправильным, когда белые люди выражают такую же приверженность? Белые люди обычно выделяются для любого выражения солидарности друг с другом, даже когда явно нет враждебности, выраженной по отношению к людям других рас. Это чувство любви и привязанности к своему народу должно не только проявляться в теплых чувствах доброго отношения, но также должно проявляться внешними действиями и обязанностями. Сегодня многие люди не следуют семейным ценностям или обязательствам. Так быть не должно! Апостол Павел говорит своему ученику Тимофею, что «если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного!» (1 Тим. 5:8). Очевидно, что наше «собственное», вероятно, не может быть истолковано как то, что мы называем расой сегодня.

В этом стихе «наши собственные» относятся к расширенной семье, в центре которой находится домашнее хозяйство или ближайшие родственники. Павел учит здесь тому, что у людей есть семейные обязательства, которые проявляются в концентрической преданности. Наши обязанности перед человечеством в целом чрезвычайно малы по сравнению с нашей ответственностью перед нашими ближайшими родственниками. Это еще раз демонстрирует, что семья, клан, племя, нация и раса имеют значение в библейской парадигме общества.

Цель национальных различий

Цель, которую Бог имеет для разных наций или рас, будет более подробно изложена в других статьях. Это должно служить лишь кратким обзором вопроса о том, какой цели служат нации. Первое замечание, которое мы должны сделать, заключается в том, что национальные различия, основанные на наследственности, уже существовали во времена Вавилона. Нам дается относительная временная ссылка в Таблице Наций, когда мы читаем, что разделение Вавилона произошло во время жизни Фалека (Быт. 10:25). Фалек — четвертое поколение от Сима и пятое поколение от Ноя. Поэтому кажется, что национальная идентичность была укоренена в сыновьях Ноя и их потомках, и что разделение в Вавилоне не было новым или новаторским соглашением, а скорее было подтверждением ранее существовавшей социальной структуры, которая существовала, по крайней мере, со времен Потопа. Бог смешал язык как дополнительный инструмент для поддержания национальных различий.

Это не привело к созданию новых наций, которых до этого не существовало! К моменту образования Вавилонской башни уже существовало несколько поколений народов, перечисленных в Бытие 10, и Бог защищал уникальную идентичность уже существовавших народов. Это, конечно, правда, что Вавилон был наказанием за грех, но это был также акт милосердия Бога, направленный на сдерживание зла, которое обычно возникает в космополитических обществах, утешавших из виду свою племенную идентичность. Безрасовые или бесплеменные общества приходят в упадок из-за анонимности и потери патриархальной власти, что неизбежно в этих режимах. Когда люди забывают своих предков, они не будут уважать своих детей и будущих потомков! Второзаконие 32:8 говорит нам, что народы были разделены особым актом Божьего пророчества. Мы читаем, что Всевышний разделил народы их наследие и отделил сынов Адама, и что Бог установил границы народов. Разделение Богом наследия раз-

личным народам является позитивным и преднамеренным делом Божьего провидения. Это означает, что Бог не просто позволил народам разделиться, но Он заставил это произойти ради блага человека.

Еще один ключевой отрывок, который затрагивает цели национальных различий и подтверждает их уместность, – это Деяния 17:26-27. В этом отрывке мы читаем, что Бог сотворил из одной крови (предположительно, снова имея в виду Адама) «все народы человеческие для обитания по всему лицу земли, и определил прежде назначенные времена и пределы их обитания; Что им следует искать Господа, если возможно, они смогут найти Его и найти Его, хотя Он и недалеко от каждого из нас». Стоит отметить, что традиционные христиане твердо верят, что все человечество произошло от Адама и Евы, поскольку Ева упоминается как «мать всех живущих» (Быт. 3:20).

Обычно хулители этнонационализма воздвигают соломенного чучела, предполагающего, что этнонационалисты не утверждают единство всех под властью Адама в качестве главы завета. Действительно, именно через это заветное единство первородный грех переносится на все человечество (Рим. 5:12). Но это общее происхождение от Адама не меняет того факта, что Бог намеренно разделил народы человеческие и назначил им соответствующие границы и места обитания. Обратите также внимание на то, что стих 27 объясняет нам причину, по которой Бог сделал это. Бог сделал это для того, чтобы человек нащупывал Бога и находил его! Важно отметить, что никто не может прийти к Богу посредством своих природных способностей (1 Кор. 2:14), но ясно, что Бог использует отдельные народы как средство достижения спасения посредством Своего собственного суверенитета, подобно тому, как что Бог использует верующих супругов, чтобы освятить и искупить их неверующих мужей и жен (1 Кор. 7:14).

Некоторые утверждают, что это могло быть преходящим намерением национальных различий, но что эти различия размыты или устраниены сошествием Святого Духа в Пятидесятницу, записанным в Деяниях, глава 2. Проблема с этой интерпретацией в том, что она не соответствует повествованию. Если бы Бог намеревался, чтобы люди в Пятидесятницу объединились в одно политическое тело, тогда Он заставил бы их снова начать говорить на одном языке, тем самым способствуя их единству. Вместо этого мы читаем, что Бог заставил присутствующих услышать, как апостол Петр проповедует им на их родном языке! Важно также отметить, что собравшиеся в Пятидесятницу были идентифицированы как благочестивые израильтяне, собравшиеся в Иерусалим из регионов, где они проживали. Пятидесятница вряд ли будет напоминать сегодняшнее собрание Организации Объединенных Наций. Участвовавшие в нем люди были довольно однородны этнически. Более того, Пятидесятница была крещением Вавилона. Доктор Фрэнсис Найджел Ли довольно кратко излагает связь между Вавилоном и Пятидесятницей:

«Пятидесятница освятила законность отдельной национальности, а не сказала, что это то, что мы должны перерести. Фактически, даже на новой земле, которая грядет после Второго пришествия Христа, нам сказано, что народы тех, кто спасен, будут ходить в свете небесного Иерусалима, и цари земли принесут в него славу и честь — культурные сокровища — народов... Но нигде в Писании не найдено никаких указаний на то, что такие народы когда-либо будут объединены в одну огромную нацию».

Какова же тогда судьба отдельной национальности, как называет ее доктор Ли? Обязаны ли отдельные нации «слиться в одну» по мере распространения Евангелия? Или отдельная национальность сохранится? Этнонационалисты твердо верят, что отдельная национальность сохранится даже в следующей жизни на новых небесах и новой земле. Об этом мы читаем главным образом в Откровении, написанном апосто-

лом Иоанном, когда он пишет, что «народы спасаемые будут ходить во свете его (небесного Иерусалима), и цари земные принесут славу и честь свою. в него» (Откр. 21:24). Апостол Иоанн также представляет христиан всех колен, народов и наций на небесах (Откр. 5:9, 7:9), а также свидетельствует о Древе Жизни в небесном Иерусалиме, которое предназначено для исцеления народов (Откр. 22:2). Таким образом, внутри церкви мы можем смело утверждать, что существуют отдельные и различные нации. Когда вы становитесь христианином, вы сохраняете свою этническую и расовую идентичность. Они не уничтожаются во Христе, но, скорее, освящаются и узакониваются таким же образом, как оба пола освящаются в своих отдельных идентичностях в семье и Церкви. Какую роль играют нации в христианском гражданском обществе? Этот вопрос является основополагающим для традиционного христианского понимания общественного порядка.

Роль национальной принадлежности

Как писал Дж. К. Райл, «кровная общность — самая сильная связь». Во Второзаконии. 23 Израилю даны законы относительно того, кто может ассимилироваться в общину Господа. Община Господа, вероятно, обозначает национальную церковь Израиля. Важно отметить, что при определении ассимиляции учитывались как наследственность, так и история. Моавитяне и аммонитяне были более тщательно исключены из-за плохой истории прошлого с детьми Израиля, а Египет был более легко ассимилирован из-за того, что Израиль был чужаком на их земле. Эдом и Израиль были народами, которые имели, мягко говоря, сложную историю. Но эдомитяне легко ассимилировались в израильской общине из-за их кровного родства, поскольку оба произошли от патриарха Исаака. Вот почему Эдом упоминается как брат Израиля (Втор. 23:7, Чис. 20:14). Значимость кровного родства, изложенная в этом отрывке, не ускользнула от внимания известного комментатора Мэтью Генри, который пишет по этому поводу: «Хотя

недоброжелательность близких родственников многими воспринимается хуже всего, нам все же следует, по этой причине, из-за родства, прощать ее в первую очередь».

Этническая идентичность является результатом семейной принадлежности. Библия не поддерживает идею пропозициональной нации, которая определяется просто идеями, а не происхождением. Израиль служит примером государственности, которому должны подражать остальные народы (Втор. 4:5-7). Само собой разумеется, что если Израиль считался по наследству по происхождению, то и все народы должны быть идентифицированы одинаково. Самый простой способ понять нацию — это представить ее в собственном смысле слова как большую семью. Древний Израиль состоял из двенадцати колен, произошедших от патриарха Иакова, и эти колена перечислены в соответствии с семьями, из которых они состоят. Первые восемь глав Паралипоменон посвящены перечислению родов колен, поскольку «весь Израиль исчислялся по родословным» (см. Числа 1–4 и 1 Паралипоменон 1–8, 9:1). Неизраильтяне назывались пришельцами или пришельцами и с ними следовало обращаться вежливо и справедливо (Исх. 12:48-49, 22:21, 23:9, Лев. 19:10, 19:33-34, Лев. 23:22, 24:22, Числ. 9:14, 15:15-16, 15:29-30).

Неизраильтян называли чужестранцами или пришельцами, и с ними нужно было обращаться вежливо и справедливо (Исх. 12:48-49, 22:21, 23:9, Лев. 19:10, 19:33-34, Лев. 23: 22, 24:22, Числ. 9:14, 15:15–16, 15:29. –30). Лучший способ думать об этих чужестранцах или пришельцах - это гости. К гостям в вашем доме следует относиться предельно вежливо, но в то же время они не вступают в собственность или владение тем, что принадлежит вам. Между прочим, Бог обещает наказать своеенравный Израиль неконтролируемым притоком иностранцев, которые истощат его силы и поглотят его богатство (Второзаконие 28:32-36).⁶ Это очень похоже на нынешние обстоятельства в Америке. Физическое кровное родство имеет большое значение для гражданского правительства

посредством принципа родового правления, а также для владения собственностью, поскольку только израильтянам было разрешено постоянно владеть землей, которая была разделена на основе племенной принадлежности.

Принцип родового правила

Библия отдаёт семейную власть в руки мужей и отцов. Это считается «сексистским» или «шовинистическим» по сегодняшним стандартам, но Бог не отвечает на мнения человека! В Библии гражданская власть является естественным продолжением семейной власти. Основополагающим текстом для этой позиции является Второзаконие. 17:15, в котором говорится, что Израиль должен поставить царем над собой кого-то из своих братьев и что они не должны ставить над собой чужеземца, который не был бы их братом. Важно помнить, что братья не всегда относятся к христианам в Библии. Числа 20:14, Втор. 1:16, 23:7, 4 Царств 10:13-14, Неем. 5:7, Иер. 34:9 и Рим. 9:3 являются примерами использования этого слова в этническом смысле с точки зрения идентичности Израиля. Гилл указывает, что король является братом Израиля как по нации, так и по религии, а не только по религии. Кейл и Делицши указывают на то, что Царь не является иностранцем или неизраильтянином. Нокс предполагает, что на основании Втор. 17:15, все женщины и посторонние исключены. Опять же, мы не можем просто интерпретировать упоминания о чужеземцах или иноземцах так, как если бы они были неверующими по своей сути. Ис. 56:3 — хороший пример того, как чужеземцы/иноземцы присоединяются к Божьему завету. Сэмюэл Резерфорд также использует Втор. 17:15 как основополагающий текст его классического великого произведения о гражданском управлении, в котором он комментирует:

«Царь — родственник». Я бы также отметил, что чужеземцы могли быть обрезаны (Исх. 12:48), но все равно считались отдельно от детей Израиля (Чис. 11:4) и не становились

гражданскими магистратами (Втор. 1:13-16, 17:15). Членство в народе Израиля основывалось на наследственности (Втор. 15:12; 23:7, 19-20; Чис. 20:14; Лев. 18:26; 22:18). Лев. 18:26 особенно информативен, потому что те, кто соблюдают закон и постановления Бога, считаются израильским народом (этносом) и чужестранцами (неизраильтянами), которые живут среди них. Это убедительный пример того, как народ Израиля считался наследственным, а не только заветным или духовным. Есть и другие параллельные отрывки, которые подтверждают семейную природу гражданской власти. Цари и царицы названы отцами и матерями (Ис. 49:23). Другие параллельные отрывки, которые следует упомянуть, это 2 Царств 5:1 и 1 Пар. 11:1, в котором колена Израиля подтверждают законное право Давида на власть, заявляя, что они произошли от «кости и плоти» Давида. Из контекста ясно, что «кость и плоть» относятся к некоторым конечным наследственным отношениям, которые не могут быть применены ко всем. То, что гражданские правители должны иметь близкие родственные отношения с теми, кем они правят, похоже, является применением того, что Моисей сообщает во Втор. 1:13-16 и 17:15. Это устанавливает основной принцип, на котором управляются все народы. Эти взаимоотношения костей и плоти аналогичны тому, как Библия сообщает о том, что является нормативным для брака (Быт. 2:23). Бог создал женщину, чтобы она была «помощницей» своему мужу, и лучше всего это достигается посредством взаимоотношений костей и плоти Адама и Евы.

Смешанные браки между отдаленными народами нарушают эту норму брака, упомянутую в Быт. 2:23-24, точно так же, как многоженство или брак при большой разнице в возрасте противоречит стандартному правилу брака, основанному на примере брака Адама и Евы. Гражданские соображения также не позволяли вступать в брак с людьми, которые были врагами Израиля. Закон во Второзаконии. 23:1-8 был применен Ездой и Неемией, чтобы предотвратить брак с

теми, кто желает причинить вред Израилю. Практические причины этого правила во Втор. 17:15 очевидны. Если чужак правит нацией, то он, естественно, экспроприирует богатство и имущество коренных народов в пользу тех, кто от его костей и плоти. Это относится как к христианам, так и к нехристианам, поскольку в Церкви всегда будут существовать множественные нации и будут продолжать существовать на Небесах (Откр. 21:24). Из этого правила могут быть исключения. Бог временно использовал Иосифа в качестве мудрого регента фараона в Египте (Быт. 39:4–6), а праведный указ царя Кира позволил израильтянам вернуться на свою родину под его защитой (2 Пар. 36:22–23). Это исключения из правил и яркий пример того, как Бог извлекает лучшее из далеко не идеальной ситуации.

Право частной собственности на племенное владение

Библия пропагандирует частную собственность на имущество. Это заложено в заповеди против воровства (Исх. 20:15, ср. Втор. 5:19). Бог является истинным и полноправным владельцем всего (Пс. 24:1), но Он делегировал управление творением, чтобы человечество могло взять власть над тем, что создал Бог (Быт. 1:28-30). Часть этого владычества осуществляется в сфере владения собственностью. Бог разделяет обитаемую землю между разными народами (Втор. 32:8, Деян. 17:26) и далее подразделяет эту землю между различными племенами, кланами и семьями. Бог ожидает, что границы будут признаны и соблюдены (Прит. 22:28, Втор. 27:17). Это не значит, что политические границы никогда не изменятся. Хорошим примером этого был политический раскол, разделивший народ Израиля на отдельные царства Израиль и Иудею после смерти царя Соломона. Тот факт, что политические границы могут со временем меняться, не отменяет принцип и значимость границ в целом для Бога. Закон Божий также предоставил Израилю положение, гарантирующее, что собственность останется внутри семей и кланов.

Перворожденный сын станет главным наследником имения и собственности своего отца (Числа 3) и, таким образом, станет главой дома своего отца после его смерти и опекуном своих родственников. Это называется первородством и до недавнего времени практиковалось в качестве закона в европейском обществе. В случае отсутствия наследника мужского пола, муж старшей дочери будет главным наследником имущества. А что, если муж дочери был из другого племени или клана? Разве это не приведет к легкой передаче имущества от одной семьи или племени к другому племени? Да, так и было бы, поэтому Бог указал, что наследницы женского пола должны вступать в брак внутри колена и клана своего отца, чтобы предотвратить это (Числ. 27:1-11, ср. Числ. 36).

Вспомните, что Израиль дан нам как пример того, как должны действовать благочестивые народы (Втор. 4:5-7). Таким образом, очевидно, что Бог заботится о физическом наследстве, и в Его законе предусмотрена защита от его растраты или безвозвратной потери из-за преходящих финансовых предложений или обстоятельств. Библия пропагандирует экономический национализм, разрешая Израилю взимать роялти с иностранцев за привилегию вести бизнес с израильтянами, а также предусматривая законы Юбилея, которые позволяли израильтянам выкупать свою собственность, которую они должны были сдать в аренду или продать на определенный период времени (Лев. 25). Проблема менталитета «глобальной экономики» заключается в том, что эта концепция является инструментом международных банкиров и бизнесменов, желающих получить прибыль за счет благосостояния своих соотечественников и даже ближайших родственников! Сравните эту проблему с одним из лучших примеров верности семейному наследству — личностью Навуфея. Царь Ахав предложил Навуфею большую сумму денег в обмен на виноградник, который Ахав жаждал заполучить. Навуфей отказался, сказав Ахаву: «Да не позовлит мне Господь отдать тебе наследство отцов моих» (3 Царств 21:3).

Навуфей ясно выражает, что его преданность своим предкам сильнее, чем его стремление быстро заработать. Ирония в капиталистическом невмешательстве заключается в том, что желание быстро разбогатеть и часто обмениваться собственностью часто приводит к нищете и чрезмерной консолидации богатства в руках нескольких бизнесменов и руководителей. Общества, которые пренебрегают библейской мудростью, в конечном итоге заплатят за это своим наследством!

Империи и пропозициональная нация

Принципу родового правления и племенного владения противоречит существование империй. Империя — это царство, которое простирается на несколько различных племен, наций и народов. Пропозициональная национальность берет свое начало в империях. Первой зафиксированной попыткой создания империи было создание Нимродом города Вавилон, о котором упоминалось ранее. Пророк Даниил также говорит о череде империй, которые будут править средиземноморским міром в главах 2 и 7 книги Даниила. Империи обычно относительно недолговечны и поддерживаются военной мощью и агрессией (Даниил 2:37-40, 7:19). Поскольку такие империи являются дешевой имитацией духовного царства Христа, которое вырастет и охватит все физические нации и народы (Дан. 2:44, 7:13-14, Отк. 5:9, 7:9), которое мирно устанавливает внутреннее служение Святого Духа, а не военной силой (Ин. 18:36).

Америка традиционно не рассматривалась как «пропозициональная нация» до недавнего времени в истории. Джон Джей, первый председатель Верховного суда США и соавтор «Записок федералиста», пишет по поводу основания Америки: «С таким же удовольствием я часто замечал, что Проридению было угодно даровать эту единую страну единому народу — народу, происходящему от одних и тех же предков, говорящему на одном языке, исповедующему одну и ту же религию, приверженному одним и тем же принципам прав-

ления, очень похожему по своим манерам и обычаям, и который совместными советами, оружием и усилиями, сражаясь бок о бок в долгой и кровавой войне, благородно установив всеобщую свободу и независимость».

Если вы пропустили, Джон Джей подразумевает под «присхождением от одних и тех же предков», что американцы были идентифицированы как европейцы, так же, как «одна и та же религия», которую исповедовали американцы, была христианством.

Основная проблема пропозициональных наций заключается в том, что они испытывают внутренний конфликт из-за различий в интерпретации предложений страны. Возьмем, к примеру, Америку. Предполагается, что Америка — это пропозициональная страна, которая объединяется вокруг концепций «свободы», «демократии» или моего личного фаворита — «толерантности». Кто интерпретирует эти концепции одинаково? Никто! Вот почему каждый избирательный цикл — это жаркие дебаты о наших безсмысленных и неопределенных «ценностях». За последние десятилетия Америка выродилась в пропозициональную нацию, но это ни в коем случае не первая пропозициональная нация. Греческий историк Элий Аристид много писал о римском универсальном гражданстве завоеванных им людей как средстве сохранения своего правления:

«Самое примечательное и самое похвальное из всего — это величие вашей концепции гражданства. На земле нет ничего подобного. Вы разделили всех жителей империи — и когда я говорю это, я имею в виду весь мир — на два класса; и всех более культурных, добродетельных и способных людей, которых вы повсюду сделали гражданами и подданными Рима... Ни море, ни расстояние на суше не лишают человека права гражданства. Азия и Европа в этом отношении не разделены. Все открыто для всех; и никто, подходящий для должности или ответственности, не считается чужаком. Рим никогда не говорил: «Больше нет места!».

Никто не является иностранцем, который заслуживает занимать какую-либо должность или достоин доверия. Напротив, здесь существует общая «міровая демократия» под властью одного человека, лучшего правителя и директора... Вы разделили человечество на римлян и не римлян, ... и поскольку вы разделили людей таким образом, в каждом городе по всей империи есть много тех, кто разделяет с вами гражданство, не меньше, чем разделяет гражданство со своими соотечественниками. И некоторые из этих римских граждан даже не видели город Рим!».

Знакомо? Это очень похоже на текущую политику иммиграции и натурализации Америки! В 212 году нашей эры император Каракалла наконец объявил всех свободных людей империи от Британии до Аравии римскими гражданами. Когда американцы продвигают эту концепцию пропозициональной государственности в стремлении «сделать мір безопасным для демократии», мы невольно копируем худшие аспекты языческого Рима, который пытался создать «міровую демократию» под властью одного человека. Текущая религиозная политика Америки такая же, как и у империалистических римлян. Все религии терпимы, пока они соответствуют послушанию государства, тогда как Христос не принимает никаких конкурентов в вопросах религии (Мф. 12:30). Для Рима это означало поклонение Цезарю как Богу в дополнение к любым другим богам, которым человек может быть склонен поклоняться, и в современной Америке мы смотрим на государство не меньше, чем древние римляне, как на источник всех наших материальных потребностей и комфорта. Была ли Америка основана как пропозициональная империя римского типа? Или Америка была основана как библейская нация, укорененная в истории, традициях, родстве и христианской вере? Америка была основана поселенцами в Вирджинии и паломниками из Массачусетса как библейская нация. На уставной печати Вирджинской компании было изображение английского короля Джеймса I. Паломники называли

себя «верными подданными нашего грозного суверена лорда короля Джеймса», что означало, что колонисты считали себя английскими подданными, а не христианами, у которых не было земного государя.

Президент Джордж Вашингтон гарантировал, что иммиграция и натурализация будут ограничены «свободными белыми людьми с хорошими моральными качествами». Если бы мы продолжали прислушиваться к мудрому прецеденту многих прошлых поколений американцев, то нехристианских религий здесь бы по существу не существовало. Границы были размыты и в некоторых случаях стали без смысленными, позволив империализму и культурному марксизму диктовать политику, а не закон Божий. Мы не избежим наказания, которое Бог обещает тем, кто пренебрегает Его законом и заповедями (Втор. 28:43-44)

Апелляция к этнонационализму

Очевидно, что нет альтернативы принятию этнонационализма, который Библия предписывает как нормативный. Европа стала великой благодаря соблюдению закона Божьего во всем, включая этнонационализм. Мы далеко отошли от нашей предыдущей цивилизации, что было очевидно всего несколько десятилетий назад. В 1960-е годы культурно-марксистское «движение за гражданские права» повело нас к небиблейской идее «равных прав» и отдалило от Божьего закона. У нас, как у христиан, есть моральный долг содействовать божественному порядку в нашей жизни, а также в наших семьях и наших обществах. Мы можем ясно видеть из Библии, что нации должны быть естественным образом связаны кровью и почвой. Мы должны отвергнуть идеологии, которые отвергают это христианское понятие этнонационализма. Неслучайно мы отвергли христианскую основу национальной идентичности в то же время, когда мы отвергаем христианское учение о браке, гендерных ролях и морали. Отвержение этнонационализма является не более чем симптомом отвержения Божьего

закона во всей его полноте, к сожалению, даже исповедующими христианство во многих случаях.

Основа библейской нации, как определено в Таблице народов, исходит из общего происхождения, общей религии, общей истории и общих обычаяев, и взаимно присущие идеи и ценности будут построены на этом фундаменте. В Америке мы совершили ту же ошибку, что и римляне до нас, и мы не избежим их конечной участи. Мы, европейские христиане, являющиеся наследниками западной цивилизации, находимся на перепутье. Мы можем либо продолжить безсмысленно следовать по путям, проложенным нашими римскими имперскими языческими предками, в этом случае мы встретим ту же надвигающуюся гибель, которая почти погубила Запад, либо мы можем возродить дух христианского национализма, который спас Запад и сохранил его цивилизацию для поколений европейцев. Решение состоит в том, чтобы вернуться на старые пути, по которым когда-то ходили наши предки (Иер. 6:16), и снова принять Бога наших отцов. Только Бог может восстановить наши города и нарастить плоть на сухие кости наших предков (Иез. 37). Нам необходимо с оптимизмом смотреть в будущее, веря, что Бог сохранит верный остаток, чтобы вновь отстроить руины, среди которых мы сейчас живем (Ис. 1:9).

(Источник: <https://telegra.ph/Biblejskaya-zashchita-ehtnonacionalizma-12-01>)

АРИОСОФСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Герой арио-христианского эпоса «Властелин колец», предводитель «людей Запада», возвратившийся Монарх, пришедший с Севера, король Арагорн произносит следующие слова, слова-клятву, слова-кредо: **«Я не знаю, что за сила в моей крови, но я ни за что не дам пасть Белому городу и погибнуть моему народу»**... Сии слова поистине и клятва и кредо: только лишь сила, хранящаяся в арийской, нордической Крови – и есть **то единое ныне**, что способно воспрепятствовать конечной погибели Белой Европейской цивилизации, погибели Белого Христианства, погибели нашего народа (Gottesvolk, «народа Божия»), наших Белых детей... А *Ариософия* и есть та священная наука («мудрость Ариев»), что способствует нам (людям Севера и Запада, Русским Европейцам) **познать ту «силу», что скрыта в нашей Крови**... Всё большее и большее внимание правые Русские интеллектуалы (а таковыми по-праву могут быть названы только те, кто осознаёт себя принадлежащими Северо-Западу, но никак не «евразийскому» Востоку!) уделяют расовым вопросам, вопросам расовой религии и расовой гигиены. Всё большее понимание в Русской контрэлите находит взгляд, что доброкачественное религиозное, культурное и государственное творчество возможно **лишь на расовой основе**... Ныне и присно, *Арийская идея*, Нордическая идея, по верному слову принца Фридриха Вильгельма цур Липпе, есть **«самый революционный идеал всех времён»**. И пресловутая «Русская идея», наконец, должна быть понята, как «Нордическая идея»... Замечательные мысли германского ариософа принца цур Липпе, высказанные им в докладе 1926 г. «Аристократия и раса» доселе не утратили ни актуальности, ни значимости: «Не с застывшими формами того, что мы привыкли называть традицией, следует подходить к явлениям современной жизни, жертвуя остатками нашего здорового расового восприятия...

- не в этом заключается для нас политика. Для нас политика это возрождение нашего расового сознания и возстановление основ, из которых первоначально выросли наши традиции»... Когда лет двадцать тому назад, наше Братство стало «продвигать» ариософский дискурс, се выглядело некоей гипер-экзотикой на фоне всеобщего «пережёвывания задов» славянофильства и черносотенства со стороны всех «фракций» здешней «патриотовщины» (говорим сие, отнюдь не «осуждая» славянофильскую и черносотенную мысль, ибо и там, и там присутствовали некие ариософические элементы, недоступные пониманию современных «эпигонов»). Ныне же мы с удовлетворением отмечаем подлинное **«второе рождение» Ариософии в России**. Что, разумеется, не может не радовать. Не сказать, что расово-христианский дискурс стал «мейнстримом», но «маргинальным» он быть точно перестал... Хотя именно в среде ИПХ преимущественно были взрошлены «первые ростки» означенного Ариософского Ренессанса, далеко не все из тех, кто оказался вовлечёнными в продвижение сего «дискурса», готовы «признать» заслуги «перво-проходцев». Относимся к сему «спокойно», ибо **Истина не принадлежит никому «персонально»** (кроме, разумеется, Св. Духа, «Духа Истины», истинного Истино-Подателя соргласно Символу Веры), а **«соборно» Истина принадлежит всем тем, кто способен ея усвоить...** Хотелось бы отметить примечательный тг-канал «Первое слово было Бог» (зри: <https://t.me/s/RXlkN7JOfWo2OWFi>). Самоаттестация: «Православный консервативный канал. Являемся противниками коммунизма, либерализма, содомии, сатанизма». Вроде бы, по некоторым намёкам, «администратор» базируется на территории Малой Руси (но сие неточно). Указанный канал, как отметил в переписке с нами д-р Олаф Хольмгардссон, «группа умеренно расиалистская, думаю даже есть связь с «правым» крылом сергиан»... Он же подметил и некую долю «расиалистской самоуверенности» в оной «группе», вкупе с нежеланием признавать «приоритет ИПХ». О сем – чуть

подробнее в заключении, а прежде – отметим ряд преполезных публикаций как раз таки ариософского плана, и порекомендуем заинтересованному читателю не выпускать данный ресурс из «поля зрения»: «Второзаконие 23:2: «Незаконнорождённый не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне». В вышеперечисленном стихе встречается слово «незаконнорождённый». Но что данное слово обозначает? Здесь используется еврейское слово *«тамзер»*, которое переводится как «сволочь», «дворняга» или «смешанный». Обратимся к Лексикуону иврита Браун-Драйвер-Бриггс (Конкордация Стронга, иврит 4464): это слово буквально означает «смешанное население» и «чужое племя». Слово «Бастард» (байстюрк) буквально означает «дворяга, выродок, ублюдок, урод, не-доносок» все данные слова целиком отражают расовые различия. Само слово «ублюдок» означает расового «выродка», родившегося от незаконного, т.е смешанного брака. Чтобы подтвердить этнический контекст во Второзаконии 23:2, стоит обратить внимание на следующий стих: «Аммонитянин и Моавитянин не могут войти в общество Господне; и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки». Далее Господь проклинает эти народы, что подчеркивает этнический подтекст. «Расово смешанный (*תָּמֶזֶר* – *tamzer*) не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне». В синодальном переводе используется слово «Сын блудницы» — нигде данное слово в Библии не относилось к блудницам; в Конкордации Стронга оно прямо показывает яркий этнический смысл. Слово «незаконнорожденный» было использовано, чтобы подавить расовый смысл, смягчая Писание. Существуют лишь два стиха с точно таким же словом: Второзаконие 23:2 и Захария 9:6. Первое, что нам нужно узнать о Захарии 9:6, — это её контекст: в данном стихе повествуется о дальнейшей судьбе филистимлян, а точнее, о том, что они будут полностью уничтожены, и их потомство в том числе. В данном случае

говорится об чужом «смешанном населении», которые будут как чужестранцы».

«Преподобный отец Джеймс Люк Мигер (1848-1920) в своей книге «Как Христос провёл первую мессу» о благословении расы Иафета: «Иафету: «Расширяющемуся» или «Белому человеку», Ной сказал: «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Сима, и Ханаан будет слугой его». В еврейском языке здесь для «Бога» используется слово «Шехина», Святой Дух, который говорил через Ноя и дал сыновьям Иафета, белым расам, этот колонизационный инстинкт, цивилизацию, прогресс, продвижение, изобретение, превосходство — беспокойство светлых умов, которое на протяжении веков поднимало их к высшему процветанию, культуре и утонченности. Вот почему белые люди настолько превосходят другие расы. Бог предвидел, что евреи отвергнут Христа, что белые люди примут его, и таким образом он подготовил их к их миссии принять Евангелие и продолжить Церковь».

РАСИЗМ В ТРУДАХ БЛАЖЕННОГО АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА ИППОНИЙСКОГО: «Было предсказано, что Католическая Церковь будет не в какой-то определённой части света, как некоторые расколы, но во всей вселенной, принося плоды и развиваясь, чтобы достичь тех же самых эфиопов, а именно, самых отдаленных и грязных людей из человечества». (Exposition on Psalm 72). ТАКЖЕ АВГУСТИН ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРОКЛЯТИЕ ПОТОМКОВ ХАМА: «Ибо страдания Христа, которые были обозначены наготой этого человека, одновременно провозглашаются их исповеданием и бесчестятся их нечестивым поведением. Поэтому о таких было сказано: по плодам их узнаете их. (Матфея 7:20) И поэтому Хам был проклят в своём сыне, который был, так сказать, его плодом. Так же и этот его сын, Ханаан, справедливо истолковал их движение, которое есть не что иное, как их дело». (Book XVI).

Епископ Фридрих Юстус Генрих о проклятии потомков Хама. «Против каких заповедей согрешил Хам? Во-первых, против шестой заповеди, своей нескромностью. Во-вторых, против четвертой заповеди. Хам насмехался над отцом, проявляя неуважение к нему и злословил о нем, без всякой нужды повторяя братьям то, что он видел. Что должен был сделать Хам, когда он случайно застал отца в таком состоянии? Он должен был отвести глаза, прикрыть отца и никому не говорить об этом. Когда Ной узнал о поведении Хама, он проклял его и его потомков и пообещал благословение Симу и Иафету. Он предвидел, по вдохновению Святого Духа, что потомки Хама, как и потомки Каина, отвернутся от Бога и будут наказаны им. Африканские негры произошли от него, и они по сей день погружены в самое низкое состояние суеверия, ими управляют жестокие тираны, с ними обращаются как с рабами и часто покупают и продают как таковыми. Их образ жизни очень варварский, и их очень трудно обратить в христианство. Благословение Сама и Иафета и их детей исполнилось так же полно, как и проклятие Хама...». Knecht, Friedrich Justus: A practical commentary on Holy Scripture for the use of those who teach Bible history, p. 44.

«Новое исследование показало, что представители ультраправых христианских групп, таких как кинисты, расисты, сторонники белой расы и христианской идентичности, а также фашизма, в среднем имеют IQ 140,3. Это значение почти на 3 стандартных отклонения выше, чем у стран с самым высоким уровнем IQ в мире. Среди всех групп язычники оказались наименее разумными, не сумев даже превзойти мусульман по среднему уровню интеллекта... Источник: <https://x.com/FaithAndFolk/status/1857884462098374661?t=9MmbkViaIBHhc2ZH9JrqJQ&s=19>).

«Расовый смысл, утраченный в переводе. ὅτι εἶδες τὸν σίδηρον ἀναμεμεγένον τῷ ὀστράκῳ συμμειγεῖς ἔσονται ἐν σπέρματι ἀνθρώπων καὶ οὐκ ἔσονται προσκολλώμενοι οὗτος μετὰ τούτου καθὼς ὁ σίδηρος οὐκ ἀναμείγνυται μετὰ τοῦ

ὅστράκου. «Как вы видели железо, смешанное с глиной, так и народы смешаются друг с другом, но не скрепятся, как железо не смешивается с глиной» (Даниила 2:43). ὡς Σόδομα καὶ Γόμορρα καὶ αἱ περὶ αὐτὰς πόλεις τὸν ὄμοιον τρόπον τούτοις ἐκπορνεύσασαι καὶ ἀπελθοῦσαι ὥπιστοι σαρκὸς ἑτέρας πρόκεινται δεῖγμα πυρὸς αἰώνιου δίκην ὑπέχουσαι. «Как Содом и Гоморра и города вокруг них, так и вы блудите и входите в чужую вам плоть, становясь образцом вечного огня, которому вы подвластны» (От Иуды 1:7). καὶ σὺ ὁ θεός καταβαλεῖς αὐτοὺς καὶ ἀρεῖς τὸ σπέρμα αὐτῶν ἀπὸ τῆς γῆς ἐν τῷ ἐπαναστῆναι αὐτοῖς ἄνθρωπον ἀλλότριον γένους ἡμῶν. «Ты, бог, низри их и удали их семя (потомство) из земли, воскресив для них человека, чуждого нашей расе» (Псалмы Соломона 17:7)».

«Византийский православный Император Константин VII Багрянородный (905–959 гг.) о важности сохранения этнической однородности, расовой чистоты: «Ибо каждая нация, имеющая различные обычаи, законы и институты, должна укреплять свои собственные, и внутри каждой нации должны быть созданы и реализованы средства связи для сохранения общественного порядка. То есть, как всякое животное спаривается со своим видом, так и каждая нация должна поддерживать связи и заключать браки между соотечественниками, говорящими на одном языке. Поскольку это естественным образом порождает взаимное доверие и общение, а дружеское объединение и сосуществование укрепляют общие обычаи и законы, в то время как неприязнь, конфликты, ненависть и разногласия ведут к вражде...». Constantine VII: *De thematibus et de administrando imperio*, p. 89».

«Святой Фома Аквинский в защиту национального этногосударства: «Политический философ должен определить, должно ли государство содержать людей только одной расы или нескольких рас. Государство должно скорее состоять из одной расы, поскольку одна раса едина в своих обычаях и привычках, которые способствуют дружбе между гражданами по причине их сходства друг с другом. Поэтому государ-

ства, которые состояли из различных рас, были разрушены из-за разногласий, которые они имели друг с другом из-за различия их обычаяев, поскольку одна часть государства объединила силы с иностранными врагами из-за своей ненависти к другой части...». Св. Фома Аквинский, «Комментарий к политике», книга III, глава II, стр 387».

ПРЕПЯТСТВИЯ ЦЕРКВИ РАСОВОМУ СМЕШЕНИЮ В ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ. 21 октября 1938 года Боргоджини Дука заявил, что, даже если не удастся полностью запретить браки между католиками разных рас, его обязанностью остается предотвращение негативных последствий таких смешанных союзов: «Церковь всеми имеющимися в ее распоряжении аргументами, по моральным и гигиеническим причинам, препятствует союзам между белыми и черными и любым видам гетерогенных союзов, а также во избежание образования полукровок, которые сочетают в себе все недостатки различных смешиваемых рас». Проект, составленный монсеньором Доменико Тардини — секретарем Конгрегации чрезвычайных церковных дел, что является ватиканским аналогом министерства иностранных дел, — был завершен через два дня. В нем подчеркивалась роль Церкви в сдерживании «слишком разнородных расовых скрещиваний, которые нередко приводят к неблагоприятным последствиям» (Archivio Segreto Vaticano, Nunziatura Italia, т. 9, л. 5).

«Следующий этап, о котором упоминается в книге Бытия, — строительство вавилонской башни и рассеяние народов (Быт. 11,9). К тому моменту уже сложились расовые общности, но среди них, по-прежнему, доминировал иафетический элемент. Утрата языкового единства между людьми, вовсе не означала утрату традиции, какую настоящие потомки Ноя понесли в северные широты. И хотя к ней все-таки примешались, впоследствии, кое-какие языческие черты — сабеизм, зоотеизм и антропотеизм — считать, что монотеистическая традиция у белой расы пропала, недопустимо. По замечанию

профессора Н. Троицкого: «В белых языческих религиях свет истины чистого религиозного сознания не погасал никогда безследно; напротив, глубокие следы его оставались и не могли исчезнуть». Эту же позицию разделяет и русский расовый теоретик Николай Кареев (1850-1931). Критикуя сочинение маститого востоковеда Э. Ренана «Общая история семитических языков», исследователь пишет: «Разве арийцы неспособны были к монотеистическим концепциям? Ренан проглядел индусские Веды, высказывающие стремление к единобожию, и еще с большею несправедливостью религию Ирана, не говоря уже о сходных тенденциях греческой философии». Наконец, обратимся к мнению немецкого ученого-философа Германа Вирта. Он полагал, что: «Пра-религия нордической расы.. не анимизм, не пантеизм, не фетишизм»; она «была чистым Монотеизмом». Таким образом, еще задолго до того, как евреи приобрели этно-религиозные качества, белая раса уже имела твердые монотеистические убеждения, какие, к сожалению, не удалось сохранить в первоначальном виде». — д-р Альфред фон Фогельвейде, “Ветхий Завет и белая Традиция”.

«ХРИСТИАНСТВО НЕ УСТРАНЯЕТ РАСОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ. Известный реформатор и теолог Вольфганг Мускулус в своем комментарии к Посланию Галатам 3:18 комментирует: «Павел не говорит, что просто потому, что они христиане, нет разницы между евреями и греками, между свободными и рабами, между мужчинами и женщинами. Христианство не устраниет различий по расе, социальному статусу или полу. Он имеет в виду, что во Христе не обязательно быть иудеем или греком, или свободным или рабом, или мужчиной или женщиной, как будто христианство состояло исключительно из одного или нескольких из них». Источник: Bray, Gerald: Galatians — Ephesians (Reformation Commentary on Scripture Volume X), p. 129-130». Мы нацелены на историческую справедливость относительно расы в общехристианской тради-

ции. Поэтому мы и выкладываем мнение известных личностей на расу, поскольку они являются частью христианской традиции. Хоть и протестантизм я не люблю, в этом есть доля смысла. Например, благодаря таким постам можно понять суть стиха и продолжить мысль, взяв того же Мускулуса и Августина. Также это довольно хороший аргумент против “иудействующих”, “миролюбцев” среди протестантов. Даже если рассматривать протестантов как противников, в этом нет ничего плохого — знание о своих врагах только укрепляет позиции. Глупый человек может ошибиться дважды, тогда как мудрый сможет преодолеть любые трудности, выйдя сухим из воды».

Д-р О.Хольмгардссон данный «первоисточник» решил проверить. И вот что написал нам о результате: «Я скачал файл. Комментарий Вольфганга Мускулюса там не на 129-130 стр., а только на 130. Вероятно это потому, что в скачанном файле расположение комментариев не столбцами, а сплошным текстом. Но там НИЧЕГО не говорится о расовых различиях. Тогда я пролистал непосредственно до комментария Мускулюса на Галатам 3:18 (в файле это 303-304 стр.). Но и там ничего подобного нет. Может я где-то не там смотрел. Могу скинуть файл сюда. На 911 странице имеется индекс авторов с пагинацией цитат из Мускулюса и упоминания о нём. Но я не силён в английском языке. Написал им, но безответно».

Ответно мы обратили внимание коллеги на страннопечатный пост «первобогословцев» и не менее страннопечатные комменты под ним: «Очередной “ариохристианин”, “гностический маркионист” и “одиннический христианин” пытается доказать, что Ветхозаветный Бог-Отец никак не относится к Иисусу Христу. Однако есть нюанс. Во-первых, данный стих (“Блажен, кто возьмёт и...”) относится к пророку Исаи, а не к Богу. Кроме того, здесь речь не идет о настоящих младенцах, а о злых помыслах и побуждениях. Речь идет о Вавилоне-блуднице, который погряз в грехах. Во-вторых, попытка выставить Ветхозаветного Бога-Отца как кровожадного ду-

шегуба абсурдна. В Откровении 2:23 Иисус говорит следующее: “И детей её поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим”. Также изобличение ереси маркионизма (отрицание Ветхозаветного Бога-Отца) можно посмотреть здесь; мы давно опровергли данную чушь, доказав, что Ветхий Завет непрерывен» (подр. зри: <https://t.me/oq5M4It30QZjMmVi/1417310>).

В комментатах члены «группы» изощряются в специфическом «гуморе», обзывая арио-христианство «орехохристианством» (от путенского «орешника» что ль?) и т.п. Также с выпирающим изо всех дыр «братолюбием» отзываются об ИПХ: GN8M, [Dec 1, 2024 at 11:16] Разве не катакомбная церковь сделала Адика и Гиммлера святыми? [Dec 1, 2024 at 11:26], сделала их святыми малая шайка самосвятов и аферистов [Dec 1, 2024 at 11:26], никакого отношения к Катакомбной Церкви они не имеют» etc.

Имея «отношение» как к Катакомбной Церкви ИПХ, так и к почитанию «иже во Святых» вышеозначенных великих Арийских Мужей, не станем вдаваться ни в «полемику», ни в «перебранку»... Вынеся «за скобки» странности сих «хлопцев» (ежели се «хлопцы») порадуемся, что Ариософский дискурс в некоей мере «отвоевал» ещё один плацдарм... Чаем, что сие «Ариософское Возрождение» *уже не остановить...* Чаем, что «слово» современных Русских ариософов, слово, насыщенное энергиями Крови и Духа, непременно *претворится в Дело...* Дело, в котором вопреки ухищрениям всех антирасовых сил, за нашими арийскими Кровью и Духом *останется как «первое», так и «последнее Слово»!*

д-р Олаф Хольмгардсон

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ЧИНОПОСЛЕДОВАНИЕ К ИСПОВЕДИ: НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РАСОВОЙ СЕГРЕГАЦИИ

Дореволюционное Чинопоследование к Исповеди: нарушение принципов расовой сегрегации - грех, приравненный к скотоложству, ибо идёт в той же рубрике. Возражение: тут же идёт речь и о «непотребных» сношениях с законной супругой. Неужто женщина - животное? Ответ: о сём сказано сдесь нарочито, в назидание, дабы предупредить уподобление супругов скоту; об иноплеменнике же говорится лишь как о «теле», следовательно - как о не имеющем человеческой души, как о животном (ср. напр. Лев. 17, 14 с толкованием проф. А.П. Лопухина на 1Кор. 15: 37-45). Это прекрасно поняли сергиане. В их якобы репринтном переиздании Чинопоследования текст сознательно искажён, подвергшись существенной порче. Вместо подлинного текста в патриархийном издании 2010 года читаем: «и паки вопрошают о кровосмешении. Оно бо запрещается тяжчайше блуда». Тут важно подчеркнуть, что сергиане толкуют «кровосмешение» исключительно как близкородственные половые контакты, нивелируя расологический аспект дореволюционного текста.

Далее из данного фрагмента источника с необходимой логикой следуют два факта:

1. Церковнославянский текст Чина свидетельствует, что исповедуемый принадлежит к русскому народу, для которого этот язык родной и понятный (о причинах «крещения» инородцев нужно говорить особо; тем более, что Чин делает акцент на греховности интимной близости именно с инородцами). Антропологически чистокровные русские являются представителями Белой расы нордического или преимущественно нордического типа. Следовательно, под иноплеменником-недочеловеком, в контексте обетований

Книги Бытия 9 главы, должно понимать представителя какой-либо из цветных рас.

2. Чинопоследование жёстко указывает, что половая связь с «иноплеменным телом» рассматривается как то, что «тяж-чайше блуда ». То есть это не обычный блуд, а то самое прелюбодеяние, под которым, следовательно, и надо понимать такие грехи в сексуальной сфере жизни человека как скотоложество и расовое смешение, являющееся таким образом разновидностью скотоложства.

P.S. Касаемо «крещения» инородцев. Уже равноап. князь Владимир Святой заложил основы духовно-расового прагматизма в этом вопросе. Например проф. Голубинский пишет, что св. Владимир, будучи как и его родители обращённым в Христианство викингами-христианами, сугубо заботился о Крещении норманно-славян и сознательно пренебрегал обращением финно-угорских инородцев. Последние интересовали его исключительно как данники, земли которых нужно было крепче «привязать» к Руси через постепенное культурное обрусение, частью которого являлась формальная «христианизация» (см. дорев. изд. 1901 года: Голубинский Е. ИРЦ, том 1 часть 1, стр. 105-182). Эту практику Русь, с некоторыми оговорками, унаследовала от Ромейской империи (см. напр. монографию: Иванов С. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: «Языки славянской культуры», 2003. – 376 с.). У данной практики имеется глубокое догматико-сакраментологическое основание. Как Творец всякой твари - Бог подаёт Свою благодатную энергию жизни всем. Но подаёт ея в надлежащей степени и разных формах, сообразно иерархическому статусу. Причём форма усвоения не может довлесть над Волею ЯХВЕ и понуждать Его. При определенных обстоятельствах бывает что Господь и вовсе игнорирует сложившиеся формы подачи Благодати; например - для того, чтобы уберечь верных от обрядоверного магизма, характерного, в частности, для католического принципа *ex opere operato* (см. напр. Новосёлов М. «Догмат и мистика в Православии Католичестве и Протестантстве»).

Лепта-Пресс, 2004. — 384 с.). И Таинства Церкви Христовой не исключение. Так, Иуда принял Тело и Кровь Иисуса Христа и вошёл в него сатана (Иоан. 13: 27). Разбойник же на кресте истинно приобщился Тайн вне порядка, установленного на Тайной Вечере, и вошёл в Царствие Небесное (ср. Лук. 23: 39-43 с Иоан. 6: 53-59). Святое Крещение также может подаваться в разных формах: водное Крещение через троекратное погружение, Крещение огнём и Духом, Крещение кровью etc. (см. напр. св. Григорий Богослов «Огласительное слово 39»; Иоанн Дамаскин «Точное изложение православной веры» кн. 4, гл. 9). Или не подаваться вовсе, несмотря на полное соблюдение установленного обряда (ср. с Иоан. 2: 23-25). В последнем случае, применительно к цветным разам богословско-расологический аспект вопроса, подробнее рассматриваемый ниже, заключается в том, что человекообразная тварь под обрядовой формой Крещения может милостиво, по снисхождению (см. напр. Притч. 12:10), получить лишь то, что ей причитается по чину, ибо и с животными Бог заключил Завет (Быт. 9:16; Псал. 23:1 и 35:7; Ос. 2:18). В некотором смысле они способны «молиться» - прославлять своего Создателя (Псал. 148: 7, 10); и даже имеют небесного покровителя, свмч. Власия Севастийского, в честь которого св. равноап. князь Владимир промыслительно воздвиг храм на Подоле.

О том, что Крещение может быть недейственным предупреждали Отцы Церкви. Свв. Григорий Нисский и Кирилл Иерусалимский пишут, что без соответствующих плодов Крещения «вода остаётся водою» (св. Григорий Нисский. «Большое Огласительное слово») и что «Вода тебя примет, а Дух нет» (св. Кирилл Иерусалимский. «Поучения огласительные и тайноводственные»). И блаж. Августин говорит: «Человек, обладающий Духом Святым, находится в Церкви, которая говорит языком всех людей. Все, кто вне Церкви, Духа Святого не имеют. ... Таково состояние человека вне Церкви. Вы спросите, получает ли он Таинства? - Получает. Крещение? - Есть у него Крещение. Исповедание веры? - И это есть у него. Но

всё это всего лишь форма. И тщетно хвалиться формой, если ты не обладаешь жизнью Духа» (блаж. Августин. «Проповедь» 268:2). Плоды Крещения может принести только человек, обладающий особым духом жизни (см. толк. на Быт. 2:7 проф. Лопухина в его Толковой Библии /1904 г. изд./, том 1, стр. 16-17), которого нет у животных. Что *de facto* и отражено в Чинопоследовании к исповеди, где речь идёт о прелюбодеянии с «киноплеменным телом», то есть существом, не имеющим человеческой души. И если человек, будучи вне Церкви, не может приобщиться Таинств, то наипаче недоступны Таинства тем, для кого путь в Церковь закрыт, - преадамитам цветных рас.

То, что цветные расы не являются адамитами, а следовательно и людьми, что делает невозможным их приобщение к Церкви и ея Таинствам - напрямую следует из православной христологии, антропологии и сoterиологии. Второй Адам - Господь Бог и Спас наш Иисус Христос (1Кор. 15: 22, 45-47) воплотился как Человек-Архетип. И это человек нордической расы, о чём наиболее красноречиво свидетельствует Туринская Плащаница, именуемая Пятым Евангелием Церкви, а также изображения римских катакомб III-IV вв. (напр. мозаика III в. «Христос Sol Invictus» из ватиканского некрополя Базилики Святого Петра, фреска IV в. «Иисус Христос» из катакомб Коммодиллы, фреска IV в. «Деяние закона « из катакомб святых Петра и Марцеллина, etc.) и Священное Предание, полностью согласные между собой. В контексте бого воплощения Христа как Второго Адама Святые Отцы толкуют и слова об образе и подобии Божиим (Быт. 1: 26-28) первого Адама в смысле полноты зеркального отражения двух Адамов друг в друге, соотносимых друг с другом как образ и Первообраз (см. напр. св. Максим Исповедник. «Творения». Кн. 2. стр. 71 и 312). Другими словами - Адам сотворён как представитель того же нордического расового типа что и Богочеловек Христос. Они словно сообщающиеся сосуды. И это один из необходимых аспектов восстановления в θέωσις человеческой природы.

«Ибо, что не воспринято, то не уврачёвано; что же соединилось с Богом, то и спасается» (Св. Григорий Богослов. «Послание к пресвитеру Кледонию против Аполлинария первого»). Естество цветных рас не воспринято Христом, ибо оно не человеческое; и представители сих рас спасаются на общих основаниях с остальными животными (Рим. 8: 22-23). Как Микрокосм-Первосвященник тварного міра Адам стал причиной падения Макрокосма; в частности - міра животных (Быт. 3: 17-19; Рим. 8: 22-23). Апостол Павел раскрывает важные детали этого библейского учения в Послании к Римлянам. Увидеть их можно при внимательной текстологической экзегезе соответствующего отрывка. Св. Павел пишет следующее: через одного человека грех вошёл в мір и “чрез грех, и тем самым во всех людей перешла смерть, потому что (ἐφ' ὧ) все согрешили» (Рим. 5:12). Данный стих имеет интересную историю толкования. Его перевод в тексте латинской Вульгаты подразумевает, что адамиты разделяют совместную вину за грех Адама и, тем самым, - подводит фундамент под юридическую теорию искупления. Однако некоторые из Отцов Церкви на православном востоке понимали данный фрагмент из послания ап. Павла качественно глубже. Фраза ἐφ' ὧ, которая в современных переводах звучит как «потому что» или «ввиду того что», может также пониматься как «вследствие чего» с относительным местоимением ὧ, относящимся к слову «смерть». В этом случае грех Адама не профанируется как юридически наказуемое деяние, оскорбившее Бога, но раскрывается весь ужас вызванной падением человека ситуации господства вселенской смерти в виде богоуборно-люциферической энтропии и вырождения богоустановленно-иерархического Порядка, в виде хаоса всесмешения. В частности - безнадёжного, с точки зрения сугубо личных усилий тварного человека, искажения всех уровней тримерии человеческой природы; в том числе - некоторого затемнения образа Божия через расовое смешение в среде отдельных колен сынов Адама, некогда в полноте отражавших свой нордический Первообраз. Так, вместо схоластического юридизма, уводя-

щего от верного понимания сути грехопадения, мы приходим к единственно верному его пониманию как вырождения духа, души и тела. Люциферической дисгенике мы противопоставляем тотальную евгенику θέωσις' человеческого естества, в том числе - расовую гигиену. Ибо сказано народу Божию: вы «род избранный (γένος ἐκλεκτόν), царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (βασίλειον ἱεράτευμα, ἔθνος ἀγίου, λαὸς εἰς περιποίησιν - в буквальном переводе: «царское священство, раса/племя святое, народ для отделения/сохранения» - 1Петр. 2:9). А посему да убоимся греха, наипаче же греха прелюбодеяния - одной из самых смертоносных стрел в колчане сатаны.

Один Бог, одна Раса, одна Церковь! Аминь.

такожде и мъжатица падша съ инымъ,
прелюбодеица глаголеетъ.

И паки вопрошаетъ егъ въ кровомъшени:

Рцы ми чадо: не палъ ли еси въ родъ
твоемъ съ нѣкомъ лицемъ, илъ съ къ-
мѹю твою; Сіѧ суть глаголемъа крово-
мъшениѧ.

Рцы ми: не палъ ли еси съ скотомъ, илъ
съ птицю; Не палъ ли еси съ женю твою
чрезъ естество; Илъ ѿбръченъ същъ твѣкъ ешъ,
и прѣде брака палъ еси съ нею; Не палъ ли
еши съ иноплеменными тѣломъ;

Оно во запрещаетъ тажчайше вѣда.

Рцы ми чадо: не оѣнъ ли еши человѣка
вѣло; Илъ ивѣло;

Рцы ми чадо: не оѣнъ ли еши что, и
соговоръя клѣтъ за тво; Илъ оѣнъ ини, а
тъ прѣлъ еши тво;

И аще оѣнъ чадо, да возвращитъ: а егда
тво возвращитъ, да премѣтъ ко архирею прѣлъти
прощеніе, и соговоритъ канонъ твой. Аще же
не соговориша клѣтъ, тѣчю да исполнитъ,
аще возможно, канонъ татъ.

Рцы

РАСОВАЯ МЕТАФИЗИКА ОПРИЧНИНЫ

Странным сие может показаться лишь на поверхностный взгляд, но Владимир Авдеев был своеобразным «монархистом». Конечно, не в «партийном» смысле, а именно что с точки зрения «метафизической атропологии» (ещё один фирменный авдеевский расово-политический «неологизм»). Всякое шебуршение отечественных «соборников» и «легитимистов» ВА мало трогало, впрочем, последние с их первертной приверженностью явным вырожденцам Гоге и Махе из «смуглой династии» Кирилловичей, у Владимира могли вызвать дополнительную брезгливую усмешку. А вот к дореволюционной, Императорской и Царской Руси ВА относился с пийетом. Во-первых, тогдашние наши Государи и Государыни – это «порода», вне всякого сомнения, «греющая» душу и взор завзятого Расолога. А во-вторых – Государи наши покровительствовали наукам, в т.ч., особливо в XIX в., «физической антропологии», так тогда чаще всего именовали «Расологию». Вот – примечательный пример (один из многих) изучения арийской культуры в Российской Империи: «В 1885 г. при открытии местного археологического кружка высшим представителем русской власти в крае кружку была предложена задача изучить древнюю арийскую культуру края, уничтоженную варварами-турками и подлежащую восстановлению при господстве других арийцев – русских. Источник: В. В. Бартольд, “Задачи русского востоковедения в Туркестане”. Отчёт о деятельности Императорской Академии Наук по Физико-математическому и Историко-филологическому Отделениям за 1914 год. Петроград, 1915. Стр. 12». Но, ежели «копнуть» и более ранние времена, то несомненные следы «расово-политического» подхода обнаруживаются и в Киевской и даже в Московской Руси (небезуспешно «выдавливающей азиатчину» и вовне и внутри). Опричным «решпектом» со стороны Вл. Авдеева пользовался Грозный Царь Иоанн Ва-

сильевич. В его деятельности и в учреждённом им Опричном Ордене, наш Расолог небезосновательно усматривал означенный «расово-политический» след. Мы помним момент, когда Владимир с воодушевлением рассказывал нам (яко представителю «Опричного Братства») о своём своеобразном «паломничестве» в Александрову Слободу (совместно, кстати, с незадачливым профессором-«инсургетном» Петро Хомяковым, вроде бы о ту пору обитавшем во граде Александров). Тогда он, помнится, высказал преинтереснейшую мысль о том, что земли, отданые в «опричный удел», в с точки зрения геногеографии совпадали с центром расового ядра русского народа, русского суперэтноса... Сия мысль впоследствии получила некоторое «развитие» в ряде примечательных Опричных очерков, три из коих мы воспроизведим ниже. Все они, в какой-то мере, индуцированы наитиями нашего Расолога. Первый текст – обнародован был на одном из интернет-ресурсов формации «ВотанЮгенд» (<https://wotanjugend.info/>), и скорее всего его авторство принадлежит Алексию Лёвкину (талантливому публицисту, поэту и музыканту (лидеру блэк-метал-группы «М8Л8ТХ», или «Молот Гитлера»), бойцу Русского Добровольческого Корпуса).

МЕТАФИЗИКА ОПРИЧНИНЫ

Периоду правления Ивана IV, а в особенности теме опричнины, в отечественной историографииделен не один десяток трудов разной степени значимости и объема. Часто тема опричнины становилась камнем преткновения для историка, и почти всегда - политическим интегралом, определённым его взглядами. Ошибка большинства (если не всех) была в том, что отдельные исторические элементы рассматривались ими как случившиеся процессы, повлиявшие на свое время или эпоху, но не касающиеся времён нынешних. Этот историцизм, наконец, чистый профанизм самой историографии всегда видел в том или ином процессе одну единственную формулу - решение вопроса «блага или худа» для государства

(или же государственности), разделённого на соотношение моральных (и всегда сентиментальных) суждений о количестве и масштабе зверств, пыток и убийств. Первое - всегда необходимый вывод для академической науки, обслуживающей напрямую государство, второе - лишь «издержки производства», стоящие *par excellence* поперек горла у всех гуманистов и челяди Нового времени.

Итак, для того, чтобы говорить об опричнине, для этого следует признать ложным весь объем суждений, встречавшийся нами в историографии. Далее, признать то, что историки в принципе не компетентны в этом вопросе, возможно, лишь историки морали могли бы внести свою ценную лепту в этот материал, но таковые почти всегда также и философы, и всегда - чуткие языковеды. Ценность всего «исторического» в опричнине - лишь периодизация, всё остальное, имеющее для нас значение - исключительно философское.

Феномен опричнины - создания гвардейской элиты, некоего ордена, могущественного настолько, что его можно было бы назвать «государством в государстве» - не был уникальным для Русской истории. Ряд гвардейских формирований, таких как преторианцы в Древнем Риме, янычары в Османской империи и орден СС в Третьем Райхе, могут и должны дополнять собой понимание должного функционирования такой гвардии в любой Империи (именно своим империализмом была властна Москва). Стоит понимать что то, что предпринимал Иван Грозный в плане внутриполитического террора, не было новаторством для тех лет. Так, его сосед, шведских король Эрик XIV так же воевал с удельной аристократией, а янычарская гвардия уже два столетия успешно функционировала в Османской империи, уничтожая врагов султанов.

Основателем и идейным лидером опричнины был замечательный военачальник и весьма умный политик Алексей Басманов. Он отличился во время штурма Казани, успешно противостоял огромному войску крымского хана, а после в

качестве полководца захватил Нарву и Полоцк в Ливонской войне. Басманов отличался суровым нравом и жестокостью, соседствующими с изощренным умом. Именно Басманов предложил Ивану IV создать «монашеский орден», новое дворянство, абсолютно преданное царю и лишенное всякой жалости и морали.

Само понятие «опричь» - значит быть в стороне, на краю, но вернее - это «быть обособленным». По Юлиусу ЭвOLE, это «дифференцированные люди», противопоставляющие себя «земским», и вообще всему «обыкновенному». Часто в опричники записывались наёмники, такие как немецкий авантюрист Генрих фон Штаден, оставивший свои воспоминания в «Записках о Московии», но в основном, опричниками были люди периферийного дворянского сословия, преисполненные Волей к власти, такие как Басманов и Скуратов. На плечи Басманова легла организаторская работа опричного войска, но именно Иван Грозный проработал идеологическую составляющую своей гвардии. Он, очевидно, опирался прежде всего на пример янычар.

В Османской империи янычары были отдельным сословием, куда забирали маленьких детей по селекционному принципу с покоренных турками христианских территорий, чаще всего с Балкан (прежде всего, из Сербии, а также Боснии и Албании). Их увозили в Турцию, воспитывали в мусульманских обычаях и подвергали суровому военному обучению в спартанской обстановке. Янычары считались рабами султана, но в конечном счёте, благодаря своей мощи как военной, а затем и политической структуры, они приобрели колоссальное влияние, способное влиять на Османский престол (так, знаменитый Кемаль Ататюрк был потомком янычара). Янычары стали отдельной кастой, иной расой в Империи (по физическим признаками они были, в основном, центральные европеоиды), наконец, «государством в государстве», противопоставляющем себя поместным сипахам и регулярным турецким войскам.

Именно этот дифференциальный янычарский принцип заложил в свою гвардию Иван IV. Более того, он же продумал символизм, заимствовав символы у Доминиканского ордена. Грозный воссоздал образ «дьявольского воинства», облачив опричников в чёрные одежды, к лошадям они прикрепляли отрубленные пёссы головы, а также брали с собой мётлы. Головы символизировали рвение гончих и верность, мётлы - чистку государства. Опричники быстро создали себе славу и имидж: лишь завидев на горизонте чёрных всадников, люди в панике бежали с улиц и прятались в своих домах. Их охватывал хтонический ужас, страх приобретал черты русской мифологемы - это был страх не только перед деяниями, но и перед символами.

Пёс - это прежде всего мифологический и религиозный образ. Две собаки в Ригведе стоят рядом с богом смерти Ямой, цербер из эллинской мифологии охраняет вход в подземный мир, наконец, и в Библии есть аналогия между людьми и животными, где псы - это сторожи «овец доброго пастыря Христа». Метла, в свою очередь, это не только «очищение» государства, но и чистота самого его носителя, чистота верности государю. Физический террор опричнины должен был означать «праведный гнев», психологический террор - страх перед божественным порядком.

Таковым, по крайне мере, желал видеть Иван IV свою гвардию - именно монашеским и рыцарским орденом в привлекательном и страшном виде. И в метафизическом смысле опричнина таковым и осталась. Но в отличие от преторианцев и СС, русский средневековый аналог потерпел крах, ибо за метафизическими основанием лежала низкосортная физическая оболочка.

Янычары просуществовали пять столетий, так как в них был жестокий отбор, выполненный в том числе и по биологическому принципу (не только сильных и здоровых детей, но и красивых, зачастую светловолосых). В преторианскую гвардию мог вступать только гражданин Рима, предпочтение

отдавалось родовым римлянам, прошедшим военную службу и отличившимся в боях. С развитием биологических наук, в совершенстве этот отбор кадров достиг в СС. Но именно таких критериев не было в опричном войске, куда вступали люди качеств сильных и волевых, но зачастую дурных по своему происхождению. Ведь и сам царь был смешанного происхождения.

Несмотря на то, что самые яркие опричники, оставившие свой исторический след, такие как Скуратов, фон Штаден, отец и сын Басманов и князь Вяземский, были европеоидами, среди остальных опричников часто встречались татары и разнообразная удельная помесь, которую Грозный очень жаловал не только за верность и военные навыки, но прежде всего за азиатскую жестокость и исполнительность в карательных актах.

Английский дипломат сэр Джером Горсей, живший в то время в Москве, оставил воспоминания о терроре Ивана Грозного в Ливонскую войну. Примечательно, как Горсей с презрением называет русского царя «деспотом с войском своих татар» на контрасте с жертвами прибалтийских ливонских городов: «люди этого края - красивейший в мире народ как по своей породе, так и благодаря сухому и холодному климату страны». В «Записках о России» Джерома Горсея вообще повсеместно встречается упоминание татар в войсках Грозного. Сэр Горсей, будучи прежде всего дипломатом, представлял прежде всего английские интересы, используя давний и действенный пропагандистский прием с отождествлением своего неприятеля с инорасовым элементом, но в то же время, стоит отметить, что его воспоминания - ценнейший источник тех лет, наряду с работой фон Штадена, не лишенный исторической правды. Так или иначе, именно этот азиатский элемент разрушил изнутри опричнину.

Если бы войска опричнины комплектовались из жителей тех регионов, о которых Горсей говорит как о «красивейшем народе по своей породе», в таком случае, русская история

знала бы пример ярко выраженного рыцарского ордена, существующего вне своего времени, и диктовавшего на протяжении многих веков эволюционные принципы Московского царства, несмотря на саму личность правящего на тот момент царя, как это было в Османской империи на протяжении многих веков.

В отечественной истории опричники оставили кровавый след террора, казней, пыток и насилия. Опричники убивали не только мужчин, но так же и детей, женщин насиловали и не гнушались продажей в рабство, выстроив целую сеть покрывающего друг друга террора. Сторонники ревизионизма опричнины строят свою позицию на том, что «террор», с исторической точки зрения, был необходимостью (бояре действительно готовили заговор с целью перехода московского престола хану Перекопских татар), но почти всегда уступают перед своими либеральными противниками, когда тема их дискуссии доходит до «морали» - ведь в сущности, и те, и другие лишь рабы этой грани. Декларируя феномен опричнины не только радикально справа, но прежде всего, из-за границ Добра и Зла, мы говорим, прежде всего, о её метафизическом феномене, о вечном принципе и ценности такого политического орудия, который, несмотря на прошедшие века, будет в будущем вновь необходим новым Псеглавцам - Новым Опричникам Москвы.

«Зло не является злом, если при взгляде на него, Бог смеётся».

3 февраля 2025 г. исполняется 460 лет со дня основания Опричнины, ибо в этот день, 3 февраля 1565, Святой Царь Иван Четвёртый (Грозный) учредил Святую Опричницу. До этого власть находилась фактически в руках Избраной Рады, тобишь в руках бояр. Бояре же, в свою очередь, плели различные интриги, были коррумпированными, ограничивали власть Царя (наместника Божьего на Земле) и фактически хотели погубить его, поставив на место подконтрольного

им князя Владимира (Старицкого). Решив пресечь боярский произвол, Иван Васильевич ввёл Опричнину и создал самый настоящий, боевой, монашеский и, на самом то деле, фашистский орден, подчинявшийся только ему. Как злые языки не говорили бы про Опричников, но нужно знать, что это настоящее, истинно-христианское воинство, достойное прославления и Любви Божьей. Это олицетворение порядка, мудрости, самоотверженности и священного деспотизма. Фактически, это первые русские войска СС.

Но стоит сказать, что Царь ввёл её, как временную меру для наведения порядка. Я же считаю, что Опричнина должна существовать на постоянной основе. Она должна стать новым строем России и буквально образом жизни Русского человека, Русского народа в целом. Нам нужна Новая Опричнина! Тысячелетняя Опричнина!

(Источник: <https://t.me/aht1933>)

ОПРИЧНИКИ - РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОЙСКА «SS» ИВАНА ГРОЗНОГО

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.» – Евангелие от Матфея 10:34.

«Благословляю верных русских людей, подымающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, и проклинаю вас, изменники.» – Святой Патриарх Гермоген.

Личная гвардия Царя Ивана Грозного, созданная им для защиты и очищения Русского Государства и Нации во времена смуты, духовного и национального упадка. Штаб-квартира опричников располагалась в Александровской слободе. Их жизнь подчинялась уставу, который напоминал монашеский и подразумевал ежедневные богослужения, воздержанность и братские трапезы, соблюдение Православной

Христианской традиции. Исключительно дворянский состав опричнины (как титулованной, так и нетитулованной) и принесение личной присяги главе конгрегации позволяет говорить об Опричнине как об орденском образовании — военно-монашеском или военно-политическом ордене опричников. Своего рода первый православный военно-монашеский орден, похожей по укладу и идеологии была лишь румынская «Железная Гвардия» или «Легион Михаила Архангела» Кордяну, появившийся в двадцатом столетии.

Не зря слово «опричник» стало нарицательным, для тех, кто жестоко борется с революционерами. Призванные спасти государство от полного краха во времена, когда боярская «прогрессивная» элита была поражена ересью жидовствующих, предавших Православное Христианство и была подчинённая антирусским интересам западных держав, несомненно они сохранили, укрепили и очистили Русь, что позволило Ивану Грозному провести реформы и реорганизовать царство, сбросив старую феодальную систему и централизовав власть, не позволив внутренним и внешним врагам разложить его. Сейчас их бы назвали «эсесовцами» за характерную форму одежды, жестокость к врагам Нации, аскетичный образ жизни и преданность национальной традиции. Как утверждали ливонские дворяне Таубе и Крузе, «Опричники должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны».

С точки зрения геногеографии — границы Опричнины совпадали с центром расового ядра русского народа, русского суперэтноса. Символами опричнины выступали метла и пёсся голова. Пёсся голова использовалась ещё в античной Греции у киников. Иван Грозный, как человек очень образованным, безусловно, не мог этого не знать. Метла же чисто русский символ очищения.

Основной сюжет росписи храмов Александровского Кремля — ангелология и демонология. Ангелы и демоны ведут на стенах непримиримую борьбу и несут на своих лицах характерные расовые признаки. Такие вот «войска СС». Кстати, немцы в них тоже состояли, по приглашению самого Ивана Васильевича. Интересный факт — во времена смуты, уже после смерти Ивана Грозного, поляки, несмотря на все усилия, не смогли взять Александров.

Продолжателями традиций опричников можно считать черносотенцев, особенно активных во время еврейских погромов в Российской Империи и первой революции, которую черносотенцы несомненно подавили. Опричники стали примером и символом всех последующих русских национальных и фашистских движений, они не просто спасли русское государство, позволив его объединить, как связку или Фашину, вокруг Русского Царя и Православной Веры, но и очистили Русскую Нацию от внешних и внутренних паразитов, такая их аскетичность, орденский уклад, монашеский образ жизни, самопожертвование и преданность Царю, жестокость к врагам Нации, стала близка всем фашистам и националистам, которые брали с них пример. Истоки Русского Фашизма лежат именно в Русской Опричнине. Опричнина - это то, чего сегодня очень не хватает России и Русской Нации.

(Источник: <https://t.me/NashPut83>)

БРЕМЯ ИАФЕТА

«Живо и жизненно в религии только то, что есть в культе, а отмирает или нежизнеспособным является то, чего нет в культе» (о.С.Булгаков). Можно много «теоретизировать» на темы Арио-Христианства, и сии «теории» могут быть весьма основательными и глубокими, но *ежесли догма «арио-центричности» Христианства не обретёт своего отпечатления в «культовой практике» Церкви, то ей грозит означенная «нежизнеспособность»...* Достойно и праведно в сей связи обратить внимание на «литургическую тему» т.наз. Недели Святых Отец, воскресенья предшествующего празднованию Рожества Христова. Се – *единственный день в Богослужебном годовом цикле Православия, когда поминается св. праотец Иафет...* В самом деле, в том корпусе богослужебных книг, что существует на сегодня в Православии, единственное упоминание Иафета присутствует в службе этого дня... Причём, присутствует в какой-то мере, как бы «походя»: так, св. Иафет упоминается в тексте светильна по второй кафисме на Утрене... Некогда мы предлагали, основываясь на сем упоминании Праотца нашего Рода в Службе Праздника, именно Неделю Святых Отец *преобразовать* в некое *сугубо «арийское торжество»*. Разумеется, подобная «реформа» Богослужения, аще таковая состоится, есть дело некоего «будущего», и она не под силу одной Общине, пусть даже и столь «продвинутой», как наше Братство... Но по-сильно приуготовлять *«Арио-христианскую Реформацию» Православия* – даже и нам вполне возможно...

О «Бремени Иафета» сказано в Писании: «И сказал <св. Праотец Ной>: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. Потом сказал: благословен Господь Бог Сима; Ханаан же будет рабом ему. Да распространит Бог Иафета(Арийцев), и да вселится он в шатрах Сима; Ханаан же будет рабом ему» (Быт. 9, 25-27). Тг-канал РФО «Память» «Наш Путь» пред-

лагает примечательное толкование сего пророчества: «Св. праотец Иафет, в соответствии со своим именем (הַיָּפֵן «Йафет») — «красота» (от יָפֵה «яфэ» — «красивый»), а также «распространение», «расширение» (от глагола פָּתַח «пата» — «давать простор»), — это прародитель народов, которые призваны умножать красоту и гармонию, а также очень широко разселяться на Земле, сохранять в течение целых эпох преобладание, господствующее положение в мировой цивилизации. Потомками Иафета была создана великая древнегреческая цивилизация, которую распространяла по разным странам империя Александра Македонского, а затем и Римская империя. Сим родился, когда Ною было около 500 лет. Согласно Книге Бытия, братья сопровождали Ноя в ковчег во время Всемирного потопа (Быт. 7, 7). Они также присутствовали с ними во время последующего завета с Богом (Быт. 9, 8). Как отдельная личность Сим появляется только в Быт. 9:20—27 в эпизоде с опьянением Ноя, когда скромное поведение Сима и его брата Иафета резко контрастировало с поведением Хама. Благословение Ноем Сима интерпретируется как благословение Израиля. Этот отрывок отождествляет Сима с будущим народом Израиля. Сим получил в наследство Землю Израиля. Потомки Сима (семиты) вышли из-под благословения Ноя и были прокляты Богом после казни Иисуса Христа. «Се оставляется дом ваш пуст!» (Мф. 23, 38). Означают эти слова, что иудеи — богоотверженный народ, ведь понятие пустой изначально в славянском языке подразумевало — оставленный Богом благодатью» (<https://t.me/NashPut83>).

«Если мы предположим существование первоначального Учения, которое не авраамоцентрично (a-brahm, без души), противоположно иудаизму и связано с Божественным Родом Пришедших со Звезд, то какова могла быть его стержневая идея? Не отражена ли она в словах Евангелия от Матфея «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделят одних от дру-

гих, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую». Не заключается ли сущность его в сегрегации? Известно, что Кровь есть носитель Духа, так не должны ли мы хранить Дух Божий в себе через сохранение крови? И о какой Крови идет речь? Подобный мотив появляется в «Хрониках Ура-Линда» (Ш.8-9): 8. Не вмешивайтесь в дела народов Лиды и Финды (желтая и черная расы), Вр-Альда (Всевышний) будет помогать им. И любой вред, который вы причините им, падет на ваши головы. 9. Если они придут к вам за советом или помощью, то вам надлежит помочь им; но если они будут грабить вас, то сражайтесь с ними огнем и мечом». Воистину, настоящей мудростью и истинным гуманизмом проникнуты строки эти. Забвение расового учения можно записать на счет утраты исторического преемства в следствие репрессий и фальсификаций... Жизненная цель и жизненное занятие каждой женщины героической расы - желание стать прародителем божественно красивого рода героев сильных строителей, воинов-меченосцев, мудрых священников, созидаательных художников и грациозных женщин, которые всегда смогут заново расплодить этот род во веки веков!» (барон Йорг Ланц фон Либенфельс).

При этом, отнюдь не должно покушаться на «Ветхий Завет», и на «праотцев» онаго Завета. Не должно «отвергать» св. праотца Авраама и ту «праотеческую» генеалогическую линию, что исходит от него. Да не будет!... Пусть «шатры Симовы» (Быт. 9, 27) пребывают непозыблемы. Не «*приуменьшишь смысловой объём Священного Предания* мы предполагаем, но напротив – «*приумножисть*». Приумножить за счёт «ветхозаветного» наследия Арийских народов, *жребия Иафетова...* Важно уразуметь: у *каждого христианского народа имеется свой «ветхий завет»*. Даже с точки зрения, «бibleйского родословия», праотцы всех Белых народов исповедовали *ту же веру в Единого Бога*, что и Авраам. Родословия всех Белых народов восходят к праотцам, древнейшим

Авраама: к св. Ною, св. Еноху, св. Сифу, etc. А ежели «выйти за библейские рамки», то явственным окажется, что *все* «священные писания» всех Белых народов (будь-то Веды, Авеста, Законы Ману, Старшая Эдда и т.п.) в основе своей несут *то же самое Божественное Откровение о Белом Христе...* Дольмены и менгирсы, сакральные лабиринты Севера Европы в «идее» своей строго тождественны Христианским Храмам Востока и Византии... «Вспомнит разбуженный кромлех – Русскую веру в Христа» (А.Широпаев). Истинно так! Посему, Белым арио-христианам в преддверии Рожества Белого Христа, достойно и праведно молитвенно воспомянуть всех праотцев нашего, *Арийского рода*, под какими бы именами они не являли себя в праистории и в мифах: Зевса и Аполлона, Одина и Тора, Славена и Руся, Геракла и Энея и множество иных... Помянуть Иафетово «пространное одержание» (св. Андрей Критский), т.е. Имперскую миссию, то «бремя Белого человека», что Промыслом Божиим возложено именно на нашу Расу. *Сам же Бог мира да освятит священный Род наши во всей его полноте, да дух, душа и тело Белой Расы во всей целости да сохранятся без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1Фес. 5, 23). Да сохранится и «пространное одержание» предреченное расе Иафета. Наше Имперское бремя. «Бремя Империи, / Бремя Иафета. / Наши мистерии – / Солнца и Света. / Славься же Княже, / Славою Отчей. / Встанем на страже / Крови и Почвы. / Белая раса – Верность до Смерти. / Ярого Спаса Ярые дети. / Будут мистерии / Сильных и смелых. / Бремя Империи – / Только для Белых» (Сергей Яшин).

о.Р.Б.